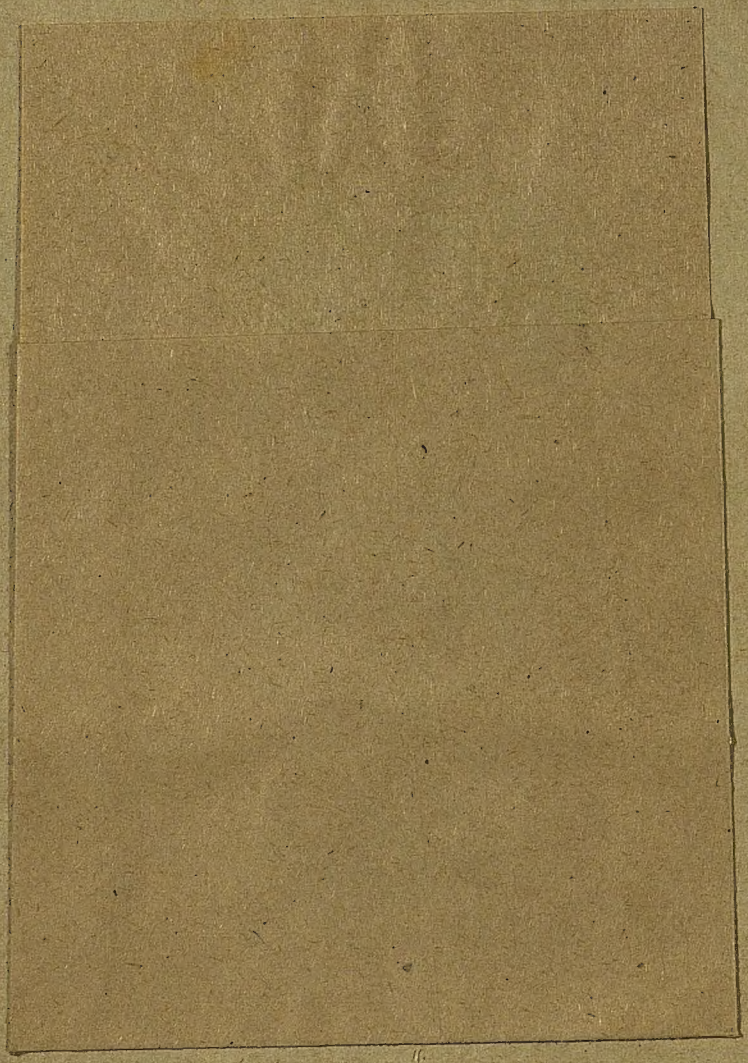
Русская Старина

№ 9.

1905 г.



12-7-21

5 Сентябрь

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. СЕНТЯБРЬ 1905 годъ.

Книга на дом не выдается

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Обзоръ политическихъ событій съ 28 декабря 1877 г. по 15 апрѣля 1878 г. . . . . 493—539

II. Записки протоіерея Пѣвницкаго . . . . . 540—579

III. За шестьдесятъ лѣтъ. Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова . . . . . 580—608

IV. Записки Иркутскаго жителя (И. Т. Калашникова). Сообщ. В. Л. Модзалевскій . . . . . 609—646

V. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго . . . . . 647—684

VI. Историческіе и бытовые очерки западной старины. Наполеонъ на бортѣ „Нортумберланда“. . . . . 685—704

VII. Листки изъ воспоминаній баронессы дю Монте . 704—737

VIII Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Протоіерея Пѣвницкаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгѣ г. Кузмина приведено очень много мнѣній о войнѣ, и мы познакомимъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Войнѣ даются различныя опредѣленія. Такъ Кантъ сказалъ: „Война есть свойственное естественному состоянію народовъ, обусловливаемое лишь печальною необходимостью, средство—возстановлять свое право при помощи силы; здѣсь ни одна изъ сторонъ не можетъ заранѣе объявляться неправою, а только исходъ войны рѣшаетъ, на какой сторонѣ право.

По мнѣнію Влад. Соловьева, смыслъ войны не исчерпывается ея отрицательнымъ какъ зла и бѣдствія; въ ней есть и нѣчто положительное—не въ томъ смыслѣ, чтобы она была сама по себѣ нормальна, а лишь въ томъ, что она бываетъ реально необходимой при данныхъ условіяхъ.

Прудонъ говоритъ: „война есть существенное условіе нашей человѣчности,' она есть нашъ жизненный, нравственный законъ; прогрессъ въ наукахъ и правахъ измѣняетъ только предметъ и форму войны, но она есть настолько же фактъ цивилизаціи, насколько и варварства, и что съ какой бы стороны на нее ни смотрѣли, она есть грандіозное проявленіе нашей индивидуальной и общественной жизни".

Мартенсъ признаетъ, что война страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою. Она является для народовъ какъ средствомъ пріобрѣтенія условій физическаго существованія, такъ и щитомъ ихъ національной чести и славы.

Э. Жирарденъ сказалъ: война есть убійство, война есть грабежъ, которымъ вмѣсто эшафота строятъ тріумфальныя ворота. Война есть легальная непослѣдовательность; она есть такое состояніе, гдѣ общество приказываетъ то, что запрещаетъ, и запрещаетъ то, что приказываетъ; награждаетъ то, что наказываетъ, и наказываетъ то, что награждаетъ; прославляетъ то, что клеймитъ позоромъ, и опозориваетъ то, что прославляетъ; фактъ остается одинъ и тотъ же, только названіе этому факту мѣняется.

Причины возникновенія войнъ и ихъ цѣль опредѣляются различно. Цицеронъ говоритъ: „война несправедлива, если она предпринимается безъ достаточныхъ основаній, не объявляется публично и если ей не предшествовали предварительныя требованія объ удовлетвореніи".

Леверъ замѣчаетъ: борьба лежитъ въ основѣ всего живущаго. Всѣ силы природы находятся въ постоянной борьбѣ между собою, стремясь къ созданію новаго и болѣе совершеннаго путемъ разрушенія стараго и отжившаго. Таковъ основной законъ природы; человѣчество, составляя часть ея, въ своей дѣятельности подчиняется тому же закону. Вотъ почему войны были и будутъ.

Войска терпятъ бѣдствія всякаго рода,—сказалъ Сенека,—питаются дикими кореньями, а часто испытываютъ неописуемый голодъ. И все это лишь для того, чтобы завоевать царство, и при томъ—всего удивительнѣе—чужое царство.

Французскій юристъ Готефель говоритъ, что народъ не можетъ оставить безнаказаннымъ покушеніе на свои права, на свою независимость, на свою честь, не признавъ превосходства надъ собою оскорбителя, не переставъ быть ему равнымъ и, слѣдовательно, не лишивъ себя существенныхъ условій національности. Если права одного народа не признаются другимъ, если угрожаютъ независимости народа, оскорбляютъ его честь и онъ не можетъ получить справедливаго удовлетворенія путемъ мирнымъ, то обязанъ прибѣгнуть къ оружію и воевать съ оскорбителемъ.

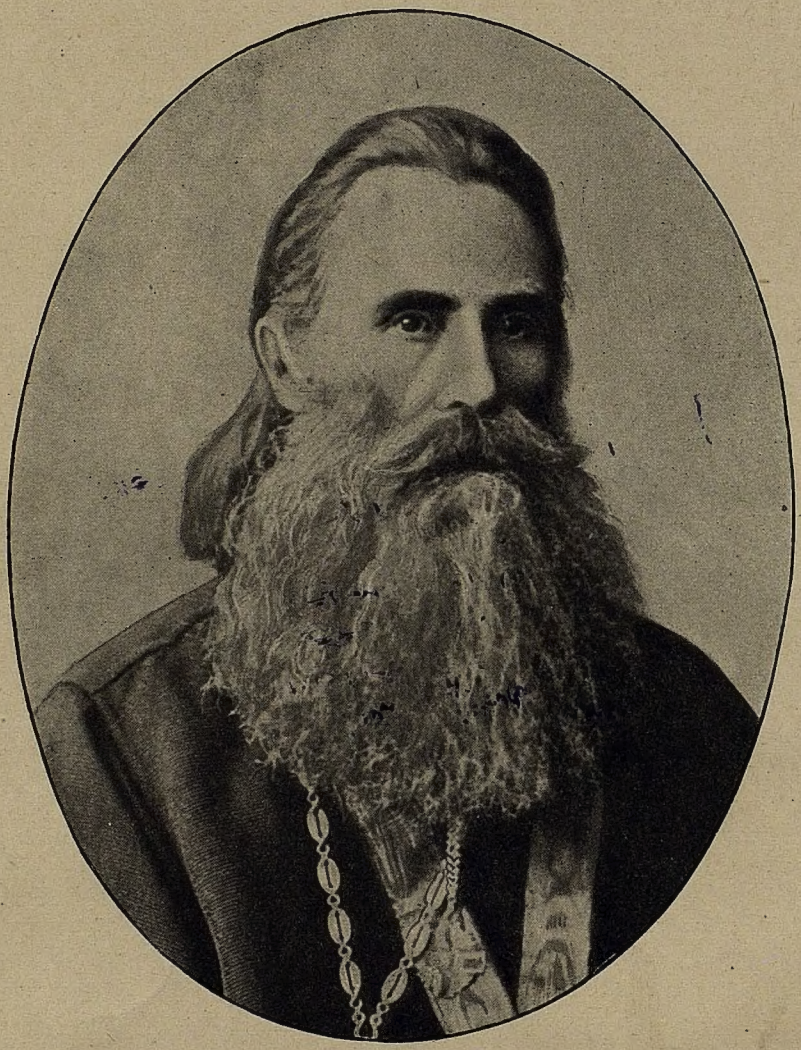
Вотъ мнѣніе императора Франца-Іосифа: кто въ настоящее время можетъ желать войны,—никто! Не можетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, по крайней мѣрѣ, я не думаю. Не знаю, кѣмъ было сказано, будто войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной.

Н. Сухотинъ замѣчаетъ: наша военная исторія свидѣтельствуетъ, что война всегда и во всѣ времена, стихійно и сознательно, почиталась у насъ дѣломъ священнымъ, великимъ и важнымъ актомъ въ жизни государства. Война всегда была у насъ дѣломъ народнымъ: война всегда была войною „за вѣру, царя и отечество" въ широкомъ и глубокомъ значеніи этихъ священныхъ словъ. Въ силу этого, въ нашей исторіи находимъ непреложное свидѣтельство тому, что всякой самостоятельно веденной войнѣ, и въ особенности, въ послѣднія столѣтія, предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ усилій и попытокъ добиться удовлетворенія политическихъ интересовъ и требованій, въ данную минуту признающихся насущными для государства, иными, мирными путями; только послѣ того, какъ эти пути оказывались не ведущими къ цѣли, у насъ обращались къ войнѣ. Правда, что иногда эти интересы могли быть ошибочно понимаемы или ихъ насущная потребность неправильно оцѣниваема, но никогда не сказывалось явнаго и сознательнаго пренебреженія собственно интересами народа и государства.

По мнѣнію Прудона, главная, всеобщая, неиз-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. Спб., 22 августа 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.



Протоіерей

Пѣвницкій.

Центральная Рабочая
библиотека Читинского совета
Профессиональных Союзов.

Обзоръ политическихъ событій съ 28-го декабря 1877 г. по 15-е апрѣля 1878 года.

Начало переговоровъ о перемиріи и мирѣ.—Три различныхъ періода.—Подписаніе перемирія и основныхъ условій мира.—Опасенія за вооруженное вмѣшательство Англіи.—Предположенія о занятіи Царьграда.—Санъ-Стефанскій договоръ и его послѣдствія.

Для удобства изложенія переговоровъ великаго князя главнокомандующаго съ турками, начавшихся 28-го декабря 1877 года, можно раздѣлить ихъ на три періода:

первый періодъ съ 28 декабря 1877 года по 19 января 1878 года;

второй періодъ съ 19 января по 19 февраля того же года и, наконецъ:

третій періодъ съ 19 февраля по 15 апрѣля 1878 года.

Поименованные періоды соотвѣтствуютъ слѣдующему положенію дѣлъ:

Въ первомъ періодѣ, т. е. до 19-го января 1878 г., не встрѣчается препятствій къ занятію проливовъ и Царьграда, но императорскій кабинетъ не желаетъ подобной развязки и не разрѣшаетъ овладѣть проливами, несмотря на положительныя заявленія главнокомандующаго въ пользу этого предпріятія.

Во второмъ періодѣ затрудненія къ занятію проливовъ и Царьграда съ каждымъ днемъ все болѣе возрастаютъ, но императорскій кабинетъ, напротивъ того, начинаетъ обнаруживать склонность къ ихъ захвату.

Въ третьемъ періодѣ, послѣ заключенія С.-Стефанскаго мира, занятіе Босфора представляетъ непреодолимыя затрудненія. Между тѣмъ, государь требуетъ отъ главнокомандующаго осуществленія именно этой, отнынѣ уже невыполнимой, задачи. Это обстоятельство вызываетъ назначеніе новаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Тотлебена, который, въ свою очередь, прибывъ на мѣсто расположенія арміи, признаетъ предпріятіе противъ Босфора и Константинополя невозможнымъ.

Итакъ по вопросу о занятіи проливовъ и Царьграда можно замѣтить, что до 19-го января оно, по мнѣнію главнокомандующаго, является дѣломъ возможнымъ. До 19-го февраля оно является желательнымъ, но затрудненія къ исполненію возрастаютъ. Наконецъ, послѣ 19-го февраля главнокомандующему предлагается къ исполненію задача, которая успѣла обратиться въ неразрѣшимую.

Первый періодъ съ 28-го декабря 1877 г. по 19-ое января 1878 г.

28-го декабря великій князь, главнокомандующій, находясь въ Ловчѣ, получилъ изъ Константинополя отъ турецкаго военнаго министра Реуфа-паши телеграмму, извѣщавшую его высочество, что Махмету Али-пашѣ высланы полномочія и инструкціи для заключенія перемирія. Появленіе русскихъ войскъ на южномъ склонѣ Балканъ вразумило наконецъ блистательную Порту и склонило ее вступить съ побѣдителемъ въ переговоры. Великій князь отвѣчалъ, что о перемиріи не можетъ быть и рѣчи безъ предварительнаго принятія Портой основаній мира, и просилъ государя императора поспѣшить присылкой инструкціи. Телеграмма великаго князя къ государю императору изъ Ловчи 28-го декабря 1877 г. была слѣдующаго содержанія:

„Сію минуту получилъ открытую телеграмму изъ Константинополя отъ военнаго министра Реуфа-паши отъ вчерашняго 27 числа. Онъ увѣдомляетъ, что румелійскому главнокомандующему Махметъ-Али послано уполномочіе просить у меня перемирія и спрашиваетъ, съ кѣмъ ему вести переговоры. Я отвѣтилъ Реуфъ-пашѣ, какъ съ тобой было условлено, что уполномоченный долженъ быть присланъ ко мнѣ и что не можетъ быть и рѣчи о перемиріи безъ предварительнаго принятія основаній мира. Поэтому убѣдительно прошу о немедленной присылкѣ мнѣ инструкцій по телеграфу“.

Вслѣдъ затѣмъ во всѣ наши отряды начали являться турецкіе парламентеры съ приказаніемъ отъ своего военнаго начальства вступить въ соглашеніе съ нашими властями для приведенія въ дѣйствіе условленнаго, будто-бы, между обоими правительствами перемирія. Между прочимъ въ войскахъ, стоящихъ противъ арміи цесаревича, турки въ теченіе нѣсколькихъ дней отказывались стрѣлять по

нашимъ разъѣздамъ, объявляя, что уже заключенъ миръ. Главнокомандующій не замедлилъ отдать приказаніе вывести турокъ изъ заблужденія и объяснить имъ настоящее положеніе дѣла [1]).

Тѣмъ временемъ 30 декабря великій князь передъ выѣздомъ въ Габрово получилъ отъ Реуфа-паши вторичную телеграмму съ просьбою ускорить отвѣтомъ относительно условій, отъ которыхъ зависитъ заключеніе перемирія. Его высочество отвѣтилъ, что предъявитъ условія лицу, которое будетъ уполномочено Портой принять ихъ и заключить затѣмъ перемиріе.

Въ тотъ же день главнокомандующій получилъ изъ С.-Петербурга нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ имъ нашихъ условій, а по возможности протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ“ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ государь сообщилъ великому князю, что инструкція по поводу предложеній Порты о перемиріи отправлена въ главную квартиру дѣйствующей арміи 21-го декабря [3]).

Сущность предварительныхъ условій мира, препровожденныхъ къ великому князю, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Болгарія, въ предѣлахъ опредѣленныхъ большинствомъ (преобладаніе) болгарскаго населенія и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, избранныхъ по взаимному соглашенію.

2) Независимость Черногоріи, съ расширеніемъ границъ, будетъ признана.

3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана; при чемъ первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное вознагражденіе, а для второй—произведено исправленіе границъ.

4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе. Подобнаго рода реформы будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи.

5) Порта обязуется вознаградить Россію за ея издержки на войну и понесенныя потери (денежно и территоріально).

31-го декабря великій князь переѣхалъ изъ Габрово черезъ Шипкинскій перевалъ въ Казанлыкъ. Наступательныя движенія русскихъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе великаго князя изъ Казанлыка 12 января 1878 года.

[2]) Телеграмма 29 декабря 1877 г.

[3]) Фельдъегерь съ инструкціею прибылъ въ Казанлыкъ 2 января.

войскъ, согласно высочайшей волѣ, энергично продолжались. Здѣсь его высочество получилъ увѣдомленіе о назначеніи уполномоченныхъ Порты Серверъ-паши и Намыкъ-паши, выѣзжающихъ изъ Константинополя 3-го января.

Но султанъ, сознавая грозящую Турецкой имперіи гибель, не довольствовался этимъ изъявленіемъ своихъ миролюбивыхъ намѣреній. Онъ обратился прямо къ государю императору и въ телеграммѣ отъ 1-го января просилъ о перемиріи и о немедленной остановкѣ военныхъ дѣйствій. En déplorant profondement les circonstances malheureuses,—писалъ Абдулъ-Гамидъ,—qui ont amené cette guerre désolante entre les deux Empires, appelés à vivre toujours en bonne harmonie, et désirant ardement voir cesser un moment plus tôt une effusion de sang inutile, qui répugne également aux sentiments d'humanité bien connus de V. M. I. je viens de nommer, conformement à l'entente établie entre mon gouvernement et S. A. I. le Grand Duc Nicolas. Server-Pacha mon ministre des affaires étrangères et Namyk-Pacha, grand diguitaire de l'Empire en qualité de plénipotentiaires, chargés d'arrêter avec S. A. I. le Grand Duc les bases de la paix et les principes de l'armistice. Ces plénipotentiaires partiront après demain, Mardi 15 Janvier pour Kazanlyk. J'espère que V. M. voudra bien en attendant la conclusion de ces negociations, donner les ordres nécessaires pour la cessation des hostilités sur tout le théatre de guerre [1]).

На это письмо изъ Петербурга 3-го января послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Comme V. M. je désire la paix et le rétablissement de bonnes rélations. Mais je ne saurais consentir à une suspension d'hostilités que si la Porte accepte préalablement les conditions auxquelles les commandans en chef, d'après les ordres dont ils sont munis doivent subordonner les conclusions d'un armistice [2]).

---

[1]) „Глубоко скорбя о тѣхъ несчастныхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали печальную войну между двумя имперіями, призванными жить въ мирѣ и согласіи, и горячо желая прекратить какъ можно скорѣе безполезное кровопролитіе, которое оскорбляетъ ваши человѣколюбивыя чувства, я отправилъ моихъ уполномоченныхъ Серверъ-пашу и Намыкъ-пашу, чтобы они вошли въ сношеніе съ его высочествомъ великимъ княземъ для установленія между ними тѣхъ условій, на основаніи которыхъ могли быть опредѣлены основы мира и условія для заключенія перемирія. Эти уполномоченные послѣ завтра, во вторникъ 15-го января, выѣзжаютъ въ Казанлыкъ.

Я надѣюсь, что ваше величество въ ожиданіи заключенія переговоровъ повелите прекратить военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны".

[2]) „Какъ и ваше величество я желаю мира и возстановленія дружественныхъ отношеній. Но я не могу согласиться на прекращеніе военныхъ дѣйствій, доколѣ Порта предварительно не согласится на тѣ условія, которыя будутъ предложены главнокомандующимъ, имѣющимъ указанія относительно заключенія перемирія".

Въ тотъ же день великій князь получилъ отвѣтъ:

„Вчера вечеромъ я былъ крайне удивленъ полученіемъ прямо отъ султана телеграммы о посылкѣ къ тебѣ въ Казанлыкъ двухъ полномочныхъ для заключенія перемирія и мирныхъ переговоровъ. Я тебѣ сегодня же телеграфировалъ, что всѣ эти заявленія не должны ни въ чемъ измѣнять того образа дѣйствій, который былъ тебѣ предписанъ моей инструкціей, посланной отсюда 21-го декабря, и что пока полномочные турецкіе не примутъ безусловно нашихъ предварительныхъ кондицій для мира, о перемиріи и рѣчи быть не можетъ и военныя дѣйствія должны продолжаться со всевозможною энергіею. Да поможетъ намъ Богъ довершить начатое святое дѣло, какъ мы того желаемъ, для пользы и достоинства Россіи“.

5-го января турецкіе уполномоченные прибыли въ Германлы, гдѣ были задержаны генераломъ Скобелевымъ на нѣсколько часовъ до сосредоточенія тамъ всего авангарда генерала Струкова и главныхъ силъ отряда къ Тырнову-Сейменли, съ цѣлью показать уполномоченнымъ всю массу войска въ стройномъ порядкѣ.

7-го января въ 4 часа по полудни турецкіе уполномоченные, Намыкъ и Серверъ-паши, прибыли въ Казанлыкъ съ небольшой лишь свитой и были приняты въ русской главной квартирѣ съ должными почестями.

Въ тотъ же день, 7-го января, великій князь получилъ весьма важную шифрованную телеграмму государственнаго канцлера князя Горчакова (отправлен. изъ Петербурга 5-го января). Императоръ желаетъ, писалъ князь Горчаковъ, что если ваше высочество еще не сообщали туркамъ условія мира, долженствующаго предшествовать заключенію мира, то чтобы вы ихъ спросили: какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, телеграфируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы прійти къ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами не согласна и, если можно, получить отвѣтъ на собственноручныя письма государя въ Вѣну и Берлинъ, сегодня отправленныя.

Полученіе этого новаго высочайшаго повелѣнія отъ 5-го января поставило великаго князя главнокомандующаго въ крайне затруднительное положеніе относительно турецкихъ уполномоченныхъ, такъ какъ содержаніе его шло въ разрѣзъ съ вышеприведенной телеграммой государя султану и съ высочайшими инструкціями заключавшимися въ письмѣ военнаго министра отъ 20-го декабря. Великій князь, подъ впечатлѣніемъ этихъ противорѣчій, приказалъ прервать телеграфное сообщеніе съ Россіей и сказалъ: „Я рѣшилъ все кончить и ужъ тогда донести“.

8-го января въ 11 часовъ великій князь принялъ турецкихъ уполномоченныхъ и, снисходя на ихъ просьбы скорѣе прекратить военныя дѣйствія, приступилъ къ переговорамъ о предварительныхъ основаніяхъ мира.

Согласуясь съ новымъ высочайшимъ повелѣніемъ, великій князь прежде всего старался вызвать турецкихъ уполномоченныхъ на изложеніе ихъ требованій и пригласилъ ихъ сообщить ему приказанія, которыми они были снабжены при выѣздѣ изъ Константинополя.

Они отвѣчали неоднократно, что никакихъ инструкцій на предъявленіе намъ мирныхъ предположеній не получали, но посланы были выслушать сообщенія, которыя будутъ имъ сдѣланы великимъ княземъ. „Мы чувствуемъ себя побѣжденными, говорили они, и султанъ повергаетъ себя на великодушіе государя императора, въ надеждѣ, что условія мира, которыя будутъ ему предписаны, не поколеблятъ достоинства и независимости Порты“.

Это упорство турокъ высказать съ своей стороны какія-либо предположенія вынудило великаго князя сообщить Намыкъ и Серверъ-пашамъ высланныя ему при письмѣ отъ военнаго министра отъ 20-го декабря высочайше утвержденныя условія мира. Во всеподданнѣйшемъ донесеніи великій князь поясняетъ свой образъ дѣйствій еще слѣдующими соображеніями. „Кромѣ практической невозможности отказать турецкимъ уполномоченнымъ въ сообщеніи имъ условій, для подписанія которыхъ они собственно и были вызваны въ главную квартиру, какъ отвѣтомъ Вашего Императорскаго Величества султану, такъ и моей депешей Реуфъ-пашѣ, мнѣ казалось, что и необычайный быстрый ходъ военныхъ событій обязываетъ не затягивать долѣе возможности прекратить военныя дѣйствія. Дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ показало на дѣлѣ, что каждая минута совершенно измѣняетъ военное положеніе. Если наступленіе на Константинополь не входило въ наше соображеніе, то оно могло быть предупреждено только скорымъ заключеніемъ перемирія. Искусственная же затяжка переговоровъ могла только возвести на насъ неблаговидное нареканіе, какъ будто бы намѣренно задерживали въ главной квартирѣ турецкихъ уполномоченныхъ, дабы, обольщая Порту надеждою на мирный исходъ, подступить къ самой столицѣ имперіи“.

Итакъ рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Главнокомандующій передалъ Намыкъ и Серверъ-пашамъ копіи съ утвержденныхъ государемъ основаній мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь пригласилъ уполномоченныхъ какъ можно скорѣе поспѣшить отвѣтомъ на наши предложенія, выставивъ имъ огромную важность для самой Порты возможно раньше остановить наше наступленіе.

Тѣмъ не менѣе турецкое упорство и ослѣпленіе уполномоченныхъ

замедляли дѣло. Прочитавъ предъявленныя имъ требованія, Намыкъ и Серверъ-паши возразили, что ихъ принятіе повлечетъ за собой окончательное распаденіе Турецкой имперіи.

„Напротивъ того, отвѣчалъ великій князь, немедленное согласіе ваше на наши предложенія представляетъ единственный благопріятный исходъ изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія. Государь императоръ не желаетъ разрушенія Оттоманской имперіи. Онъ напротивъ того ищетъ способа возстановить на прочныхъ началахъ дружественныя сношенія съ ней, которыхъ поддержаніе въ выгодахъ обоихъ государствъ".

На вопросъ, сдѣланный пашамъ, могутъ ли они въ случаѣ надобности просить по телеграфу инструкцію изъ Константинополя, великій князь заявилъ имъ, что хотя онъ не препятствуетъ ихъ сношеніямъ съ своимъ правительствомъ, но телеграфное сообщеніе такъ медленно и затруднительно, что до полученія отвѣта пройдетъ непремѣнно 4—5 дней, въ теченіе коихъ положеніе Турціи можетъ еще значительно ухудшиться.

Уполномоченные затѣмъ удалились, обѣщая разсмотрѣть дома предъявленныя имъ основанія мира и какъ можно скорѣе доставить отвѣтъ.

Вечеромъ того же дня (8-го января) великій князь получилъ извѣстіе о бѣгствѣ изъ Адріанополя турецкаго войска и губернатора Джемиль-паши, сына Намыкъ-паши.

На слѣдующій день, 9-го января, уполномоченные просили великаго князя принять ихъ, и его высочество назначилъ имъ вторичное свиданіе въ $12^1/_2$ ч. дня. Паши явились и прочли составленный ими отвѣтъ на наши предложенія, которыхъ большая часть отклонялась, самая малая часть принималась съ оговорками. Но главный пунктъ, касающійся Болгаріи, получалъ вполнѣ неудовлетворительное рѣшеніе, основанное на Лондонскомъ протоколѣ. Записка была возвращена туркамъ въ тотъ же вечеръ съ объясненіемъ, что мы никакихъ измѣненій въ нашихъ требованіяхъ допустить не можемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь заявилъ уполномоченнымъ Порты, что онъ не можетъ входить ни въ какіе переговоры о мирѣ, а долженъ требовать согласія или несогласія на наши предложенія.

— Мы согласны на всѣ пункты, сказали турки, но возведеніе Болгаріи въ автономную провинцію есть разрушеніе цѣлости имперіи. Послѣ этого власть султана на Босфорѣ не будетъ имѣть причины существованія и намъ останется только уйти въ Азію.

Тщетно его высочество старался убѣдить ихъ въ неизбѣжности послѣ всего совершившагося измѣнить радикально судьбы христіанскаго населенія Турціи.

Паши настаивали на томъ, что не уполномочены на таковую уступку, тѣмъ болѣе, что требованіе нами реформъ для всѣхъ христіанскихъ областей наноситъ мусульманскому владычеству окончательный ударъ.

„Но если вы не согласитесь на наши предложенія, сказалъ великій князь, войска мои будутъ безостановочно идти до Константинополя. Внутреннее движеніе, подобное тому, которое привело насъ безъ выстрѣла къ Адріанополю, можетъ открыть намъ и ворота вашей столицы; власть султана будетъ окончательно поколеблена, имперія будетъ въ опасности".

— Пусть же она погибнетъ, отвѣчалъ съ отчаяніемъ Намыкъ, лучше намъ умереть отъ насилія, чѣмъ подписывать самимъ наше собственное паденіе.

— Мы не уполномочены согласиться на автономію Болгаріи, прервалъ болѣе спокойный Серверъ, наши инструкціи не предвидѣли подобнаго требованія (значитъ, инструкціи были. А они говорили, что имъ ихъ не давали).

Вслѣдъ за симъ уполномоченные стали просить великаго князя дать имъ срокъ для испрошенія новыхъ инструкцій, присовокупивъ, что если султанъ прикажетъ имъ согласиться на наши требованія, они сейчасъ же ихъ примутъ, но взять на себя этого не могутъ.

Его высочество старался еще убѣдить ихъ, что въ критическія минуты государственный человѣкъ долженъ умѣть взять на себя большую, тяжкую отвѣтственность, если подобный подвигъ гражданскаго мужества можетъ спасти отъ гибели его отечество. На возобновленное затѣмъ требованіе немедленнаго отвѣта, уполномоченные просили дать имъ 2 часа срока на окончательное размышленіе и тщательное изученіе смысла своихъ инструкцій. Въ 4 часа они явились съ отвѣтомъ, что не считаютъ себя въ правѣ принять перваго пункта нашихъ предложеній и должны донести объ этомъ султану, испросивъ его приказаній.

На это, послѣ новыхъ продолжительныхъ увѣщеваній, великій князь вынужденъ былъ объявить уполномоченнымъ, что обязанъ, по военнымъ соображеніямъ, перевести главную квартиру впередъ, и потому считаетъ переговоры на прежнихъ условіяхъ прерванными; о дальнѣйшемъ же рѣшеніи сообщитъ черезъ часъ.

Просмотрѣвъ еще разъ текстъ высочайшей инструкціи, великій князь пришелъ къ заключенію, что при ежечасно мѣняющихся военныхъ событіяхъ, намъ одинаково желательно не прекращать окончательно переговоровъ съ турками и сохранить свободу нашихъ дѣйствій на тотъ случай, если государь изволитъ признать необходимымъ

измѣнить текстъ нашихъ предложеній или принять относительно судьбы Турецкой имперіи другое рѣшеніе.

Руководствуясь этими соображеніями, главнокомандующій послалъ сказать турецкимъ уполномоченнымъ, что, не желая окончательно прерывать переговоры, онъ беретъ на себя разрѣшить имъ донести о совершившемся султану и ожидать его отвѣта въ русской главной квартирѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь присовокупилъ, что наступательное движеніе войскъ не будетъ остановлено и что онъ принужденъ будетъ представить обо всемъ государю императору и ожидать новыхъ указаній; сверхъ того имъ было заявлено, что если теперь заявленныя нами требованія и были бы приняты Портой, то главнокомандующій не можетъ на нихъ согласиться до полученія новыхъ инструкцій изъ Петербурга.

Намыкъ и Серверъ-паши съ благодарностью приняли эти предложенія, сознавая вполнѣ, что какъ они не считаютъ себя въ правѣ идти дальше указанныхъ имъ предѣловъ, такъ и великій князь былъ обязанъ ожидать для дальнѣйшихъ переговоровъ съ ними новыхъ повелѣній государя.

Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней военное и политическое положеніе наше совершенно измѣнилось. Предстоящее занятіе Адріанополя, неописанная паника и бѣгство турецкаго населенія невольно открывали намъ дорогу къ Царьграду. Это обстоятельство побудило великаго князя испросить 9-го января по телеграфу высочайшихъ указаній, какъ поступить въ случаѣ подхода къ Константинополю, а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ.

2) Если будетъ иностранный десантъ въ Константинополѣ.

3) Если будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ и

4) Какъ отнестись къ Галипополи, съ англичанами или безъ англичанъ? [1]).

Получивъ 10-го января извѣстіе о занятіи безъ выстрѣла Андріанополя [2]), великій князь донесъ государю, что надѣется къ 15-му января прибыть въ этотъ городъ; относительно же своихъ будущихъ предположеній сообщилъ по телеграфу слѣдующее: „турецкое населеніе, уничтожая свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогѣ гибнутъ тысячами. Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ об-

[1]) Отвѣтъ на эту телеграмму отъ 12-го января былъ полученъ 17 января.
[2]) 8-го января.

стоятельствахъ невозможно уже теперь остановиться и, въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда и тамъ покончить предпринятое тобой святое дѣло. Сами уполномоченные говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены и намъ не остается ничего другаго, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галипополи, гдѣ находится турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ англичанъ и при окончательномъ разсчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ.

Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ [1]).

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 12-го января изъ Казанлыка великій князь снова возвращается къ мысли о необходимости занятія Царьграда и проливовъ.

„Если роковое ослѣпленіе и нерѣшительность Оттоманской Порты привели ее на край погибели и вынуждаютъ насъ нанести ей окончательный ударъ, то можетъ быть при имѣющихъ неизбѣжно возникнуть политическихъ осложненіяхъ намъ будетъ выгодно имѣть въ своихъ рукахъ столь цѣнный залогъ, какъ Константинополь и берега Босфора. Онъ послужитъ намъ и къ огражденію нашей безопасности въ Черномъ морѣ, въ случаѣ могущаго произойти столкновенія съ одной изъ морскихъ державъ. Безъ сомнѣнія, для полнаго обезпеченія нашихъ интересовъ на востокѣ и въ особенности для предупрежденія захвата въ чужія руки необходимаго намъ выхода изъ Чернаго моря въ Средиземное—неизбѣжнымъ дѣлается вмѣстѣ съ движеніемъ на Константинополь и занятіе Галипополи и Дарданеллъ. Мнѣ не безызвѣстно, къ какимъ осложненіямъ можетъ повести направленіе нашихъ силъ на этотъ пунктъ. Но въ виду опасности его перехода въ враждебныя руки я считаю себя обязаннымъ сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы предупредить разрѣшеніе этого вопроса въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ. Отъ воли Вашего Императорскаго Величества будетъ зависѣть, по соображеніи съ неизвѣстными мнѣ политическими обстоятельствами, предписать мнѣ образъ дѣйствія, который вы изволите признать наиболѣе для насъ выгоднымъ“.

14-го января великій князь прибылъ въ Адріанополь; христіанское населеніе города встрѣтило главнокомандующаго восторженно. Наши передовыя войска, занявъ Киркилису, Баба-Эски, Хаскіой и Демотику, безостановочно продолжали наступательное движеніе къ Царьграду.

Въ тотъ же день великій князь телеграфировалъ государю: „По

---

[1]) Депеша изъ Казанлыка отъ 10-го января.

теперешнимъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, было бы полезнымъ приготовить къ отправкѣ изъ Севастополя, на судахъ общества пароходства и торговли, одну дивизію 10-го корпуса съ 3-мя 9-ти фунтовыми батареями, съ тѣмъ, чтобы по моему усмотрѣнію можно было высадить ее на томъ мѣстѣ, которое найду необходимымъ и удобнымъ".

Государь императоръ отвѣчалъ 18-го января слѣдующее:

„Приказалъ составить соображеніе о средствахъ для амбаркаціи одной дивизіи въ Севастополѣ; но, признаюсь, не думаю, возможно ли рѣшиться на подобное предпріятіе въ виду турецкаго флота. Притомъ желаю знать цѣль и мѣсто высадки".

Великій князь получилъ эту телеграмму 21-го и отвѣчаетъ:

„13-го января я полагаю посадить на суда и двинуть къ Босфору къ тому времени, когда, въ случаѣ непринятія Портою мирныхъ основаній, военныя дѣйствія привели бы насъ съ сухаго пути къ Царьграду и Босфору. Полагалъ высадить эту дивизію на Малоазіатскій берегъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на Скутари".

Перенесеніе главной квартиры изъ Казанлыка въ Адріанополь и затрудненія, сопряженныя въ едва очищенномъ отъ непріятеля краѣ, съ неисправностью телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній, замедлили нѣсколько ходъ переговоровъ съ турками. Не получая въ теченіе недѣли отвѣта на отправленную ими изъ Казанлыка въ Константинополь телеграмму для испрошенія разрѣшенія принять безусловно предложенныя нами условія мира, турецкіе уполномоченные просили великаго князя по прибытіи въ Адріанополь отправить черезъ наши аванпосты письменный запросъ Портѣ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Письмо это было послано 16-го января. На другой день, 17-го января, въ 2 часа по полудни великій князь получилъ отъ государя императора телеграмму отъ 12-го января, которою предписывалось главнокомандующему дать турецкимъ уполномоченнымъ трехдневный срокъ для окончательнаго безусловнаго принятія или непринятія нашихъ предложеній. Въ случаѣ, если наши условія не были бы приняты турками, государь императоръ повелѣлъ: рѣшить вопросъ подъ стѣнами Константинополя. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій получилъ также отвѣтъ на вопросные пункты, представленные имъ въ телеграммѣ отъ 9-го января [1]).

„Въ разрѣшеніе представленныхъ тобою на этотъ случай 4-хъ вопросовъ, телеграфировалъ государь императоръ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ

---

[1]) Телеграмма изъ Петербурга до Адріанополя шла шесть дней.

войти въ дружественныя соглашенія съ начальникомъ эскадры относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ

По 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галиполи. Англія съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галипопольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на Галипопольскомъ полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галиполи".

„Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ".

Такимъ образомъ высочайше повелѣно главнокомандующему въ Константинополь вступить лишь въ такомъ случаѣ, если объ этомъ будутъ просить сами жители или представители другихъ державъ, Галиполи же не занимать ни въ какомъ случаѣ.

Но обстоятельства не позволяли дѣйствовать согласно высочайшимъ повелѣніямъ, изложеннымъ въ телеграммѣ отъ 12-го января.

Едва великій князь успѣлъ передать турецкимъ уполномоченнымъ требованіе: представить рѣшительный отвѣтъ къ утру 21-го января, какъ они получили наконецъ телеграмму изъ Константинополя отъ 12-го января, вслѣдствіе которой уполномоченные немедленно просили у его высочества свиданія. Великій князь назначилъ аудіенцію въ полдень 18-го января.

На вопросъ великаго князя, при появленіи уполномоченныхъ, какой отвѣтъ принесли они ему, Намыкъ-паша отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ:

Nous avons reçu les instructions de la Porte. Elles peuvent être résumés ainsi: votre armée est victorieuse, votre ambition est satisfaite et la Turquie est déstruite [1]).

[1]) Мы получили инструкціи отъ Порты. Онѣ сводятся къ слѣдующему: ваша армія побѣдоносна; ваше честолюбіе удовлетворено; но Турція погибла. Всеподданнѣйшее донесеніе главнокомандующаго 22-го января.

Великій князь отвѣчалъ ему, что принятіе нашихъ условій напротивъ того спасаетъ Турцію отъ неминуемой гибели, такъ какъ наши аванпосты уже въ виду линій укрѣпленій Константинополя.

Уполномоченные стали просить немедленно остановить дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ, предлагая подписать какъ можно скорѣе протоколъ о состоявшемся соглашеніи на счетъ основаній мира, и вслѣдъ затѣмъ начали переговоры о перемиріи. Но, исполняя въ точности волю государя, великій князь заявилъ уполномоченнымъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не прекратитъ военныхъ дѣйствій прежде подписанія условій перемирія. Для скорѣйшаго же приведенія къ окончанію этого дѣла, имъ было предложено приступить немедленно къ составленію конвенціи съ тѣмъ, чтобы она могла быть подписана одновременно съ протоколомъ. Вслѣдъ затѣмъ великій князь назначилъ тотчасъ делегатами съ своей стороны начальника штаба дѣйствующей арміей генерала-адъютанта Непокойчицкаго и помощника его свиты его высочества генералъ-маіора Левицкаго. Со стороны турокъ уполномочены были: дивизіонный генералъ Наджибъ-паша и бригадный генералъ Османъ-паша, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ нашемъ учебномъ баталіонѣ, а впослѣдствіи военнымъ агентомъ въ С.-Петербургѣ.

Въ тотъ же день, 18-го января, великій князь получилъ первое увѣдомленіе отъ государственнаго канцлера о вмѣшательствѣ Англіи въ переговоры наши съ Оттоманской Портой и о намѣреніи ея ввести свой флотъ въ Дарданеллы. Горчаковъ телеграфируетъ отъ 14-го января: Schouwalof télégraphie du 12: situation devenus très mauvaise. Il ne s'agit plus seulement d'entrée flotte et de Galipopoli mais de rupture imédiate avec nous [1]).

Вечеромъ 18-го января приступлено было къ составленію проекта перемирія, а равно и протокола объ основаніяхъ мира. Подписаніе обоихъ актовъ было назначено на 19-ое января въ 5 часовъ по полудни.

Повидимому, турецкимъ уполномоченымъ предписано было принять безусловно и безъ замедленія всѣ наши предложенія. Они пытались нѣсколько смягчить или выразить болѣе опредѣленно нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ требованій, но встрѣтили со стороны великаго князя полную рѣшимость строго придерживаться полученнаго изъ Петербурга текста, который введенъ дословно въ протоколъ. Его высочество счелъ нужнымъ только требовать совершеннаго оставленія турецкими войсками Болгаріи, такъ какъ сохраненіе за ними права

[1]) Шуваловъ телеграфируетъ отъ 14 января: положеніе дѣлъ скверно; теперь идетъ рѣчь уже не о флотѣ и Галипополи, но о немедленномъ разрывѣ съ нами.

пребыванія въ нѣсколькихъ пунктахъ постановлено было въ скобкахъ, какъ уступка, которую въ случаѣ надобности можно было бы сдѣлать. Вопросъ этотъ не представилъ особыхъ затрудненій. Турки равнымъ образомъ согласились безъ противорѣчія на очистку Дунайскихъ крѣпостей и Эрзерума. Но опредѣленіе въ конвенціи о перемиріи стратегическихъ пунктовъ, которые въ видѣ гарантіи должны были быть очищены турками и заняты нашими войсками, встрѣтило болѣе препятствій.

Линія Константинопольскихъ укрѣпленій между Деркосомъ и Буюкъ-Чекмедже, составляющая послѣдній оплотъ турецкой столицы, была отстаиваема уполномоченными Порты до крайней степени. Они съ трудомъ могли согласиться на ея очистку и включеніе въ нейтральную полосу, которая должна была быть проведена между обѣими арміями. Уступка намъ Разграда показалась турецкимъ уполномоченнымъ даже слишкомъ тяжкимъ условіемъ; но, въ виду неизбѣжности покориться нашимъ требованіемъ, соглашеніе было установлено по всѣмъ пунктамъ.

19-го января въ 6 часовъ вечера были подписаны въ адріанопольскомъ конакѣ предварительныя условія мира, а часъ спустя заключено было и перемиріе. Въ тотъ же вечеръ великій князь отправилъ ординарцевъ и телеграммы во всѣ отряды для немедленной остановки военныхъ дѣйствій. Генералъ Скобелевъ, передовой отрядъ котораго ближе всѣхъ выдвинулся къ турецкой столицѣ, получилъ извѣщеніе о заключеніи перемирія еще въ тотъ же вечеръ.

Не легко было уполномоченнымъ султана подписать актъ, производящій такой коренной переворотъ въ судьбѣ Турецкой имперіи. Взявъ перо, для подписи протокола, Намыкъ-паша, 76-тилѣтній старикъ, прослезился, и когда великій князь подалъ ему руку, выразивъ надежду, что Россія и Турція навсегда останутся друзьями, онъ долго жалъ ее, не будучи въ состояніи выговорить слово.

Тотчасъ по отъѣздѣ пашей изъ конака, великій князь объявилъ собравшимся здѣсь генераламъ и офицерамъ арміи о заключеніи перемирія. Въ одной изъ залъ конака немедленно отслужили благодарственный молебенъ. На слѣдующій день въ метропольной церкви Адріанополя было совершено духовенствомъ нашихъ полковъ торжественное молебствіе о счастливомъ окончаніи войны.

Телеграммой отъ 19-го января великій князь донесъ государю императору о совершившемся важномъ событіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество, предпринятое вами святое дѣло благополучно приведено къ концу. Основанія мира, предложенныя Вашимъ Величествомъ, приняты Портой, и протоколъ сію

минуту подписанъ мной и уполномоченными султана. Перемиріе заключено и подписано, и приказанія о пріостановленіи военныхъ дѣйствій немедленно отправляются во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ Дунайскія крѣпости, Разградъ и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками".

Государь императоръ получилъ эту телеграмму только 21-го января [1]). До тѣхъ поръ его величество находился въ полной неизвѣстности относительно хода переговоровъ въ Адріанополѣ; это обстоятельство побудило государя отправить главнокомандующему 20-го января слѣдующую телеграмму:

„Послѣднее изъ Константинополя о согласіи Порты на наши условія послано оттуда 12-го января, но до сихъ поръ отъ тебя не имѣю извѣстія, начаты ли переговоры о перемиріи. По общимъ политическимъ соображеніямъ желательно ускорить заключеніе перемирія и не давать предлога къ толкованію, будто бы мы нарочно тянемъ переговоры, чтобы ближе подойти къ Царьграду. Такое желаніе отнюдь не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія".

Между тѣмъ нетерпѣніе турокъ прекратить военныя дѣйствія и остановить наступленіе нашей арміи на Константинополь начинало проявляться все болѣе и болѣе. Не получая извѣстій о заключеніи перемирія, несмотря на посланное для сего разрѣшеніе уполномоченнымъ, Реуфъ-паша рѣшилъ отправить 18-го января черезъ наши аванпосты письмо къ великому князю, которое достаточно свидѣтельствуетъ о желаніи Оттоманской Порты во что бы то ни стало остановить движеніе нашихъ войскъ къ Царьграду.

Тѣмъ временемъ Порта прислала своимъ уполномоченнымъ позднѣйшую телеграмму, извѣщая ихъ объ отданныхъ уже приказаніяхъ для остановки, въ виду предстоящаго заключенія перемирія, всѣхъ военныхъ дѣйствій и немедленнаго возстановленія телеграфныхъ и торговыхъ сообщеній.

„Вся совокупность этихъ фактовъ, пишетъ великій князь въ всеподданнѣйшемъ донесеніи, достаточно свидѣтельствуютъ о полномъ пораженіи, нанесенномъ Турціи славными войсками Вашего Императорскаго Величества, и о необходимости, въ которую султанъ былъ поставленъ предоставить себя вполнѣ на великодушіе русскаго государя".

Второй періодъ отъ 19-го января по 19-ое февраля 1878 года.

Перемиріе, заключенное 19-го января, остановило движеніе нашей арміи къ Царьграду. Затѣмъ во избѣжаніе политическихъ осложненій,

[1]) Увѣдомленіе государя императора о полученіи телеграммы великимъ княземъ получено въ Адріанополѣ только 25 января.

рѣшено было поспѣшить заключеніемъ мира, котораго, какъ о томъ доносилъ 24-го января главнокомандующій государю, турки сами желали, выказывая при этомъ полную готовность и предупредительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій сообщилъ, что Намыкъ и Серверъ-паши уѣхали въ Константинополь за инструкціями. 25-го января великій князь получилъ отъ государя телеграмму отъ 21-го января съ запросомъ, назначенъ ли срокъ перемирію, на что великій князь 25-го отвѣчалъ: „Срокъ не назначенъ. Они просили, но я отклонилъ, потому что нахожу, что выгоды отъ этого не было бы никакой; а выговорено, что перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ. Такъ что, если увижу, что переговоры будутъ затягиваться, то я всегда воленъ имъ назначить срокъ, и если ихъ не окончатъ къ тому времени, то я буду всегда въ состояніи прервать переговоры".

Тѣмъ временемъ смѣна верховнаго визиря вызвала со стороны турокъ назначеніе новыхъ уполномоченныхъ Савфетъ-паши и Саадуллахъ-бея. Первоначально вторымъ турецкимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ Садыкъ-паша, но черезъ нѣсколько дней замѣненъ Саадулахъ-беемъ, турецкимъ посломъ въ Берлинѣ. Чтобы предупредить возможное намѣреніе Порты этимъ новымъ назначеніемъ выиграть время, великій князь телеграфировалъ Серверъ-пашѣ, выражая убѣжденіе, что отсутствіе втораго турецкаго уполномоченнаго не замедлитъ хода мирныхъ переговоровъ.

Первый изъ нихъ явился въ Адріанополь 1-го февраля, и съ нимъ вступилъ въ переговоры прибывшій 27-го января въ главную квартиру русскій уполномоченный графъ Игнатьевъ.

Но, несмотря на наше великодушное миролюбіе и нежеланіе распаденія Турціи, казалось, арміи нашей суждено было явиться подъ стѣнами Царьграда. На сей разъ этому способствовалъ воинственный пылъ, овладѣвшій внезапно англичанами. Повидимому, враждебная къ намъ Великобританія должна была употребить возможныя усилія, чтобы удержать насъ въ предѣлахъ демаркаціонной линіи, установленной перемиріемъ 19-го января, въ дѣйствительности же произошло совершенно обратное.

Вечеромъ 29-го января главнокомандующій получилъ отъ оттоманскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Серверъ-паши, изъ Константинополя весьма важное увѣдомленіе, что англійское правительство, для охраны своихъ подданныхъ въ Константинополѣ, приказало части своего флота вступить въ Дарданеллы, и что 6 броненосцевъ уже сдѣлали попытку пройти въ этотъ проливъ. Получивъ, однако, отказъ коменданта въ пропускѣ, англійская флотилія удалилась въ Безикскую бухту. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе отъ оттоман-

скаго посла въ Лондонѣ, что лордъ Дэрби уже объяснилъ въ парламентѣ о приказаніи адмиралу Горнби идти съ 6-ью броненосцами въ Константинополь и что объ этомъ сообщенно какъ Россіи, такъ и прочимъ великимъ державамъ. Серверъ-паша, увѣряя въ полнѣйшей безопасности европейцевъ въ столицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ Англіи, что блистательная Порта будетъ настаивать, чтобы англійское правительство отмѣнило свое рѣшеніе.

Великій князь отвѣчалъ Серверъ-пашѣ, что одобряетъ рѣшеніе Порты относительно противодѣйствія англійскому вмѣшательству, тѣмъ болѣе, что и самъ увѣренъ въ безопасности христіанъ и русскихъ подданныхъ въ столицѣ; ибо, если бы сомнѣвался въ этомъ, то принялъ бы также соотвѣтствующія мѣры. Но въ виду того давленія, которое можетъ оказать на ходъ мирныхъ переговоровъ появленіе иностранной вооруженной силы по сію сторону Дарданеллъ—онъ сообщаетъ объ этомъ государю императору на тотъ случай, если бъ пришлось принять особыя мѣры для обезпеченія прочности нашего соглашенія съ Портой (J'ai cru devoir le signaler à l'Empereur pour le cas où je me verrais forcer d'assurer la securité de notre entente par une prise de garanties correspondentes).

Ночью съ 29-го на 30-ое января великій князь сообщилъ по телеграфу императору о перепискѣ своей съ Серверъ-пашой.

Такимъ образомъ главнокомандующій предупредилъ безъ замедленія Серверъ-пашу о послѣдствіяхъ, которыя могло бы повлечь за собою вступленіе британскихъ морскихъ силъ въ проливы.

Намекнувъ на возможность занятія нами, въ видѣ гарантіи, высотъ Константинополя (что въ точномъ смыслѣ не могло бы быть сочтено за нарушеніе перемирія, если бъ Англія безъ всякаго разрыва съ Турціей посягнула на огражденную трактатами неприкосновенность проливовъ и тѣмъ подорвала независимость находящейся съ нами въ переговорахъ державы, а слѣдовательно, и самую обязательность заключенныхъ съ нею условій), великій князь тѣмъ самымъ предоставлялъ Портѣ опору и вѣскіе доводы на тотъ случай, если бы она чистосердечно желала остановить движеніе англійскаго флота. Если же турецкіе государственные люди дѣйствовали относительно насъ не искренно и желали только вмѣшать въ нашу распрю англійскій кабинетъ, присовокупляетъ его высочество во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 31-го января, то тѣмъ важнѣе было мнѣ предупредить ихъ о послѣдствіяхъ столь коварной политики (противъ этого мѣста собственной его величества рукой написано: „все это весьма дѣльно и справедливо“).

Кромѣ отвѣтной телеграммы Серверъ-пашѣ, великій князь призналъ необходимымъ отправить въ Константинополь, для перегово-

25-231.

ровъ относительно дружественнаго вступленія нашихъ войскъ въ столицу султана, бывшаго перваго драгомана нашего тамъ посольства, статскаго совѣтника Ону, состоявшаго въ Адріанополѣ при графѣ Игнатьевѣ.

Между тѣмъ, государь императоръ получилъ изъ Лондона оффиціальное извѣщеніе, что британскій кабинетъ, узнавъ отъ Лейярда объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, далъ приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ, для защиты своихъ подданныхъ. Это враждебное намъ вмѣшательство Англіи въ дѣла Востока побудило его величество сообщить великому князю 29 января, по телеграфу, слѣдующее приказаніе:

„Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружественнымъ образомъ; если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надо быть готовыми занять Царьградъ даже силой. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками Дунайскихъ крѣпостей“.

30 января государь императоръ отправилъ великому князю еще дополнительную телеграмму:

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галлиполи и Дарданеллъ [1]). Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ, однако, чтобы избѣжать непосредственныхъ столкновеній съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно [2])“.

По полученіи приведенныхъ здѣсь высочайшихъ повелѣній великій князь счелъ однако долгомъ довести до свѣдѣнія императора, что положеніе дѣлъ передъ Константинополемъ совершенно измѣнилось со времени заключенія перемирія, и къ тому же не въ нашу пользу. Съ этой цѣлью великій князь сообщилъ въ Петербургъ свои

---

[1]) Извѣстіе это оказалось преждевременнымъ. Только 3 февраля 4 англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ.

[2]) Эта телеграмма отъ 30 января опередила предъидущую, отъ 29 января. Телеграммѣ отъ 29 января государь придавалъ особое значеніе, признавая ее вполнѣ опредѣленной, и впослѣдствіи, несмотря на измѣнившуюся обстановку и иныя событія, признавалъ ее выраженіемъ своей непремѣнной воли.

соображенія въ телеграммѣ, отправленной изъ Адріанополя 4-го февраля (получ. въ СПБ. 6-го февраля).

„Съ каждымъ днемъ, писалъ великій князь, занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, привезенными изъ оставляемыхъ крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой, будто-бы, европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ". Тѣмъ временемъ великій князь извѣстилъ государя о дѣйствительномъ появленіи англійскаго флота передъ Константинополемъ, двумя слѣдующими телеграммами: 3-го февраля. „Сейчасъ получилъ извѣщеніе, будто англійская эскадра прошла Дарданеллы, но въ Босфоръ еще не вступила; турецкимъ уполномоченнымъ повторилъ предупрежденіе; они очень взволнованы и опечалены нахальствомъ англичанъ; понимаютъ въ этомъ вопросѣ дружество съ нами; послали объ этомъ извѣстить султана. Переговоры идутъ безостановочно и хорошо. Рущукъ и Силистрія принимаются нашими коммиссарами. Вездѣ учтивы, привѣтливы (эта телеграмма изъ Адріанополя дошла до СПБ. въ 4 ч. 20 минутъ). 4-го февраля. „Сейчасъ получилъ извѣстіе, что четыре англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ, въ часъ разстоянія хода отъ Царьграда. Порта дала мнѣ знать, что желаетъ соглашенія съ нами по жгучему вопросу, но формальнаго приглашенія нѣтъ; напротивъ, упрашиваютъ по возможности не входить. Мои войска находятся въ 2-хъ переходахъ отъ Царьграда (эта телеграмма шла $6^1/_2$ часовъ).

Въ это время статскій совѣтникъ Ону доносилъ графу Игнатьеву 3-го февраля изъ Константинополя нижеслѣдующее о ходѣ переговоровъ съ Оттоманской Портой, по поводу дружественнаго вступленія нашихъ войскъ въ Царьградъ:

„Турки приняли меня очень радушно, почти съ восторгомъ; война сильно надоѣла имъ, и они ни въ какомъ случаѣ, кажется, не хотятъ продолжать борьбу. Никакого движенія, никакихъ приготовленій къ защитѣ я не замѣчаю; все мертво. Придетъ наше войско въ Константинополь — его примутъ безъ удовольствія, но хладнокровно. Общественное мнѣніе раздражено противъ англичанъ. Всѣ турецкія газеты (даже на турецкомъ языкѣ) толкуютъ о скоромъ дружественномъ приходѣ нашихъ войскъ въ Константинополь безъ всякаго раздраженія. Сегодня, наконецъ, англійскій флотъ (4 броненосца и 1

пароходъ) бросилъ якорь между Принципо и Халки, несмотря на всѣ старанія турокъ отдѣлаться отъ него. Особеннаго волненія въ народонаселеніи не замѣтно; всѣ чувства притупились отъ напряженія этихъ двухъ лѣтъ. Зато министры и султанъ находятся въ тревогѣ; они день и ночь засѣдаютъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ, откуда сыплются телеграммы въ С.-Петербургъ, Лондонъ, Адріанополь. Съ трудомъ видѣлся я нѣсколько разъ съ Серверомъ и Ахмедъ-Вефикомъ, съ которыми я имѣлъ интересные разговоры и старался доказать имъ, что единственное спасеніе Турціи состоитъ въ призывѣ русскаго войска. Они начинаютъ ужъ привыкать къ этой мысли, несмотря на то, что ужасно возстаютъ на словахъ противъ этого, увѣряя, что все турецкое населеніе бросится въ Босфоръ отъ испуга. Мы ужъ сегодня какъ бы вскользь называли тѣ казармы, которыя могли бы пріютить нашихъ солдатъ: Даудъ-паша, Рамизъ Чифтликъ на высотахъ Еюба. Одно только надо знать: нѣтъ ли тамъ какой-нибудь заразы. Намыкъ поѣдетъ къ великому князю, чтобъ отклонить его отъ мысли занять Константинополь, но кончится тѣмъ, что поторгуется и подъ конецъ уступитъ".

Но, какъ и слѣдовало ожидать, податливость турокъ была только кажущаяся; они старались, согласно усвоенному ими обычаю, выиграть время. Возвратившійся въ Адріанополь Ону донесъ великому князю, что турецкое правительство, въ особенности самъ султанъ, сильно опасаются послѣдствій занятія нами Константинополя и упрашиваютъ отказаться отъ этой мѣры. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, „счелъ долгомъ настоять на движеніи нашихъ войскъ впередъ съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ относительно Царьграда въ тѣ же условія, въ которыхъ находилась англійская эскадра [1])".

Для достиженія этой цѣли великій князь, заявилъ Сафветъ-пашѣ и поручилъ г-ну Ону предложить турецкому правительству въ видѣ крайней уступки лично со стороны главнокомандующаго вывести оттоманскія войска изъ Кучукъ-Чекмедже и ближайшихъ деревень и казармъ, очистивъ для русской главной квартиры С.-Стефано на берегу Мраморнаго моря. Великій князь обязывался, съ своей стороны, перевести пока за демаркаціонную линію не болѣе 10.000 человѣкъ и, принимая во вниманіе затруднительное положеніе султана и его правительства, равно какъ и переполненіе Царьграда бѣжавшими переселенцами и крайнюю болѣзненность въ городѣ, не занимать Константинополя и не позволять ни подъ какимъ видомъ солдатамъ

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе великаго князя изъ С.-Стефано отъ 14-го февраля.

приходить въ турецкую столицу. „Изъ С.-Стефано, составляющаго предмѣстье Константинополя, присовокупилъ великій князь, въ телеграммѣ своей императору отъ 5-го февраля, будетъ мнѣ возможно слѣдить за англійскимъ флотомъ [1])".

Между тѣмъ, султанъ рѣшился опять обратиться лично къ великодушному заступничеству государя и просить его величество отмѣнить требуемое обстоятельствами занятіе Константинополя. Копіи съ телеграммъ, которыми обмѣнивались въ это время султанъ и государь, по этому жгучему вопросу, присылались великому князю съ тѣмъ, чтобы высочайшія телеграммы къ султану служили руководствомъ главнокомандующему. Особеннаго вниманія заслуживаетъ телеграмма къ великому князю отъ 3-го февраля: „въ видѣ послѣдней уступки обѣщаю Англіи, что мы не займемъ Галипополи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ ни европейскій, ни азіатскій". Въ случаѣ же входа англійскихъ судовъ въ Босфоръ, государь предписывалъ великому князю: „стараться занять, если можно съ согласія, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега [2])".

Всѣ эти телеграммы получались въ Адріанополѣ довольно поздно, и къ тому же не всегда въ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ времени ихъ отправленія, вслѣдствіе умышленнаго задержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, направляемыхъ въ главную квартиру черезъ Константинополь. Такъ депеша отъ 3-го февраля была задержана турками.

Можно предполагать, что ея содержаніе побудило англійскій флотъ временно удалиться отъ Принцевыхъ острововъ къ малоазіатскому берегу, въ заливъ Муданья. Отъ этого депеши иногда противорѣчили даннымъ ранѣе указаніямъ и нерѣдко затрудняли главнокомандующаго въ его подготовительныхъ распоряженіяхъ о занятіи Царьграда или же его предмѣстья.

Для полноты тогдашней обстановки необходимо сказать, что подобныя же случайности, въ свою очередь, отражались на направленіи дѣлъ изъ Петербурга и неизбѣжно должны были вліять на ихъ устойчивость, опредѣленность и своевременность. Такъ, между прочимъ, весьма важная депеша великому князю, отъ 4-го февраля, въ которой указывается на то, что съ каждымъ днемъ занятіе нашими войсками Константинополя становится затруднительнѣе, получена была государемъ только 6-го. Отвѣтъ же на эту депешу полученъ 9-го февраля. Между тѣмъ, замедленіе въ полученіи этой телеграммы

[1]) На телеграммѣ собственною его величества рукою написано: C'est assez satisfaisant (это удовлетворительно).

[2]) Эта телеграмма отъ 3-го февраля получена въ Адріанополѣ 5-го февраля.

важно въ томъ отношеніи, что въ ней давалось нѣсколько запоздавшее разрѣшеніе дѣйствовать, не ожидая особыхъ высочайшихъ разрѣшеній. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ сказались всѣ неудобства, сопряженныя съ телеграфной перепиской по такимъ военнымъ дѣламъ, которыя, по своему характеру, требуютъ неотложнаго исполненія.

Между тѣмъ прошло нѣсколько дней послѣ отправленія генерала Ону въ Константинополь, но отвѣта со стороны оттоманскаго правительства не поступало въ главную квартиру русской арміи. Впослѣдствіи оказалось, что нечаянный или намѣренный перерывъ телеграфной линіи и неправильная передача депешъ замедляли взаимныя сообщенія. Между тѣмъ изъ Европы, Петербурга и Константинополя приходили тревожныя извѣстія. Со всѣхъ сторонъ указывали великому князю на двойственность игры турецкаго перваго министра Ахмеда-Вефвика-паши. Переговоры о мирѣ затягивались. Министръ иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паша былъ смѣненъ, вслѣдствіе жалобы англійскаго посла на сдѣланныя Серверъ-пашой заявленія корреспонденту „Daily News“ о своемъ намѣреніи придерживаться сочувственной намъ политики. Въ то же время Порта пыталась, не предупредивъ великаго князя заранѣе, отправить Намыкъ-пашу въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ.

Долготерпѣніе главнокомандующаго истощилось, и онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ угрозѣ. Пригласивъ къ себѣ 9-го февраля утромъ Серверъ-пашу, великій князь объявилъ ему въ рѣзкихъ и точныхъ выраженіяхъ, что не согласенъ терпѣть дальнѣйшей проволочки и, если 11-го февраля къ 6-ти часамъ утра не получитъ приглашенія или согласія Порты для приближенія къ Константинополю и вступленія въ С.-Стефано, то будетъ вынужденъ занять С.-Стефано и всѣ тѣ мѣста и позиціи, которыя признаетъ нужнымъ, и безъ ея согласія, не придавая однако этой мѣрѣ враждебнаго для Турціи характера.

Великій князь выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Сафветъ-пашѣ свое мнѣніе о неприличности смѣны во время переговоровъ министра, подписавшаго ихъ основанія, и отправленія въ Петербургъ посла, прежде заключенія мира.

Въ тотъ же день, 9-го февраля, послѣ разговора съ Сафветъ-пашой, великій князь получилъ въ 10-ть часовъ утра телеграмму государя отъ 6-го февраля, служащую отвѣтомъ на телеграмму великаго князя отъ 4-го февраля, въ которой его высочество повелѣваетъ ускорить исполненіе сдѣланнаго Портѣ предложенія относительно занятія ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій, назначивъ для сего кратчайшій, по возможности, срокъ для полученія согласія султана и приготовивъ

достаточныя силы въ случаѣ его отказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь вообще предоставилъ главнокомандующему дѣйствовать, не ожидая особыхъ высочайшихъ разрѣшеній. Такъ какъ эти требованія уже были предъявлены Сафветъ-пашѣ, то великій князь въ дополненіе къ прежде имъ отправленной депешѣ отвѣчалъ государю: „Ты видишь, что я предугадалъ твое приказаніе и дѣйствую согласно твоему желанію".

Рѣшительный тонъ и смыслъ сдѣланныхъ главнокомандующимъ заявленій подѣйствовали на Порту. Она тотчасъ начала склоняться къ требованіямъ великаго князя, но останавливалась на мелочахъ и старалась, по заведенному обычаю, выиграть время.

Въ виду непреклонной рѣшимости главнокомандующаго идти впередъ во что бы то ни стало, первый министръ султана Ахмедъ-Вефвикъ-паша поспѣшилъ послать въ Адріанополь предложеніе перенести главную квартиру въ С.-Стефано, обставивъ его, однако, разными условіями и подробностями. Приглашеніе это запоздало прибытіемъ въ Адріанополь, какъ и вся остальная письменная и телеграфная переписка того времени по этому дѣлу. Великій князь, принявъ всѣ распоряженія на случай неблагопріятнаго оборота дѣлъ, выѣхалъ 11-го февраля въ 6-ть часовъ утра по желѣзной дорогѣ изъ Адріанополя. Его высочество взялъ съ собой Сафветъ-пашу и состоящихъ при немъ турецкихъ офицеровъ, чтобы, на случай надобности, отправить ихъ къ командирамъ оттоманскихъ войскъ, для предупрежденія кроваваго столкновенія. Оно дѣйствительно могло легко произойти, потому что приказанія Порты не были получены своевременно; но, благодаря обоюдной осторожности, все обошлось благополучно. Съ другой стороны, генералъ Ону, выѣхавшій къ великому князю навстрѣчу въ С.-Стефано, привезъ съ собой сераскира Реуфъ-пашу, который своевременно взялъ на свою отвѣтственность отдать приказаніе объ отступленіи турецкихъ войскъ.

Послѣ 5-ти часовой задержки на станціи Чаталджи близъ нашей демаркаціонной линіи, великій князь прибылъ только со своимъ штабомъ и нѣсколькими казаками съ ротмистромъ Кулебякинымъ въ 4 часа утра 12-го февраля въ С.-Стефано, гдѣ и былъ принятъ Реуфъ-пашою и Махметъ-али-пашою, которые, идя пѣшкомъ у стремени главнокомандующаго, сопровождали въѣздъ его высочества въ С.-Стефано. Мѣстное греческое духовенство встрѣтило великаго князя на станціи съ крестомъ и водою, а мѣстные жители выказали неподдѣльную радость при видѣ православныхъ войскъ „въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя" [1]).

[1]) На всеподданнѣйшемъ донесеніи объ этомъ изъ С.-Стефано 14-го февраля собственною его величества рукою написано: „вполнѣ одобряю всѣ дѣйствія брата".

На слѣдующій день Реуфъ-паша прибылъ, по приглашенію великаго князя, въ С.-Стефано, для болѣе точнаго опредѣленія отношеній обѣихъ армій. Послѣдовало соглашеніе относительно отвода всѣхъ турецкихъ войскъ съ бывшей демаркаціонной линіи къ утру 16-го февраля, послѣ чего генералъ Скобелевъ долженъ былъ перейти со всѣмъ своимъ корпусомъ на линію Перенджикіой до Агача, близъ Чернаго моря. Одновременно съ этимъ распоряженіемъ главнокомандующій заявилъ Сафветъ-пашѣ, что, не теряя изъ виду положеніе султана и его правительства, онъ намѣревается сохранить полную свободу дѣйствій относительно распредѣленія войскъ, сообразно съ текущими обстоятельствами.

„Смѣю надѣяться, заключаетъ великій князь всеподданнѣйшее донесеніе отъ 14-го февраля, что Ваше Императорское Величество изволите одобрить принятыя мною распоряженія, тѣмъ болѣе, что они весьма благопріятно повліяли на ходъ мирныхъ переговоровъ. (Собственной рукой его императорскаго величества написано противъ этого „вполнѣ“). Присутствіе нашихъ войскъ у самыхъ воротъ турецкой столицы передаетъ окончательно въ наши руки судьбу Оттоманской имперіи и подымаетъ въ глазахъ мѣстныхъ христіанъ великое историческое значеніе избавительницы Россіи, призванной Провидѣніемъ къ разрѣшенію сосредоточенныхъ на здѣшней почвѣ вѣковыхъ вопросовъ. Молю Бога, чтобы скорое и безпрепятственное заключеніе выгоднаго мира позволило намъ безъ возобновленія военныхъ дѣйствій довершить въ непродолжительномъ времени великое дѣло, предпринятое Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для блага восточныхъ христіанъ и на славу Россіи“ (собственною его императорскаго величества рукой противъ этого написано: „Дай Богъ“)“.

Появленіе русскихъ войскъ передъ Константинополемъ и занятіе С.-Стефано вызвало во всей Европѣ сильнѣйшее безпокойство. Относительно же условій предстоящаго мира распространяли съ самаго начала намѣренно ложные слухи. Лейярдъ сообщилъ своему правительству, что мы въ числѣ мирныхъ условій требуемъ выдачи турецкаго флота и изгнанія всего мусульманскаго населенія. Недоброжелатели наши даже отрицали, что прибытіе великаго князя въ С.-Стефано состоялось съ согласія султана. Великобританскій кабинетъ, сильно этимъ встревоженный, заявилъ, что въ случаѣ насильственнаго вступленія нашего въ Константинополь отзоветъ своего посланника изъ Петербурга. По этому поводу князь Горчаковъ увѣдомилъ 10-го февраля телеграммой графа Шувалова, что хотя подробности мирныхъ переговоровъ еще неизвѣстны, но донесеніе Лейярда о томъ, что мы требуемъ изгнанія изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія— положительно ложно. Дѣло идетъ только объ удаленіи турецкихъ чи-

новниковъ и войскъ. Англійская эскадра прошла Дарданеллы, несмотря на протестъ султана, и въ то же время англійское правительство объявляетъ намъ, что отзоветъ своего посла изъ Петербурга, если часть нашихъ войскъ вступитъ въ Константинополь безъ согласія султана съ тою же цѣлью защиты христіанъ, съ какой явился и англійскій флотъ. „Пусть дѣлаетъ что хочетъ. Исторія, а можетъ быть даже современники произнесутъ свой приговоръ надъ этимъ полнѣйшемъ отсутствіи логики и презрѣніи къ европейскому миру". Таковы были заключительныя слова депеши нашего канцлера. По сообщеніи графомъ Шуваловымъ этой телеграммы лорду Дэрби, онъ просилъ сохранить ее въ тайнѣ; но князь Горчаковъ отвѣтилъ, что, въ виду важнаго значенія телеграммы, содержаніе ея уже извѣстно всѣмъ великимъ державамъ.

Съ своей стороны великій князь телеграфировалъ также графу Шувалову изъ С.-Стефано 12-го февраля, что донесенія Лейярда о нашихъ мирныхъ условіяхъ умышленно ложны (tendencieusement fausse) и что онъ прибылъ въ С.-Стефано съ согласія султана.

14-го февраля великій князь получилъ слѣдующую телеграму государя отъ 13-го числа: „Прошу тебя не терять изъ виду указаній моихъ въ телеграммѣ 3-го февраля относительно мѣръ охраненія Босфора. Соглашеніе по этому предмету съ турецкимъ правительствомъ тѣмъ желательнѣе, что вѣроятно ты затруднился бы вооружить укрѣпленія Босфора нашей артиллеріею соотвѣтствующихъ калибровъ; при томъ же для надежнаго охраненія Босфора желательно занять оба его берега".

Въ письмѣ государя отъ 11-го февраля встрѣчаются и такія указанія: „Намъ необходимо воспользоваться нашимъ настоящимъ преимуществомъ, чтобы занять какъ самый Царьградъ, такъ и выходъ изъ Босфора въ Черное море, дабы не допустить туда безнаказанно англійскую эскадру. Подробности распоряженій предоставляю, разумѣется, тебѣ".

Великій князь отвѣчалъ въ тотъ же день государю:

„Все буду имѣть въ виду, но задача при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма трудная, благодаря близкому сроку конференціи, который, съ тѣхъ поръ какъ сталъ туркамъ извѣстенъ, оказываетъ вредное вліяніе на наши переговоры съ ними тѣмъ, что они видимо нарочно стали затягивать дѣло".

Не входя здѣсь въ изложеніе подробностей хода переговоровъ, замѣтимъ только, что великій князь старался, съ своей стороны, помогать по мѣрѣ силъ дѣятельности императорскихъ уполномоченныхъ и вліять на Порту, выставляя передъ глазами нашихъ противниковъ послѣдствія слишкомъ продолжительной затяжки дѣла. Перенесеніе

главной квартиры въ С.-Стефано несомнѣнно способствовало скорѣйшему ходу мирныхъ переговоровъ, какъ близостью къ Константинополю, такъ и постоянной угрозой, какой представлялось для турокъ присутствіе нашихъ войскъ вблизи столицы имперіи. Великому князю приходилось такъ же неоднократно передавать Сафветъ-пашѣ внушенія и совѣты для скорѣйшаго окончанія натянутаго полумирнаго, полувоеннаго положенія.

Между тѣмъ по прибытіи великаго князя въ С.-Стефано изъ Константинополя нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему первый министръ султана, Ахметъ-Вефвикъ-паша, съ изъявленіемъ готовности подчиниться предъявленнымъ нами условіямъ, но при этомъ просилъ личнаго ходатайства главнокомандующаго предъ государемъ объ облегченіи слишкомъ тяжкихъ требованій денежныхъ и территоріальныхъ вознагражденій. Великій князь посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе дать уполномоченнымъ нужныя инструкціи для заключенія предварительныхъ условій мира, такъ какъ измѣненіе этихъ условій исключительно зависитъ отъ личной воли государя и можетъ послѣдовать только послѣ непосредственнаго къ его величеству обращенія султана дружественнымъ письмомъ.

Однакожъ, несмотря на положительныя обѣщанія Ахметъ-Вефвика окончательное рѣшеніе Порты замедлялось [1]). Тогда великій князь счелъ полезнымъ лично подѣйствовать на турецкихъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе, что 16-го февраля имъ была получена телеграмма, въ которой государь, въ виду весьма неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Лондона, выразилъ желаніе объ ускореніи заключенія мира. Явившись 18-го февраля съ мѣста засѣданій, великій князь поочереди бесѣдовалъ съ Сафветъ-пашей и Саадулахъ-беемъ и частью увѣщаніями, частью угрозами склонилъ ихъ къ немедленному разрѣшенію послѣднихъ затрудненій въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Полчаса спустя Сафветъ-паша прислалъ заявить, что соглашеніе состоялось по всѣмъ пунктамъ и миръ будетъ подписанъ на другой день, 19-го февраля. „Да благословитъ Господь Богъ обрадовать тебя сегодня чѣмъ-нибудь хорошимъ“, пишетъ великій князь утромъ 19-го февраля, посылая поздравительную телеграмму государю императору.

Подписаніе Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мира состоялось дѣйствительно 19-го февраля въ $4^1/_4$ часа по полудни.

По случаю высокоторжественнаго дня восшествія его величества на престолъ назначенъ былъ въ 2 часа дня парадъ и молебенъ, для чего къ этому времени и были выстроены войска гвардіи. Но

[1]) Въ телеграммѣ государю великій князь жалуется, что переговоры затягиваются вслѣдствіе наущеній Лейярда, котораго поддерживаютъ послы австрійскій и французскій, Зичи и Фурнье.

такъ какъ въ это время переговоры подходили къ концу, то великій князь отложилъ парадъ до подписанія мира. Въ $5^1/_2$ часовъ вечера графъ Игнатьевъ объявилъ его высочеству, что миръ подписанъ. Тотчасъ же главнокомандующій подъѣхалъ къ войскамъ, поздравилъ ихъ съ славнымъ миромъ и благодарилъ ихъ отъ имени государя. Собравъ офицеровъ, главнокомандующій поблагодарилъ ихъ особо.

„Торжественно отслуженный молебенъ въ виду древней Византіи и Св. Софіи, по словамъ главнокомандующаго, воочію указывало всему свѣту на успѣхи, достигнутые Россіей какъ на бранномъ поприщѣ, такъ и на пути политическихъ интересовъ нашихъ“ [1]).

Тотчасъ по подписаніи мира великій князь отправилъ слѣдующую телеграмму: „Счастье имѣю поздравить Ваше Величество съ заключеніемъ мира. Господь сподобилъ васъ окончить великое, вами предпринятое святое дѣло: въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ подъ ига мусульманскаго“.

Тотчасъ по полученіи этой телеграммы государь отвѣчалъ: „Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью“.

Третій періодъ съ 19-го февраля по 15-ое апрѣля 1878 года.

Съ подписаніемъ въ С.-Стефано предварительныхъ условій мира военныя дѣйствія должны были прекратиться, такъ какъ возобновленіе ихъ неизбѣжно повлекло бы къ вооруженному столкновенію съ европейскими державами, оставляющими себѣ право, по прежнимъ трактатамъ, охранять интересы Турціи [2]).

Когда турецкіе уполномоченные прибыли въ русскую главную квартиру въ Казанлыкъ молить о дарованіи имъ мира, полагаясь единственно на наше великодушіе, Россіи предстояло предписать имъ окончательный миръ, если бы мы намѣревались сами рѣшить все дѣло, или же ограничиться заключеніемъ продолжительнаго военнаго перемирія, если желали подвергнуть условія мира обсужденію Европы. Но императорскій кабинетъ остановился на мирѣ прелиминарномъ, который соединялъ въ себѣ всѣ невыгодныя стороны окончательнаго мира и военнаго перемирія, безъ заключающихся въ нихъ выгодъ. Къ тому же эти невыгодныя стороны пріобрѣтали въ данномъ случаѣ особенное значеніе по причинѣ упущенія своевременнаго завладѣнія нами проливовъ.

[1]) Донесеніе отъ 25-го февраля.

[2]) На особомъ совѣщаніи у государя, бывшемъ 1-го марта, С.-Стефанскій договоръ признанъ поспѣшнымъ и скороспѣлымъ.

При военномъ перемиріи ни со стороны Галлиполи, ни со стороны Босфора, ни со стороны Константинополя не могло и не должно было быть выкопано ни одного стрѣлковаго ровика, не могло быть возведено ни одного редута, не могло быть даже прибавлено ни одного новаго батальона.

Заключеніе же прелиминарнаго мира уничтожало всѣ выгоды военнаго перемирія, потому что послѣ него Турція вступила во всѣ права, принадлежащія независимому государству.

На всѣ наши представленія, по поводу турецкихъ вооруженій, Оттоманская Порта, послѣ 19-го февраля, могла смѣло утверждать, что возводимыя ею укрѣпленія и сосредоточенныя передъ Константинополемъ войска имѣютъ единственною цѣлью защиту ея нейтралитета или даже подготовленіе для союзнаго съ нами дѣйствія. Главнокомандующій могъ, конечно, тому не вѣрить, прелиминарный миръ лишалъ его уже всякаго легальнаго повода противодѣйствовать этому, и такимъ образомъ результаты блестящихъ побѣдъ постепенно таяли и исчезали на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ противниковъ. Они стали отходить въ область прошедшаго.

Если принять во вниманіе, что въ это уже время войска наши, послѣ славныхъ подвиговъ и успѣховъ, далеко превзошедшихъ первоначальныя ожиданія, значительно были утомлены какъ физически, такъ и нравственно, что ихъ комплектованіе и снабженіе всѣмъ необходимымъ находилось въ зависимости отъ подверженныхъ риску сообщеній нашихъ, что, наконецъ, намъ приходилось тогда же заботиться о сосредоточіи вооруженныхъ силъ на нашей западной границѣ, то станетъ понятнымъ, до какой степени намъ слѣдовало быть осторожнымъ въ дѣйствіяхъ собственно на Балканскомъ полуостровѣ, дабы не поставить на карту всего того, чего удалось достигнуть.

Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, овладѣвшихъ Плевной и перешедшихъ зимой Балканы, могли, конечно, совершить новые подвиги, но передъ ними можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическихъ разсчетовъ. То благопріятное для насъ время, когда мы въ январѣ могли сдѣлать все, что хотѣли, прошло безвозвратно. Поэтому на конгрессѣ, о созывѣ котораго въ то время уже усиленно хлопотала дипломатія, Россіи предстояло явиться не въ грозномъ положеніи побѣдительницы, а государства, отъ котораго всѣ требовали уступокъ. Дѣйствительно, политическая обстановка, вызванная прелиминарнымъ миромъ, становилась для насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятной.

Ратификація С.-Стефанскаго прелиминарнаго мира султаномъ и прибытіе Реуфа-паши съ графомъ Игнатьевымъ въ Петербургъ позволили заняться вопросомъ о постепенномъ отправленіи нѣкоторыхъ

частей дѣйствующей арміи обратно въ Россію. Къ этому побуждала еще начавшаяся развиваться болѣзненность среди войскъ. Поэтому уже 22-го февраля великій князь доносилъ государю: „тифъ не на шутку начинаетъ работать. Крайне необходимо подумать о вывозѣ лишняго числа войскъ".

24-го февраля военный министръ телеграфировалъ великому князю: „государь императоръ изволитъ предполагать: немедленно по ратификаціи договора съ Портою и полученіи окончательнаго согласія державъ на конгрессъ въ Берлинѣ, перевести моремъ въ Одессу и Николаевъ: всѣ части гвардіи, обѣ гренадерскія дивизіи и нѣкоторыя другія части дѣйствующей арміи. Войска эти, если ко времени возвращенія ихъ въ Россію не будетъ еще полной увѣренности въ мирѣ, расположатся въ Кіевскомъ и Одесскомъ округахъ, дабы въ случаѣ войны поступить въ составъ западныхъ армій. Ввѣренная же великому князю армія, оставаясь въ Забалканскомъ полуостровѣ, должна быть въ готовности захватить Босфоръ, дабы не впускать англійскаго флота въ Черное море".

25-го февраля великій князь отвѣчалъ, что для предначертанной ему цѣли остающихся въ его распоряженіи войскъ за Балканами слишкомъ мало, а потому просилъ оставить подъ его начальствомъ гренадеръ, а усилить западныя арміи 12-мъ и 11-мъ корпусами и 2-ю пѣхотною дивизіею (14-й корпусъ великій князь полагалъ необходимымъ въ Болгаріи до очищенія турками Шумлы и Варны).

28-го февраля государь разрѣшилъ приступить къ отправкѣ гвардіи приблизительно съ 15-го марта. Въ виду послѣдовавшихъ высочайшихъ повелѣній по отправкѣ частей дѣйствующей арміи великій князь началъ переговоры съ турками о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере.

Вскорѣ по перенесеніи главной квартиры въ С.-Стефано главнокомандующій имѣлъ первое объясненіе съ Реуфъ-пашей о намѣреніи своемъ открыть впослѣдствіи нашимъ войскамъ сообщенія черезъ Буюкдере съ моремъ, а по заключеніи мира избрать этотъ пунктъ для посадки ихъ на суда. Казалось, что это сообщеніе не возбудило никакихъ опасеній со стороны турокъ. Реуфъ-паша изъявилъ даже свое согласіе на это графу Игнатьеву, во время переѣзда до Одессы. Но когда великій князь черезъ посредство г. Ону сталъ просить Порту отдать по этому поводу надлежащія приказанія и согласиться съ нами объ исполненіи задуманной амбаркаціи, турецкіе министры немедленно выразили опасеніе, что приближеніе нашихъ войскъ къ Буюкдере возбудитъ подозрѣніе англичанъ, покажется имъ попыткой съ нашей стороны занять берега Босфора и подастъ имъ поводъ ввести въ этотъ проливъ свои суда. Вслѣдъ затѣмъ первый министръ

султана Ахметъ-Вефвикъ прибылъ въ С.-Стефано 3-го марта для объясненія съ его высочествомъ какъ по поводу визита султана, такъ и относительно предположенной посадки войскъ въ Буюкдере. Стараясь отклонить главнокомандующаго отъ исполненія этого намѣренія, онъ предлагалъ воспользоваться для этой цѣли однимъ изъ портовъ Мраморнаго моря и указывалъ на общую тревогу, могущую возбудиться при нашемъ приближеніи къ Босфору. Великій князь объяснилъ Ахметъ-Вефвику всѣ практическія выгоды, представляемыя посадкой войскъ на суда въ Буюкдере, сравнительно съ открытыми портами Мраморнаго моря, въ которыхъ при малѣйшемъ вѣтрѣ нѣтъ возможности пароходамъ стоять на рейдѣ. Вефвикъ-паша, уѣзжая, оставилъ великаго князя въ убѣжденіи, что дѣло будетъ улажено. Между тѣмъ въ виду приближавшагося срока отправленія войскъ главнокомандующій въ тотъ же день приказалъ заключить условія съ Русскимъ обществомъ пароходства и торговли и отдалъ всѣ надлежащія приказанія. Замѣтимъ здѣсь, что 25-я статья С.-Стефанскаго договора говоритъ: дабы выиграть время и избѣжать продолжительнаго пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи и Румыніи, часть императорской арміи можетъ быть направлена къ портамъ Чернаго и Мраморнаго морей (какимъ—не говорится) для посадки на суда, принадлежащія русскому правительству или зафрахтованныя на этотъ случай.

Но на другой день было получено отъ Ону извѣщеніе изъ Константинополя, что Порта рѣшительно противится нашему намѣренію и что самъ султанъ запуганъ сдѣланнымъ ему, будто-бы, со стороны англичанъ заявленіемъ, что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ въ Буюкдере британская эскадра вступитъ въ Босфоръ.

5-го марта утромъ Сафветъ-паша явился въ С.-Стефано къ великому князю, чтобы уговорить его высочество отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдере, и предложилъ взамѣнъ того всякія облегченія для отправки ихъ въ Мраморное море. Но когда ему были объявлены всѣ неудобства портовъ этого моря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено, что войска останавливаться въ Босфорѣ не будутъ, а немедленно, по прибытіи ихъ къ берегу, будутъ садиться на суда, и заявленіе это съ общимъ планомъ движенія было ему передано въ видѣ записки, то турецкій министръ „казался убѣжденнымъ“ и обѣщалъ изложить сообщенныя ему соображенія султану. Однако, турки послѣ долгихъ размышленій 6-го марта наотрѣзъ отказали намъ въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, говоря, что они къ этому вынуждены.

Сообщивъ объ этомъ рѣшеніи Порты немедленно государю по телеграфу, великій князь присовокупилъ: „поэтому занятіе Босфора мирнымъ путемъ будетъ почти невозможно. Намъ на содѣйствіе турокъ, въ случаѣ разрыва съ Англіей, разсчитывать нельзя. А при-

ближеніе къ Босфору помимо согласія турокъ повлечетъ за собой неминуемый разрывъ съ Англіею... Въ случаѣ войны съ Англіею, я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ".

Въ донесеніи отъ того же дня (6-го марта) великій князь останавливается на болѣе подробномъ разборѣ положенія дѣлъ, созданнаго упорствомъ Оттоманской Порты: „если Англія дѣйствительно ищетъ предлога войти въ Босфоръ и вызвать насъ на бой, чтобы удовлетворить своимъ корыстнымъ видамъ на востокѣ, то она безъ сомнѣнія можетъ воспользоваться движеніемъ нашимъ къ проливу, чтобы снова сдѣлать изъ этого casus belli. Но въ такомъ случаѣ и намъ болѣе чѣмъ когда-либо слѣдовало бы искать случая подойти къ важнымъ для насъ стратегическимъ пунктамъ, чтобы препятствовать выходу англійскихъ судовъ въ Черное море. А наилучшимъ средствомъ къ занятію приближенныхъ къ этимъ пунктамъ мѣстностей можетъ служить намъ постепенное направленіе войскъ къ Буюкдере для посадки ихъ тамъ на суда, и при этомъ нечувствительное занятіе Пиргоса и Бѣлграда, соединеннаго съ проливомъ 8-ми верстнымъ шоссе и, кромѣ того, заключающаго въ себѣ всѣ источники и резервуары, изъ коихъ питается водою Царьградъ. Если мы не можемъ достигнуть этого занятія мирнымъ путемъ, то завладѣніе имъ, а слѣдовательно и пунктами на проливѣ день-ото-дня становится затруднительнѣе, потому что силы турокъ постепенно увеличиваются прибывающими изъ очищаемыхъ крѣпостей войсками, коихъ въ настоящую минуту насчитываютъ въ окрестностяхъ столицы уже до 100 тысячъ.

Становясь открыто на сторону англичанъ или даже объявляя себя нейтральною, Порта всегда будетъ въ состояніи съ подобными силами воспрепятствовать принятію нами оборонительныхъ мѣръ, между тѣмъ какъ англійскія суда успѣютъ войти въ Черное море.

Въ заключеніе великій князь высказываетъ мнѣніе, что если бы коварная политика лорда Биконсфильда привела бы насъ къ разрыву съ Англіею, то положеніе ввѣренной ему арміи будетъ здѣсь далеко не благопріятное: „Я считаю священнымъ долгомъ высказать это съ полною откровенностью... Самое сохраненіе нейтралитета Турціею едва-ли будетъ возможнымъ на долгое время. Намъ прежде всего сдѣлается необходимымъ, въ случаѣ разрыва, укрѣпиться на Босфорѣ и захватить Галипополи. Могутъ ли турки допустить это, въ особенности въ послѣднемъ пунктѣ, гдѣ у нихъ также собраны довольно значительныя силы? Но предположивъ даже, что намъ удастся исполнить предположенныя движенія, будетъ ли наше стратегическое положеніе здѣсь достаточно твердымъ и безопаснымъ, чтобы сохранить за собой достигнутые предшествующей кампаніей результаты? Я не

говорю ужъ о томъ случаѣ, когда примѣру Англіи послѣдовали бы Австрія и Румынія и сообщенія наши съ Россіей сдѣлались бы невѣрными".

6-го же марта въ Петербургѣ рѣшено было отмѣнить отправку войскъ гвардіи. Новыя повелѣнія сообщены были слѣдующей телеграммой государя: „Въ виду явно враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо пріостановить отправленіе гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыва англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ или исполнить помимо ихъ" [1]).

Въ письмѣ же государя отъ того же 6-го марта сообщались великому князю еще дополнительныя указанія по этому предмету.

„Опасенія мои, писалъ государь, о коихъ я тебѣ ужъ не разъ заявлялъ, начинаютъ все болѣе и болѣе оправдываться и, какъ ты увидишь изъ сообщаемыхъ тебѣ депешъ, Англія ищетъ только предлога, чтобы объявить намъ войну, и поэтому измышляетъ всякій день проекты, чтобы затруднить собраніе конференціи въ Берлинѣ. Такъ видимо не желаетъ и даже опасается для своего достоинства мирнаго исхода. Угрозы ея Портѣ, чтобы не допустить посадки нашихъ войскъ въ Босфорѣ, ясно изобличаютъ ея намѣреніе ворваться въ Черное море, что, въ случаѣ войны, можетъ имѣть для насъ самыя пагубныя послѣдствія. Вотъ почему я вчера въ шифрованной телеграммѣ повторилъ тебѣ, что считаю необходимымъ намъ занять Босфоръ, если возможно съ согласія Порты, а въ противномъ случаѣ силой".

Въ телеграммѣ государя 5-го марта сказано только: „теперь главною нашей заботой должно быть сосредоточеніе большихъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и Галипополи раіонѣ, на случай войны съ Англіей. По той же причинѣ я счелъ нужнымъ пріостановить отправку войскъ въ Россію, чтобы не ослаблять тебя, пока не получимъ увѣренности, что Турція не присоединится къ англичанамъ, а будетъ дѣйствовать заодно съ нами, какъ Реуфъ-паша насъ о томъ завѣрялъ. Послѣдній разговоръ его съ Игнатьевымъ будетъ тебѣ сообщенъ и долженъ оставаться въ твоихъ рукахъ, какъ документъ".

Въ телеграммѣ отъ 7-го марта: „Надѣюсь вполнѣ, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату пролива, когда окажется нужнымъ... Образъ дѣйствія турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатьева.

---

[1]) Писана вѣроятно 5-го вечеромъ, а отправлена 6-го.

„Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоихъ соображеній какъ для занятія Босфора, такъ и Галипополи, если оно еще возможно... На счетъ Австріи не могу еще ничего положительнаго сказать, но неоспоримо, что Англія и тамъ сильно возбуждаетъ противъ насъ, и потому мы должны готовиться къ худшему, не скрывая отъ себя всю трудность нашего положенія, если дѣйствительно Австрія объявитъ намъ войну. Въ предвидѣніи этой случайности я желалъ скорѣе воротить гвардію и гренадеръ, равно двѣ дивизіи съ Кавказа, но теперь пришлось ихъ пріостановить, дабы подѣйствовать угрозою на турокъ".

Объ общемъ политическомъ положеніи дѣлъ государственный канцлеръ увѣдомилъ великаго князя 6-го марта особою телеграммою. Въ ней Горчаковъ сообщаетъ, что 7-го марта посылаетъ посламъ нашимъ при великихъ державахъ текстъ С.-Стефанскаго договора съ приказаніемъ сообщить ихъ подлежащимъ дворамъ. На предстоящемъ Берлинскомъ конгрессѣ условлено сохраненіе полной свободы обсужденія и дѣйствія (liberté d'apprécіation et d'action.). Мы не допускаемъ для себя обязательства преклоняться передъ рѣшеніемъ большинства, что̀ было бы противно обычаю, всегда соблюдаемому на конгрессахъ. Хотя графъ Андраши заявляетъ о своемъ миролюбивомъ настроеніи, но, несмотря на это, начатое въ Вѣнѣ соглашеніе трехъ императоровъ не имѣетъ никакого успѣха. Бисмаркъ предлагаетъ прежде созванія конгресса собрать предварительную конференцію въ Берлинѣ, частью изъ вторыхъ уполномоченныхъ, частью изъ пословъ шести великихъ державъ для разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса.

Хотя по мнѣнію Горчакова эта конференція лишена практическаго значенія, но государю угодно было на это согласиться, назначивъ въ нее на должность нашего втораго уполномоченнаго Игнатьева. Но Англія отвергаетъ эту предварительную конференцію, какъ безполезную, и настаиваетъ на томъ, чтобы конгрессу было предоставлено право обсуждать всѣ безъ исключенія статьи С.-Стефанскаго прелиминарнаго мира. Германія надѣется, однако, устранить всѣ эти препятствія. Въ заключеніе Горчаковъ сообщилъ, что, согласно только-что полученной телеграммѣ Убри, предварительную конференцію предположено составить только изъ пословъ, ограничивъ ея задачу опредѣленіемъ „détails de forme", не касаясь въ сущности вопроса. На это послѣдовало согласіе императорскаго кабинета.

Планъ дѣйствій для захвата Босфора, который потребовалъ государь отъ великаго князя, былъ отправленъ изъ С.-Стефано 9-го марта. Для разрѣшенія другаго вопроса, предъявленнаго государемъ, можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ — великому князю предстояло выяснить какое положеніе займетъ Порта въ предстоящемъ единоборствѣ

Англіи съ Россіей. 6-го марта великій князь телеграфировалъ: „Про турокъ ничего положительнаго сказать не могу; скорѣе они будутъ намъ содѣйствовать. Обо всемъ подумаю, узнаю и немедленно сообщу". Для лучшаго достиженія этой цѣли, по мнѣнію великаго князя, необходимо было поспѣшить осуществленіемъ намѣченнаго уже давно личнаго свиданія августѣйшаго главнокомандующаго съ султаномъ.

Еще до заключенія договора 19-го февраля, по перенесеніи главной квартиры въ С.-Стефано, турецкіе министры выражали надежду, что великій князь вступитъ затѣмъ въ личныя сношенія съ султаномъ. Приглашеніе это было повторено по подписаніи предварительныхъ условій мира. Великій князь тотчасъ же изъявилъ готовность сдѣлать визитъ султану въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Великій князь полагалъ ѣхать въ экипажѣ до Сладкихъ водъ и потомъ, въ сопровожденіи свиты и собственнаго его высочества конвоя, верхомъ прибыть къ султану, а затѣмъ проѣхать во дворецъ русскаго посольства въ Перу, чтобы принять тамъ, въ свою очередь, посѣщеніе падишаха. Но доктора и министры объявили находившемуся въ Константинополѣ Ону, что здоровье султана не позволяетъ ему принимать нѣсколько лицъ разомъ и что, съ другой стороны, возбужденное состояніе умовъ въ Константинополѣ усложнило бы поѣздку его въ Перу.

Въ виду такого заявленія великій князь приказалъ передать султану, что, не желая обезпокоивать его своимъ посѣщеніемъ, будетъ ожидать для предположеннаго свиданія болѣе благопріятнаго времени.

Наконецъ, почти черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира, послѣдовало со стороны султана приглашеніе великаго князя прибыть въ Константинополь 14-го марта.

Въ назначенный для свиданія день великій князь со свитою выѣхалъ изъ С.-Стефано на яхтѣ „Ливадія" въ 10 час. утра, которая направилась къ Константинополю въ сопровожденіи парохода „Великій князь Константинъ".

Съ приближеніемъ яхты къ Золотому Рогу, всѣ станціонеры, въ томъ числѣ и англійскій, подняли русскій военный флагъ, послали людей по вантамъ и кричали „ура!" Команда яхты „Ливадія" отвѣчала тѣмъ же, а музыка играла преображенскій маршъ. На турецкихъ военныхъ судахъ выставлены были караулы и разставлены по борту команды, которыя отдали чести.

Въ $11^1/_4$ часовъ утра яхта „Ливадія", войдя въ Босфоръ, стала на якорь у дворца Долма-Бахча. Султанъ встрѣтилъ великаго князя внизу лѣстницы дворца, окруженный высшими государственными и военными сановниками.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся около часу, великій князь переѣхалъ на азіатскій берегъ Босфора въ отведенный въ его распоря-

женіе дворецъ Бейлербей, куда приведенъ былъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа. Здѣсь султанъ отдалъ визитъ его высочеству, при чемъ вторичная бесѣда продолжалась около $^1/_2$ часа. Затѣмъ на другой день, 15-го марта, великій князь, получивъ приглашеніе султана къ обѣденному столу, отправился во дворецъ Ильдизъ-Кіоскъ, гдѣ былъ принятъ съ изысканной любезностью. Послѣ обѣда султанъ велъ съ великимъ княземъ дружественную бесѣду наединѣ, продолжавшуюся около 3-хъ часовъ черезъ посредство Ону.

Сущность всѣхъ этихъ бесѣдъ заключалась въ томъ, что султанъ просилъ великаго князя увѣдомить государя въ его преданности, „видя свое спасеніе всецѣло отъ государя императора". „Я, говорилъ султанъ, уничтоженъ, Турція положительно обезсилена и воевать болѣе не въ состояніи. Моя власть надъ турками потрясена, и я единственно могу опять ее пріобрѣсти, если милость будетъ императора снизойти къ моей нижайшей просьбѣ уступить мнѣ въ нѣкоторыхъ требованіяхъ мирнаго договора. Этимъ государь подыметъ меня въ глазахъ моего народа, и тогда я смѣло и открыто могу сказаться союзникомъ Россіи. Я обѣщаю, и передайте вашему государю, что, въ случаѣ Англія вамъ объявитъ войну, я буду нейтраленъ и буду держать дружественный для Россіи нейтралитетъ" [1]).

Великій князь всячески старался получить отъ султана объясненіе, что онъ разумѣетъ подъ словомъ: „дружественный нейтралитетъ", но не могъ добиться положительнаго отвѣта.

„Я боюсь равно Россіи и Англіи, возражалъ Абдулъ-Гамидъ, воевать болѣе не въ силахъ".

Что же касается до предполагавшейся посадки нашихъ войскъ въ Буюкдере, то султанъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ былъ въ томъ отказать великому князю, но утверждалъ, что обстоятельства вынудили его рѣшиться на этотъ отказъ; этому отказу онъ приписывалъ сохраненіе общаго мира.

Свиданіе съ султаномъ привело великаго князя къ слѣдующимъ заключеніямъ, высказаннымъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи 16-го марта.

„Трудно представить себѣ всю затруднительность того положенія, въ которое было бы поставлено турецкое правительство вооруженнымъ столкновеніемъ между Россіей и Англіею, вблизи столицы имперіи. Строго соблюдать вооруженный нейтралитетъ, т. е. силою препятствовать проходу англійскихъ судовъ черезъ проливы, значило бы, при данныхъ обстоятельствахъ, открыто стать на нашу сторону и тѣмъ самымъ вызвать месть и враждебныя дѣйствія англичанъ противъ обширныхъ береговъ турецкой территоріи вдоль Средиземнаго моря.

[1]) Письмо великаго князя государю 16-го марта, на яхтѣ „Ливадія".

Къ тому же присутствіе англійскихъ броненосцевъ въ Мраморномъ морѣ и нашихъ вблизи Царьграда уже какъ будто исключаютъ возможность подобнаго положенія. Быть же безпристрастнымъ зрителемъ и пропускать безпрепятственно черезъ проливъ британскій флотъ, равносильно явному содѣйствію Англіи противъ насъ. Наконецъ предоставить намъ самимъ принять охранительныя мѣры для обезпеченія нашей безопасности въ Черномъ морѣ значило бы отречься въ глазахъ Турціи и Европы отъ своего владычества на Босфорѣ и негласно дозволить занятіе англичанами береговъ Дарданеллъ, какъ послѣдствія занятія нами береговъ Босфора. Сама столица имперіи была бы этимъ подвержена величайшей опасности и какъ бы предоставлена въ чужія руки, а независимость Турціи окончательно подорвана. Мы не можемъ ожидать, чтобы султанъ согласился на подобную пассивную мѣру, имѣя подъ руками 100-тысячную армію.

„Сопоставляя эти соображенія съ заявленіями, сдѣланными въ Петербургѣ Реуфъ-пашою, и высказанныя въ сообщенной мнѣ запискѣ графа Игнатьева, я долженъ предположить, что турецкій военный министръ, увлеченный желаніемъ соглашенія съ нами, отчасти потерялъ изъ виду настоящее положеніе своего правительства, а можетъ быть и не предполагалъ, что англо-русскій вопросъ приметъ столь острый характеръ. Хотя я лично и не имѣлъ еще подробнаго объясненія съ Реуфомъ-пашой, но изъ разговоровъ его съ Ону явствуетъ, что онъ самъ понимаетъ чрезмѣрность данныхъ имъ обѣщаній, хотя онъ и не вполнѣ еще отказывается отъ возможности склонить султана къ исполненію, хотя отчасти, начертанной въ Петербургѣ программы“.

Въ донесеніи 21-го марта великій князь снова возвращается къ этому предмету:

„Несмотря на найденное имъ измѣненное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, Реуфъ-паша твердо придерживается данныхъ имъ въ Петербургѣ обѣщаній и, дѣйствуя систематически въ ихъ смыслѣ, всѣми силами старается достигнуть исполненія хоть части условленной программы. Такимъ образомъ, если мы отнюдь не можемъ разсчитывать на явное содѣйствіе намъ турокъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Англіей и Россіей, то есть надежда, что въ видахъ огражденія собственной безопасности Порта отнесется на первое время нейтрально къ обѣимъ державамъ и можетъ быть не будетъ открыто препятствовать занятію нами стратегическихъ пунктовъ на Босфорѣ, хотя, вѣроятно, и будетъ принуждена протестовать противъ ея нейтралитета.

„Дальнѣйшее развитіе послѣдствій моего свиданія съ Абдулъ-Гамидомъ, въ связи съ общимъ ходомъ политическихъ событій не замедлитъ выяснить наше здѣсь положеніе и указать намъ на тѣ

мѣры, которыя мы принуждены будемъ принять для исполненія воли Вашего Императорскаго Величества.

„Если бы произошелъ между тѣмъ разрывъ съ Англіею и турки добровольно не согласились бы на занятіе нами позицій на Босфорѣ, то я не премину употребить на то силу. Но это будетъ уже нарушеніе трактата и поставитъ насъ въ открыто враждебныя отношенія къ Турціи. А потому осмѣливаюсь испросить на этотъ случай приказаній Вашего Императорскаго Величества [1])".

15-го марта великій князь получилъ слѣдующую телеграмму:

„Разговоръ твой съ султаномъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Кромѣ того, что было передано Игнатьевымъ Реуфу, мы никакихъ уступокъ дѣлать не можемъ".

Но затѣмъ 16-го марта Горчаковъ телеграфировалъ великому князю высочайшее повелѣніе настоять, въ виду дружественнаго свиданія (entrevue cordiale) съ султаномъ, чтобы Порта энергически потребовала въ Лондонѣ удаленія эскадры изъ Мраморнаго моря.

„Порта, говорилось въ этой депешѣ, должна понять, какъ важно для нея изгладить впечатлѣніе двусмысленности, производимое ея поведеніемъ, и доказать намъ, что она намѣревается рѣшительно идти съ нами заодно".

Великій князь немедленно вступилъ по этому предмету въ сношеніе съ Реуфъ-пашой. Не имѣя возможности видѣть въ этотъ день, по случаю пятницы, ни султана, ни сераскира, главнокомандующій передалъ Реуфъ-пашѣ волю государя черезъ посредство Ону.

Прибывъ на другой день, 18-го марта, лично въ Константинополь на яхтѣ „Ливадія", великій князь имѣлъ тотчасъ же свиданіе съ Реуфъ-пашою и съ Ахметъ-Вефвикъ-пашой, пріѣхавшими одинъ за другимъ къ его высочеству на яхту.

Какъ тотъ, такъ и другой высказали намѣреніе сдѣлать лондонскому кабинету предполагаемое нами приглашеніе, сознавая всю важность для самой Турціи отдалить отъ столицы морскія силы Англіи и этимъ дать возможность въ свою очередь отвести войска и такимъ образомъ избавить Константинополь отъ опасности столкновенія подъ его стѣнами.

Вслѣдъ затѣмъ великій князь принятъ былъ султаномъ того же 18-го марта, во дворцѣ Ильдизъ-Кіоскѣ, и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе къ новому предложенію, сдѣланному по приказанію государя Портѣ. Абдулъ-Гамидъ просилъ только дать ему возможность заявить лондонскому кабинету, что приступили фактически къ очи-

[1]) Противъ этого собственною его величества рукою написано: „оно уже ему дано". Эта помѣтка относится къ телеграммѣ, отправленной 18-го марта.

щенію турецкой территоріи и, основываясь на этомъ, требовать выхода англійскаго флота. Султанъ желалъ для этого, чтобы хотя незначительная часть нашихъ войскъ была провезена на судахъ черезъ Босфоръ въ Одессу. Поэтому великій князь рѣшился взять на себя отправить изъ С.-Стефано моремъ въ Одессу Подольскій полкъ съ одной 4-фунтовой батареею.

18-го марта великій князь отправилъ наисекретнѣйшую телеграмму:

„Желаніе твое исполнено. Султанъ, Реуфъ и даже Вефвикъ обѣщаютъ послать англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на то, что и наши войска уходятъ. Но для облегченія возможности этого заявленія, основаннаго на явной отправкѣ моремъ, я рѣшился взять на себя отправить изъ С.-Стефано въ Одессу Подольскій полкъ съ 4-фунтовой батареей. Кромѣ того выведены уже изъ Болгаріи весь 2-й корпусъ, бригада 36-й дивизіи, бригада кавалеріи, и на походѣ бригада саперъ, 1-я кавалерійская дивизія, 1-я донская дивизія и три казачьихъ полка. Для успѣха дѣла султанъ просилъ строжайшаго секрета о вышесказанныхъ соглашеніяхъ. Прошу тебя очень принять мѣры, чтобы слухъ о предстоящемъ заявленіи преждевременно не распространился“.

Между тѣмъ вопросъ о требованіи выхода англійскихъ судовъ изъ Мраморнаго моря долженъ былъ быть разсмотрѣнъ совѣтомъ министровъ. Но затруднительность положенія Порты относительно Англіи остановила турецкихъ министровъ въ немедленномъ принятіи этой мѣры. У нихъ явилась между прочимъ мысль, для избѣжанія прямаго обращенія къ Англіи и тѣмъ возбужденія ея самолюбія, отнестись ко всѣмъ великимъ державамъ съ изложеніемъ затруднительнаго положенія Порты, поставленной въ невозможность защищать свою нейтральность и неприкосновенность своихъ границъ.

Хотя подобное заявленіе не представляло собою ничего противнаго преслѣдуемой нами цѣли, тѣмъ не менѣе великій князь еще разъ просилъ Реуфа-пашу о немедленномъ приведеніи въ дѣйствіе условленнаго плана. Сераскиръ повторилъ увѣренія въ твердой рѣшимости султана дѣйствовать согласно принятому порядку, даже помимо воли министровъ, и просилъ только съ нашей стороны приступить безъ замедленія къ посадкѣ на суда и отправленію части войскъ въ Россію.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о соглашеніи, состоявшемся между великимъ княземъ и Портою, по поводу удаленія англійской эскадры изъ Мраморнаго моря, государь телеграфировалъ: „Не полагаю, чтобы амбаркація одного полка произвела какое-либо вліяніе на англичанъ. Дальнѣйшую отсылку войскъ отнюдь не допускаю“.

Въ то время, когда завязались вышепоименованные переговоры съ Оттоманской Портой, въ Петербургѣ приняты были новыя важныя рѣшенія. 17-го марта военный министръ телеграфировалъ великому князю:

„Государь императоръ изволитъ находить необходимымъ на случай занятія Босфора перевести изъ Россіи орудія большаго калибра, въ особенности мортиры. Его Величество увѣренъ и надѣется, что будутъ приняты къ тому всѣ необходимыя мѣры".

Въ тотъ же день государь сообщилъ великому князю:

„Лордъ Дэрби вышелъ изъ министерства, его замѣнилъ Салюсбюри, весьма намъ враждебный".

18-го марта послана къ великому князю и 19-го въ 2 ч. 40 м. получена имъ слѣдующая телеграмма:

„Соображенія, изложенныя въ твоемъ письмѣ отъ 9-го марта (планъ захвата Босфора), въ общихъ чертахъ одобряю. Разрывъ съ Англіей почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи. Если заодно съ нами, то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ на европейскомъ берегу, и войти съ тобой въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи, то должна сдать намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся на Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобы эшелонировать загражденія. Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствія слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено, и при томъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску, а для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, которыя признаешь возможнымъ".

Въ дополненіе къ этому великій князь получилъ еще отъ его величества вечеромъ 19-го слѣдующую телеграмму:

„Вчерашняя моя шифрованная телеграмма должна служить тебѣ руководствомъ. Увѣдоми, когда все будетъ готово для дѣйствій. Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе десантныхъ англійскихъ войскъ".

Великій князь донесъ его величеству вечеромъ 19-го, что „телеграмму (1-ю, отъ 18-го марта) получилъ и все будетъ принято къ свѣдѣнію и будетъ дѣйствовать по обстоятельствамъ". Эта телеграмма отправлена 18-го вечеромъ?.

Относительно распоряженій, касающихся до занятія Босфора, великій князь доносилъ 19-го марта:

„Жду отвѣта турокъ на счетъ сдѣланнаго имъ мною, по твоему приказанію, требованія: объявить англичанамъ о выходѣ флота изъ Дарданеллъ. До полученія отъ нихъ отвѣта, нѣтъ возможности вступить съ турками въ переговоры на счетъ занятія Босфора. Войска же готовы и всѣ распоряженія сдѣланы, чтобы, въ случаѣ приближенія англійской эскадры къ Босфору, немедленно двинуться на Терапію. Объ орудіяхъ большаго калибра распоряженія сдѣланы, но опредѣлить не могу, когда они могутъ быть нагружены и доставить теперь въ Босфоръ невозможно".

20-го марта получена телеграмма государя въ отвѣтъ на донесеніе великаго князя отъ 19-го числа, въ которой его величество пишетъ:

„Отвѣтъ твой на шифрованную телеграмму мою отъ 18-го марта получилъ вчера вечеромъ во время инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше" [1]).

Великій князь, будучи крайне огорченъ этою телеграммою, повергнулъ предъ его величествомъ увѣренія въ томъ, что всегда свято исполняетъ высочайшее повелѣніе; но обезоружить 100-ную армію турокъ и флотъ—считаетъ положительно невозможнымъ. Предъявленіе Турціи этого требованія въ ту минуту, когда она объявитъ себя нейтральной, возобновитъ всю ея ненависть къ намъ и неминуемо заставитъ ее перейти на сторону Англіи. Поэтому великій князь и донесъ, что будетъ имѣть вышепомянутое повелѣніе въ виду. „Противъ совѣсти было бы донести государю императору, что будетъ исполнено то, что по ходу дѣлъ невозможно" (Телеграмма изъ С.-Стефано 20-го марта).

Въ слѣдъ за этимъ объясненіемъ великій князь отправилъ въ дополненіе еще слѣдующую телеграмму:

„Телеграмму твою принялъ пока только къ свѣдѣнію, потому что для точнаго исполненія встрѣчаю огромныя мѣстныя препятствія, изложеніе которыхъ изготовляемъ уже тебѣ письменно. Повторяю высказанное въ донесеніяхъ и телеграммахъ, что на полное содѣй-

---

[1]) Эта телеграмма не была шифрована.

ствіе турокъ надѣяться еще не могу [1]). Въ случаѣ же ихъ нейтралитета, могу ожидать лишь пассивнаго допущенія занять стратегическіе пункты на Босфорѣ, а на обезоруженіе 100-тысячной арміи и сильнаго флота Порта никогда не согласится. Впрочемъ, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія турокъ будутъ зависѣть отъ развитія политическихъ и военныхъ событій, то выраженную тобою волю буду имѣть въ виду для руководства".

20-го марта поздно вечеромъ великій князь получилъ телеграмму государя, въ которой, между прочимъ, его величество предлагалъ слѣдующій вопросъ:

„Скажи откровенно, здоровье твое позволяетъ ли тебѣ продолжать командованіе арміею съ должною энергіею, которая теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо".

Его высочество отвѣтилъ 21-го марта: „Пока силы есть, и я тебѣ нуженъ, то буду работать до послѣдняго издыханія. Желалъ бы только, чтобы силы не измѣнили, и если мало-мальски дѣла поправятся, Богъ дастъ къ лучшему—дозволить мнѣ тогда вернуться, чтобъ отдохнуть".

Въ той же телеграммѣ великій князь сообщалъ еще, что 21-го марта съ фельдъегеремъ посылаетъ записку о положеніи дѣлъ подъ Константинополемъ, разъясняющую, что возможно и чего нельзя сдѣлать въ виду настоящихъ отношеній къ туркамъ. Кромѣ того, по полученіи письма государя отъ 20-го марта, великій князь представилъ еще записку отъ 30-го марта, въ которой объясняетъ обстоятельства, помѣшавшія своевременно занять и укрѣпить Босфоръ, а также соображенія, заставившія его отказаться отъ посадки войскъ въ Буюкдере.

Кромѣ того, великій князь написалъ государю 21-го марта письмо, съ подробнымъ объясненіемъ состоянія своего здоровья, и 26-го командировалъ князя Имеретинскаго въ Петербургъ, для словеснаго доклада о положеніи дѣлъ, и по особому порученію. 27-го марта великій князь по этому поводу доносилъ государю по телеграфу:

„Имеретинскій уѣхалъ вчера. Сегодня мнѣ опять нездоровится. Убѣдительно прошу исполнить то, что я ему передалъ о моемъ здоровьи, которое необходимо требуетъ скорѣйшаго отдыха. Ради этого я вижу, что при всемъ желаніи, въ такомъ положеніи, теперь не могу быть полезнымъ тебѣ слугой. Съ нетерпѣніемъ буду ждать

---

[1]) 21-го марта государь отвѣчалъ великому князю по телеграфу: „На полное содѣйствіе турокъ и я не надѣюсь, но если они пассивно допустятъ насъ занять стратегическіе пункты на Босфорѣ до прихода англійской эскадры въ Черное море—то главный результатъ, котораго желаю, будетъ достигнутъ".

твоего рѣшенія о замѣнѣ меня кѣмъ-либо другимъ и вызова скорѣе отсюда [1])".

Депешей отъ 2-го апрѣля государь, сообщая о прибытіи Имеретинскаго (1-го апрѣля утромъ), увѣдомилъ, что „снисходя на просьбу великаго князя имѣть отдохновеніе, при разстроенномъ здоровьѣ, всемилостивѣйше увольняетъ его отъ командованія арміей и назначаетъ на его мѣсто генералъ-адъютанта Тотлебена, а князя Имеретинскаго начальникомъ штаба арміи. Но прошу тебя держать это въ секретѣ, до ихъ прибытія въ армію".

Въ позднѣйшей телеграммѣ отъ 6-го апрѣля государь повелѣлъ: „Кромѣ Непокойчицкаго, требую, чтобы всѣ чины твоего штаба остались при своихъ должностяхъ, и при новомъ главнокомандующемъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдовательнаго хода различныхъ переговоровъ съ Портой, которые пришлось еще вести великому князю до прибытія [2]) въ С.-Стефано Тотлебена.

22-го марта великій князь получилъ тревожную телеграмму князя Горчакова о томъ, что „румынское правительство протестуетъ противъ ст. 8-й С.-Стефанскаго договора [3]) и ищетъ поддержки великихъ державъ. Оно не желаетъ допустить сообщеніе нашей оккупаціонной арміи съ Россіей, черезъ Румынію, безъ предварительнаго согласія своего и угрожаетъ сопротивленіемъ. Братьяно поѣхалъ въ Вѣну и Берлинъ. Кагальничано заявляетъ, что, въ случаѣ войны между нами и Англіею, онъ не ручается за сохраненіе мира. Въ заключеніе Горчаковъ сообщалъ, что, по приказанію государя, онъ объявилъ князю Гикѣ, что если румынское правительство не прекратитъ протеста противъ статьи, обезпечивающей наши сообщенія черезъ Румынію, то мы займемъ княжество нашими войсками и потребуемъ обезоруженіе румынской арміи".

Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, находившійся въ это время въ С.-Стефано, по высочайшему повелѣнію немедленно, отправился въ Бухарестъ.

23-го марта получена была телеграмма, по которой государю угодно было знать: какія приняты мѣры для доставки орудій, минъ и другихъ необходимыхъ средствъ, для дѣйствительнаго прегражденія прохода черезъ Босфоръ. При этомъ государь замѣтилъ, что не-

---

[1]) Письма государя, вызвавшаго эту записку—нѣтъ.

[2]) 25-го марта.

[3]) Въ статьѣ 8 С.-Стефанскаго договора, между прочимъ, сказано, что русскія войска, которыя будутъ занимать Болгарію, сохранятъ сообщенія съ Россіею не только черезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ.

обходимо приготовить всѣ эти средства поскорѣе, такъ какъ со дня на день можно ожидать попытки покушенія англійскаго флота прорваться въ Черное море. На этотъ случай генералъ-адъютанту Семекѣ приказано принять всѣ предварительныя мѣры къ оборонѣ устьевъ Дуная, а великому князю предписывалось всѣ необходимыя для этого средства предоставить изъ числа имѣющихся въ его распоряженіи на Дунаѣ—генералу Веревкину.

Въ отвѣтъ на это великій князь донесъ, что записка, объясняющая всѣ его распоряженія, послана 21-го марта съ курьеромъ. Мины готовы; однѣ на судахъ, другія везутся сухимъ путемъ. Относительно Босфора великій князь замѣчаетъ, что не можетъ имѣть здѣсь болѣе трехъ военныхъ судовъ. О приготовленіи минъ въ устьяхъ Дуная приказано капитану 1-го ранга Казнакову, который тамъ находится. За орудіями посланы генералъ Моллеръ и капитанъ 1-го ранга Новиковъ.

23-го же марта Горчаковъ сообщилъ великому князю слѣдующія весьма секретныя свѣдѣнія:

„Генералъ Диксонъ телеграфировалъ адмиралу Горнби, что хотя для обороны Булаирскихъ линій (т. е. на Галипопольскомъ перешейкѣ) и достаточно расположенныхъ тамъ войскъ, но необходимо прислать офицеровъ и нижнихъ чиновъ британскаго флота, чтобы доказать турецкимъ войскамъ, что Англія дѣйствительно въ союзѣ съ Турціею. Выражая опасенія, какъ бы турецкое правительство совсѣмъ не отказалось отъ обороны этихъ линій, Диксонъ полагаетъ, что тогда англичане должны взять это дѣло въ свои руки, принявъ турецкія войска на англійское жалованье. Горнби донося объ этомъ, съ своей стороны полагаетъ, что въ случаѣ войны съ Россіей, необходимо Англіи заключить формальный союзъ съ Турціей. Въ противномъ случаѣ англійскій флотъ, если ему не будетъ открыто нѣсколько портовъ, можетъ оставаться въ Мраморномъ морѣ и въ Босфорѣ лишь весьма недолго и долженъ будетъ отойти назадъ въ Галиполи или Безику“.

Получивъ 26-го марта письмо государя отъ 20-го марта, великій князь донесъ, что онъ съ будущимъ курьеромъ пришлетъ письменный отвѣтъ. Но въ телеграммѣ, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы государя, великій князь представилъ слѣдующія объясненія:

„Не пошелъ я на Босфоръ до 19-го февраля, во-первыхъ, потому что у меня не было достаточно силъ на это, а дороги были непроходимы; во-вторыхъ, потому, что приходъ мой на Босфоръ во время перемирія и настаиваніе на отправкѣ войскъ изъ Буюкдере, послѣ заключенія мира—повлекли бы за собой неминуемый разрывъ не только съ Англіею, но и вновь съ Турціею, на что я не могъ рѣ-

шиться, не имѣвъ положительнаго приказанія отъ тебя, какъ поступить мнѣ въ этомъ положительномъ casus belli. Я и теперь могу, если прикажешь, идти на Босфоръ, но такъ какъ у меня изложено въ запискѣ, которую ты долженъ получить сегодня [1]), это движеніе повлечетъ неминуемо къ вступленію англійской эскадры въ Босфоръ и къ разрыву немедленному съ Англіею, а можетъ быть и съ Турціею, которая начала возводить укрѣпленія съ сухопутной стороны Константинополя, на что я немедленно потребовалъ остановки работъ".

Дѣйствительно, турки дѣятельно принялись за постройку укрѣпленій вокругъ Константинополя, съ цѣлью огражденія своего нейтралитета, на случай, если бы мы были вынуждены его нарушить. Великій князь тотчасъ же потребовалъ 27-го марта прекращенія работъ, и когда это дѣло было обѣщано, какъ военнымъ министромъ, такъ и Сафветъ-пашой, то великій князь заявилъ Реуфу о желаніи осмотрѣть эти укрѣпленія, чтобы лично убѣдиться, въ какой видъ они приведены.

27-го марта великій князь телеграфировалъ государю: „Вслѣдствіе моего настоянія, работы на Макрикіой, противъ С.-Стефано, приказано прекратить немедленно. Реуфъ обѣщаетъ устроить, чтобы работы на другихъ пунктахъ не продолжались. На дняхъ объѣду самъ турецкія линіи, Реуфъ-паша отвѣтилъ, что великій князь будетъ встрѣченъ во всякое время съ полнымъ радушіемъ".

29-го марта въ $9^1/_4$ часовъ утра великій князь выѣхалъ верхомъ изъ С.-Стефано, въ сопровожденіи всей своей свиты, высшихъ воинскихъ начальниковъ и взвода собственнаго конвоя. Несмотря на то, что великій князь не предупредилъ объ этомъ турокъ, его тотчасъ, по вступленіи въ черту турецкаго расположенія, встрѣтилъ паша, который чрезвычайно обязательно давалъ всѣ объясненія, какія великій князь пожелалъ получить. Турецкія войска повсюду, при его приближеніи, выстраивались впереди своихъ лагерей и отдавали честь съ музыкой. Наконецъ выѣхалъ навстрѣчу самъ Магометъ-Али-паша съ Штрекеромъ-пашой и взводомъ черкесскаго султанскаго конвоя. Мехметъ-Али разсыпался въ любезностяхъ. Между тѣмъ онъ сказалъ великому князю, что уже отдано приказаніе пропускать нашихъ офицеровъ въ турецкое расположеніе и принимать, какъ представителей дружественной державы; сперва онъ употреблялъ даже слово „союзной", но тотчасъ же поправился.

Великій князь объѣхалъ турецкую позицію отъ Макрикіой до

---

[1]) Записка великаго князя отъ 21-го марта. На ней помѣтка военнаго министра: государь императоръ изволилъ читать. 27-го марта 1878 г.

Кіатъ-хане (сладкія воды) и внимательно осмотрѣлъ всѣ начатыя турками на этомъ пространствѣ работы. Хотя онѣ не были еще доведены до конца, но по отзыву великаго князя то, что было сдѣлано и исполнено, отлично, а главное—мѣста подъ укрѣпленія были выбраны мастерски (донесеніе отъ 30-го марта). Мѣстность, которую турки начали укрѣплять, оказалась сама по себѣ весьма сильной. Это рядъ холмовъ, постепенно повышающихся съ приближеніемъ къ Константинополю. Лощины, по мѣрѣ приближенія къ турецкой столицѣ, становится глубже, обрывистѣе, мѣстами даже скалистыми.

„Этотъ характеръ мѣстности даетъ возможность укрѣпить ее въ нѣсколько линій, примѣрно въ три, при чемъ каждая линія укрѣпленій будетъ значительно командовать впереди лежащею. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подступы съ нашей стороны совершенно открыты, ибо окрестности Константинополя представляютъ почти пустыню,— то очевидно, съ какими трудностями сопряжена была бы атака этихъ укрѣпленій, и какъ дорого обошелся бы намъ каждый шагъ впередъ. Прекращеніе турками работъ теперь представляетъ для насъ лишь весьма небольшую гарантію, ибо, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, при несомнѣнномъ мастерствѣ турокъ быстро окапываться —имъ достаточно одной ночи, чтобы возвести очень серьезныя преграды.

„Единственный недостатокъ турецкой позиціи—это огромное ея протяженіе: отъ Макрикіой до Буюкдере, т. е. около 50 верстъ. Хотя войска у нихъ собрано и очень достаточно, но обезпечить столь растянутую позицію отъ прорывовъ на всемъ протяженіи—все-таки очень затруднительно“.

При объѣздѣ турецкихъ позицій 29-го марта, великій князь не успѣлъ осмотрѣть весь правый флангъ позиціи, простиравшійся отъ Кіатъ-хане до Буюкдере; но по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что укрѣпленія на этомъ флангѣ подвинуты были значительно болѣе впередъ; что же касается свойствъ мѣстности, то она по пересѣченности своей еще болѣе благопріятствуетъ оборонѣ и затрудняетъ наступательныя дѣйствія. Въ этомъ вполнѣ убѣдился великій князь, когда онъ 1-го апрѣля ѣздилъ на Терапію и Буюкдере. Въ телеграммѣ великаго князя, отъ 2-го апрѣля, говорится: „Вездѣ укрѣпленія съ сухаго пути, но работы пріостановлены, хотя много сдѣлано. Мѣстность ужасно пересѣченная, скалистая и трудно проходимая“.

27-го марта Порта въ отвѣтъ на предъявленное ей 18-го марта по высочайшей волѣ требованіе (настаивать самой на удаленіи англійскаго флота) конфиденціально сообщила великому князю слѣдующее: султанъ дружески просилъ королеву отозвать свой флотъ въ виду начавшейся уже отправки войскъ изъ С.-Стефано. Англійское

правительство отвѣтило, что само оно очень желаетъ вывести султана изъ затруднительнаго положенія, что если бы великобританскому кабинету было сдѣлано хотя малѣйшее предложеніе объ одновременномъ отводѣ русской арміи и англійскаго флота на одинаковое разстояніе отъ Босфора, то Англія подвергла бы подобное предложеніе самому серьезному обсужденію. Англія опасается принять на себя въ этомъ дѣлѣ иниціативу, чтобы не оскорбить Россію, которая могла бы принять это предложеніе за замаскированное требованіе начать эвакуацію.

Великій князь сообщилъ тотчасъ отвѣтъ султана въ Петербургъ, но вслѣдъ за симъ получилъ слѣдующее сообщеніе отъ князя Горчакова: „Бисмаркъ, предполагая, что ни Россія, ни Англія не хотятъ войны, но опасаясь, чтобы, въ виду настоящаго взаимнаго положенія обѣихъ сторонъ въ проливахъ, случайность не привела бы къ невольному столкновенію, предложилъ свое дружественное посредничество для удаленія англійскаго флота изъ константинопольскихъ водъ и выхода изъ Дарданеллъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія войска удаляются отъ Босфора на разстояніе, соотвѣтствующее тому времени, которое нужно будетъ англійскому флоту для возвращенія къ занимаемымъ имъ теперь позиціямъ. Онъ начнетъ дѣйствовать только по полученіи на то нашего согласія. Мы отвѣчали, что государь принимаетъ это предложеніе, вполнѣ цѣня какъ его дружественный характеръ, такъ и то высокое значеніе, которое придаетъ ему могущество Германіи“.

По поводу этого сообщенія получена была 28-го марта телеграмма государя: „конфиденція султана объ удаленіи англійскаго флота по ихъ собственному предложенію поясняетъ свѣдѣнія изъ Берлина“.

Великій князь донесъ государю 28-го марта, что если повелѣно будетъ отвести войска на соотвѣтственное разстояніе хода англійскаго флота до Босфора, въ случаѣ его выхода изъ Дарданеллъ, то полагаетъ возможнымъ отвести войска до линіи Чаталджы, откуда до Константинополя не менѣе 3-хъ дней ходу.

На это заявленіе великаго князя послѣдовалъ 29-го марта отвѣтъ государя, въ которомъ повелѣвалось главнокомандующему выяснить, на какомъ разсчетѣ основано соображеніе объ отводѣ нашихъ войскъ до Чаталджы, въ случаѣ выхода англійскаго флота изъ Дарданеллъ, и почему великій князь полагаетъ, что отъ Чаталджы до Босфора трое сутокъ хода? Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно: не отводить войска съ настоящихъ позицій до полученія на то положительныхъ приказаній.

На это великій князь донесъ 30-го марта, что и не предполагаетъ отводить войска безъ положительнаго на то высочайшаго повелѣнія (всеподд. записка отъ 30-го марта).

Переговоры, начатые тогда по поводу одновременнаго отхода русскихъ войскъ и англійскаго флота отъ Константинополя, не привели къ желаемому результату, потому что великобританскій кабинетъ согласился отвести свой флотъ въ Безикскую бухту въ такомъ лишь случаѣ, если мы отступимъ на линію Деде-Агачъ—Адріанополь. „Бисмаркъ и мы, телеграфировалъ князь Горчаковъ 2-го марта, нашли невозможнымъ принять эти условія, какъ противныя германскимъ предложеніямъ, основаннымъ на равенствѣ разсчета времени нужнаго для возвращенія на нынѣ занимаемыя позиціи. Тѣмъ не менѣе просили Бисмарка продолжать свое дружеское посредничество".

Въ заключеніе остается упомянуть о переговорахъ, начатыхъ великимъ княземъ съ Портою, по поводу очищенія турками крѣпостей Шумлы и Варны, равно какъ и Батума.

29-го марта военный министръ обратился къ государю съ всеподданнѣйшей запиской, въ которой испрашивалъ: „не благоугодно ли будетъ его величеству утвердить проектъ телеграммы, относящейся до сдачи этихъ пунктовъ, такъ какъ неоднократныя отъ него напоминанія по тому же предмету не привели ни къ какому результату".

Вслѣдствіе этой записки великій князь 29-го марта получилъ отъ государя нижеслѣдующую телеграмму:

„Почему турки до сихъ поръ не очистили Батума, Варны и Шумлы? Потребуй настоятельно немедленнаго исполненія и назначь срокъ для вступленія нашихъ войскъ въ эти крѣпости. О томъ, какой именно срокъ будетъ назначенъ, телеграфируй мнѣ, дабы дано было соотвѣтствующее приказаніе кавказскимъ войскамъ. Откладывать далѣе невозможно".

По полученіи этой телеграммы великій князь посѣтилъ 31-го марта султана, чтобы переговорить о скорѣйшей передачѣ крѣпостей. Турки по обыкновенію давали неопредѣленныя обѣщанія. Когда же имъ намекнули, что будетъ назначенъ срокъ для очищенія крѣпостей, они возразили, что въ мирномъ договорѣ ничего не сказано (телегр. великаго князя государю отъ 2-го апрѣля). Дѣйствительно, въ С.-Стефанскомъ договорѣ ничего не упомянуто о срокѣ для перехода въ наши руки Шумлы, Варны и Батума, и благодаря этому обстоятельству Порта могла съ успѣхомъ затянуть окончательное рѣшеніе вопроса до постановленія Берлинскаго конгресса.

15-го апрѣля въ С.-Стефано прибылъ ген.-ад. Тотлебенъ и 15-го же апрѣля государь, уволивъ великаго князя, согласно его желанію, отъ командованія дѣйствующей арміей, всемилостивѣйше соизволилъ произвести его въ генералъ-фельдмаршалы, въ воздаяніе столь славно оконченной кампаніи.

Записки протоіерея Пѣвницкаго.

V [1]).

Мое возвращеніе въ Тамбовъ.—Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ.—Архимандритъ Геннадій.—Епископъ Макарій.—Епископъ Ѳеофанъ и консисторскій секретарь Радкевичъ.—Консисторскій тріумвиратъ.—Епископъ Ѳеодосій.—Секретарь Остроумовъ.—Мое назначеніе въ Тамбовскій женскій институтъ.—Епископъ Палладій.—Вопросъ о преобразованіи церковнаго суда.—Лебедевъ и его книга.

Послѣ неудачныхъ поисковъ за невѣстой, я разстался съ Петербургомъ охотно и, по возвращеніи въ Тамбовъ, успокоился тѣмъ, что „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ". И пошла опять семинарская жизнь по своему обычному руслу. Въ это время и надъ семинаріями и надъ всѣмъ вѣдомствомъ повѣяло новымъ духомъ,—духомъ обновленія, того всеобщаго обновленія, которое предпринялъ великій царь освободитель Александръ Николаевичъ своими реформами. Составленъ былъ при Синодѣ комитетъ для выработанія проекта по преобразованію семинарій подъ предсѣдательствомъ Димитрія, архіепископа херсонскаго. Проектъ былъ скоро составленъ и присланъ въ семинарію для разсмотрѣнія и составленія отзывовъ о немъ. Проектъ оказался невозможнымъ практически. Онъ, какъ говорили, скопированъ былъ съ іезуитскихъ школъ и до того проникнутъ іезуитскою религіозно-нравственностію, что по нему семинаріи выходили какими-то уролливыми монастырями, съ спеціальнымъ назначеніемъ изъ дѣтей и юношей выковывать монаховъ высокой нравственности. Съ горячностію раскритиковали мы, наставники,—особенно молодежь, написали свой отзывъ, редакція котораго возложена была на меня, и отдали ректору на дальнѣйшее распоряженіе. Проектъ этотъ провалился, и состав-

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1905 г.

ленъ скоро новый комитетъ подъ предсѣдательствомъ, кажется, протоіерея Іосифа Васильевича Васильева, который былъ предсѣдателемъ и учебнаго комитета при Синодѣ. Уставъ этого послѣдняго комитета и есть теперешній уставъ преобразованныхъ семинарій, училищъ и академій. Пошли отрадные слухи о преобразованіи быта духовенства, и въ матеріальномъ и юридическомъ отношеніяхъ. Предъ этими преобразованіями много надѣлали шуму въ интеллигентной публикѣ два сочиненія даровитыхъ писателей, появившіяся въ печати; одно Помяловскаго: „Семинарская духовная бурса“, въ которомъ талантливо изображена ужасно грязная картина быта и жизни бурсацкой въ своихъ грязныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Все, что написалъ Помяловскій, произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, которое собственно и побудило энергичнаго и умнаго тогдашняго прокурора Синода Димитрія Андреевича Толстаго поскорѣе взяться за преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній.

Невообразимо тяжелое впечатлѣніе и ужасное даже смущеніе произвело въ обществѣ другое сочиненіе Беллюстина, отпечатанное за границей и распространившееся въ Россіи, по рукамъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, контрабандой, подъ названіемъ: „Сельское хозяйство“. Въ немъ описано было съ живою дѣйствительностью жалкое положеніе духовенства, стонущаго издавна и совершенно безпомощно подъ игомъ рабства у своихъ всевластныхъ владыкъ-деспотовъ архіереевъ, и отъ всевозможныхъ притѣсненій, поборовъ и обидъ архіерейской свиты, а по выраженію книги—„архіерейской сволочи“, и разныхъ канцелярій. Съ такою же дѣйствительностью и реальностью изображено все поведеніе архіереевъ по разнымъ своимъ отношеніямъ, а особенно по отношенію къ подчиненному духовенству. Все униженіе, запуганность, бѣдность и безпомощность и раболѣпность, которыя давили духовенство тяжелымъ гнетомъ, парализируя его жизнь и дѣятельность, авторъ сочиненія приписываетъ собственно и почти исключительно архіереямъ, которые не только ничего не хотѣли дѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь вывести духовенство изъ антихристіанской рабской приниженности, но все напротивъ дѣлали такое, что погружало ихъ еще въ бо́льшую приниженность и рабство. За это онъ часто называетъ архіереевъ россійской церкви: книжниками и фарисеями, возсѣдающими на Моисеевомъ сѣдалищѣ, а то и макіавелями и сатрапами въ рясахъ, у которыхъ одинъ принципъ: pereat Ecclesia, fiat nostra voluntas.—Припоминается мнѣ изъ этой книги такая картинка съ натуры въ архіерейской пріемной. Собрались просители разнаго духовнаго сана и чина, долго ждутъ владыки, ждутъ до утомленія въ страхѣ и трепетѣ, каждый повторялъ про себя придуманное объясненіе, чтобы не забыть, келейники

архіерейскіе нагло шныряютъ и взадъ и впередъ, разставляя просителей и обирая ихъ, и всѣхъ окидываютъ презрительными взорами. Послѣ долгаго ожиданія и изнеможенія—вдругъ раздается: „преосвященный идетъ!“ Всѣ моментально приходятъ отъ этихъ двухъ словъ въ такое ужасное положеніе, что какъ будто сказали имъ, что надъ ними потолокъ валится. У многихъ выскакиваетъ изъ головы все, что они придумали сказать владыкѣ. А владыка идетъ медленно, передвигая ноги, съ свирѣпымъ видомъ и грозною позитурою. Послѣ земныхъ ему поклоновъ, онъ грубо спрашиваетъ перваго: ты зачѣмъ, нелѣпый? Объясниться съ ваш-мъ; что? вѣрно, кляузы какія, у васъ вѣчно кляузы. А ты что? Тотъ, къ кому былъ этотъ вопросъ, отъ страха забылъ, что хотѣлъ сказать изъ придуманнаго, и началъ что-то бормотать. Ну, такъ, все кляузы. Отобравъ прошенія и ничего не поговоривъ въ утѣшеніе нуждающихся, владыка также грозно повертывалъ назадъ, какъ и впередъ, довольный собой и своей всевластной головой. Многіе современные архіереи увидѣли себя въ этой книгѣ, какъ въ зеркалѣ; напримѣръ, Филаретъ московскій, которому поклонялось духовенство, какъ божеству, трепетало и пресмыкалось подъ его деспотизмомъ. Въ газетной литературѣ возвѣстилъ о появленіи такой книги Муравьевъ, писатель религіозный, давъ о ней отзывъ такого рода, что авторъ взвелъ хулу на русскую церковь, позоря ее въ лицѣ ея іерарховъ - святителей. Но всѣ прочитавшіе эту книгу не нашли въ ней никакой хулы, а нашли только одну колкую и рѣзкую правду о современныхъ и историческихъ—прежнихъ архіереяхъ, которые уклонились отъ своего истиннаго образа великаго архіерея и первосвященника Христа Спасителя, который былъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“, льна курящагося не угасалъ и трости надломленной не ломалъ, который не только никого не заставлялъ предъ нимъ пресмыкаться, но всѣмъ говорилъ и особенно апостоламъ, что онъ пришелъ не для того, чтобы ему служили, но всѣмъ послужить, что князи и вельможи міра сего любятъ господствовать и властвовать, а у меня—въ христіанской церкви—не такъ, а кто первый, да будетъ всѣмъ слуга.

Не нашелъ, какъ говорили тогда, въ этой книгѣ никакой хулы на церковь и великій императоръ Александръ Николаевичъ, когда довели до свѣдѣнія его эту книгу контрабандную и онъ ее прочиталъ. И затѣмъ приказалъ секретнымъ порядкомъ разослать по экземпляру этой книги каждому архіерею съ наказомъ: имѣть ее у себя въ виду, какъ книгу настольную. Какъ громомъ поразила и пришибла всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ эта громкая книга, написанная въ горячемъ и возмущенномъ неправдою чистомъ сердцѣ, написанная, можно сказать, безъ преувеличенія, не чернилами, а

кровію. Всѣ интеллигентные люди, и высшіе и средніе, постарались ее достать, имѣть у себя или прочитать, какъ ни трудно было это, такъ такъ книга шла изъ-за границы, тайкомъ, и распространялась въ Россіи секретно. Мнѣ удалось ее прочитать и имѣть въ рукахъ въ селѣ Трескинѣ въ домѣ отца, которому сообщили ее помѣщики Чичерины. Какъ ни хранилось въ тайнѣ имя автора, но архіереи его узнали. Онъ былъ священникъ, образованіе получилъ высшее въ академіи, ученый и талантливый, писатель, могъ бы составить себѣ высшее по службѣ положеніе, но его постарались заключить въ захолустный городъ Калязинъ Тверской губерніи и держали его тамъ въ положеніи священника зауряднаго подъ опалой, никогда ничѣмъ его не награждая до самой смерти; умеръ онъ недавно въ старости, не далѣе, кажется, какъ 1890 году. Между тѣмъ оффиціально ничего не числилось за нимъ предосудительнаго по формуляру, и былъ достойнѣйшій и дѣятельный пастырь, пользовавшійся всегда большимъ уваженіемъ во всей окрестности, принималъ участіе горячее и дѣятельное въ земствѣ и городскомъ обществѣ, въ качествѣ гласнаго, и печаталъ по общественнымъ вопросамъ мѣстнымъ въ газетахъ много статей подъ своимъ именемъ. Долго говорили о книгѣ Беллюстина, много было шуму о ней и вверху и внизу,—и этотъ шумъ и говоръ общественный особенно страшилъ архіереевъ, которые, къ утѣшенію духовенства, начинали понемногу сдерживать себя въ проявленіи властолюбивыхъ инстинктовъ и чувствовали себя постоянно въ какомъ-то испугѣ, ожидая себѣ худшаго. Духовенство скоро замѣтило, что архіереи въ обращеніи съ нимъ вдругъ, неожиданно для него, много понизили свой прежній тонъ и съ священниками стали обращаться поласковѣе и повѣжливѣе, перемѣнивъ грубое ты на вы, а манеру напускной грозы и искусственнаго величія на естественный образъ человѣческій, хоть немножко отражающій въ себѣ образъ Божій. Стали даже приглашать иныхъ послужившихъ въ свои гостиныя, которыхъ прежде никогда не удостоивались, и которыя свободно наполнялись только помѣщиками, чиновниками свѣтскими и богатыми купцами и церковными старостами, если они были богаты и чѣмъ-либо вліятельны,—приглашенные священники получали отъ владыкъ право садиться и даже по-человѣчески съ ними бесѣдовать. Это пониженіе архіерейскаго тона замѣтили, къ облегченію своему, и наставники въ семинаріи на архіерейскихъ экзаменахъ. Прежде архіерей во все время производства экзаменованія учениковъ, будь это время 2—3 часа, никогда не дозволялъ сидѣть наставнику экзаменуемаго предмета, а морилъ его все это время стойкою съ безсердечнымъ равнодушіемъ къ его усталости и даже къ старымъ годамъ и заслуженной чести. А теперь стали сами уже и сажать наставниковъ,

хоть и неохотно дѣлая это, что̀ замѣтно было потому, что иные получали право сидѣть съ самаго начала, а другимъ это право давалось послѣ небольшой стойки, но такъ, какъ бы это случилось по забывчивости владыки.

Слава Богу! говорили всѣ,—хоть немножко наши архіереи сдвинулись съ своихъ искусственныхъ ходуль и стали подходить къ естественному своему нормальному положенію. Милостивый и праведный Господь, по молитвамъ униженныхъ и оскорбленныхъ, пошлетъ что-нибудь и большее, ко благу церкви Христовой. Все духовенство стало жить и оживляться надеждою, „посланницей небесъ“, и надежда эта не была безплодна. Господь воздвигъ дѣятеля „потребнаго въ свое время“, въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, Димитрія Андреевича Толстаго, избраннаго и утвержденнаго въ этой должности непосредственною волею великаго императора Александра Николаевича, съ совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ и должности министра народнаго просвѣщенія. Новый оберъ-прокуроръ, по мысли государя, со всею свойственною ему энергіею, съ умѣніемъ и твердостію взялся за осуществленіе давно уже назрѣвшей идеи объ улучшеніи быта приниженнаго россійскаго духовенства. Онъ началъ дѣло прежде всего съ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, чтобы вывесть ихъ изъ деморализующаго бурсацизма. Изыскалъ средства для построекъ новыхъ зданій и расширенія и обновленія старыхъ; возвысилъ всѣмъ оклады содержанія и жалованія, исходатайствовавъ предъ государемъ ежегодный отпускъ на это, въ пособіе къ имѣющимся своимъ средствамъ синодальнаго вѣдомства, полтора милліона рублей изъ государственнаго казначейства; далъ наставникамъ права на награды и повышенія по службѣ независимо отъ того, свѣтскіе они или духовные, священники или монахи; уничтожилъ исключительную привилегію монашества быть начальниками заведеній—ректорами и инспекторами, и ввелъ свободный выборъ въ эти должности изъ магистровъ академіи, въ семинаріяхъ ли или въ средѣ духовенства, и выборъ предоставилъ всей корпораціи семинарской. Правленіе семинаріи усилено было нѣсколькими членами отъ духовенства и изъ среды наставниковъ—по выбору; и сверхъ того учрежденъ никогда небывалый въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ педагогическій совѣтъ изъ всѣхъ наставниковъ. Экономъ семинаріи низведенъ на низшее подобающее ему мѣсто, и изъ правленія, гдѣ онъ прежде состоялъ въ числѣ третьяго члена съ инспекторомъ и ректоромъ во главѣ, исключенъ. Словомъ, духовно-учебнымъ заведеніямъ данъ самый жизненный строй, вполнѣ приспособленный къ правильному ходу, росту и развитію учебно-воспитательнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно важно и дорого было въ этомъ пре-

образованіи то, что преобладанію монашества въ управленіи положенъ былъ конецъ, и управленіе сосредоточивалось въ рукахъ цѣлой корпораціи—въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ съ предоставленіемъ достаточной доли самостоятельности. Произволъ и безконтрольность прежнихъ ректоровъ - монаховъ, любившихъ, чтобы ихъ нраву никто не мѣшалъ, сталъ теперь немыслимъ. За это всѣ ревнители блага общаго благодарили Господа и радовались, что то зло, которое видѣли и испытали на себѣ, быть можетъ, не повторится!..

При Св. Синодѣ учрежденъ былъ на новыхъ началахъ, вмѣсто рутиннаго духовно-учебнаго управленія, новый учебный комитетъ, составленный изъ ученыхъ чиновъ; предсѣдательство въ немъ поручено бывшему прежде настоятелю посольской церкви въ Парижѣ протоіерею Іосифу Васильевичу Васильеву, человѣку весьма умному и европейски образованному. Этотъ Васильевъ преданъ былъ всею душою реформѣ учебныхъ заведеній, и благодаря, главнымъ образомъ, ему—они скоро поставлены были на прочной почвѣ, въ прочной организаціи, и улучшенъ ихъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ комитетѣ были и особые еще члены ревизоры, которыхъ обязанностію было разъѣзжать по духовно-учебнымъ заведеніямъ, руководить въ веденіи педагогическаго дѣла на новыхъ началахъ, исправлять недостатки, ошибки и разрѣшать недоумѣнія на мѣстахъ. Эти члены облечены были особымъ полномочіемъ, почему ихъ побаивались и архіереи, въ отношеніяхъ своихъ къ учебнымъ заведеніямъ. Много ректоровъ-монаховъ, которые занимали свои мѣста только по одной привилегіи монашеской, устранили отъ должностей и направили на подобающее имъ мѣсто въ монастыри, и содѣйствовали свободному выбору на ихъ мѣста изъ достойныхъ магистровъ академіи въ средѣ наставниковъ и духовенства.

Въ то же время приступлено было и къ преобразованію общему—всего быта россійскаго духовенства. Составленъ былъ комитетъ объ улучшеніи быта духовенства, который долженъ былъ заняться изысканіемъ средствъ обезпеченія матеріальнаго быта и коснуться быта юридическаго. Вопросъ о правахъ дѣтей духовенства рѣшенъ былъ скоро,—всѣ дѣти получали права гражданства и перестали носить званіе духовное, пока не вступали въ должность церковную. Но вопросъ матеріальный тянулся долго и затянулся. Учреждены были съѣзды духовенства, на которыхъ оно чрезъ избранныхъ своихъ депутатовъ получило возможность и право самостоятельно разсуждать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, и придумывать мѣры и изыскивать средства къ удовлетворенію нуждъ и улучшенію дѣла. Стало вводиться выборное начало въ его средѣ, и примѣнилось прежде всего къ избранію на должность благочинныхъ, которые прежде назначались кон-

систоріею по чисто-консисторскимъ мотивамъ хлѣбнаго свойства. И наконецъ приступлено было къ преобразованію суда духовнаго. Все это озарило свѣтомъ туманную атмосферу. Слыша и видя, что на него обращено вниманіе высшаго начальства, признано положеніе его ненормальнымъ и приступлено къ благодѣтельной реформѣ, въ видахъ улучшенія его быта; духовенство оживилось духомъ, стало свѣтлѣе и сознательнѣе смотрѣть на себя и свое дѣло, готовясь и стремясь и самому быть лучшимъ въ улучшенной обстановкѣ своего быта. Смущало его только то, что не пройдетъ эта реформа благополучно до конца, какъ бы слѣдовало, ибо доброму дѣлу всегда какъ-то много встрѣчается препятствій на пути. Все духовенство видѣло и чуяло, кому эта реформа „не-понутру“, и чья безконтрольная власть понижалась чрезъ рядовое духовенство. Но пока вѣяло вездѣ новымъ, свѣтлымъ духомъ и реформы зачинались, все духовенство ликовало. Петербургское духовенство даже рѣшилось повергнуть самому государю адресъ благодарственный и изготовило его по общему совѣщанію, но митрополитъ Исидоръ ему строго погрозилъ и всѣ адресныя затѣи разомъ остановилъ.

Пока зачиналась великая духовная реформа, я продолжалъ служить профессоромъ въ Тамбовской семинаріи. Ректоръ Ѳеофилактъ, при которомъ я поступилъ сюда, скоро выбылъ, мнѣ не пришлось служить съ нимъ года. Не ладилъ онъ съ инспекторомъ, бывшимъ въ то время, архимандритомъ Антоніемъ, недавно въ 1890 году въ санѣ пензенскаго епископа. Этотъ Антоній былъ интриганъ; ему хотѣлось поскорѣе быть ректоромъ, именно въ Тамбовской семинаріи, и Ѳеофилакта вытѣснить. Вотъ онъ и началъ про Ѳеофилакта шпіонить епископу Макарію, который почему-то и такъ не благоволилъ къ Ѳеофилакту. Чуя все это, Ѳеофилактъ, чрезъ своего вліятельнаго товарища въ Петербургѣ, и выхлопоталъ себѣ переводъ въ другую семинарію, но проѣздомъ чрезъ Петербургъ съумѣлъ насолить и Антонію тѣмъ, что его, уже давно служащаго, не сдѣлали ректоромъ въ Тамбовѣ, а перевели чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ другую семинарію, а въ Тамбовъ присланъ былъ архимандритъ Серафимъ, впослѣдствіи архіепископъ воронежскій. Инспекторомъ же присланъ изъ какой-то сибирской глуши Сергій, хоть и архимандритъ, но какой-то полуидіотъ, впослѣдствіи совсѣмъ „рехнувшійся“, впавъ въ сумасшествіе. Серафимъ былъ ректоромъ не болѣе года и вызванъ былъ въ Петербургъ для епископства; присланный на мѣсто его изъ Кіева архіеп. Ѳеоктистъ, не прослуживъ и года въ Тамбовѣ, переведенъ въ Кіевскую семинарію, потомъ былъ архіепископомъ рязанскимъ. О Серафимѣ можно сказать, что онъ, будучи ректоромъ, чрезвычайно добръ былъ для воспитанниковъ, особенно жившихъ на казенномъ содержаніи.

Заботился объ улучшеніи ихъ пищи и одежды и побуждалъ эконома не скаредничать по экономіи; но самъ въ экономіи ничего не понималъ и ни за чѣмъ не слѣдилъ. Поэтому, въ коротенькое его правленіе, оказались въ семинаріи большія передержки, которыя поставили, при слѣдующихъ ректорахъ, семинарію въ критическое положеніе безденежья и долговъ неоплатныхъ. И только пожертвованія настоятелей тамбовскихъ монастырей, которыхъ нарочно вызывали въ Тамбовъ, умоляли ихъ, ублажали и угощали,—спасли отъ бѣды.

О Ѳеоктистѣ нельзя сказать ничего—ни добраго, ни худаго. Жилъ онъ совершенно отчужденно отъ всѣхъ въ семинаріи. Человѣкъ молодой, но тучный, плотно сложенный, съ лицомъ одутливымъ и красноватымъ. Догадывались, что любилъ дома, тайкомъ, порядочно выпить. Но видѣть его выпившимъ не приходилось при его рѣдкихъ появленіяхъ.

Послѣ Ѳеоктиста явился въ семинарію ректоромъ архимандритъ Геннадій. Пріѣхалъ онъ изъ Задонскаго монастыря, въ которомъ проживалъ не у дѣлъ, въ числѣ братства. До Задонска онъ состоялъ ректоромъ Самарской семинаріи не много времени, не угодилъ тамошнему епископу своею самостоятельною жизнію и дѣятельностію, и за то попалъ въ монастырь. Пріѣхалъ довольно уже помятымъ жизнію, но въ помятомъ его образѣ всѣ скоро нашли хромаго человѣка, съ здравымъ умомъ, доброю волею и искреннимъ сердцемъ, съ обращеніемъ по внѣшности прямымъ, простымъ и откровеннымъ. Учебное монашество не успѣло на эти альтруистическія свойства наложить своихъ сухихъ печатей. Онъ не корчилъ изъ себя начальника, а со всѣми сослужащими обращался по товариществу, и всѣ его искренно за это уважали. Двери его всегда для всѣхъ были открыты, во всякое время можно было къ нему идти и говорить, если была нужда, онъ этимъ нисколько не стѣснялся и принималъ сослужащихъ въ этихъ случаяхъ съ радушіемъ. Умѣлъ вести дѣло управленія семинаріи по всѣмъ частямъ въ порядкѣ и цѣлесообразно. Семинарію онъ засталъ по экономіи въ критическомъ положеніи. Предшественники его, ректоры, при непониманіи экономіи и несмотрѣніи, истощили всѣ средства содержанія и ввели семинарію въ долги. Онъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что пришли на помощь монастыри, и настоятели ихъ своими значительными взносами покрыли всѣ долги и затѣмъ обязались ежегодно взносить особую сумму добровольно, въ пособіе къ скудному казенному жалованью наставниковъ семинаріи, такъ что содержаніе наставниковъ чрезъ это значительно возвысилось еще за долго до новыхъ окладовъ по преобразованію. Съ воспитанниками онъ всегда обращался отечески,—былъ къ нимъ всегда близокъ, простъ, и они всѣ любили его и уважали. Онъ умѣлъ и побранить ихъ и

наказать во-время, и пошутить, и повеселить ихъ, и все такъ выходило, что всѣ искренно имъ были довольны. Не чуждался онъ и знакомствъ въ городѣ, но болѣе любилъ компанію въ товарищескомъ кружкѣ семинарскомъ, гдѣ иногда дозволялъ себѣ повеселиться; любилъ приглашать наставниковъ и къ себѣ для компаніи. Въ Тамбовской семинаріи онъ прослужилъ лѣтъ 5—6 благополучно. Во все это время семинарія благоденствовала—все было исправно и жизненно. И Геннадія наконецъ вызвали въ С.-Петербургъ для епископства, котораго онъ скоро и удостоенъ, и былъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ епископомъ викарнымъ, а далѣе до самостоятельнаго епископа не дошелъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни былъ викарнымъ, не мирно относились къ нему епархіальные епископы и старались выжить его; и загоняли его до того, что онъ былъ на покоѣ въ Тамбовскомъ Козловскомъ монастырѣ, съ званіемъ настоятеля его.

Епископомъ тамбовскимъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, какъ я сказалъ выше, былъ Макарій. При мнѣ онъ пребывалъ въ Тамбовѣ менѣе года, а всего пребыванія его не было и двухъ лѣтъ. Прошелъ онъ въ Тамбовѣ какъ блестящій метеоръ, на котораго всѣ съ интересомъ смотрѣли и съ удовольствіемъ дивились. А дамы были отъ него въ восхищеніи. Онъ всѣмъ казался человѣкомъ вполнѣ и истинно образованнымъ. Да таковъ онъ былъ и во всей реальности своей: блестящаго ума и обширной учености, съ даромъ блестящаго ораторскаго слова, съ внѣшностію стройною и красивою, съ манерами благовоспитаннаго аристократа, но въ то же время и архіерей-монахъ, во всемъ его благородномъ и разумномъ человѣческомъ смыслѣ. Величественно и благоговѣйно было служеніе его въ храмѣ, гдѣ мастерски говорилъ свои импровизированныя проповѣди большею частію богословскаго содержанія и ученаго характера. И храмъ въ его служеніе всегда былъ полонъ не простымъ только народомъ, а и высшими лицами, интеллигентными. Съ духовенствомъ онъ всегда былъ вѣжливъ, гуманенъ, говорилъ священникамъ *вы* и приглашалъ въ гостиную послужившихъ. Будучи въ Тамбовѣ, онъ уже былъ давно извѣстенъ, какъ ученый богословъ, и началъ составлять въ Тамбовѣ великую многотомную исторію русской церкви, въ такомъ же характерѣ ученомъ, какъ составлялъ тогда свою русскую исторію профессоръ Соловьевъ. Но въ захолустномъ Тамбовѣ для такого ученаго труда не было никакого удобства, поэтому, какъ говорили, его и скоро, по его желанію, перевели изъ Тамбова въ ученый университетскій городъ Харьковъ. И сильно жалѣли всѣ тамбовцы, что лишились скоро такого высокаго архипастыря, никогда у нихъ такого не бывало прежде, да и нигдѣ ими не видано. Много было при проводахъ и искренно плачущихъ. Утѣшались всѣ понимающіе дѣло

люди только тѣмъ, что этому рѣдкому въ архипастырствѣ архипастырю предстоитъ быть свѣтиломъ русской церкви, свѣтящимся на высотѣ, и принести великую пользу ей во главѣ управленія. Что и оправдалось.

Какъ мѣстный интересъ, занимавшій тогда тамбовское духовенство, припоминается мнѣ изъ времени Макарія слѣдующій: епископъ Макарій, очищая себя и консисторію, понемногу, отъ грязныхъ служащихъ, прежде всего смѣнилъ у себя письмоводителя, выбравъ въ эту должность одного молодаго консисторскаго писца, Преображенскаго, только-что женившагося на дочери одного изъ угодниковъ консисторіи, благочиннаго въ селѣ, Ак—нова. По виду понравился онъ Макарію и сталъ письмоводительствовать такъ, что съумѣлъ войти скоро въ полное довѣріе. Макарій поручалъ ему съ совершенною довѣрчивостію по дѣламъ консисторскимъ многое, что другимъ опасался довѣрять. Поручалъ ему и распродажу, и разсылку своихъ книгъ — богословія—по церквамъ на многія тысячи. Преображенскій все выполнялъ аккуратно и искусно, и Макарій былъ имъ вполнѣ доволенъ. Но при этомъ для всѣхъ было очень замѣтно, какъ этотъ убогенькій консисторскій прежде писецъ вдругъ возросъ во вліятельнаго уже Павла Ѳедоровича, ставшаго уже нужнымъ для всѣхъ духовныхъ; оперился и осанился, и сталъ располагать свободными денежками, и далѣе уже защеголялъ богачемъ. Духовенство знало, что въ этомъ консисторскомъ писцѣ еще въ консисторіи глубоко засѣла взяточная тля, и онъ тамъ еще хорошо изучилъ хитрое ремесло брать и концы хоронить, каковое ремесло и пустилъ въ ходъ на широкомъ полѣ архіерейской сферы, подъ крыломъ владыки, со всѣмъ своимъ плутовскимъ искусствомъ. Но Макарій, какъ видно, ничего этого не зналъ. Онъ даже предложилъ Преображенскому ѣхать съ нимъ въ Харьковъ и быть у него письмоводителемъ тамъ, и увезъ его туда съ собою. Въ Харьковѣ повалило богатство къ Преображенскому еще въ большемъ количествѣ, но благополучіе это какъ чудомъ Божіимъ — карательнымъ, скоро и вдругъ оборвалось трагически. Въ упоительныхъ мечтахъ о себѣ и своемъ растущемъ богатствѣ онъ внезапно впалъ въ сумасшествіе, и безумно сталъ повторять: „я богачъ, я крезъ,—кучи золота вижу, и все мое“; помѣстили его въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ скоро и умеръ. Вдова его, забравъ оставшееся отъ него богатство, пріѣхала на родину въ Тамбовъ и жила тамъ, припѣваючи, у брата своего, соборнаго протоіерея Петра Ак — нова, который для нея построилъ на своемъ дворѣ, но на ея деньги, особый флигель, и оказывалъ ей подобающій ея денежкамъ почетъ и угожденіе въ чаяніи будущихъ матеріальныхъ благъ.

Послѣ знаменитаго Макарія поступилъ въ Тамбовъ епископомъ

Ѳеофанъ. Пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ состоялъ ректоромъ духовной академіи годъ, два не болѣе. Послѣ Макарія онъ показался всѣмъ крайне убогимъ, особенно по маленькой фигуркѣ своей съ большой, несообразной съ туловищемъ головой. Человѣкъ впрочемъ очень умный и большой богословской начитанности и знанія, но созерцатель и мистикъ, аскетическаго характера и направленія. Мѣсто его—на поприщѣ ученаго кабинетнаго писателя или ученаго аскета въ монастырѣ, а отнюдь не на административномъ поприщѣ архіерея, на которомъ онъ оказался совершенно не способнымъ, по своему созерцательно-отвлеченному направленію, при отсутствіи реальнаго практицизма. Въ его правленіе консисторія, не много предъ тѣмъ усмиренная, ожила снова во всѣхъ своихъ архаическихъ инстинктахъ плотояднаго свойства и стала смѣло и безбоязненно проявлять ихъ, какъ и во времена Николая. Ѳеофанъ привезъ съ собой изъ Петербурга, неизвѣстно какъ приставшаго къ нему, одного горькаго чиновничка, малограмотнаго впрочемъ, холостаго, и помѣстилъ его у себя въ архіерейскомъ домѣ въ канцеляріи, а затѣмъ сдѣлалъ и своимъ письмоводителемъ. Оный чиновничекъ, убогій и невзрачный по душѣ и тѣлу, сталъ скоро всему духовенству извѣстенъ и величаться Егоромъ Ивановичемъ, фамилія его Корсуновскій. Хитрый и пронырливый, онъ обошелъ витавшаго и парившаго въ идеяхъ и эмпиреяхъ Ѳеофана такъ, что всю практику свою отдалъ ему, и слушалъ, и поступалъ, что внушалъ и искушалъ этотъ Егоръ Ивановичъ; особенно умѣлъ онъ располагать Ѳеофана въ опредѣленіи на мѣста духовныя. Тутъ просители давали ему много денегъ,—одни, чтобы не воспрепятствовалъ въ прямомъ правѣ на подходящее мѣсто, другіе, чтобы посодѣйствовалъ получить мѣсто безъ права на это, третьи, чтобы устранилъ болѣе достойныхъ конкуррентовъ. За все это Корсуновскій охотно бралъ, выторговывая предварительно со всѣхъ нужныя ему вознагражденія, и удобно устроялъ дѣло къ выгодѣ себѣ и своимъ паціентамъ, но къ ущербу чести своего патрона. Онъ ухищрялся брать не малую сумму при посвященіи ставленниковъ, пріѣхавшихъ посвящаться. Если кто изъ нихъ ему не далъ положенной суммы, онъ имѣлъ возможность проморить его долго въ ожиданіи своего посвященія; ибо ставленики распредѣлялись по не частымъ архіерейскимъ службамъ.

Еще въ большей силѣ и сферѣ развернулъ свою эксплоататорскую дѣятельность консисторскій секретарь Агафоникъ Радкевичъ. Онъ присланъ въ Тамбовскую консисторію еще при епископѣ Макаріи; но все Макарьевское время жилъ смирно, тихо, не слышно, какъ будто и секретаря въ консисторіи не было. Макарій его совершенно игнорировалъ и къ себѣ не допускалъ, все дѣлая и распоря-

жаясь въ консисторіи чрезъ своего письмоводителя. Нерасположеніе Макарія къ секретарю объясняли тѣмъ, что Макарій, поступивъ въ Тамбовъ, хотѣлъ устроить въ секретарской должности одного изъ профессоровъ семинаріи и уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ, откуда и обѣщали исполнить его желаніе. Профессоръ этотъ Павелъ Ивановичъ Остроумовъ, секретарь правленія семинаріи. О немъ много говорено выше. Онъ уже сталъ было готовиться къ новой желанной имъ издавна должности. И вдругъ получается извѣстіе, что въ секретари назначенъ какой-то Радкевичъ. Макарій крайне былъ недоволенъ, хоть и получилъ отъ самаго оберъ-прокурора извинительное письмо, что онъ поступилъ вопреки желанія Макарія, потому что не могъ не исполнить предсмертной просьбы въ это время умершаго, митрополита кіевскаго Филарета о своемъ любимомъ письмоводителѣ Радкевичѣ — опредѣлить его въ Тамбовскую консисторію секретаремъ. Это обстоятельство, а можетъ быть еще и то, что Радкевичъ, какъ кіевскій,—былъ извѣстенъ Макарію, кіевскому воспитаннику, по академіи, какъ взяточникъ темный, какимъ проявилъ себя въ Тамбовѣ въ Ѳеофаново правленіе. Этотъ Радкевичъ, старый, одинокій холостякъ, смотрѣвшій постоянно въ землю, по наружности показывался кроткимъ, благочестивымъ по-монашески, ходилъ усердно въ церковь и молился подолгу на колѣнахъ, въ слухъ вздыхая и охая и громко повторяя молитвы: Господи помилуй, Господи подай!.. Но душа его была чрезвычайно злая и хищная, хитрая и самолюбивая. Онъ пріѣхалъ въ Тамбовъ съ набранными уже, въ достаточномъ количествѣ, деньгами въ Кіевѣ подъ крыломъ старца митрополита Филарета. И, чтобы показать, что пріѣхалъ онъ на секретарское мѣсто, слывшее тогда золотымъ дномъ, не для наживы— у него есть свои средства,—купилъ себѣ, совершенно ненужный ему одинокому, большой домъ, и купилъ за большія деньги у нужнаго для него члена консисторіи, самаго вліятельнаго и перваго въ ней, протоіерея Ивана Андреевича Мос — на, дядя котораго поступилъ митрополитомъ въ Кіевъ, на мѣсто умершаго Филарета,—это Арсеній. Иванъ Андреевичъ Мос — нъ, о которомъ говорилось выше, очень радъ былъ сбыть съ рукъ домъ, уже ветхій, который требовалось поправлять, и при томъ за большую цѣну, которой и никто бы ему не далъ, и продалъ Радкевичу съ такимъ удовольствіемъ, что и Радкевичъ отъ того сталъ ему съ тѣхъ поръ милымъ человѣкомъ, чего Радкевичу и нужно было достичь, въ своихъ видахъ служебной перспективы. Когда для Радкевича страхъ Макарія миновалъ и настало безстрашіе маленькаго Ѳеофана, онъ тихонько и легонько, по немногу и постепенно, но цѣпко и крѣпко идя все впередъ неуклонно, наконецъ забралъ все въ консисторіи въ руки, помимо которыхъ ничто

не могло ни входить, ни исходить изъ консисторіи. Члены консисторіи были совершенно безгласны и безсильны, ходили въ консисторію и сидѣли въ ней за столомъ чистыми автоматами и истуканами, балагуря отъ скуки между собой, разсказывая о новостяхъ и подписывая между разговорцемъ какія-то бумаги, невидимою рукой для нихъ изготовленныя, и затѣмъ преспокойно въ урочный часъ расходились, чтобы опять въ урочный часъ за тѣмъ же и сойтись завтра. А невидимая рука секретаря работала преусердно. Въ канцеляріи онъ всѣхъ держалъ въ струнку, и его боялись писцы и даже столоначальники, какъ строгаго своего начальника. Онъ тамъ постоянно былъ, наблюдалъ, направлялъ, указывалъ и исправлялъ все по-своему, требуя безусловнаго повиновенія.

Въ помощь себѣ какъ вполнѣ подходящаго по всему строю и складу характера, такого же хитраго и хищнаго, злаго и самолюбиваго, но по внѣшности тихаго и молчаливаго на всякую тайну канцелярскую, какъ могила, онъ выбралъ изъ среды канцелярской, оффиціально и числившагося помощникомъ секретаря, прослывшаго впослѣдствіи взяточникомъ по всей епархіи, Андрея Ивановича Ле — ва, поступившаго въ консисторію изъ учителей духовнаго училища. Оба—и секретарь, и его помощникъ—скоро тѣсно сблизились, живя между собою всегда мирно и дружно, и дѣйствуя во всемъ согласно и обоюдно выгодно, такъ что одинъ другому со всѣмъ усердіемъ въ всемъ помогалъ и одинъ другаго съ такимъ усердіемъ ни въ чемъ не выдавалъ. Для большей безопасности и большей крѣпости оба они постарались привлечь къ своему союзу третьяго члена выше означеннаго Егора Ивановича Корсуновскаго, архіерейскаго письмоводителя. Такимъ образомъ и составился въ Тамбовѣ тройственный союзъ — своего рода лига мира, задолго, какъ очевидно, предъуказавшая и предупредившая современную европейскую лигу мира. Эта тройственная лига дѣйствовала искусно и секретно. Главный дирижеръ въ ней—Радкевичъ былъ опытный, стариннаго пошиба, дѣлецъ, умѣвшій искусно составить всякую бумашку такъ точно и чисто—все на законномъ основаніи, что ни къ какой тонко сокрытой въ ней неправдѣ и комаръ носа не подточитъ. Умѣлъ всегда отписаться на всякую жалобу въ Синодъ и выйти сухимъ и чистымъ изъ всякихъ грязныхъ дѣлъ, особенно, если пошлетъ кому изъ нужныхъ лицъ, въ въ синодской канцеляріи, которыхъ всѣхъ хорошо зналъ, чѣмъ кто страдалъ, малую толику изъ своихъ поборовъ. Мастеръ написать крючковатыя бумаги, беззастѣнчиво обращать ложь въ истину, а истину въ ложь чрезъ искусный подборъ и переиначиваніе написаннаго въ сыромъ матеріалѣ, по судебнымъ, особенно, дѣламъ, помощникъ Ле—въ, для котораго ничего не значило за взятыя деньги

представить въ дѣлѣ доклада и въ постановкѣ рѣшенія виновнаго кругомъ—правымъ, невиннаго—виноватымъ, перваго — оправдать, а втораго — наказать; а если оба дали денегъ — то обоихъ оправдать. Члены не способны были проникнуть въ суть дѣла, а иные не хотѣли, получивъ тоже кусокъ, и подписывались подъ всякимъ изготовленнымъ рѣшеніемъ спокойно, надѣясь, что строгій и благочестивый секретарь ихъ не подведетъ. Тамъ, на верху у владыки, дѣйствовалъ самъ Радкевичъ, докладывая суть и ходъ дѣла такъ, какъ хотѣлъ и было ему нужно, и владыка довѣрчиво соглашался, не желая входить въ тяжелую для него сушь и суть дѣлъ, и если что и затѣвалъ по-своему, то къ секретарю приходилъ на помощь письмоводитель, и дѣло устроялось для нихъ благополучно. Ѳеофанъ любилъ и погруженъ былъ въ чтеніе книгъ и духовныхъ журналовъ, любилъ и сочинительствомъ позаняться. Къ дѣламъ епархіальнаго управленія душа его не лежала. Ну, лига мира свободно и работала, наработала много зла епархіи и заработала себѣ большіе капиталы, соотвѣтственно рангу каждаго союзника, пока Господь не убралъ изъ епархіи Ѳеофана и не указалъ ему мѣсто въ монастырѣ — Вышенскомъ, на его душевное спасеніе отъ зла, которое свободно сѣялось врагомъ рода человѣческаго и росло быстро, какъ плевелы, отъ его архіерейской епархіальной бездѣятельности. Съ выбытіемъ изъ Тамбова епископа Ѳеофана распался тріумвиратъ и скоро совсѣмъ улетучился. Одного взялъ съ собою во Владиміръ самъ Ѳеофанъ—это Корсуновскаго, который во Владимірѣ, будучи тѣмъ же письмоводителемъ, при Ѳеофанѣ, до того проворовался, что Синодъ предписалъ удалить его отъ должности, да и самъ Ѳеофанъ устыдился долѣе держаться на владимірской каѳедрѣ и, прослуживъ тамъ всего не болѣе двухъ лѣтъ, самъ наконецъ испросилъ себѣ увольненіе на покой въ Тамбовскую Вышинскую пустынь, гдѣ и пребывалъ, отрѣшившись, по обѣту монашества, вполнѣ отъ міра и его прелестей, и отдавшись всецѣло единому Богу. Другой секретарь, Радкевичъ, собравъ всѣ свои нажитыя въ Тамбовѣ денежки, поспѣшилъ самъ въ слѣдъ за Ѳеофаномъ убраться добровольно изъ Тамбова и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ поступилъ въ монашество, пріютившись какимъ-то путемъ удобнымъ, говорили чрезъ Мо—на, племянника кіевскаго митрополита, при архіерейскомъ домѣ кіевскаго митрополита Арсенія и былъ потомъ архимандритомъ одного изъ кіевскихъ монастырей.

Забавную исторію разсказывали про Радкевича, случившуюся съ нимъ по отъѣздѣ изъ Тамбова. Когда экономомъ архіерейскаго дома былъ А., архимандритъ В. пустыни, любимый Ѳеофаномъ, который выхлопоталъ ему собственно это мѣсто у Синода, Агафоникъ Радкевичъ былъ съ А. въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ: можно ска-

зать—это были два друга, любящіе одинъ другаго братскою любовію. Квартира Радкевича была около Казанскаго монастыря, — домъ свой Радкевичъ, какъ ненужный, давно продалъ, — и оба постоянно навѣщали другъ друга и весело проводили время. А — ю по экономіи монастырской какъ-то оказалось нужнымъ признать восемь тысячъ рублей. Онъ и обратился къ Радкевичу одолжить ему на короткое время эту сумму. Зналъ онъ конечно, что у друга его всегда есть въ рукахъ и въ шкатулкѣ дома много наличныхъ денегъ, которыя несли къ нему ежедневно и въ консисторіи, и въ домѣ многочисленный людъ—просители. И, повѣривъ другу, Радкевичъ одолжилъ означенною суммою А—я на честное слово. Вскорѣ А—я опредѣлили на В—у, и онъ уѣхалъ туда съ обѣщаніемъ прислать долгъ оттуда. Затѣмъ скоро уволился и Радкевичъ, и поѣхалъ къ своему другу на В—у за должкомъ, а кстати и проститься. Пожилъ у друга немножко, сталъ собираться въ дорогу и завелъ рѣчь о долгѣ. Но А — й серьезно и прехладнокровно осадилъ одними вопросами: какой долгъ? когда я занималъ? какія это деньги? Агафоникъ Радкевичъ посмотрѣлъ на своего друга, молча всталъ, сухо простился и горько заплакалъ, садясь въ свою повозку. Съ такимъ горемъ и въ Кіевъ пріѣхалъ... Третій союзникъ Ле — въ остался на мѣстѣ и жилъ еще нѣсколько лѣтъ тѣмъ же помощникомъ, но уже скорбно, не отъ того, что доходъ сократился, — онъ уже себя обильно обезпечилъ и на сто лѣтъ не прожить,—а напала на него злая болѣзнь желудка, отъ которой онъ ничего не могъ съ аппетитомъ ѣсть и пить, и постоянно его все тошнило и рвало, мучился онъ долго и постоянно, пока не умеръ, обогативъ наслѣдствомъ сестру и брата послѣ своей смерти. О Корсуновскомъ слышно было, что онъ, по увольненіи отъ должности письмоводителя за проступки, отправился въ Петербургъ, пристроился къ канцеляріи Синода сверхъ штата и, послуживъ тамъ нѣсколько времени безъ жалованья, получилъ высшее прежняго мѣсто—прямо попалъ въ секретари, помнится, Волынской или Подольской консисторіи.

Да! свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Дивное время и дивные нравы. Тріумвиратъ: двое хохловъ и одинъ тамбовскій, преспокойно цѣлыхъ 4—5 лѣтъ эксплоатировали въ свой карманъ Тамбовскую епархію, заправляли и управляли всѣми ея дѣлами по духовенству, брали нагло за все и со всѣхъ въ свой карманъ, связавъ епископа по рукамъ и ногамъ! И все какъ съ гуся вода. Я вначалѣ съ этимъ тріумвиратомъ былъ не много и лично знакомъ, бывалъ у каждаго изъ нихъ иногда, и они бывали иногда, встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ. Но пришлось мнѣ разъ имѣть до нихъ дѣло, которое зависѣло отъ ихъ рукъ,—и я, несмотря на знакомство,

ничего у нихъ не успѣлъ съ однѣми сухими руками и словами. Зятю, который женился на моей сестрѣ, я хлопоталъ найти гдѣ-либо священническое мѣсто. Былъ лично за этимъ у епископа Ѳеофана, который обѣщалъ дать, если найдется свободное мѣсто. Затѣмъ подано было ему и письменное прошеніе о мѣстѣ. Но дѣло не двигалось впередъ. Я упрашивалъ и письмоводителя, и секретаря, и его помощника посодѣйствовать дѣлу. Ничего не выходило, все мѣстъ нѣтъ, говорили. Между тѣмъ являлось въ это время не мало свободныхъ мѣстъ, и тріумвиратъ намѣтилъ открывать еще во многихъ приходахъ, и ждалъ только разрѣшенія Синода, куда уже давно представлено. Но всѣ свободныя мѣста были у нихъ на откупѣ и хранились въ тайнѣ. Вижу я, что мое участіе ничего не поможетъ, послалъ отца своего лично къ секретарю на квартиру, попросить самому о мѣстѣ и положить ему прямо на столъ 100 рублей и уйти: такъ, я слышалъ, поступали просители чего-либо у него. Такъ отецъ мой и поступилъ. Секретарь Радкевичъ сначала отказывался отъ денегъ, говоря, что и такъ сдѣлаетъ, помня просьбу сына вашего Виктора Егоровича, но отецъ безъ церемоніи положилъ деньги на столъ и распрощался. Дѣло было лѣтомъ, и окна въ квартирѣ отворены. Отецъ, проходя мимо оконъ, услышалъ голосъ секретаря, державшаго въ рукахъ деньги: „Отецъ благочинный,—мѣсто у меня вамъ есть на примѣтѣ. Только вы ужъ о деньгахъ-то, пожалуйста, ничего не говорите Виктору Егоровичу“.—Хорошо, только вы-то, Агафоникъ Павловичъ, не оставьте безъ милости, отвѣтилъ отецъ. И что жъ? черезъ три—четыре дня самъ Радкевичъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, объявляетъ мнѣ, что владыко далъ мѣсто зятю, и радостно поздравляетъ меня съ этимъ. Мѣсто оказалось изъ плохихъ плохое—вѣроятно по цѣнѣ даннаго задатка въ 100 рублей назначено. Изъ него послѣ пришлось переходить, употребивъ на хлопоты тому же секретарю еще не мало денегъ...

Зная по опыту и наблюденіямъ все, что творилось нашимъ тріумвиратомъ, мы, въ семинаріи служащіе, молодые наставники, чрезвычайно этимъ возмущались, вездѣ, гдѣ бывали, объ этихъ консисторскихъ мерзостяхъ распространяли свѣдѣнія и писали въ своихъ письмахъ и въ Петербургъ—знакомымъ, и всюду, куда можно. Въ это время вѣяло духомъ реформъ, и начинались онѣ и въ духовенствѣ—много матеріаловъ, для свободнаго сужденія и бесѣдъ. Мы возмущены особенно были тѣмъ, что повсюду старое зло — крѣпостное—стало стихать и слабѣть, а у насъ консисторское и архіерейское административное зло, какъ нарочно, вопреки свѣту и разуму, свирѣпствовало съ силою большею. Рабство крестьянъ уничтожается. Старые гражданскіе суды и порядки безпорядочные обновляются;

ужели только духовенство, эта соль земли, будетъ все затаптываться въ грязи и останется и въ бѣдности, и въ рабствѣ у владыкъ и разной консисторской клики? Ужели наша администрація, деморализованная, и наши суды духовные безсудные, сутяжные и хищные останутся нетронутыми? Такія раздавались рѣчи изъ среды образованнаго молодаго персонала профессоровъ семинаріи,—рѣчи открытыя, смѣлыя, искреннія, съ воодушевленіемъ отъ новаго свѣтлаго духа обновленія Россіи, протестующія противъ стариннаго закоренѣлаго зла, безпощадно разъѣдавшаго всю духовную администрацію и судебные безпорядочные порядки. Эти протесты, какъ мы замѣчали, пугливо дѣйствовали и на нашихъ тріумвировъ,—и они, въ своемъ безстрашіи, въ сферѣ консисторской и архіерейской, въ свободѣ своихъ злохитрыхъ и злохищныхъ дѣйствій, стали ощущать внутреннее стѣсненіе. Страшна имъ стала распространившаяся о нихъ повсюду худая молва, и чувствовали они, и видѣли себя въ общественномъ мнѣніи, какъ въ зеркалѣ, ужасными страшилищами. Благодѣтельная гласность, о введеніи которой писали и разсуждали—въ суды гражданскіе, и которой болѣе всего враждебна старинная и злая, какъ язва, господствовавшая канцелярская тайна, и тогда еще проявляла свою силу въ нашей даже темнѣйшей административной средѣ, и не давала покоя даже такимъ оголтѣлымъ и съ сожженною совѣстію дѣятелямъ зла, какъ Радкевичъ, Л—въ и Корсуновскій. Злая память о нихъ долго была жива въ тамбовскомъ духовенствѣ. Но слава Богу,—они, кажется, завершили собою послѣдній рядъ чумазыхъ бичей-эксплоататоровъ тамбовскаго духовенства. Духъ новаго времени живительно освѣжать сталъ и ту смрадную атмосферу, и то грязное болото, гдѣ жилось имъ такъ вольготно и привольно, какъ имъ жилось во все время управленія Тамбовскою епархіею епископа Ѳеофана...

Въ 1863 году поступилъ въ Тамбовъ епископомъ Ѳеодосій, прямо изъ ректоровъ Воронежской семинаріи. Онъ оказался пастыремъ добрымъ, „душу свою полагающимъ за овцы, радѣтелемъ ввѣреннаго ему стада, не только не бѣгающимъ отъ грядущаго волка, готоваго расхитить стадо, но идущаго всегда ему навстрѣчу смѣло, чтобы отогнать его и защитить отъ него своихъ овецъ“. Человѣкъ онъ былъ невысокаго ума и учености, но обладалъ хорошимъ, здравымъ смысломъ и искренне-добрымъ сердцемъ, и отличался практическимъ направленіемъ своего характера. Велъ образъ жизни простой, скромный, безъ всякихъ сибаритскихъ прихотей, скромно и благоговѣйно служилъ онъ въ храмѣ—и это служеніе его благоговѣйно дѣйствовало на всѣхъ своею величественною простотою небеснаго характера. Попросту и безъ затѣй тщеславныхъ жилъ онъ

и дома, и доступенъ былъ для всякаго во всякое время. Дѣлами по управленію любилъ заниматься самъ непосредственно и знать ихъ не изъ чужихъ устъ и рѣчей. Поэтому у него никакъ не могли быть въ силѣ никакіе секретари и письмоводители. Отъ скромнаго и дѣятельнаго образа его жизни все около него и даже бродящая консисторія стала поскромнѣе и подѣльнѣе. При немъ, и по его ходатайству, опредѣленъ секретаремъ консисторіи Павелъ Ивановичъ Остроумовъ; поступивъ въ консисторію, онъ повелъ себя весьма благоразумно и былъ секретаремъ, особенно въ сравненіи со всѣми предшественниками, превосходнымъ, добросовѣстнымъ и благонамѣреннымъ. Поступивъ уже на старости въ секретари и привыкнувъ довольствоваться скромнымъ содержаніемъ семинарскимъ, онъ доволенъ былъ, какъ богатствомъ, и тѣмъ, что шло ему отъ консисторскаго секретарскаго положенія, само собою, по издавна заведенному порядку, въ помощь скудному жалованью отъ казны. Тогда оплачивалась всякая бумага, всякій документъ и книги, получаемыя отъ консисторіи, плата шла въ львиной долѣ секретарю, плата шла ежегодно отъ благочинныхъ, при отчетахъ, отъ монастырей и ихъ настоятелей и настоятельницъ, которые, т. е. монастыри, служили постояннымъ и обильнымъ источникомъ денежнаго и вещеваго дохода. Со всего этого припаса секретарь свободно, безгрѣшно, какъ говорятъ, могъ получать въ годъ 3—4 тысячи, безъ всякой прижимки и чего-либо похожаго, словомъ, благородно и честно. Такъ благородно и честно въ консисторскомъ смыслѣ и повелъ себя Павелъ Ивановичъ Остроумовъ и старался въ этомъ смыслѣ облагородить и подначальную ему канцелярію—писцовъ съ столоначальниками. Да если бы и захотѣлось ему свой небольшой семинарскій пушокъ на рыльцѣ пустить въ большой ростъ, по соблазнительнымъ примѣрамъ своихъ предшественниковъ, наживавшихъ въ десяткахъ тысячъ капиталы, то въ обстоятельствахъ современныхъ не было уже удобной для этого почвы, и епископъ Ѳеодосій былъ великою преградою для возрастанія и обрастанія всякихъ пушковъ на секретарскихъ и не секретарскихъ рыльцахъ.

При епископѣ Ѳеодосіи мнѣ открылась возможность, состоя на профессорской службѣ, поступить во священника, при приходской Покровской церкви г. Тамбова. Послѣ многихъ своихъ попытокъ найти себѣ мѣсто, болѣе достаточное для жизни, гдѣ-либо внѣ Тамбова, и неудачъ въ этомъ, я наконецъ убѣдился въ путяхъ Промысла Божія, судившаго мнѣ послужить своей именно родинѣ, куда я разъ уже и перешелъ изъ Пензы. Но я еще не былъ женатъ, и этотъ трудный вопросъ предстояло мнѣ рѣшать скоро, такъ какъ Ѳеодосій мѣсто мнѣ назначилъ къ занятію, и оно было никѣмъ не

занято. Господь невидимою рукою указалъ мнѣ эту невѣсту, не въ своей средѣ, гдѣ ихъ было не мало, но въ свѣтской сиротѣ, жившей съ своею матерью на деньги, доставшіяся отъ предковъ. Мать и дочь вели жизнь скромную, трудолюбивую и богобоязненную, и жили въ чистотѣ и опрятности, аккуратно, на приличной квартирѣ, въ достаткѣ, ни въ чемъ не нуждаясь. Невѣста была хорошо воспитана строгою матерью и училась наукамъ дома и въ пансіонѣ. Два брата ея учились въ университетѣ, и одинъ поступилъ въ медики, въ Москвѣ. Случилось съ ней встрѣтиться и нѣсколько разъ быть въ домѣ, гдѣ она бывала въ гостяхъ, сблизиться затѣмъ такъ, что она охотно за меня готова была выйти замужъ, и я охотно готовъ былъ на ней жениться. Симпатія любви живо зародилася и скоро заставила войти въ брачный союзъ. Ей было 20 лѣтъ, мнѣ 30 съ ростомъ; за ней было небольшое приданое—и деньгами, и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, мнѣ предстояло получать достаточныя средства содержанія для семейнаго положенія—отъ священническаго мѣста и отъ семинаріи. Въ придачу къ невѣстѣ я получилъ и тещу. Хоть тещи и непріятная коммиссія для зятей и иронизируетъ надъ ними даже литература, и въ обществѣ онѣ не цѣнятся дорого, но у меня теща иронизируемыхъ общественныхъ свойствъ не имѣла. Когда я женился и мы трое стали жить вмѣстѣ, она полезна стала въ хозяйствѣ нашемъ,—за всѣмъ слѣдила и все берегла отъ воровatой прислуги, со всею зоркостью и днемъ, и ночью. Жена по матери сдѣлалась тоже бережливою и разсчетливою хозяйкою, а отъ нихъ бережливостью, заразился и я, и у насъ такою одною бережливостью составились средства состроить себѣ большой и удобный домъ, въ которомъ теперь, по милости Божіей, въ довольствѣ и живемъ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ, я занялся требоисправленіемъ, которое было для меня очень обременительно, особенно потому, что къ Покровской церкви причислены были, въ двухъ верстахъ отъ Тамбова расположенные, такъ называемые, Покровскіе выселки, въ которыхъ жили крестьяне-хлѣбопашцы. Они одолѣвали меня частыми тасканіями къ нимъ безвременно, причащать больныхъ, и ѣхать къ нимъ на ихъ тощихъ лошаденкахъ въ деревенской телѣгѣ или саняхъ въ непогоду; да и въ городѣ много было бѣдноты въ самыхъ захолустныхъ и грязныхъ мѣстахъ по окраинамъ города; по ихъ хижинамъ приходилось ходить пѣшкомъ въ грязь и непогоду. Въ это время я опытно узналъ, какъ тяжела жизнь приходскаго священника въ томъ отношеніи, что своимъ служеніемъ, и въ храмѣ, и по исправленію требъ по приходу, приходится думать о получкѣ за это платы изъ рукъ того, для кого совершаешь службу, ибо все содержаніе священника зависитъ отъ того, дадутъ ли ему и сколько,

или ничего не дадутъ за его священнослуженіе; и можетъ случиться и большой недостатокъ въ его средствахъ отъ случайности платежнаго количества. И какъ тяжело полученіе это въ нравственномъ отношеніи! Особенно нравственно горько приходилось ходить по домамъ въ праздники подъ видомъ славленія Христа и освященія домовъ святою водой, собирать деньги для пропитанія. Къ церкви Покровской принадлежатъ много домовъ дворянъ и чиновниковъ, знатные изъ нихъ, бывало, не принимаютъ, отказывая „дома нѣтъ“, или высылаютъ деньги, не пуская въ домъ. Какъ попрошайкамъ ходить такъ—ужасно.

Въ это время рѣшался вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Въ литературѣ, особенно духовной, разсуждали и настойчиво заявляли, что все духовенство непремѣнно нужно освободить отъ унизительной для него платы за требоисправленія, которую онъ получалъ поручно, какъ подаяніе; указывалось много способовъ устроить это такъ, чтобы духовенство имѣло опредѣленное годовое содержаніе въ количествѣ и качествѣ, получаемое изъ опредѣленнаго источника и не зависящее отъ случайностей. Изъ центральнаго комитета въ С.-Петербургѣ объ улучшеніи быта духовенства, подъ предсѣдательствомъ митрополита Исидора, обсужденіе этого дѣла, ближайшее и непосредственное, предварительно отдано было въ епархіи, гдѣ по распоряженію архіереевъ собирались чрезъ благочинныхъ нужныя свѣдѣнія на мѣстѣ; свѣдѣнія эти обсуждались, съ выводами и заключеніями, на мѣстныхъ, въ губерскихъ городахъ, комитетахъ. Комитеты эти изъ мѣстнаго матеріала составляли проекты частные отъ себя, и все со свѣдѣніями отсылалось въ С.-Петербургъ. Въ тамбовскомъ комитетѣ по разбору свѣдѣній объ улучшеніи быта тамбовскаго духовенства, въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, состоялъ и я, въ 1866 году. На меня, какъ члена - редактора, и пала вся тяжесть разборки и обработки сыраго матеріала. Одолѣвъ этотъ кропотливый трудъ, я, съ помощью Божіею, составилъ подробную записку, гдѣ проектировано было матеріальное улучшеніе изъ опредѣленно указаннаго источника такъ, чтобы сельскій священникъ получалъ опредѣленнаго ежегоднаго жалованья не менѣе 600 руб., съ оставленіемъ въ его пользованіе церковной земли, и съ обязательствомъ безплатно совершать всѣ необходимыя требы. Записка эта, въ обработанной литературной статьѣ, послѣ отпечатана мною въ „Православномъ обозрѣніи“ 1866 года. Время это было горячее, воодушевляло всѣхъ на разговоры, разсужденія и писанія по улучшенію духовнаго быта. Журналы духовные съ жаромъ разрабатывали вопросъ, указывая источники и средства къ успѣшному и практическому его рѣшенію. Особенно радѣлъ объ этомъ вопросѣ, полагая въ немъ всю свою душу,

молодой и новый еженедѣльный журналъ, никогда небывалый въ духовной журналистикѣ, безъ предварительной цензуры, подъ названіемъ: „Церковно-Общественный Вѣстникъ“. Этотъ журналъ, свѣтлый, искренній, правдивый, горячо преслѣдовавшій благо россійскаго духовенства, и смѣло указывавшій, и разоблачавшій коренное зло и разныя язвы, изстари разъѣдавшія и подрывавшія все его благосостояніе, оказалъ духовенству неоцѣненную услугу и огромную пользу въ его бытѣ и жизни общественной. Любило его все духовенство читать и зачитывалось имъ; бодрилъ, живилъ и просвѣтлялъ онъ самымъ симпатичнымъ образомъ, особенно сельское духовенство, забитое и приниженное, и мало знающее общественные вопросы и интересы въ ихъ сущности.

Предсѣдатель духовно-учебнаго комитета, протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, самъ принималъ въ этомъ журналѣ участіе, оказывалъ ему своимъ авторитетомъ нужную поддержку и защиту отъ всѣхъ недоброжелателей. И талантливый редакторъ А. И. Поповицкій, подъ сильною защитою Васильева, котораго любилъ и уважалъ за глубокій умъ и европейскую образованность самъ оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой, сумѣлъ какъ нельзя лучше воспользоваться своимъ положеніемъ и со всѣмъ безпристрастіемъ и яркою правдивостью, смѣло и безопасно выяснить всѣ причины униженнаго положенія духовенства, не оставивъ безъ вниманія и тѣхъ, которыя скрывались въ архіереяхъ и прежде всегда замалчивались. Редакторъ смѣло печаталъ всѣ епархіальныя корреспонденціи, въ которыхъ правдиво описывались распоряженія архіереевъ и разныя курьезные поступки съ духовенствомъ, но которые архіереи желали бы держать въ безгласности. Поэтому всѣ архіереи побаивались „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, и благодаря этому одному, смирнѣе были, но журнала терпѣть не могли, считая его и всѣмъ объявляя зловреднымъ. Но пока живъ былъ знаменитый дѣятель, по вопросу объ улучшеніи быта духовенства, и особенно по заботамъ о преобразованіи способовъ воспитанія и обученія дѣтей духовныхъ, Іосифъ Васильевичъ,—Поповицкій не боялся озлобленія недоброжелателей, и журналъ стоялъ твердо и расходился повсемѣстно въ большомъ количествѣ безпрепятственно. У Васильева онъ служилъ органомъ духовно-учебнаго комитета, по вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, въ которомъ печатались и уяснялись улучшенія и распоряженія въ нихъ. Но со смертію Васильева журналъ этотъ скоро забрали въ монашескую цензуру, и сталъ онъ издаваться уже за подписомъ цензора архимандрита Тихона, уже чахлый, и затѣмъ скоро умеръ отъ истощенія.

Въ 1867 году, при Знаменской церкви умеръ протоіерей Бондар-

скій, состоявшій и членомъ консисторіи. Преосвященный Ѳеодосій предложилъ мнѣ перейти на его мѣсто къ Знаменью, съ занятіемъ и должности члена консисторіи. На это я добровольно согласился, такъ какъ знаменскій приходъ былъ поудобнѣе и подоходнѣе, хоть въ консисторію не желалъ было поступать и сначала отказался, и только убѣжденія и одобренія Ѳеодосія вселили въ меня рѣшимость. Попробую, сказалъ я себѣ, послужить и въ консисторіи, и опытно узнать, что это за служба. Видѣлъ я, что въ консисторіи и секретарь новый и знакомый по семинарской службѣ, и члены не старинные, прежніе заросшіе консисторскою плѣсенью, а всѣ новые, два изъ академіи, и къ нимъ третій академикъ я. Это успокоило меня, и я вступилъ въ консисторію смѣло, и скоро вошелъ въ свою колею. Въ экспедиціи, которая поручена мнѣ въ завѣдываніе, столоначальникомъ былъ давнишній крючекъ консисторскій, воспитавшійся съ юныхъ лѣтъ въ старой безпардонной школѣ консисторскаго обирательства, Авксентій Розановъ, льстивый плутъ, успѣвшій на своевольной канцелярской службѣ и подслуживаніи нажить большой домъ и изрядный капиталъ. Разъѣзжалъ въ консисторію и по городу на лошадяхъ и жилъ бариномъ. Дѣлами въ столѣ занимался и ихъ обработывалъ, по старой привычкѣ, какъ хотѣлъ по своему вкусу, безконтрольно, и рѣшалъ ихъ самъ по соображенію одной своей выгоды. Писцы были у него покорнѣйшіе рабы, которымъ онъ за работу на него выдавалъ доходную плату, сообразно усердію каждаго въ угожденіе ему, изъ тѣхъ доходовъ, которые текли въ руки столоначальника, по разнымъ дѣламъ и бумагамъ, отъ лицъ, имѣющихъ нужду до консисторіи. Мнѣ, какъ члену и начальнику его, онъ обязанъ былъ докладывать каждую бумагу или дѣло, чтобы по нему постановить и записать въ настольномъ реестрѣ свое рѣшеніе. Прежде онъ не имѣлъ обыкновенія дѣлать обстоятельный докладъ, а диктовалъ члену рѣшеніе, составленное имъ заранѣе, и членъ подъ его диктовку и писалъ. Такъ онъ хотѣлъ по привычкѣ дѣйствовать и у меня, держа меня автоматомъ. Долго я мучился этимъ положеніемъ, какъ новичекъ, не привыкшій обращаться съ подобными наглецами, и деликатно все хотѣлъ въ свое положеніе его поставить, но не успѣвалъ. Мучась его наглымъ присутствіемъ и обращеніемъ со мной, я наконецъ велѣлъ приносить ему въ присутствіе однѣ бумаги, а самому уходить, и сталъ прочитывать ихъ самъ и соображать, что нужно по нимъ сдѣлать, и затѣмъ записывалъ свое рѣшеніе въ книгу. Дѣло это шло у меня по непривычкѣ медленно, и я поэтому часто бралъ дѣла на домъ и разбиралъ ихъ вечеромъ. Трудно мнѣ было, но зато легко чувствовалось въ независимости отъ опаснаго столоначальника, который легко могъ подвести члена, изъ своихъ

выгодъ. Но, слава Богу, этого столоначальника случай благопріятный изъ консисторіи убралъ и безъ хлопотъ. Въ 1868 году вышли новые штаты для консисторій—нѣкотораго рода улучшеніе,—по штатамъ нужно сдѣлать сокращеніе классныхъ чиновниковъ, а оставшимся въ штатѣ увеличено жалованье. Положено было быть 4-мъ членамъ въ присутствіи консисторіи съ жалованьемъ въ 500 руб. каждому. Въ это сокращеніе епископъ Ѳеодосій и постарался очистить консисторію отъ всѣхъ злыхъ остатковъ темной канцелярской старины; въ ихъ числѣ и попалъ, къ моему спокойствію, и мучившій меня Розановъ. Увеличеніе средствъ консисторскимъ чиновникамъ дало возможность имѣть ихъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи и новыхъ, не пробовавшихъ еще закваски консисторской. Была надежда облагородить и обновить канцелярію. И служить члену являлась возможность дѣятельно и удобно, безъ препятствій, тѣмъ болѣе, что членъ обезпечивался порядочнымъ жалованьемъ въ 500 руб. Такъ сложилась моя служба въ Тамбовѣ. Былъ я приходскимъ священникомъ и членомъ консисторіи, и состоялъ при этомъ профессоромъ семинаріи, гдѣ въ то же время занималъ и должность помощника инспектора. Занятій было много и хлопотъ довольно, но въ средствахъ я отъ этихъ должностей былъ вполнѣ обезпеченъ и, не имѣя дѣтей, обстроивался свободно на осѣдломъ мѣстѣ и обросталъ средствами въ достаткѣ.

Дѣятельность приходскаго священника, впрочемъ, меня сильно тяготила,—и нравственно чрезъ поручное полученіе платы за каждое священнослуженіе, и внѣшне отъ временныхъ и безвременныхъ скитаній по приходу въ непогоду. Случилось оттого сильно заболѣть и проболѣть долго и серьезно, съ опасностью жизни. Послѣ болѣзни, хоть и вылѣчился, но остался на цѣлую жизнь слабымъ, послѣдствія болѣзни,—плеврита, оставили на мнѣ свои неизгладимые слѣды, требовавшіе болѣе спокойной, осторожной и строго-умѣренной жизни и дѣятельности. Приходская дѣятельность стала для меня невозможна, потому что разстраивала мои слабыя силы и грозила худшимъ. И вотъ, когда открылось мѣсто при Александринскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и преосвященный Ѳеодосій предложилъ занять его мнѣ,—я перешелъ изъ Знаменской церкви въ институтъ въ 1869 году, занявъ должность священника при институтской церкви и законоучителя. Членомъ консисторіи я остался и при этой новой должности. Но изъ семинаріи, когда въ ней введены были новые штаты, по новому уставу, я черезъ два года вышелъ, прослуживъ въ ней сряду по окончаніи курса академіи 13 лѣтъ. Разставшись съ семинаріею, я очень былъ доволенъ этимъ. Эта неблагодарная служба горько отзывалась въ моемъ сердцѣ. Служи усердно, или кое-какъ,—

одна тебѣ цѣна у начальства,—быть безъ вниманія и поощренія. Во всѣ 13 лѣтъ я не получилъ ни одной награды, не потому, чтобы не заслужилъ, а потому, что былъ только наставникъ. Начальство себя награждало и своихъ монаховъ, а меня и мнѣ подобныхъ и не считало нужнымъ. Однако ректора архимандрита, помнится, наградили Анною 2-й ст. Мы наставники пришли поздравить. И онъ насъ за поздравленіе такъ благодарилъ: „Благодарю васъ, господа, много благодарю,—и желаю вамъ здоровья и всѣхъ васъ поздравляю, вѣдь въ лицѣ моемъ и васъ всѣхъ наградили". Кажется, это было въ Пензѣ. Такъ насъ и награждали все въ лицѣ другихъ.

Въ институтѣ я встрѣтилъ иную сферу, совсѣмъ не похожую на сферу семинарскую. Все было здѣсь деликатно, тихо, благородно, чисто и опрятно. Эта сфера, послѣ грубой, боевой и шумной семинарщины, подѣйствовала на меня самымъ оживляющимъ образомъ, и слабость моя болѣзненная стала для меня не ощутительна, я душою отдохнулъ. Начальство отнеслось ко мнѣ и всегда относилось вѣжливо, деликатно, съ ласковостью и даже уваженіемъ; воспитанницы всѣ были почтительны, вѣжливы, послушны и услужливы, въ классѣ держали себя тихо, внимательно и съ особымъ усердіемъ учились по преподаваемому мною закону Божію; также вѣжливо и почтительно держали себя внѣ классовъ. Въ храмѣ Божіемъ всѣ держали себя въ такой благоговѣйной тишинѣ и образцовомъ порядкѣ, что служеніе божественное составляло для меня истинную отраду и утѣшеніе. Пѣли въ храмѣ пѣвчія—изъ воспитанницъ, прекрасно обученныя хоровому церковному пѣнію, голосами нѣжными, гармоническими и обработанными искусствомъ. Такъ это продолжается и доселѣ въ неизмѣнномъ строѣ и порядкѣ, и подъ такимъ вѣяніемъ отрадной атмосферы служу я въ институтѣ благопріятно и благополучно сряду теперь двадцать третій годъ.

Освободившись отъ тяжелой службы приходскаго священника и отъ неблагодарной службы семинарской, и состоя на одной тихой и спокойной въ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи службѣ въ институтѣ, при вполнѣ достаточномъ обезпеченіи отъ него въ матеріальныхъ средствахъ, я могъ свободно и безпрепятственно заняться и по должности въ Тамбовской консисторіи. Освоившись мало-по-малу со всѣми ея порядками и дѣлопроизводствомъ, и ознакомившись со всѣми законоположеніями духовнаго судоустройства, и администраціею по уставу консисторскому и по другимъ сборникамъ распоряженій правительственныхъ, какъ духовныхъ, такъ и по новымъ гражданскимъ законамъ, по уставамъ императора Александра II, только-что изданнымъ, я принялся ревностно за практику консисторскаго члена.

И много положилъ труда на то, чтобы выработать изъ себя члена опытнаго, знающаго свое дѣло основательно, и умѣющаго его дѣлать своими руками и головой, безъ вторженія и вмѣшательства съ своимъ порабощающимъ руководствомъ секретарей и столоначальниковъ. Трудъ, какъ давно извѣстно, все преодолѣваетъ. И я, при помощи Божіей, со временемъ сталъ въ довольно твердое положеніе, при которомъ могъ руководствоваться въ дѣлахъ своего столоначальника, да могъ имѣть вліяніе по дѣламъ и на секретаря, направляя всякое дѣло къ нормальному его ходу и законному исходу. У преосвященнаго Ѳеодосія я находилъ нужную поддержку и руководство. Онъ человѣкъ по дѣламъ управленія былъ добросовѣстный и правдивый, преслѣдовалъ взяточничество, которое по новымъ окладамъ—возвышеннымъ, для секретаря и его канцеляріи, должно было совершенно прекратиться; но въ канцеляріи въ ѣвшаяся язва старинная была еще въ силѣ, и хоть тайно и боязливо, дѣйствовала по своимъ закоулкамъ. Самъ Ѳеодосій слѣдилъ за всѣмъ, и дѣла консисторскія просматривалъ и разбиралъ внимательно, и отъ членовъ требовалъ дѣятельности зоркой и внимательной. Поэтому при немъ въ консисторіи все шло болѣе или менѣе исправно, и служба дѣятельнаго члена консисторіи была спокойна, солидна и разумно-дѣловаго характера. При всей нелегкости обязанностей члена, я на службѣ консисторской не тяготился,—трудись и дѣлай свое дѣло добросовѣстно, по закону, архіерей это замѣтитъ, и поможетъ въ случившихся препятствіяхъ, и поощритъ. Стало все въ консисторіи устанавливаться въ законную форму и идти, привыкая, по нормальной колеѣ.

По издавна вошедшему обычаю въ нашей высшей церковной администраціи, монахи-архіереи и монахи - не архіереи въ семинаріи не заживаются на своихъ мѣстахъ подолгу, а очень часто черезъ самое короткое время мѣняются и передвигаются, кто на высшее, кто на низшее мѣсто, кто на выгодное, кто на менѣе выгодное, кто по видамъ административнымъ переводится изъ отдаленнаго мѣста, напр., Сибири—поближе къ центру Петербургскому, а кто изъ Петербургскаго центра въ отдаленный край Сибири. И на это передвиженіе, постоянно творимое, идетъ, и едва-ли производительно, большая сумма денегъ, особенно по щедро отпускаемымъ деньгамъ для подъемовъ и проѣздовъ на дюжину лошадей архіереямъ. Какъ бы пригодились всѣ эти деньги на вопіющія нужды въ духовномъ вѣдомствѣ! А сколько бываетъ неудобствъ и разстройствъ мѣстныхъ при этой частой смѣнѣ. Одинъ архіерей поработалъ на своей епархіи, завелъ строй и порядокъ, и идетъ дѣло благоустройства въ нужномъ складѣ и направленіи. Другой поступившій, не зная мѣстности, ея склада, и не понимая исторически существующаго, все поверты-

ваетъ по-своему, и выходитъ часто путаница, которую новый поступившій берется распутывать, устанавливая свое безъ всякаго знанія мѣстнаго склада и историческаго сложенія порядковъ и обычаевъ. И такъ епархіальная почва распланировывается то такъ, то иначе, и засѣвается то хлѣбомъ, то травой, то заростаетъ бурьяномъ отъ постояннаго передвиженія и смѣны ея оратаевъ.

Это случайное и неустойчивое обстоятельство внезапно и постигло Ѳеодосія, когда онъ только-что обжился въ епархіи, устроилъ консисторію, и много другаго завелъ хорошаго и полезнаго, и расположился осѣдло жить и болѣе устроять свою епархію, имѣя для этого и опытное знаніе, и знакомство съ мѣстомъ и его историческимъ складомъ, тѣмъ болѣе, что и лѣта его преклонныя располагали его, и внутреннее его настроеніе скромное и неискательное побуждало окончить и дни свои въ Тамбовѣ, къ которому онъ привыкъ. Но нѣтъ,—свыше почему-то распорядились иначе. Прислали указъ быть ему епископомъ вологодскимъ и устюжскимъ, а на мѣстѣ его въ Тамбовѣ быть епископу вологодскому П—ію, и отпустить тому и другому на перекрестный путь и подъемъ приличную сумму. Съ великою скорбію, и даже поплакавъ, принялъ Ѳеодосій этотъ переводъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не повышеніе. Не хотѣлось трясти по дорогѣ свои старыя кости и зябнуть на старости въ холодной и пустынной съ болотами и тундрами Вологодской епархіи. „Да, говорилъ онъ своимъ монахамъ приближеннымъ, вотъ и наградили за то, что я устроилъ вашъ монастырь,—ѣлъ самъ щи и кашу, и скопилъ вамъ въ монастырской экономіи десятки тысячъ. Пріѣдетъ другой—молодой, все это у васъ растратитъ на одинъ свой столъ“.

Но онъ не это одно устроилъ; онъ устроилъ и основалъ для духовенства училище для обученія его дочерей, и употребилъ на него своихъ денегъ до двадцати тысячъ, и заботился о немъ какъ родномъ своемъ дѣтищѣ, а отъ духовенства на устройство и содержаніе училища, пока онъ жилъ въ Тамбовѣ, ничего не потребовалъ. Зачѣмъ и по какой причинѣ его смѣнили, никто не зналъ хорошо. Догадывались только, что вѣроятно въ слѣдствіе незадолго бывшей посылки въ Тамбовъ епископа муромскаго Іакова, въ качествѣ слѣдователя по одному скандальному и тайному доносу на игуменію женскаго монастыря, Іаковъ секретно это разслѣдовалъ и зачѣмъ-то изъ Тамбова былъ потомъ въ Саровской пустыни, что-то дознавалъ; а при этомъ, какъ замѣтно было, дѣйствовалъ недоброжелательно по отношенію къ Ѳеодосію. И Ѳеодосій имъ въ чемъ-то былъ недоволенъ, и была молва, что Іаковъ разсчитываетъ быть въ Тамбовѣ на мѣстѣ Ѳеодосія. Какъ бы то ни было, но Іаковское дознаніе имѣло такое послѣдствіе: изъ Синода игуменію велѣно было отъ мѣста удалить въ другой мона-

стырь въ монахини рядовыя; священника Смирнова изъ монастыря взять и дать мѣсто въ церкви приходской, и впредь въ женскіе монастыри вдовыхъ священниковъ не опредѣлять. Іакову Муромскому, какъ онъ ни интриговалъ, въ Тамбовѣ, какъ онъ ни мечталъ, быть епископомъ не пришлось, а остаться все тѣмъ же викарнымъ, и даже впослѣдствіи сойти на покой въ одинъ монастырь въ Москвѣ; вѣроятно, дошли слухи, ходившіе въ Тамбовѣ, до Петербурга о томъ, какъ въ Саровѣ заставилъ себѣ заплатить за свою поѣздку туда порядочную сумму. Этотъ Іаковъ оказался стариннымъ консисторскимъ членомъ. Онъ, будучи только семинарскаго образованія, въ началѣ служилъ діакономъ при одной изъ московскихъ церквей, потомъ священникомъ и по вдовству поступилъ въ монахи, и былъ въ санѣ архимандрита нѣсколько лѣтъ заядлымъ членомъ консисторіи Московской при митр. Филаретѣ.

Такимъ образомъ и лишились мы добраго, скромнаго, умнаго и трудолюбиваго епископа Ѳеодосія, который неохотно поѣхалъ на старости въ суровую Вологду, а изъ Вологды съ охотою и удалью прибылъ къ намъ епископъ Па—ій, еще молодой. Онъ, несмотря на свою молодость, успѣлъ уже наскоро пройти бытъ викарнаго епископства при митрополитѣ петербургскомъ Исидорѣ, затѣмъ былъ епископомъ въ Олонецкѣ; изъ Олонецка переведенъ въ Вологду, а изъ Вологды въ Тамбовъ, и тутъ оставался осѣдлымъ только три года. Изъ Тамбова перешелъ затѣмъ въ Рязань, далѣе въ Казань, а потомъ въ Тифлисъ. Къ такому быстрому перемѣщенію съ одного мѣста на другое, какъ по лѣстницѣ вверхъ, побуждало Па—дія его неугомонное искательство вслѣдствіе внутренняго его честолюбія, все большаго и лучшаго, и это ему удивительно легко удавалось. Изъ всѣхъ архіереевъ, какихъ я знаю въ своей современности, это удачникъ первой масти. Онъ прозорливо усматривалъ скорѣе всякаго всѣ моменты и шансы, способствовавшіе карьерѣ, ловилъ ихъ во-время и ловко ухитрялся поворачивать ихъ въ свою пользу. Еще будучи въ Нижнемъ-Новгородѣ, профессоромъ и священникомъ, онъ съумѣлъ приблизиться къ тамошнему епископу Нектарію, который былъ извѣстенъ въ С.-Петербургѣ и былъ тамъ вліятеленъ, состоялъ даже въ Св. Синодѣ присутствующимъ. Нектарій избралъ его даже въ свои ключари и сдѣлалъ своимъ домашнимъ компаніономъ; по вдовствѣ расположилъ его идти въ монахи, и открылъ удобный путь къ славѣ и почестямъ, чего жаждала душа Па—дія. Затѣмъ посодѣйствовалъ ему перейти въ Петербургъ и сдѣлаться ректоромъ Петербургской семинаріи. Здѣсь, по свойственной своей льстивости предъ вліятельными людьми, и всевозможной угодливости имъ со всею зоркою предупредительностію, онъ съумѣлъ войти въ особое благоволеніе у ми-

трополита Исидора, какъ непосредственнаго своего начальника, который скоро и сдѣлалъ его своимъ викаріемъ, поставивъ во епископа. Въ должности митрополичьяго викарія Па—дій постарался такъ твердо укрѣпить за собою исидоровское благоволеніе, что оно съ тѣхъ поръ никогда не оставляло его и съ силою дѣйствуетъ во всѣхъ путяхъ его жизни и доселѣ... Это обстоятельство и было причиною того, что Па—дій, изъ молодыхъ ранній, опередилъ многихъ старшихъ по лѣстницѣ карьеры, леталъ такъ быстро съ каѳедры на каѳедру, все повышаясь, отъ епископа до архіепископа, отъ архіепископа до экзарха съ однимъ шагомъ до митрополита, и все украшаясь крестами и орденами. Говорятъ, что онъ теперь [1]) всѣ дипломатическія мѣры употребляетъ къ тому, чтобы, помимо старшихъ и болѣе достойныхъ, не въ примѣръ другимъ, занять мѣсто митрополита, ожидаемое быть вакантнымъ, въ виду глубокой старости какъ Исидора, такъ и кіевскаго Платона. Этимъ объясняютъ его лѣтнія поѣздки въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, изъ отдаленнаго своего края. Но будущее извѣстно Богу; и я возвращусь къ прошедшему тамбовскому, что я видѣлъ и знаю по опыту своему.

Пріѣхавъ изъ Вологды въ Тамбовъ, Па—дій, при первомъ представленіи ему тамбовскаго духовенства городскаго, съ особою настойчивостію убѣждалъ его, чтобы жить съ нимъ мирно и жалобъ на него въ Синодъ отнюдь не подавать. Пусть недовольные идутъ ко мнѣ прямо, и я буду стараться уладить дѣло полюбовно, безъ Синода. Когда консисторія представила ему на принятое отъ предшественника его имущество актъ, онъ отнесся къ нему съ грознымъ недовѣріемъ и нарядилъ особую коммиссію для повѣрки всего имущества монастырскаго и архіерейскаго дома, и коммиссія удовлетворила его, нашедши все въ исправности. Долго занимался онъ выборомъ себѣ новаго протодіакона поголосистѣе и новаго ключаря. Послѣ тщетныхъ исканій на сторонѣ, въ протодіаконы онъ взялъ изъ архіерейскаго хора перваго баса-солиста діакона Ле—ва, который составлялъ украшеніе хора и приспособленъ былъ искусно именно къ хоровому пѣнію, и долго въ хорѣ находился. Всѣ въ публикѣ объ этомъ жалѣли, да и діаконъ Ле—въ нехорошо себя чувствовалъ—неловко и тяжело, принужденный свободный—хоровой и музыкальный свой голосъ ломать и неестественно расширять и возвышать, чтобы поэффектнѣе выкрикнуть, съ потрясеніемъ сводовъ церковныхъ, протодіаконскіе возгласы, особенно „Господина нашего“ къ удовольствію владыки; и впослѣдствіи современемъ этимъ надувательскимъ крикомъ искалѣчилъ себя до того, что теперь больной и разбитый. Еще далѣе

[1]) Уже скончался.

искалъ себѣ подходящаго ключаря. Ключарь, который служилъ при Ѳеодосіи, былъ человѣкъ солидный, держалъ себя съ подобающимъ достоинствомъ безъ приниженности рабской и угодливости льстивой, и уже почтенныхъ лѣтъ. Этими достойными качествами и не понравился онъ Па—дію. Не находя за нимъ ничего такого, за что бы прямо можно было его отставить, онъ сталъ сторонкой и постепенно его—то тѣмъ, то другимъ—донимать, и если не мытьемъ, такъ катаньемъ довелъ таки до того, что ключарь заболѣлъ и, не отказываясь отъ ключарства, сталъ проситься отъ занимаемой имъ еще должности въ попечительствѣ по слабости. Па—дій этимъ и воспользовался, и написалъ на его прошеніи дипломатически: „по тяжкой болѣзни ключаря, уволить его, согласно прошенію, отъ попечительства и отъ ключарства“. Болѣзнь не была тяжкая, и онъ скоро поправился и занималъ протоіерейское мѣсто въ соборѣ. Но мѣсто ключаря стало свободно и ждало достойнаго кандидата. Въ Тамбовѣ достойныхъ не нашлось. Иные не нравились, иные и нравились владыкѣ, но не шли сами въ ключари, видя, чего желаетъ въ ключарѣ себѣ Па—дій, и не находя въ своей совѣсти никакихъ къ тому побужденій. Нужно было искать на сторонѣ. Во время своихъ поѣздокъ по епархіи пришлось ему быть въ глухомъ—захолустномъ городкѣ—Борисоглѣбскѣ. Тамъ прозябалъ на должности соборнаго протоіерея нѣкто Петръ Ак—новъ, поступившій прямо съ парты, по окончаніи курса Казанской академіи, со взятіемъ внучки своего предмѣстника, который и уступилъ ему мѣсто ради внучки, а самъ по старости—въ заштатъ. Этотъ-то ничего не видавшій и не знавшій молодой протоіерей, по неопытности своей благоговѣвшій до идолопоклонства предъ архіереями, и остановилъ на себѣ вниманіе Па—дія,—онъ сразу замѣтилъ въ немъ все нужное и желательное ему для ключаря,—„рыбакъ рыбака видитъ издалека“, и „звѣрь на ловца бѣжитъ“. Когда Па—дій объявилъ ему о своемъ желаніи сдѣлать его своимъ ключаремъ, въ Ак—новѣ явилась сначала полная готовность, и онъ почувствовалъ въ себѣ пробужденіе всѣхъ инстинктовъ къ устроенію лучшей карьеры. Но послѣ поразмысливъ, встрѣтилъ много препятствій: во-первыхъ, то, что жена его, родившаяся и воспитавшаяся въ Борисоглѣбскѣ, никакъ не хотѣла въ Тамбовъ; во-вторыхъ, мѣсто соборное въ Борисоглѣбскѣ было очень доходное—давало 3 тысячи ежегодно, отъ добра добра не ищутъ; въ третьихъ, и родство все въ Борисоглѣбскѣ; оно и не тянуло его въ Тамбовъ. Несмотря однакожъ на все это, Па—дій умѣлъ чѣмъ-то обольстить Ак—нова, и онъ охотно ушелъ въ ключари, презрѣвъ всѣ препятствія, даже мольбы и слезы жены — не уѣзжать въ Тамбовъ, и равнодушно перенесъ даже послѣдовавшую отъ того смерть своей жены, но ключаремъ сдѣлался и постарался

всѣми трудами и усиліями быть Па—дію вполнѣ подходящимъ, и служилъ ему на удивленіе всего міра тамбовскаго и духовнаго, и не духовнаго, служилъ всею душою и тѣломъ, до забвенія совѣсти и Бога, служилъ, какъ своему божеству. Конечно, тутъ много имѣло силы то, что чрезъ рабское служеніе такому владыкѣ, каковъ Палладій, ключарь пріобрѣталъ себѣ все внѣшнее значеніе и вліяніе въ мірѣ духовномъ, и обильно текли въ его карманы денежныя струйки изъ разныхъ хлябей сферы земной. Но при этой внѣшней выгодѣ пришлось искалѣчить себя нравственно и лишиться истинной чести и достоинства, ставъ предметомъ глумленій и поруганій въ обществѣ; что и случилось впослѣдствіи отъ долговременной его практики въ своемъ направленіи при послѣдующихъ владыкахъ, за которыхъ онъ научился всегда цѣпко держаться и извлекать свою выгоду, несмотря на неодинаковые ихъ нравы. При Па—діи впрочемъ ключарь учился какъ въ школѣ, ключарскому искусству у самого Па—дія, бывшаго въ свое время не мало времени ключаремъ, и чрезъ это открывшаго себѣ путь на широкое поле жизни. И при такомъ опытномъ учителѣ скоро усвоилъ всю нужную премудрость. Па—дій затѣмъ опредѣлилъ своего ключаря и въ члены консисторіи, гдѣ онъ оказался смѣлымъ нарушителемъ порядка и законности, безъ боязни отвѣтственности. Прежній ключарь не состоялъ членомъ консисторіи. Избравшій его епископъ Макарій былъ такого мнѣнія, что ключарямъ никакъ не слѣдуетъ быть въ консисторіи и некогда имъ заниматься консисторскими дѣлами, какъ людямъ разъѣзднымъ и разсыльнымъ по порученіямъ и распоряженіямъ архіерея, и во избѣжаніе разныхъ злоупотребленій и нарушеній нормальности; поэтому и установилось было въ нашей консисторіи благодѣтельное правило—не пускать ключарей въ консисторскіе члены, и продолжалось оно съ очевидною для всѣхъ пользою долгое время, при трехъ архіереяхъ, какъ мудрый завѣтъ великаго святителя русской церкви митрополита московскаго Макарія. Но Па—дій съ одного маху уничтожилъ это благодѣяніе, и пошло съ тѣхъ поръ свободно гулять въ консисторіи ключарское злодѣяніе. Съ поступленіемъ ключаря Ак—ва спокойное и солидное положеніе членовъ консисторіи стало переходить въ тревожное и шатающееся. Обычнаго независимаго и свободнаго обсужденія дѣлъ уже не могло быть. Ключарь становился всѣмъ поперекъ горла и своимъ вліяніемъ у архіерея забиралъ преобладаніе, пользуясь тѣмъ достигать своихъ личныхъ выгодъ. Онъ почасту бѣгалъ изъ консисторіи къ архіерею и шпіонилъ ему все, что считалъ нужнымъ для своихъ цѣлей по разнымъ дѣламъ, и беззастѣнчиво бралъ взятки, обѣщаясь въ консисторіи и у владыки провесть дѣло въ пользу своихъ ухлебителей. Вотъ тутъ-то и зачалась у меня борьба съ этимъ ключаремъ консисторіи;

борьба эта неослабно продолжалась при Па—діи и другихъ двухъ его преемникахъ и стоила мнѣ много трудовъ, чтобы не давать ходу въ своихъ взяточныхъ замашкахъ, или сократить хоть немного нашего зарвавшагося эксплоататора. Много унесла у меня эта борьба силъ и здоровья, пока стихійная сила не выдвинула меня совсѣмъ изъ консисторіи.

Па—дій въ свое трехлѣтнее пребываніе въ Тамбовѣ не сдѣлалъ ровно ничего жизненнаго и плодотворнаго для епархіи. Любилъ онъ по ней съ помпою, пышно и величественно разъѣзжать для своего развлеченія, а не обозрѣнія. И излюбленный ключарь впереди его вездѣ будировалъ духовенство и народъ устроять ему покудрявѣе встрѣчи при въѣздахъ въ села и входахъ въ церкви. Онъ первый завелъ, — прежде не было и дѣло велось просто, съ апостольскою скромностію,—чтобы изъ церквей вездѣ духовенство выходило къ нему навстрѣчу, въ церковномъ облаченіи и съ множествомъ иконъ и хоругвей, и ждало заранѣе его пріѣзда на площади церковной. Въ поѣздкахъ всегда сопровождала его огромная свита съ пѣвческимъ полнымъ хоромъ, иподіаконами и протодіакономъ. Память о себѣ оставилъ въ Тамбовѣ однѣми постройками, да и то совершенно не нужными и обременившими многихъ понапрасну. Такъ онъ, не довольствуясь давнишнимъ стариннымъ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ находили весьма достаточное, покойное и просторное до излишества помѣщеніе всѣ его предшественники, задумалъ, во что бы то ни стало, надстроить на немъ такое же помѣщеніе повыше и ни мало не медля началъ широкую и дорогую постройку каменную. Средства же денежныя велѣлъ собирать по епархіи, и особенно изъ сундуковъ монастырскихъ. И выстроилъ такъ, что на прежнемъ архіерейскомъ домѣ большомъ явился другой домъ, еще большій и помѣстительный, сообщенный съ нижнимъ внутренними ходами и вверхъ и внизъ, и сталъ такимъ образомъ архіерейскій домъ истымъ лабиринтомъ съ несчетнымъ числомъ комнатъ для жилья единаго владыки-монаха. Зачѣмъ и для какихъ цѣлесообразностей совершилось это столпотвореніе,—доселѣ покрыто мракомъ неизвѣстности. Только архіерею нуженъ въ немъ одинъ уголокъ, гдѣ онъ и находитъ уютный покой, а все прочее, какъ пустыня пространная и великая, доселѣ необитаема. А сколько капиталу, труда понапрасну положено — говорили болѣе 100 тысячъ, со всею внутреннею дорогою и роскошною отдѣлкою,—и какія бы вопіющія нужды въ духовенствѣ могъ покрыть этотъ капиталъ,—великаго сожалѣнія достойно! Другое построеніе—тоже затѣянное безъ всякой нужды,—это распространеніе Предтеченской церкви въ монастырѣ. Церковь была достаточно просторная и безъ расширенія занимала много мѣста въ саду монастырскомъ; слу-

жила съ давнишнихъ временъ всегда просторнымъ помѣщеніемъ. Захотѣлось пристроить новый алтарь, удлинивъ на востокъ, и расширить съ боковъ. Чрезъ это опустошено много сада и утѣснень просторъ въ немъ. Капиталу употреблено не менѣе дома архіерейскаго. Такъ все время свое въ Тамбовѣ Па—дій и провелъ въ постройкахъ и сборахъ на нихъ съ монастырей, церквей и обывателей денегъ; такъ и уѣхалъ въ Рязань, не достроивъ все задуманное, и оставилъ на монастырѣ много долговъ. Любилъ онъ и пожить въ Тамбовѣ въ свое удовольствіе. Поваръ у него былъ широкой руки, и столъ готовился изысканный и обильный, доставались живыя стерляди и осетры, и подавались лучшія вина, съ шампанскимъ Редереръ. При немъ жилъ родной его братъ іеромонахъ Поликарпъ, котораго поставилъ въ архимандриты, да еще два сына. Весь столъ и все содержаніе оплачивалось на братскій монастырскій счетъ. И все скопленное скромнымъ Ѳеодосіемъ ушло на это благоутробіе.

Недаромъ Ѳеодосій, когда собирался уѣзжать изъ Тамбова, съ сожалѣніемъ и какъ-бы пророчески говорилъ, что вотъ онъ ѣлъ все время щи и кашу по-монашески и постарался скопить на нужды монастырскія порядочный капиталецъ,—экономической суммы монастырской накопилось въ это время болѣе 20 тысячъ, а другой на его мѣстѣ все это въ разъ проживетъ. Дѣйствительно, мало того, что эта сумма была проѣдена, но Па—й, уѣзжая, оставилъ отъ себя неоплаченными много счетовъ по разнымъ колоніальнымъ, съѣстнымъ, виннымъ, закусочнымъ лавкамъ; въ счетахъ этихъ значилось на большія сумму изысканные и дорогіе предметы потребленія, какъ наприм., рейнвейны, токайское, венгерское, клико, зернистая икра, балыки, стерлядь и осетеръ, рябчики даже, и разные фрукты. И все это на тысячи оплатилъ послѣ монастырь... Изъ сборовъ Па—емъ денегъ на постройки припоминается мнѣ живой разсказъ, лично мнѣ изложенный настоятелемъ Санаксарскаго монастыря Иларіемъ, во время бытности его у меня въ домѣ—онъ былъ мнѣ издавна близко знакомый. Во время одной поѣздки по епархіи Па—й со всею своею богохранимою огромною свитою остановился въ Санаксарскомъ монастырѣ; всѣ ѣли, пили и отдыхали тутъ нѣсколько дней. Передъ отъѣздомъ, послѣ обильнаго прощальнаго угощенія преосвященный, говоритъ Иларій, „беретъ меня за руки и дружески идетъ со мной въ мой кабинетъ; усаживаетъ вмѣстѣ съ собой на диванъ и заводитъ рѣчь о наличныхъ теперешнихъ суммахъ монастырскихъ въ экономіи. Я изложилъ ему всѣ средства монастырскаго содержанія, указывая на то, что нашъ монастырь нуждается и только сборомъ по книжкамъ и восполняетъ недостатки. При этомъ откровенно и сказалъ что теперь у насъ деньгами есть пять тысячъ руб., и это пойдетъ на

содержаніе. Сколько же ты можешь пожертвовать мнѣ на постройки? Сотенку—другую, пожалуй, можно, говорю въ отвѣтъ. Нѣтъ, говоритъ, владыка, тутъ не сотнями, а тысячами надо. И подумавъ, и помолчавъ нѣсколько, сказалъ: Вотъ что, отецъ Иларій,—пять тысячъ ты отдавай всѣ; а я тебѣ разрѣшу рубить свой монастырскій лѣсъ, сколько хочешь, продавай его и выручишь поболѣе пяти тысячъ. Да вѣдь законъ запрещаетъ такъ рубить лѣса монастырскіе. Ну какой законъ? Войди ко мнѣ съ представленіемъ о нуждахъ монастырскихъ; консисторія тебѣ дастъ указъ—и вырубай свободно, не боясь...“ „Такъ, дружокъ мой, заключилъ грустно свой разсказъ о. Иларій, истинно благочестивый и богобоязненный старецъ, всѣ пять тысячъ—послѣдніе достатки монастырскіе—и отдалъ П—ію,—что подѣлаешь?“ А Санаксарскій монастырь самый бѣдный въ епархіи Тамбовской. Когда Па—ій уѣхалъ, не заплативъ сдѣланные имъ долги, многіе кредиторы перепугались, какъ бы не пропали ихъ деньги; ибо заборы были всѣ на имя Казанскаго монастыря. Ко мнѣ, помнится, въ тревогѣ прибѣгаетъ купецъ Вологинъ, со счетомъ изъ своей лавки—на нѣсколько тысячъ, посовѣтоваться, какъ съ членомъ консисторіи, что ему дѣлать,—вѣдь мы отпускали все въ долгъ и долгъ ради владыки, а ну-ка монастырь откажется. Ну, не откажется, не скоро, и понемногу заплатитъ, успокоивалъ я его. Лавка у него была ковровая, обойная, и со всѣми желѣзными и мѣдными товарами. Разсказывали, что по оставленіи Тамбова и будучи въ Рязани П—дій купилъ гдѣ-то для своихъ сыновей много земли, и что одинъ изъ его сыновей отъ преизобильной жизни, да скоро затѣмъ и другой—замотались. Но насколько слухъ этотъ достовѣренъ, я сказать не могу, не знаю.

Все духовенство тамбовское Палладія не любило за то, особенно, что онъ презрительно и свысока съ нимъ обращался, требуя отъ него раболѣпнаго поклоненія себѣ. При представленіяхъ къ нему въ торжественные дни вмѣстѣ съ свѣтскими духовенство держало себя какъ-то сиротливо и обиженно. Архіерей Па—ій, благословляя свѣтскихъ, любезно и съ умильною физіономіею разговаривалъ, или кидалъ сладкія слова тому или другому, но замѣтивъ подходящаго священника къ его благословенію, моментально, хамелеоновски измѣнялся въ суровую начальническую, самобытную, и смотрѣлъ по верхамъ... Зная нерасположеніе къ нему духовенства, Па—ій опасался холодныхъ и сухихъ проводовъ его изъ Тамбова. Но клевретъ его ключарь, изворотливый на все, выручилъ его изъ смущенія. Какими-то путями пріурочили ко времени отъѣзда Па—ія съѣздъ депутатовъ отъ духовенства для какихъ-то своихъ дѣлъ по епархіи, и въ семинаріи состроили прощальный обѣдъ. Ключарь много хлопоталъ о сборѣ денегъ на стипендію въ честь Па—ія въ семинаріи, но съ духовенства

на это ничего не могли собрать, и Па—ій далъ на это своихъ денегъ 2.000 руб., и стипендія на его деньги и устроилась. Но проводы съ очевидностію для всѣхъ все-таки были внушительные для Па—ія, онъ на всѣхъ видѣлъ и въ глазахъ, словахъ и дѣйствіяхъ читалъ, какъ духовенство съ холоднымъ равнодушіемъ къ нему относится, и чрезвычайно радостно разстается съ нимъ, какъ-бы сбрасывая съ себя какое-то несносно-тяжелое бремя. Я лично, служа членомъ въ консисторіи еще задолго до него и все время при немъ, не пользовался его благоволеніемъ именно за то, что не умѣлъ ему, что называется, „потрафлять“ въ его желаніяхъ прихотливыхъ, да и нисколько объ этомъ и не думалъ, занимаясь дѣлами консисторіи не въ угоду архіерею, а по убѣжденію своей совѣсти—дѣлать дѣло для дѣла во благо общее,—говорю это по чистому сердцу, не хвалясь. Онъ зналъ это и относился ко мнѣ сначала съ возможною, по его характеру, долею вниманія, какъ къ члену, въ консисторіи смыслящему и трудящемуся. Нерѣдко призывалъ меня къ себѣ для объясненій по дѣламъ и давалъ порученія смотрѣть въ консисторіи, чтобы дѣла шли исправно и не залеживались. Но при этомъ нерѣдко по инымъ дѣламъ, чѣмъ-либо для него интереснымъ, выражалъ настойчивое желаніе, чтобы я обработалъ ихъ именно такъ, какъ-бы ему хотѣлось, но какъ, по моему убѣжденію и рѣшенію, нельзя было устроить законно. Разумѣется, я не брался за это и отстаивалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, что́ ему крайне не нравилось. Помню, одно дѣло было о старостѣ церковномъ въ Усмани—купцѣ богатомъ. Обвиняли его священники въ самовольномъ и безконтрольномъ распоряженіи церковными деньгами. Дознаніе дало достаточно доказательствъ виновности старосты. И по разбору дѣла, надъ которымъ я лично трудился, староста, на законномъ основаніи въ составленномъ мною рѣшеніи, подвергался надлежащей отвѣтственности. Такъ нѣтъ. Требуетъ да и только П—ій отъ меня—передѣлать дѣло и выгородить старосту такъ, чтобы онъ былъ безотвѣтственъ. И я, не соглашаясь на это, только тѣмъ его могъ побѣдить, что рѣшеніе противное, съ выгорожденіемъ старосты по дѣлу виновнаго, и богатаго при томъ купца, наглядно и очевидно всѣмъ докажетъ, что тутъ взяли богатую взятку, и дѣло непремѣнно дойдетъ до Синода, и будетъ и вамъ и намъ не хорошо. Надо замѣтить, что Па—ій у насъ во все свое время уважалъ и ублажалъ богатыхъ купцовъ, и изъ нихъ старостъ церковныхъ особенно, такъ что они взяли такой верхъ въ церквахъ, что не хотѣли и знать настоятелей „что намъ настоятель? мы прямо ко владыкѣ“, грозили они причту церковному дерзко и нагло. Боялся Па—ій много и заботливо оберегался жалобъ на него въ Синодъ,—онъ зналъ, что въ Синодѣ хорошо смотрятъ на архіерея, если у него

смирно и не тревожатъ Синодъ жалобами. Поэтому и духовенство, не успѣвая въ чемъ-либо у него, прибѣгало иногда къ заявленію предъ нимъ, что вынуждено будетъ безпокоить жалобой Синодъ, и часто за это одно получало, въ чемъ отказывалось. Этою слабостію пользовались особенно люди бывалые, смѣлые, сутяжные. Впослѣдствіи, когда Па—ій подыскалъ себѣ въ лицѣ Ак—ова ключаря и члена консисторіи, раболѣпнаго во всемъ угодника, я подпалъ его прямому нерасположенію, и въ консисторіи съ Іудою предателемъ становилось служить все тяжелѣе и тяжелѣе, такъ что я и вышелъ бы изъ консисторіи, еслибы не перевели Па—ія, и не стало за тѣмъ благопріятнаго времени для службы нормальной. Особенно нерасположеніе это укрѣпилось, когда въ консисторію поступилъ проектъ преобразованія духовнаго суда изъ С.-Петербурга, и нужно было составлять мнѣніе о немъ, независимо отъ архіерея и отослать затѣмъ въ С.-Петербургъ. Такой же проектъ особо присланъ и архіерею для своего особаго мнѣнія по нему. Въ консисторіи за составленіе мнѣнія взялся я и поработалъ надъ нимъ долго; мнѣніе съ помощію Божіею составилъ такъ, что оно всѣмъ членамъ и секретарю понравилось, всѣ согласно подъ нимъ подписались и отослали въ С.-Петербургъ, не показавъ и даже ничего не сказавъ о его содержаніи Па—ію, какъ онъ ни желалъ этого. Онъ зналъ, что работалъ надъ нимъ я одинъ, и предугадывалъ, въ какомъ духѣ и смыслѣ оно написано, а можетъ быть и зналъ его содержаніе, такъ какъ мнѣніе переписывалось въ канцеляріи открыто, и долгое время прошло въ перепискѣ до отсылки. Сочувственное отношеніе къ проекту и разныя соображенія, высказанныя по поводу разныхъ его параграфовъ, не въ пользу архіерейскаго управленія, и въ устраненіе безсуднаго стараго суда консисторскаго съ произволомъ архіерейской власти, крайне возмущали Па—ія въ нашемъ мнѣніи, которое онъ скоро получилъ изъ Петербурга въ извлеченіи вмѣстѣ со всѣми и другими мнѣніями. Но обстоятельства преобразованія суда церковнаго произвели вездѣ въ обществѣ и литературѣ большой шумъ и движеніе, какъ дѣло громадной важности, какъ преобразованіе капитальное, отъ котораго и общество и духовенство, и вся россійская церковь ожидали съ нетерпѣніемъ и отрадою вожделѣнныхъ плодовъ. Ждали искорененія того зла, которое глубоко гнѣздилось въ административномъ произволѣ и въ безобразныхъ, извращенныхъ, искалѣченныхъ черною неправдою и взяткою судахъ консисторскихъ; ждали твердой юридической почвы для униженнаго и безправнаго духовенства, почвы, на которой оно отыскало бы свои прирожденныя и пріобрѣтенныя права, могло бы за нихъ крѣпко держаться, чтобы по совѣсти, по закону и ученію Христа и Его церкви, по требованію долга и чести своего

внутренняго достоинства и священнаго сана отправлять всѣ возложенныя на него священныя обязанности съ полною возможностью отражать всѣ злыя препятствія къ тому. Ждали сильнаго, разумнаго и обезпеченнаго всѣми гарантіями правды и справедливости суда, который бы свободно и независимо отъ возможныхъ злыхъ вліяній, со всѣмъ безкорыстіемъ и безпристрастіемъ, оберегалъ бы духовенство отъ всякаго произвола властей, отъ всякихъ правонарушеній, и преслѣдовалъ всякіе проступки и преступленія, полагая соотвѣтственныя наказанія, по разборѣ дѣла въ строго законномъ порядкѣ, гласно, скоро, правдиво и милостиво. Всѣ и во всѣхъ слояхъ русскаго понимающаго дѣло общества сочувствовали этому благодѣтельному предпріятію преобразовать на новыхъ лучшихъ началахъ по слову Божію и духу Христовой церкви церковный судъ, давно уже намозолившій глаза всѣмъ своею черною неправдою въ консисторіяхъ и измотавшій духовенство до изнеможенія. Въ одномъ только властномъ монашествѣ таилось и пока опасно молчало глубокое къ тому нерасположеніе. Но судя по началу этого дѣла, его обстановкѣ и успѣшномъ продолженіи, а особенно по тому, что въ общемъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, разрабатываемый повсемѣстно, юридическое его улучшеніе составляетъ неизбѣжное слѣдствіе, какъ важная сущность, все духовенство радовалось и твердо надѣялось, что безсильны будутъ всѣ частныя препятствія недоброжелателей, и вопросъ окончится въ своемъ рѣшеніи благополучно къ общему благу духовенства и всей россійской церкви. Въ виду всего этого и поэтому и я въ этой своей запискѣ, какъ нѣкоторымъ образомъ принимавшій оффиціально личное участіе въ сужденіи объ этомъ вопросѣ, и близко къ сердцу принимавшій все, что его касалось, помогало ему, разработывало его и мѣшало, войду въ историческое изложеніе хода этого дѣла со всею обстоятельностію, какую помню, какъ его современникъ.....

Послѣ преобразованія гражданскаго суда и изданія новыхъ уставовъ въ 1864 году, въ духовномъ вѣдомствѣ возникла мысль о преобразованіи суда духовнаго. Правительство и общество сознавало, что въ обновленной Россіи, при учрежденіи новаго судоустройства и судопроизводства на новыхъ началахъ, оставить судъ духовный въ прежнемъ—устарѣвшемъ и деморализованномъ положеніи, особенно, когда шла вездѣ и въ столицѣ и провинціяхъ горячая и энергическая работа по комитетамъ объ улучшеніи быта духовенства, не было возможности, въ виду крайней дисгармоніи его въ общемъ строѣ новыхъ судебныхъ порядковъ гражданскихъ, и того зла, которое творилось въ немъ подъ прикрытіемъ обветшалыхъ началъ.

И вотъ синодальный оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой отъ

23-го мая 1869 года вошелъ въ Св. Синодъ съ предложеніемъ, въ которомъ, выяснивъ всю несостоятельность устава духовныхъ консисторій, по которому производится управленіе и судъ духовный въ россійской церкви, и его несоотвѣтствіе и противорѣчіе судопроизводству и судоустройству по гражданскому вѣдомству, подвергнутымъ коренному преобразованію на совершенно новыхъ началахъ, съ рѣшительною настойчивостію заявлялъ о необходимости „нынѣ же приступить къ преобразованію суда духовнаго, съ тѣмъ, чтобы это преобразованіе было произведено на тѣхъ началахъ, на основаніи совершеннаго преобразованія судопроизводства и судоустройства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, въ такой мѣрѣ, въ какой сіи начала окажутся удобопримѣнимыми къ цѣли и потребностямъ суда духовнаго".

Для исполненія сего важнаго дѣла и для всесторонняго его обсужденія оберъ-прокуроръ полагалъ учредить особый комитетъ изъ нѣсколькихъ ученыхъ и изъ нѣсколькихъ практиковъ, подъ предсѣдательствомъ, по назначенію Св. Синода, одного изъ преосвященныхъ, присутствующихъ въ Синодѣ,—и по разсмотрѣніи Св. Синодомъ основныхъ положеній, кои будутъ составлены комитетомъ, поднести оныя на высочайшее его императорскаго величества утвержденіе. На это предложеніе Св. Синодъ выразилъ полное свое согласіе и въ опредѣленіи своемъ заключилъ:

„Раздѣляя вполнѣ предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора о необходимости преобразованія всей судебной части по духовному вѣдомству, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) предоставить господину синодальному оберъ-прокурору испросить высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на учрежденіе при Св. Синодѣ, предсѣдательствомъ присутствующаго въ ономъ преосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго, особаго комитета изъ опытныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія, министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, для изготовленія и внесенія затѣмъ на обсужденіе Св. Синода основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразованіе судоустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненіи сихъ началъ, насколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго; и 2) по воспослѣдованіи на учрежденіе таковаго комитета высочайшаго соизволенія, членами онаго назначить: главнаго священника арміи и флотовъ, доктора богословія протоіерея Богословскаго, членовъ духовныхъ консисторій: С.-Петербург-

ской—протоіерея Содальскаго, Московской — протоіерея Рождественскаго, Кіевской—протоіерея Лебединцева, профессора Кіевскаго университета доктора богословія протоіерея Ѳаворова, профессоровъ церковнаго законовѣдѣнія при С.-Петербургской духовной академіи Тимоѳея Барсова, Московской—Лаврова, и юрисконсульта при синодальномъ оберъ-прокурорѣ статскаго совѣтника Степанова; о командированіи въ составъ сего комитета профессоровъ С. - Петербургскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пахмана и коллежскаго асессора Чебышева - Дмитріева и нѣсколькихъ должностныхъ лицъ министерства юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, по ближайшему усмотрѣнію статсъ-секретарей, графа Панина и князя Урусова, предоставить господину синодальному оберъ-прокурору войти съ кѣмъ слѣдуетъ въ надлежащее сношеніе. Дѣлопроизводство по комитету возложить на секретаря С.-Петербургской духовной консисторіи Камчатова".

По исполненіи этого опредѣленія Св. Синода синодальный оберъ-прокуроръ въ своихъ предложеніяхъ Св. Синоду отъ 14-го и 29-го января 1870 года изложилъ, что по всеподданнѣйшемъ докладѣ имъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г. объ учрежденіи особаго комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, государь императоръ въ 12-й день генваря 1870 года высочайше на сіе соизволилъ, и что о назначеніи въ комитетъ должностныхъ лицъ отъ министерства народнаго просвѣщенія,—юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи сдѣлано сношеніе, и эти лица назначены, именно: профессоры университета Пахманъ и Чебышевъ-Дмитріевъ; отъ 2-го отдѣленія его императорскаго величества канцеляріи—тайный совѣтникъ Маркусъ, и тайный совѣтникъ сенаторъ Любимовъ; отъ министерства юстиціи: правитель канцеляріи министерства коллежскій совѣтникъ Бурлаковъ, товарищъ предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда Сабуровъ, члены консультаціи при министерствѣ: прокуроръ С.-Петербурга Баженовъ и предсѣдатель столичнаго мироваго съѣзда Неклюдовъ.

Выслушавъ эти предложенія, Св. Синодъ, по справкѣ, опредѣленіемъ отъ 19-го марта 1870 года постановилъ: „Объ изъясненныхъ въ предложеніяхъ синодальнаго оберъ-прокурора высочайшемъ повелѣніи распоряженіяхъ его—оберъ-прокурора, касательно учрежденія особаго при Св. Синодѣ комитета, для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, дать знать, съ прописаніемъ справки изъ опредѣленія Св. Синода отъ 10-го декабря 1869 г., для должнаго въ чемъ слѣдуетъ исполненія, присутствующему въ Св. Синодѣ преосвященнѣйшему Макарію, архіепископу литовскому".

Этотъ комитетъ, учрежденный по опредѣленію Св. Синода и высочайше утвержденный, въ составѣ членовъ отъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія и юстиціи и 2-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Макарія въ количествѣ 17 человѣкъ—мужей ученыхъ и опытныхъ, и открылъ свои занятія 30-го апрѣля 1870 г. и, работая неустанно и энергично въ продолженіе двухъ лѣтъ, выполнилъ высочайше возложенное, по опредѣленію Св. Синода, порученіе блестящимъ образомъ—со всею компетентностію и солидарностію, и составилъ „проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“, съ обширною объяснительною къ нему запискою. Въ проектѣ основныхъ положеній сдѣлано рѣшительное примѣненіе къ судоустройству и судопроизводству духовному тѣхъ выработанныхъ юридическою наукою главныхъ началъ, которыя были положены въ основу преобразованія судоустройства и судопроизводства гражданскаго, именно: отдѣленіе судебной власти отъ административной, учрежденіе ближайшихъ органовъ правосудія въ лицѣ духовныхъ судей, замѣна закрытаго и письменнаго судопроизводства гласнымъ и устнымъ производствомъ, отмѣна теоріи формальныхъ доказательствъ и предоставленіе судьямъ, при рѣшеніи дѣлъ, права внутренняго убѣжденія. А въ объяснительной запискѣ къ этому проекту обстоятельно и основательно выяснены возможность и польза такого примѣненія означенныхъ началъ къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго, безъ противорѣчія духу и характеру каноновъ церкви.

Проектъ, составленный единогласно и солидарно всѣми мудрыми мужами, членами комитета, съ знаменитымъ своею ученостью и образованіемъ докторомъ богословія, архіепископомъ Макаріемъ во главѣ, представленъ былъ въ Св. Синодъ на его обсужденіе, за подписью всѣхъ, кромѣ одного члена, который остался при своемъ особомъ мнѣніи о преобразованіи духовнаго суда,—мнѣніи совершенно противоположномъ всему дѣлу комитета, признававшемъ самое дѣло преобразованія напрасно затѣяннымъ. Это профессоръ церковнаго законовѣдѣнія въ Московской академіи Лавровъ, человѣкъ нежеланный, какъ видно, готовившійся на высшій постъ монашества во власти и почестяхъ антимонашескихъ, чего онъ скоро и достигъ и умеръ въ 1890 году въ санѣ архіепископа литовскаго и съ именемъ Алексѣя. Несмотря на то, что мнѣніе Лаврова было единичное, въ комитетѣ никѣмъ не раздѣляемое, идущее въ упоръ и разрѣзъ дѣлу преобразованія, признанному нужнымъ опредѣленіемъ Св. Синода, утвержденнымъ высочайшею властію, оно — это мнѣніе, впослѣдствіи возросло въ такую внѣшнюю силу, которая, воспользовавшись обстоятельствами

времени, могла остановить дальнѣйшій ходъ дѣла и поставить неодолимую, до поры до времени конечно, преграду къ благополучному исходу и концу. Состоя членомъ комитета, Лавровъ тихо и смирно, но смѣло и энергично обработывалъ свое особое дѣло, совершенно противоположное дѣлу общему въ комитетѣ, и при этомъ очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что его смѣлое предпріятіе найдетъ полное сочувствіе во всѣхъ архіереяхъ, которые станутъ за него горой и не только выручатъ изъ всякой напасти, но прославятъ и вознесутъ. Когда Св. Синодъ, прежде обсужденія представленнаго ему комитетскаго проекта, положилъ разослать его въ особыхъ экземплярахъ, напечатанныхъ по числу консисторій и архіереевъ, въ епархіи съ тѣмъ, чтобы какъ архіереи, такъ и консисторіи, отдѣльно и независимо одни отъ другихъ, представили въ Св. Синодъ свои мнѣнія о проектѣ, Лавровъ имѣлъ полную возможность свое мнѣніе пустить въ свѣтъ—въ печать, обработавъ его въ большой книгѣ и издавъ анонимно, съ именемъ только издателя какого-то Елагина, подъ названіемъ „Реформа церковнаго суда“. Книга эта оказалась драгоцѣннымъ кладомъ для всѣхъ архіереевъ, которые нашли въ ней все имъ нужное для того, чтобы составить мнѣніе, требуемое Синодомъ, въ рѣшительное ниспроверженіе комитетскаго проекта; но для людей, не зараженныхъ партійными тенденціями, а ищущихъ безпристрастной правды, правды внутренней Христовой, читать эту книгу было возмутительно, какъ книгу казуистическую, наполненную преданіями старцевъ такъ, что изъ-за нихъ, тенденціозно подобранныхъ и перетолкованныхъ, оставлено слово Божіе, въ его духѣ и силѣ. Въ ней преслѣдовалась правда книжниковъ и фарисеевъ, а не та, о которой говорилъ Христосъ: аще не избудетъ правда ваша паче книжниковъ и фарисеевъ, не внидите въ царствіе небесное... Еванг.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820—1894.

III [1]).

Наемъ квартиры въ Ораніенбаумѣ.—Хозяинъ гернгутеръ.—Представленіе командиру полка Овандеру.—Странности его.—Разныя его изобрѣтенія.—Мой дядька.—Жестокости при обученіи.—Генералъ Трегубовъ.—Экзекуція.

Приспѣло время и мнѣ отправляться на службу—въ Ораніенбаумъ—въ Волынскій полкъ, верстъ тридцать пять отъ Петербурга. По совѣту разсчетливаго товарища, я рискнулъ нанять дрожки, да еще гитару, заплативъ синюю бумажку, т. е. пять рублей на ассигнаціи, около полутора цѣлковыхъ. Собрался выѣхать тотчасъ послѣ обѣда,—положилъ чемоданъ между рессорами, около себя уложилъ наиболѣе по моему мнѣнію необходимое на первыя сутки и двинулся черезъ Нарвскія ворота по Петергофскому тракту. Сначала нравилось, а какъ проѣхалъ часа три, сидя верхомъ, такъ почувствовалъ, что тяжела служба бѣднаго офицера, и чуть было не всплакнулъ съ горя.

Стало темно. На дворѣ зги Божіей не видно. Кое-гдѣ можно просмотрѣть дома, вѣроятно, дачи, но все уже забито наглухо. Ни одного огонька, ни одного голоса. Только съ правой стороны подуваетъ сыростью изъ тьмы кромѣшной—тамъ море, а подъ ногами шуршитъ опавшій листъ. Ну вотъ и огоньки показались. Однако же это былъ еще только Петергофъ, а до Рамбова нужно тащиться еще верстъ девять. Извощикъ покормилъ лошаденку. Покряхтѣлъ, за-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1905 г.

чѣмъ поѣхалъ, и все-таки поѣхалъ далѣе. Спустились подъ какую-то горушку и двинулись лѣсочкомъ или, какъ будто, садами. Тащились утомительно долго, и, наконецъ, увидали опять огни, а передъ ними достаточно представительныя каменныя тріумфальныя ворота и при нихъ гауптвахта и караулъ. Ко мнѣ подошелъ бравый унтеръ-офицеръ съ установленнымъ по формѣ вопросомъ: имѣю честь спросить: кто, откуда и куда изволите ѣхать?—Почувствовало сердце, что передо мною стоялъ членъ будущей моей команды, и я торжественно отвѣтилъ: прапорщикъ №№ изъ Петербурга въ Ораніенбаумъ.—Бомъ высь, скомандовалъ унтеръ-офицеръ. Шлахбаумъ, скрипя, поднялся, и я втащился въ свою новую резиденцію. Но куда преклонить голову?

Неподалеку отъ въѣзда стоялъ домикъ въ три окна. Сквозь стекла виднѣлись двѣ лампы и офицерство съ полками.—Кажись, гостиница, догадался извощикъ. Сюда, что-ли?—Пожалуй.—Вошелъ.—Лица все такія странныя, усталыя, но народъ оказался добрый, одинъ лучше другаго. Меня обласкали, накормили и каждый наперерывъ звалъ къ себѣ ночевать. Въ гостиницѣ остаться не позволили. Тутъ же я узналъ, что старые товарищи по корпусу пріискали мнѣ уже и квартиру. Утромъ пошелъ посмотрѣть на новое жилище. На дворѣ какая-то деревянная башня и въ каждомъ изъ трехъ этажей по отдѣльной квартиркѣ изъ двухъ комнатъ. На мою долю была припасена самая верхняя. Настоящая обсерваторія. Горизонтъ необозримый—и Кронштадтъ и финскій берегъ, все какъ на ладони. Цѣна 12 р. ассигнаціями.—Ну, поселюсь.—А если согласны, то пожалуйте къ хозяину, сказалъ провожавшій меня дворникъ. Въ качествѣ хозяина встрѣтилъ меня господинъ, какихъ прежде случалось видать только на картинкахъ, изображавшихъ нѣмецкія семейства. Довольно высокій, худощавый, очень пожилой, въ халатѣ и въ ермолкѣ, въ родѣ скуфейки. Съ первыхъ же словъ можно было замѣтить, что я встрѣчаюсь съ человѣкомъ, который привыкъ требовать, ничего не уступая и который дорого цѣнитъ и свое время, и каждое свое слово. Это былъ когда-то пользовавшійся хорошею славою педагога и ученаго,—бывшій директоръ Петропавловской школы—Шубертъ. Только-что я вошелъ, онъ спросилъ: говорю ли я по-нѣмецки. На отрицательный отвѣтъ, прибавилъ: цѣну квартиры вы знаете. У меня условія: деньги уплачивать помѣсячно аккуратно. Не возвращаться домой позже 10 часовъ, когда все уже бываетъ заперто. Собакъ не держать, шуму не заводить и тушить огни до полуночи. Поклонился, и мы разстались.

— Ну, вотъ тебѣ и офицерство, подумалъ я, пріѣдя въ свою вышку. Въ углу лежалъ уже принесенный съ ночевки чемоданъ и коробки. Съ боку пріютился маленькій самоварчикъ, а на окнѣ кусокъ сахару.

Болѣе ровно ничего—ни сѣсть, ни лечь. Другаго помѣщенія нѣтъ, а въ этомъ предвидѣлась такая школа, о какой ни гадалъ, ни думалъ. Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ наружнаго колокольчика и затѣмъ знакомый уже рѣзкій голосъ хозяина: Іаковъ Васильевичъ, кричалъ онъ въ окошко, зовите и приходите. Вскорѣ узналъ я, что мой хозяинъ—гернгутеръ и ввелъ въ своемъ домѣ, въ числѣ многихъ обычаевъ, еще и тотъ, что въ урочный часъ управляющій Яковъ Васильевичъ долженъ былъ собирать всю прислугу и являться съ нею на молитву въ хозяйскія комнаты.

Не зная какъ быть и за что взяться, вынулъ я свою полусаблю и началъ рубить ею по всѣмъ направленіямъ лежавшій на окнѣ кусокъ сахару. Авось, думаю, кто-нибудь и самоваръ справитъ. На такую Донъ-Кихотскую картину вошелъ ко мнѣ пожилой уже капитанъ, однокашникъ, помнившій меня еще ребенкомъ, и судьба улыбнулась. Онъ послалъ къ заставѣ сказать, куда слѣдуетъ направить ожидавшійся мною изъ Петербурга новозаведенный скарбъ,—кровать, комодъ, клеенчатый диванъ, столъ и пара стульевъ. Потомъ прислалъ мнѣ разумнаго стараго солдатика для исполненія моихъ приказаній и пр. Тутъ дѣло пошло иначе. Покуда мы сидѣли на окнахъ, мѣняясь различными свѣдѣніями, въ саду, подъ окнами, раздался новый звонъ, но уже въ другомъ тонѣ. Точно били бутылки. Товарищъ мой пояснилъ, что на всѣхъ фруктовыхъ, т. е. яблочныхъ и рябиновыхъ деревьяхъ развѣшаны, привязанныя къ двумъ, перекинутымъ черезъ сучки концамъ нитокъ битыя стеклышки. Сдѣлано это хозяиномъ съ тою цѣлью, чтобы звономъ отгонять птицъ, покуда рябина и яблоки еще не поспѣли, а когда созрѣютъ, тогда стекла снимаются и плоды оставляются на съѣденіе птичкамъ. Рвать никому не дозволяется.

Къ полудню облекся я въ новую парадную форму и вскорѣ узрѣлъ своего командира — блаженной и, вѣроятно, долгой памяти Василія Яковлевича Овандера. Невысокій ростомъ, полный до нѣкоторой тучности, сутуловатый, съ свѣжимъ лицомъ, очень подвижною физіономіею и головою чистою и гладкою, какъ почтовая бумага. Только на вискахъ, да по окраинамъ головы виднѣлось нѣсколько волосковъ, точно пограничная стража.

Выслушавъ всю тираду, соотвѣтствовавшую представленіямъ начальству, Василій Яковлевичъ сказалъ мнѣ нѣсколько короткихъ, но внушительныхъ нравоученій, обративъ особенное вниманіе, что военная служба требуетъ, главное, точнаго исполненія требованій начальства; съ подробностями же, если вы частно не знакомы, то мы васъ ознакомимъ скоро, сказалъ онъ и, говоря это, указалъ, что у меня на темлякѣ кисточка повернулась въ сторону, прибавивъ, что такъ къ начальству являться не слѣдуетъ, и онъ извиняетъ только на первый

разъ. Опять плохо. Просто, что ни шагъ, то бѣда; и одна другой хуже.

Товарищи мои относительно качествъ отца командира скоро сообщили мнѣ все, что слѣдовало имѣть въ виду и быть исполнительнымъ до послѣдней щепетильности, если не желаю служить враждебно. Многому не вѣрилось, но потомъ повѣрилъ. Такъ наприм. при назначеніи начальствомъ времени, не брезгать буквально ни одною минутою. Дѣло доходило до шутовства. Со мною не случалось, но старые офицеры разсказывали такіе случаи: дано приказаніе прибыть въ $10^1/_4$ часовъ. Офицеръ приходитъ минутъ за шесть ранѣе. Василій Яковлевичъ выходитъ, садится самъ и приглашаетъ садиться пришедшаго. Тогда еще не практиковалось подаванія рукъ. Ну, какъ ваше здоровье? спрашиваетъ... Гдѣ вы вчера провели вечеръ? а самъ смотритъ на часы. Наступаетъ четверть одиннадцатаго, и Василій Яковлевичъ преображается. Вскакиваетъ.—Вы думаете у меня много свободнаго времени для разговоровъ съ вами. Задается нахлобучка и благо, благо, если этимъ оканчивается неточное исполненіе назначенія. Вообще же, придешь ранѣе, хотя минутою, получишь замѣчаніе. Опоздаешь минуту—прождешь часъ и получишь замѣчаніе. За то и самъ Василій Яковлевичъ существовалъ съ аккуратностью солнечныхъ часовъ. Его пунктуальность установила у ближайшихъ къ нему по службѣ лицъ такую манеру: подойдутъ къ двери и поцарапаются; вѣстовой впуститъ. Пришедшій стоитъ въ передней и въ моментъ, когда часы станутъ на опредѣленный начальствомъ пунктъ — дергаетъ колокольчикъ, чтобы начальство слышало прибывшаго. Тогда все хорошо будетъ. Но наблюденіе за исполненіемъ требованій не ограничивалось у Василія Яковлевича только собственными глазами. Онъ самъ говорилъ, что для начальника этого очень мало. Что бы ни дѣлалось между офицерами, онъ все зналъ. Укатитъ офицеръ зимою, безъ спросу, въ Кронштадтъ, того и гляди, что въ свою знаменитую трубу усмотритъ и, конечно, покараетъ. Улизнетъ офицеръ въ Петербургъ, и тутъ какъ тутъ ординарецъ на его квартирѣ, съ приказаніемъ явиться немедленно, ну, и попался. Потомъ лишній караулъ или дежурство не въ очередь. За то и какихъ школьническихъ штукъ не придумывалось, чтобы избѣжать кары, при чемъ случались чисто анекдотическія происшествія.

Нѣкій офицерикъ, прапорщикъ Ермолаевъ, изъ шаловливыхъ и немножко денежный, почему любившій кататься въ Петербургъ, узналъ, что Василій Яковлевичъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ, значитъ, и ему можно удрать безъ спросу. Промыслилъ, по счастью, коляску, велѣлъ поднять верхъ, закутался, какъ могъ, и улепетнулъ. Вотъ, наконецъ, и Нарвскія ворота. Конченъ, конченъ дальній путь и благополучно,

казалось. Проѣхалъ Калинкинъ мостъ и уже на проспектѣ; ну, значитъ, дома, кути. Нужно же было двинуться медленнымъ шагомъ передъ самою коляскою Ермолаева, какой-то телѣгѣ, нагруженной всякимъ домашнимъ скарбомъ, къ задку которой привязано, какъ и всегда бываетъ при перевозкѣ мебели, не задорное, но оберегаемое зеркало. Ермолаевъ взглянулъ и вдругъ, въ зеркалѣ, прямо передъ собою, видитъ улыбающійся ликъ Овандера. Обомлѣлъ, но былъ узнанъ, остановленъ и тутъ же получилъ приказаніе повернуть оглобли и отправиться подъ арестъ на трое сутокъ.

Случались проказы и инаго рода,—капитанъ Кунъ остался на время лагерей въ городѣ, по болѣзни. На его бѣду, именно въ это лѣто, стали посѣщать особенно часто лица императорской фамиліи. Бывало, слышно изъ далека, какъ несется во весь духъ четверкой зеленая коляска придворнаго вѣдомства, а въ колескѣ два человѣка съ красными воротниками въ треуголкахъ; придерживаютъ и раздуваютъ огромный самоваръ. Значитъ, за ними ѣдутъ высочайшія особы кушать чай. Вотъ, въ такое-то лѣто, капитану Куну, страстному охотнику, не усидѣлось въ городѣ. Выѣхалъ въ поле, а тутъ на первыхъ порахъ разорвало ружье и повредило палецъ. Нужно было замаскировать дѣло, т. е. скрыть прогулку на охоту, такъ какъ считавшемуся больнымъ подобало сидѣть дома. Кое-кто зналъ, конечно, сущую правду, а что оторвало палецъ, говорили всѣ. Могло дойти скоро до полковаго командира въ лагерь и до великаго князя въ городѣ. Начали говорить, что палецъ отшибло крышкою большаго сундука, но этотъ слухъ былъ принятъ съ сомнѣніемъ. Такъ какъ эта исторія случилась вскорѣ послѣ печальнаго происшествія въ Петербургѣ, при чемъ рыба сомъ въ неутолимомъ городѣ откусилъ у купавшагося близъ Самсоніевскаго моста важную часть тѣла, то сказали одному офицеру, болтливому и глуповатому, подъ величайшимъ секретомъ, что крышкою сундука только прикрываютъ иной случай, дабы охранить Куна отъ отвѣтственности за то, что онъ выходилъ на взморье купаться, а что, на самомъ дѣлѣ и около нашего берега появился сомъ или, быть можетъ, акула, которая чуть не проглотила и самого капитана. Секретъ этотъ попалъ по назначенію. Къ вечеру, подъ честнымъ словомъ и подъ большимъ секретомъ, новость зналъ уже весь городъ, и разсказъ о довѣрчивомъ болтунѣ ступевалъ настоящую суть.

Не менѣе интересенъ и поучителенъ былъ Василій Яковлевичъ и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вообще. Напр., въ его кабинетѣ, котораго боялись какъ инквизиціонной камеры, надъ самымъ письменнымъ столомъ спускались сверху два снурка отъ звонковъ: одинъ къ домашней прислугѣ, а другой къ ординарцу, слѣдовательно, служебный. Одинъ снуръ былъ красный и оканчивался шаромъ, а другой

синій и оканчивался кистью. Все это имѣло цѣлью, чтобы въ случаѣ надобности позвонить можно было не ошибиться, не теряя время подымать голову, чему помогала форма привѣсовъ, а разные цвѣта служили къ тому, чтобы можно было приказать позвонить и другому.

Предусмотрительность Василья Яковлевича доходила до того, что въ домѣ было распредѣлено самымъ тщательнымъ образомъ, кто что долженъ дѣлать, если бы случилось что-нибудь исключительное, напр. пожаръ, какъ днемъ, такъ и ночью, и онъ считалъ нужнымъ, для повѣрки, дѣлать изрѣдка фальшивыя тревоги.

Устроилъ онъ изъ экономическихъ суммъ славную баню, при чемъ его занимало разрѣшеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ. Какъ бы сдѣлать, чтобы солдаты не встрѣчались и не толкались въ дверяхъ, оставляя ихъ открытыми и охлаждая даромъ. Потомъ, какъ бы поставить солдатъ въ необходимость, чтобы на тѣ скамейки, на которыхъ надобно непремѣнно сидѣть, они не лазали съ ногами. Какъ бы устроить, чтобы назначаемые качать воду накачивали ее ни болѣе, ни менѣе того, сколько нужно.

Василій Яковлевичъ разрѣшилъ ихъ всѣхъ, къ общему удовольствію, совершенно удовлетворительно. Онъ устроилъ вездѣ одностворчатыя двери съ пружинами, и при томъ парныя, такъ что каждую можно было отворять только толкая, а съ другой стороны она была гладкою, и солдатики не могли надивиться, какъ они хорошо входятъ и выходятъ, никогда не встрѣчаясь и не мѣшая одинъ другому. Образцовъ такой системы въ то время дѣйствительно еще не было видно.

Надъ интересовавшими его скамейками онъ прибилъ доски на такой высотѣ, что солдатику помѣститься на скамейкѣ съ ногами никакъ нельзя, а нужно непремѣнно сѣсть порядочно. И тутъ солдатики желали здравствовать своему командиру.

Водовмѣщающій чанъ поставили высоко и конецъ качающаго рычага подняли на столько, что, стоя на полу, его нельзя достать руками, а надо встать на устроенную для этой цѣли скамейку, едва вмѣщающую ноги стоящаго. Вотъ солдатикъ, которому велятъ качать, влѣзетъ на эту скамейку и качаетъ, покуда струйка воды не капнетъ ему изъ особаго жолобочка прямо на носъ, а излишекъ сольется въ луночку на подставкѣ. Значитъ, довольно; а если не докачалъ, покажетъ поплавокъ въ стеклянной трубочкѣ.

Бывало, какъ влѣзетъ кому качать, кругомъ толпа соберется, а какъ брызнетъ на носъ, такъ хохотъ слышится чуть не до города. Вотъ такъ Лобандеръ, гогочатъ солдатики, что хошь, все устроитъ.

Одно, если и удавалось Овандеру, то съ большимъ трудомъ; это научить солдатъ выговаривать правильно его фамилію. Встрѣтитъ солдатика — молодецъ - молодцемъ, остановится, сниметъ фуражку—

просто картинка. Поздоровается и непремѣнно спроситъ: кто командиръ полка?—Генералъ-маіоръ Лобандеръ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ солдатикъ.

— Дуракъ.—Повторяй, что я буду говорить: О—о ванъ-ванъ деръ-деръ. Ну, теперь повторяй за мною все сразу — О-ван-деръ. Лобандеръ, ваше превосходительство. Большее число сеансовъ оканчивалось такимъ образомъ.

Бывали и съ самимъ Васильемъ Яковлевичемъ непредвидимыя случайности. Надо сказать, что хотя онъ имѣлъ и свои средства, да и командованіе полкомъ было въ то время, въ нѣкоторомъ смыслѣ, не одною нравственною наградою, но былъ разсчетливъ и бережливъ столько же и въ деньгахъ, сколько во времени.

Отдаютъ приказъ, чтобы офицеры такого-то числа выѣхали въ Петербургъ для присутствія во дворцѣ, на выходѣ. Поѣздка эта, при крохотномъ содержаніи, обходилась дорого и отзывалась тяжко, почему бѣдная и безъ того всегда нуждавшаяся молодежь старалась отвиливать всѣми силами. Одинъ изъ такихъ, похрабрѣе, рѣшился отправиться къ Овандеру съ просьбою о разрѣшеніи не ѣхать.—Не могу, и не долженъ слышать никакихъ отговорокъ. Всякій обязанъ считать за особенное счастье быть на выходѣ, и вамъ стыдно уклоняться—извольте ѣхать.

— Не могу, ваше п-во, и нездоровится и, главное, нѣтъ денегъ.

— Въ ваши лѣта, г-нъ поручикъ, не должно быть нездоровья, а что касается денегъ, то вы имѣете товарищей. Взаимопомощь необходима.

— Ни у кого нѣтъ. Не дадите ли вы, ваше п-во? Я въ концѣ мѣсяца справлюсь и возвращу.

— Вы знаете, какъ я живу скромно; изъ дня въ день. Говоря это, Василій Яковлевичъ сталъ торопливо обшаривать свои карманы и, вытащивъ, наконецъ, бумажникъ, раскрылъ его, чтобы показать, что въ немъ всего одна двадцати пяти рублевая бумажка (ассигнаціями).

— Вотъ все, что у меня есть, сказалъ онъ, подымая за уголокъ бумажку, но, какъ товарищъ, готовъ раздѣлить ее съ вами пополамъ. Поручика взорвало. Едва Василій Яковлевичъ кончилъ свою фразу, какъ бойкій юноша уже рванулъ бумажку пополамъ и, раскланиваясь отступилъ, благодаря за пособіе, и Василій Яковлевичъ, какъ обомлѣлъ, такъ и остался.

Само собою, всѣ эти свѣдѣнія и случаи накоплялись въ продолженіе службы, а между тѣмъ я остановился на воспоминаніяхъ объ ея началѣ.

Прибыло изъ Петербурга мое снаряженіе. Установилъ я свою мебель и тутъ только почувствовалъ, что я нѣчто въ родѣ самостоятельнаго гражданина. Мнѣ показалось мое жилище не только удобнымъ

но даже нарядным. Вечеромъ принесли приказъ, въ которомъ объявлялось о моемъ прибытіи, съ указаніемъ роты, въ которую я назначенъ. Съ слѣдующаго утра пошли представленія баталіонному и ротному командирамъ.

Въ ротномъ командирѣ я нашелъ человѣка суетливаго, подвижнаго и крайне сочувственнаго. Жилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, ни въ чемъ на него непохожимъ. Эти двѣ натуры были созданы такимъ образомъ, что только изъ совокупности ихъ выходило что-то среднее, похожее на большинство. Въ мелочахъ родное несходство доходило до смѣшнаго въ своихъ крайностяхъ. Такъ, напримѣръ, при всеобщемъ тогда употребленіи табаку Жукова, эти братья, купивъ по фунту табаку, каждый подвергалъ свой фунтъ особой операціи. Старшій высыпалъ въ деревянный боченочекъ и клалъ туда морковь или картофель, чтобы табакъ былъ всегда не только сыръ, но и влаженъ, а младшій высыпалъ свой фунтъ въ жестянку и ставилъ ее, лѣтомъ на солнце, а зимою на печку, чтобы табакъ хрустѣлъ между пальцами.

Съ полученіемъ права на члена роты, къ утру отъ этой роты явился ко мнѣ рослый, молодцоватый и видимо давно служащій унтеръ-офицеръ. Одна изъ тѣхъ симпатичныхъ личностей типа стараго солдата, которыя имѣли такую громадную цѣну въ глазахъ командировъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Оказалось, что этотъ унтеръ имѣлъ назначеніе служить мнѣ на первое время чѣмъ-то въ родѣ дядьки. Теперь, конечно, показалось бы смѣшнымъ такое явленіе, но я вспоминаю ту патріархальную пору, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ, съ глубочайшею благодарностью.

Только съ появленіемъ этого дядьки, началъ устанавливаться у меня тотъ порядокъ, до котораго я самъ не скоро бы добрался, будучи совершенно ребенкомъ. При участіи этого дядьки, у меня немедленно явился вѣстовой. Дядька спроситъ—не нужно ли мнѣ что въ городѣ—скажетъ вѣстовому, гдѣ и что лучше достать. Дядька показалъ вѣстовому, какъ нужно сапоги ваксой чистить, какъ на скорую руку самоваръ сапогомъ раздувать и такъ далѣе. Дядька до ученья заранѣе меня разбудитъ, осмотритъ платье, одѣнетъ и опять осмотритъ — все ли по формѣ. Потомъ пожелаетъ счастливаго пути и до мѣста проводитъ, такъ какъ помѣщенія полка были разбросаны.

Начались и для меня ученія, а вмѣстѣ съ ними замѣчанія и взысканія и требованія. Въ числѣ послѣднихъ занимала видное мѣсто обязанность знать солдатъ своей части поименно: Василій Кочерга, Антонъ Сязикъ, Петръ Копыло и такъ далѣе. Вызубрилъ сначала по списку, а потомъ и въ натурѣ. Ну, казалось, это дѣло справилъ. Назначается инспекторскій смотръ. Подхожу къ своей части и, хотя

убейте, ни одного не узнаю. Вчера еще, какъ и прежде, одинъ былъ бѣлый, другой рыжій, а теперь всѣ какъ одинъ. Бакенбарды и усы слѣплены какою-то черною замазкою и причесаны по одному образцу, и самыя лица такъ перемѣнились, какъ будто вылиты въ одну форму. На эту бѣду пришелъ ротный, скомандовалъ смирно. За нимъ баталіонный. Опять смирно; такъ что прорепетировать не успѣлъ, а тутъ и Овандеръ.

Только-что подошелъ ко мнѣ, говоритъ: извольте перекликать вашу часть. Ну, и пошелъ выкликать по списку: Василій Кочерга, Антонъ Сязикъ, и т. д. Одного, какъ будто не разслышавъ, какъ я назвалъ, спросилъ Овандеръ самъ, какъ зовутъ? Солдатикъ повторилъ мои слова, но что-то перевралъ. Овандеръ кликнулъ изъ задней шеренги десяточнаго унтеръ-офицера, который не слыхалъ разговора, и спросилъ его—оказалась кличка совсѣмъ другая. Я перепуталъ потому, что одинъ изъ бывшихъ въ спискѣ выбылъ изъ строя, а солдатикъ хотѣлъ меня не выдать. Меня на лишнее дежурство, а бѣдному солдатику прописалъ рецептъ. Ротный командиръ, спасибо, смягчилъ наказаніе, да и жалко было, солдатъ хорошій.

Вообще же, нашему брату, субалтернъ-офицеру, нельзя было жаловаться на тягость службы. Офицерскій караулъ былъ одинъ и одно скучное дежурство по госпиталю, которыя доставались рѣдко, а на ученьѣ субалтернъ-офицеры присоединялись къ ротѣ, только когда ей приходилась очередь пользоваться манежемъ, или при ученіи баталіономъ. Въ казармы они не ходили.

Ротные командиры не только не требовали посѣщенія казармъ офицерами, но, видимо, и не желали этого, дабы не было помѣхи совершавшемуся тамъ священнодѣйствію съ кровавыми жертвами, при дрессировкѣ солдатъ, для внушенія имъ тонкостей стойки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ. Да и тяжело было бы молодому сердцу чувствовать необходимость усиленно устранять, свойственную счастливымъ лѣтамъ, гуманность и теплыя отношенія къ ближнему. Приходя въ казармы, нужно было бы принимать участіе въ обученіи, а фронтовая педагогія съ перваго дня начиналась тычками, толчками и зуботычинами, и такая система считалась до такой степени легальною, что одинъ изъ старшихъ офицеровъ, правда, переведенныхъ изъ арміи, не стѣсняясь, охотно разсказывалъ исторію разбитаго въ его перстнѣ гербоваго камня, называя негодяемъ того солдата, который въ моментъ направленія удара въ зубы такъ неосторожно осклабился, что камень попалъ именно по зубу и треснулъ.—Ну, уже и задалъ же я ему потомъ, прибавилъ разсказчикъ. Но такая манера обученія не ограничивалась стѣнами казармъ, гдѣ всякій стар-

шій колотилъ младшаго, а и на сводныя ученья, до баталіоннаго включительно, унтеръ-офицеры запасались палками въ стволахъ ружей, на случай требованія начальства, а безъ такого требованія не обходилось ни одного ученья. Откуда слѣдуетъ, что и самые полковники гвардіи не только не устраняли, но и поддерживали жестокую систему, въ которой, какъ указалъ опытъ поздняго времени, не было никакой надобности. Былъ у насъ, напримѣръ, полковникъ Трегубовъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся, но ремешокъ завзятый, сохранившій до генеральскаго чина воспоминанія своей юности. Такъ, когда его произвели въ генералы, онъ, охорашиваясь, не разъ отвѣчалъ такимъ манеромъ на поздравленія: „вотъ-съ, не всегда сбываются и родительскія предсказанія. Отецъ мнѣ всегда говорилъ: дуракъ ты, Ѳедька, и никакого проку изъ тебя не будетъ, а вотъ-съ, изволите видѣть, изъ Ѳедьки генералъ вышелъ“. Впрочемъ, оцѣнка отца не совсѣмъ оставалась безслѣдною. Такъ, начальникъ дивизіи, приснопамятный Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ, оставшись однажды недовольнымъ смотромъ баталіона Трегубова, обратился къ нему, при всѣхъ, съ такою фразою:—эхъ, полковникъ, да вы... нѣтъ, не вы, а я дуракъ, что далъ вамъ баталіонъ. Ничего,—скушалъ!

Вотъ, у этого самаго Трегубова было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чуть замѣтитъ, что солдатъ или пошевелился, или штыкъ не вѣрно, или равняется худо—сейчасъ впередъ и затѣмъ приказаніе, смотря по расположенію духа: палокъ, шомполовъ или тесаковъ. Выходитъ солдатъ передъ фронтъ. Велятъ ему облокотиться на ружье. Два унтера поднимаютъ висѣвшую сзади патронную суму, потомъ тесакъ, наконецъ фалды мундира и два другихъ унтера начинаютъ лупить несчастнаго, судя по приказанію: палками, шомполами или тесаками. Это обученіе оффиціальное, но, кромѣ того, стоящіе сзади унтеръ-офицеры ставятъ значки мѣломъ на спинахъ ими замѣченныхъ въ какой-либо погрѣшности солдатъ. Эти получали возмездіе уже дома. Такова была школа.

На одномъ изъ такихъ ученій попался я и самъ, хотя въ комическую, но все-таки непріятную исторію. Прибылъ въ полкъ прапорщикъ, выпущенный изъ Финляндскаго корпуса, милѣйшій юноша, но плохо говорившій по-русски. Съ нимъ мы сошлись очень скоро и полюбили другъ друга. Разъ, какъ-то, зашелъ этотъ офицеръ ко мнѣ съ приглашеніемъ попробовать финляндскіе гостинцы: какія сосисочки, какіе кренделюшки, расхваливалъ онъ. Съ этого дня я прозвалъ его Кренделюшкинымъ. Случилось, что этого офицера назначили въ нашъ баталіонъ, къ Трегубову. Трегубовъ желалъ сдѣлать какое-то замѣчаніе и хватилъ передъ фрономъ: прапорщикъ Кренделюшкинъ, что у васъ тамъ дѣлается? Только-что кончилось

ученье, финляндецъ подошелъ къ Трегубову, для объясненія за новую кличку.—Да я слышалъ, что васъ такъ называли, отвѣчаетъ полковникъ.—Это товарищеская шутка такого-то, назвавъ мою фамилію, объяснилъ офицеръ.—Прапорщикъ такой-то, вызываютъ меня, чтобы вы вашими шутками не подводили начальство, на лишнее дежурство! Ну, и отдежурилъ. Вотъ тебѣ и кренделюшки!

Далѣе пришлось мнѣ сдѣлаться не только свидѣтелемъ, но и участникомъ еще худшей экзекуціи, чѣмъ казарменныя зуботычины и лупка передъ фронтомъ. Читаю поздно вечеромъ приказъ по полку—оказывается, что я назначенъ за баталіоннаго адъютанта при исполненіи на завтра, въ шесть часовъ утра, приговора суда о наказаніи шпицъ-рутеномъ вахтера продовольственнаго магазина, унтеръ-офицера, за оказавшійся недостатокъ, признанный растратою, нѣсколькихъ кулей съ провіантомъ.

Дѣло было осенью. Утро наступило мокрое, сѣрое и холодное. Одной погоды было достаточно для скверная начала дня, а тутъ еще слѣдуетъ начинать его въ шестомъ часу.

Слыхалъ я, что шпицъ-рутенъ, по просту—сквозь строй, что-то такое не христіанское, ужасное. Разсказывали, что бывали случаи приговоровъ прогнать чрезъ двѣнадцать тысячъ, т. е. получить двѣнадцать тысячъ ударовъ палками. Въ мое время, въ видахъ, конечно, смягченіе наказанія, существовалъ уже такой порядокъ, что при экзекуціи присутствовалъ докторъ и, если онъ находилъ, что продолженіе наказанія становится опаснымъ для жизни, то наказаніе останавливалось. Полунаказаннаго отправляли въ госпиталь, излѣчивали и потомъ продолжали оканчивать приговоръ. Что было человѣчнѣе, рѣшить не легко. Но самой экзекуціи я еще не имѣлъ прискорбія видѣть.

Облекся я, какъ требовалось, въ форму и пришелъ на поле, гдѣ засталъ опредѣленное начальствомъ число солдатъ, выстроенныхъ фронтомъ, съ барабанщиками на флангѣ. Подалъ мнѣ аудиторъ сентенцію суда, которую я долженъ былъ прочитать. Начальникъ скомандовалъ на караулъ. Вывели на средину обвиненнаго и при немъ вышелъ профосъ—нижній чинъ, на котораго возлагалось исполненіе предшествующихъ наказанію обрядовъ. Я прочиталъ, что такой-то, за то-то, приговоренъ судомъ къ лишенію правъ и служебныхъ знаковъ отличія, наказанію шпицъ-рутеномъ черезъ пятьсотъ человѣкъ. Это, кажется, было наименьшее число ударовъ. Профосъ сорвалъ унтеръ-офицерскіе галуны и медаль. Говорили, что онъ обязывался еще ударить осужденнаго по лицу, но я этого не видѣлъ. Тѣмъ временемъ солдаты образовали двѣ шеренги лицомъ къ лицу, на разстояніи какой-нибудь сажени. У каждаго солдата оказалась въ ру-

кахъ палка, которою онъ махалъ, при чемъ образовалась изъ палокъ въ воздухѣ какая-то ужасающая, смертоносная аллея. Обвиненнаго обнажили до пояса, привязали руки къ прикладу ружья и повели между шеренгами. Барабаны заколотили во всю мочь особо установленный бой. Я только успѣлъ услыхать: помилосердуйте, помилосердуйте, и не прошелъ еще казнимый двухъ—трехъ саженъ, какъ на спинѣ его образовалась сине-багровая рѣшетка, что было далѣе, я не видѣлъ, такъ какъ, рискуя отвѣтственностью, сначала удалился отъ фронта, а потомъ, какъ одурѣлый, побѣжалъ домой. Это былъ день, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и незабываемыхъ въ моей жизни, тѣмъ болѣе, что большинство мнѣній считало наказаннаго жертвою, принесенною аудиторомъ, за преступленіе, не имъ совершенное.

IV.

Путешествіе изъ Ораніенбаума въ Петербургъ на Крещенскій парадъ.—Гостиница „Фениксъ“.—Проигрышъ въ девяносто девять тысячъ. — Дворцовые выходы.—Мѣна мыла на флейту, а флейты на квартирную обстановку.—Охота на селедокъ.—Аптекарь - кирасиръ.—Моя отставка.

Наступила зима. Получено приказаніе прибыть полку въ Петербургъ на Крещенскій парадъ. Зимній походъ, хотя и недалекій, всего тридцать шесть верстъ, не составлялъ удовольствія; во-первыхъ, какъ поводъ къ экстраординарнымъ расходамъ изъ источниковъ, всегда отсутствовавшихъ, и, во-вторыхъ, могутъ быть въ походѣ морозы. Весь полкъ состоялъ изъ бѣдняковъ, а приходъ въ Петербургъ вызывалъ и многіе соблазны, и надобность жить гостиницѣ. У большинства, въ особенности молодежи, всѣ походные рессурсы ограничивались какими-нибудь пятью-шестью рублями, выпрошенными у казначея впередъ. На большій кредитъ никто и не претендовалъ, такъ какъ все, что можно было взять, бывало забрано, а уплаты изъ постороннихъ источниковъ завѣдомо для казначея не предвидѣлось. Двадцать трехрублевыхъ платинокъ жалованья и пятнадцать рублей квартирныхъ на цѣлые четыре мѣсяца, такъ какъ содержаніе выдавалось по третямъ, почти для всѣхъ, было все.

Любимымъ притономъ нашего полка была, помѣщавшаяся у Александринскаго театра, гостиница „Фениксъ“. Благо, не дорогая и близко отъ Михайловскаго манежа, въ которомъ располагался полкъ. Въ „Фениксѣ“ насъ уже знали. Въ номеръ, цѣною въ 60 коп., вваливалось человѣкъ по пяти, въ предвидѣніи спать въ повалку, какъ кто самъ устроится. Порція суточныхъ щей—15 коп. и ординарный бивштексъ,

въ родѣ подметки, 15 коп., вполнѣ удовлетворяли суточныя требованія, а кто попадалъ къ Излеру, у котораго тогда большинство порцій стоило 30 коп., такъ это была уже чистая гастрономія.

Походную форму для солдата составляла шинель, при томъ хорошаго сукна, надѣтая сверхъ мундира, а для офицера—одинъ сюртукъ. Пальто, какъ извѣстно, дали офицерамъ со времени Крымской кампаніи. Если бы захотѣлось офицеру побаловаться шинелью, то не угодно ли было ее надѣвать, не снимая со спины ранца, что оказывалось почти невозможнымъ.

Башлыковъ также не было, а существовали наушники, для мороза отъ 5 до 10 градусовъ—малые, или бѣлые, и для мороза свыше 10 град. черные, или большіе—это было нѣчто въ родѣ шапки на всю голову, включая затылокъ и шею, съ лопастями черезъ уши, застегивавшіяся подъ подбородкомъ. Головнымъ уборомъ былъ киверъ—это большая, кожанная, обтянутая сукномъ кадушка съ разными металлическими прибавками, всего вѣсомъ въ насколько фунтовъ, и пригонялся онъ на голову вплотную, да еще такъ притягивался къ подбородку, что у другаго глаза выпучивались. При такихъ-то качествахъ кивера, его нужно было обязательно напялить на голову поверхъ надѣтой уже суконной шапки, называвшейся наушниками. Можно себѣ представить муку, какую приходилось испытывать отъ такого вида заботливости о сохраненіи ушей отъ мороза. Ничего, терпѣли.

Походъ изъ Ораніенбаума дѣлался въ два пріема, т. е. по дорогѣ полкъ ночевалъ въ деревняхъ. Пришелъ нашъ баталіонъ къ вечеру въ Лигово, верстахъ въ осьми отъ Петербурга. Большинство офицеровъ скучилось въ одной избѣ, зная, что не надолго—рано вставать надо. Напились чаю и повалились на соломѣ. Двое, Соколовъ и Баталинъ, усѣлись за столомъ поиграть въ карты. Просыпались мы не разъ, а игроки все еще дуются, какъ оказалось, въ штосъ, на заложенный Соколовымъ золотой. Стало свѣтать, ударили фельдъ-маршъ. Игроки поспѣшили свести итоги, по которымъ Соколовъ остался въ выигрышѣ, на мѣлокъ, конечно, девяносто девять тысячъ рублей.

Утро было морозное, что и дало случай узнать новый музыкантскій пріемъ. Подошли къ Нарвской заставѣ. Полковой адъютантъ отдаетъ приказаніе музыкантамъ: заморозить маршъ нумеръ такой-то.—Музыканты идутъ на гауптвахту, отогрѣваютъ инструменты и потомъ, приладивъ клапаны какъ нужно для марша, выходятъ на морозъ, давая клапану примерзнуть. Это давало возможность нести инструментъ въ рукавицѣ, сохраняя руки отъ мороза.

Въ Петербургѣ полкъ располагался въ Михайловскомъ манежѣ,

въ лежку, по настланной на землѣ соломѣ. Вотъ мы и пришли. Читаемъ въ приказѣ, что Баталинъ, проигравшій всю ночь въ карты, назначенъ дежурнымъ по баталіону, слѣдовательно, долженъ остаться на цѣлыя сутки въ манежѣ. О крупномъ проигрышѣ знали уже всѣ. На дежурство, тотчасъ же, принесъ денщикъ Баталину—сяфьянную подушку, трубку съ кисетомъ и непремѣнную принадлежность каждаго переведеннаго изъ арміи, какимъ былъ Баталинъ, и слѣдовательно побывавшаго въ Польшѣ—коверъ съ тремя сернами, стоившій на мѣстѣ нѣсколько злотыхъ. Соколовъ, увидѣвъ этотъ коверъ, обратился къ Баталину съ такимъ предложеніемъ: слушай, Василій Ивановичъ, отдай ты мнѣ этотъ коверъ, и мы квиты будемъ. Вотъ пустяки, отвѣтилъ Баталинъ, я уплачу тебѣ. Этотъ отвѣтъ разошелся по всему гвардейскому корпусу и далъ случай посмѣяться самому великому князю.

По прибытіи въ полкъ вновь произведеннаго офицера, ему предъявлялись двѣ подписки: одна съ обѣщаніемъ не принадлежать никакимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ вообще, а другая—съ вопросомъ, не желаетъ ли имѣть счастіе участвовать въ балахъ при высочайшемъ дворѣ?—При заявленіи послѣдняго желанія, нужно было завести коротенькія, бѣлыя, суконныя принадлежности, шелковые чулки и башмаки. Стоило это не дешево, но, при прежнихъ мундирахъ, въ видѣ фрака, на стройномъ, молодомъ офицерѣ было красиво, а при красныхъ, бальныхъ мундирахъ конно-гвардіи и кавалергардовъ очень нарядно, но въ нашемъ полку былъ записанъ только одинъ, изъ курляндскихъ бароновъ, почему, въ случаѣ бальныхъ дней, гостиница „Феникъ“ не подвергалась нашему нашествію. За то мы являлись туда партіями при назначеніяхъ для присутствованія на дворцовыхъ выходахъ въ дни высокоторжественныхъ праздниковъ.

Не забывается, какъ приходилось проводить нѣкоторые изъ такихъ праздниковъ. Напримѣръ, первый день Пасхи. Чтобы расходоваться менѣе, каждая пара или тройка офицеровъ, сговорившихся ѣхать вмѣстѣ, старалась въ субботу, пообѣдавъ дома, пріѣзжать въ Петербургъ часамъ къ шести вечера. Требовалось быть во дворцѣ около одиннадцати часовъ. Въ полночь, по третьей пушкѣ съ крѣпости, открывалось высочайшее шествіе въ церковь. Послѣ того наступала сравнительная свобода. Свѣтлая встрѣча съ товарищами, шатанье по заламъ и, наконецъ, появленіе военнаго министра, кн. Чернышева, со множествомъ раздаваемыхъ приказовъ о производствахъ и наградахъ. Не мало ликующихъ физіономій, взаимныя поздравленія и вообще остальное время, до возвращенія изъ церкви, проходило весело. Церемонія оканчивалась часамъ къ двумъ и, затѣмъ, нужно

было переходить на половину наслѣдника цесаревича, для принесенія поздравленія. Покуда всѣ соберутся, откланяются, смотришь, уже и часъ четвертый, а доберешься пѣхтурой до „Феникса“, и пятый насталъ, между тѣмъ, къ осьми часамъ нужно быть во дворцѣ Михаила Павловича. Онъ цѣловался по три раза съ каждымъ, отъ перваго до послѣдняго, почему эта церемонія была долгая и изъ дворца можно было выбраться только часовъ около десяти. Въ первое мое участіе при такой церемоніи, вздумалось одному офицеру, при выходѣ изъ дворцовыхъ воротъ, пошкольничать, крикнулъ: извощикъ! бросилось нѣсколько. Въ Энциклопедическій лексиконъ! Въ недоумѣніи, одинъ проситъ рубль, другой полтину и загородили дорогу, а тутъ большому начальству нельзя выѣхать. Ну, и вздули же этого шалуна, да при всѣхъ, публично.

Послѣ великаго князя, нужно было, къ двѣнадцати часамъ, быть у развода, всегда передъ дворцомъ, на площадкѣ. Освободившись часу во второмъ уже и прійдя домой въ третьемъ, слѣдовало собираться въ походъ, чтобы къ четыремъ часамъ попасть въ Зимній дворецъ къ парадной вечернѣ и затѣмъ уже только часамъ къ шести считать себя свободнымъ, снять мундиръ и даже съѣсть какого-нибудь заливнаго поросенка. Общепринятая форма разгавливанія большинствомъ игнорировалась, по независящимъ, какъ видно, обстоятельствамъ.

Право присутствовать при выходѣ къ великой вечернѣ имѣло свой, спеціальный интересъ. По уставу, на выходѣ къ этой вечернѣ, слѣдовало быть не въ полной парадной формѣ, для всѣхъ однообразной, въ мундирахъ, мѣстамъ и званіямъ присвоенныхъ. Государь вышелъ въ полной, существовавшей тогда, формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Красавецъ, при его величественной манерѣ держать себя и при его походкѣ, былъ предметомъ невольнаго поклоненія, не только какъ царь, но и какъ совершеннѣйшій человѣкъ. Графъ Бенкендорфъ и Дубельтъ въ синихъ, жандармскихъ мундирахъ, князья—Чернышевъ и Волконскій въ какихъ-то скромненькихъ мундирахъ своихъ армейскихъ полковъ. Всѣ генералы въ мундирахъ своихъ частей. Однимъ словомъ, пестрота невообразимая, а въ общемъ прекрасная, будто шитая бисеромъ картина.

Разводъ на дворцовой площадкѣ въ первый день Пасхи былъ любимымъ разводомъ Николая Павловича. Выходъ его съ Салтыковскаго подъѣзда, встрѣчаемый привѣтствіями десятковъ тысячъ голосовъ, былъ народнымъ поздравленіемъ съ праздникомъ, а затѣмъ, по окончаніи развода, государь публично христосовался съ войскомъ въ лицѣ ординарцевъ и фельдфебелей.

Сохранилось такое легендарное преданіе. Пасха была ранняя,

когда еще не сошелъ снѣгъ. Государь, стоя у окна съ Клейнмихелемъ, бывшимъ тогда, кажется, дежурнымъ генераломъ, высказалъ сожалѣніе, что пожалуй не удастся разводъ сдѣлать. Снѣжно и грязно. Это было въ послѣдніе дни Страстной недѣли.

Клейнмихель, съ первой же ночи, вызвалъ разныя команды на площадку съ лопатами, ушатами, швабрами, мочалами и всякимъ тряпьемъ, до грязнаго бѣлья включительно. Одни скребли и складывали въ ушаты снѣгъ. Другіе собирали мочалами и тряпками и выжимали въ ушаты воду. Ушаты относились въ сторону, а площадка очищалась. Въ день Пасхи площадка была уже суха, посыпана пескомъ, укатана, и разводъ состоялся.

Это былъ не единственный примѣръ распорядительности Клейнмихеля. Конечно, мало уже кто видалъ, а большинство теперь и не знаетъ, что такое было оптическіе телеграфы, до введенія электрическихъ.

Выбирались отдаленные, но видимые другъ отъ друга въ хорошую трубу пункты. Въ такихъ пунктахъ строились высочайшія, многоэтажныя башни. На верху башни устраивалась на горизонтальной оси рѣшетчатая доска. Къ одному концу ея прикрѣплялась еще другая, болѣе короткая доска, поперечно, въ видѣ буквы Т. Доска, механизмомъ въ башнѣ, могла поворачиваться въ разныя стороны, и склоненіе ея въ ту или другую сторону, на разныя, до одной осьмой доли окружности, составляло условные знаки алфавита. На ночь по тремъ концамъ досокъ зажигались фонари. Центральныя станціи въ Петербургѣ были: на Зимнемъ дворцѣ, Горномъ корпусѣ и Технологическомъ институтѣ, для линій—на Кронштадтъ, черезъ Петергофъ, на Москву и Варшаву. Поворотъ доски на начальной станціи повторялся всѣми промежуточными, и такимъ образомъ депеша достигала станціи назначенія. Для частныхъ лицъ этотъ телеграфъ былъ недоступенъ. Несмотря на медленность, съ какою шли депеши, какъ мнѣ говорило лицо, близко стоявшее къ управленію этимъ дѣломъ, изъ Варшавы сообщали ежедневно, для высочайшаго доклада, списокъ пріѣзжавшихъ.

Для устройства этихъ телеграфовъ былъ вызванъ какой-то французъ. Тутъ вышелъ казусъ. Французъ выговорилъ себѣ, въ числѣ другихъ вознагражденій, право на полученіе ордена. Говорили, что имѣлся въ виду орденъ на шею, но ему послали въ петлицу. Французъ озлобился и возвратилъ крестъ. Государю доложить о такой продерзости не рѣшились, а другаго дать не могли, пришили крестъ къ дѣлу, а дѣло сдали въ архивъ.

Желая познакомить государя съ телеграфнымъ алфавитомъ, были приготовлены по приказанію Клейнмихеля, въ видѣ большихъ играль-

ныхъ картъ, особыя для каждаго знака изображенія телеграфныхъ досокъ. Николай Павловичъ, обладая безпримѣрною дальнозоркостью, въ то же время, не различалъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ и вблизи видѣлъ неясно. Посмотрѣвъ поднесенные чертежи, похвалилъ, поблагодарилъ, но прибавилъ: жалко, что мелко.

Въ тотъ же день были собраны въ особое мѣсто лучшіе чертежники изъ кондукторской школы, училища гражданскихъ инженеровъ и института путей сообщенія съ приказаніемъ, чтобы къ утру былъ готовъ новый алфавитъ, въ увеличенномъ размѣрѣ. Было все вычерчено, отдѣлано, наклеено и въ новоприготовленный футляръ уложено, а затѣмъ и вновь поднесено на слѣдующее утро.

Ну вотъ и еще подходящій случай. Противъ переднихъ угловъ Александринскаго театра, между нимъ и скверомъ, были устроены двѣ грѣлки для кучеровъ въ морозные дни. По очень большому кругу стояли гранитные барьеры, аршина полтора вышины, съ просвѣтами для входа вовнутрь. Въ срединѣ каждаго круга помѣщался желѣзный цилиндръ съ поддуваломъ—это собственно жаровня, въ которой долженъ раскладываться костеръ, а надъ цилиндромъ, на желѣзныхъ стропилахъ, труба и большой зонтъ. Пріѣхавъ, однажды, въ морозный день въ театръ и не видя желающихъ погрѣться, государь сказалъ, встрѣтившему его у подъѣзда, оберъ-полицеймейстеру Кокошкину, что эти постройки, кажется, лишнія, только разъѣздъ затрудняютъ, а никто не грѣется. Когда государь вышелъ изъ театра, отъ грѣлокъ уже и слѣда не было, и мѣсто, гдѣ онѣ были, даже снѣжкомъ засыпано. Такъ разсказывали.

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ нашей, домашней, полковой жизни.

Нашими корпусными воспитателями было усвоено правило примѣнять установившіеся педагогическіе пріемы ко всѣмъ возрастамъ одинаково и безразлично, до требованія уходить въ отпускъ и ходить въ городѣ не иначе, какъ съ провожатымъ, хотя бы это было наканунѣ выпуска и хотя бы такимъ провожатымъ была, какъ у меня, старуха Арина, несмотря на то, что я былъ выпускной фельдфебель. При такихъ воспитательныхъ условіяхъ, не только во время пребыванія въ корпусѣ, но и на молодыхъ офицерахъ долго сохранялся отпечатокъ пріученнаго дѣтства, которое и проявлялось часто въ продѣлкахъ чисто ребяческаго свойства. Вотъ, для примѣра.

У одного офицера лежалъ постоянно на столѣ шарикъ полупрозрачнаго душистаго мыла. Всѣ замѣчали, что это мыло какъ-то особенно притягательно вліяетъ на прапорщика Іонея. Какъ ни придетъ, сейчасъ за мыло. Повертитъ, понюхаетъ, положитъ и опять возьметъ, и т. д. Должно быть, накипѣло, не вытерпѣлъ. Приходитъ къ вла-

дѣльцу мыла съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ промѣнять мыло на флейту? Этотъ согласился.

Въ свою очередь, заполучившій флейту пожелалъ извлечь изъ нея удовольствіе себѣ и другимъ. Нашелъ любителя, который написалъ гамму и показалъ, какъ надо справляться съ флейтою. Неожиданный артистъ скоро добрался до пѣсенки „ѣхалъ казакъ за Дунай“ и началъ зудить ее съ утра до ночи. Не только сожителю, но и околодку такъ надоѣла это пѣсенка, что корпоративно стали умолять музыканта смягчить придуманную имъ общественную кару, но тутъ подвернулся счастливый случай въ лицѣ опять того же Іонея. Назначили его въ продолжительную командировку въ Петербургъ. Тогда онъ пришелъ къ владѣтелю флейты съ новымъ предложеніемъ: ты знаешь, началъ онъ, что у меня квартира обставлена прилично, но брать эту обстановку съ собою въ Петербургъ мнѣ не разсчетъ. Помѣстить здѣсь некуда, а, между тѣмъ, я въ Петербургѣ могу найти хорошаго учителя на флейтѣ, которую могу взять съ собою; такъ не хочешь ли отдать мнѣ флейту и взять за нее всю мою мебель. Опять послѣдовало согласіе, а, въ концѣ концовъ, вышло, что бывшій владѣлецъ мыла получилъ за него приличную обстановку цѣлой комнаты! Но не долго пришлось ему любоваться своими обновками—все сгорѣло.

День коронаціи Николая I чествовался 22-го августа. Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, сговорились отпраздновать этотъ день, устроивъ для дачныхъ знакомыхъ маленькій праздникъ съ фейерверкомъ, и отправились цѣлой ватагой за заставу, чтобы выбрать удобное для сходки мѣсто. Возвращаясь уже ночью, вдругъ видимъ пламя изъ-подъ крыши кабака, рядомъ съ моей квартирой и почти противъ деревянныхъ полковыхъ казармъ. Велѣли барабанщику ударить тревогу. Все проснулось, начался переполохъ, крикъ, бѣготня и все какъ слѣдуетъ, а къ утру-то стороны лучшей улицы, на которой начался пожаръ, какъ не бывало. Большинство изъ нашей компаніи и много офицеровъ вообще потеряли кое-что въ пожарѣ. Въ тотъ же день пріѣхалъ адъютантъ великаго князя и объявилъ, что пострадавшимъ офицерамъ, вѣроятно, будетъ оказано пособіе, для чего нужно представить счетъ убытковъ. Начальство, объявивъ это къ исполненію, предупредило, чтобы не увеличивать счетовъ, такъ какъ иначе всего не дадутъ. Такому указанію былъ присвоенъ двоякій смыслъ. Во-первыхъ, что не слѣдуетъ завираться, а, во-вторыхъ, что опасно показать только по совѣсти, такъ какъ всего не дадутъ и окажется въ убыткѣ. Начались сходки и шушуканіе, чтобы включать въ списки погорѣвшаго имущества, вслѣдствіе чего у всѣхъ оказались въ числѣ погорѣвшихъ вещей—шинель съ бобровымъ воротникомъ и такими

же лацканами и бритвенный несессеръ (!), мебель, обмундировка, бѣлье, чайный и столовый приборы, а у нѣкоторыхъ даже кухонная посуда. На верху, вѣроятно, посмѣялись; но все-таки выдали отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ рублей на каждаго, конечно, ассигнаціями, т. е. отъ 300 до 350 рублей на серебро, что́ было, однако же, большими деньгами, такъ какъ выдача составляла почти полуторагодовой окладъ жалованія, въ какой пропорціи получить теперь пособіе не совсѣмъ легко. Многіе изъ насъ привели свое хозяйство въ улучшенный порядокъ.

Вотъ и другой примѣръ продѣлки не совсѣмъ офицерскаго свойства. Былъ образцовый пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ генералъ Жирковъ. Гроза безпримѣрная и фронтовикъ безупречный. Богъ знаетъ откуда не высылались въ этотъ полкъ офицеры съ соотвѣтствующимъ числомъ нижнихъ чиновъ. Около моего времени были доставлены шесть человѣкъ, пѣшихъ казаковъ, чуть не изъ Камчатки, не ѣвшихъ никогда ничего, кромѣ рыбы. Говорили, что ни одинъ изъ нихъ не дожилъ до конца срока.

Попасть въ образцовый полкъ было высшимъ желаніемъ армейскаго офицера. Усиленное содержаніе, жизнь въ Царскомъ Селѣ, по окончаніи срока полное обмундированіе на казенный счетъ, лестная репутація—въ родѣ окончанія курса въ военной академіи и даже возможность попасть въ гвардію; но во всякомъ случаѣ, офицеръ, вернувшійся изъ образцоваго полка, былъ уже на виду начальства для будущихъ повышеній. Почему, попавшій въ эту школу старался всѣми силами не вызвать какимъ-либо случаемъ негодованія командира полка, рискуя иначе быть возвращеннымъ со срамомъ до срока или получить неудовлетворительную аттестацію.

Въ деревнѣ, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, помѣщались больные образцоваго полка, и туда назначался ежедневно офицеръ на дежурство. Такъ какъ не ожидалось посѣщенія деревни начальствомъ, то дежурные, обыкновенно, туда не ходили и прятались въ такой день по палаткамъ товарищей, по возможности, внѣ своего полка.

Въ день, о которомъ я вспоминаю, былъ дежурнымъ въ деревнѣ, прикомандированный къ образцовому полку, мой товарищъ по корпусу—Центиловичъ, который сидѣлъ у меня въ палаткѣ. Вдругъ, по распоряженію добраго сослуживца, прибѣгаетъ писарь сказать, что генералу закладываютъ коляску, чтобы ѣхать въ деревню, къ больнымъ. Надѣть тотчасъ принесенный киверъ и шарфъ было дѣломъ одной минуты, но для меня непонятнымъ. Центиловичъ убѣжалъ и, часа черезъ два, вернулся торжествующимъ.—Надулъ, было первымъ его словомъ. Оказалось, что, надѣвъ форму, Центиловичъ скрылся за крайнимъ баракомъ, лежавшимъ на пути Жиркова, и когда задъ экипажа

поравнялся съ баракомъ, Центиловичъ выскочилъ и сѣлъ на запятки экипажа Жиркова. Подъѣзжая къ деревнѣ, соскочилъ, бросился бѣгомъ въ сторону, успѣлъ узнать, гдѣ болѣе скучены больные, сколько ихъ, и съ противоположнаго конца деревни встрѣтилъ запыхавшись генерала, отрапортовалъ какъ слѣдуетъ. Генералъ, видя усталость, милостиво замѣтилъ объ отсутствіи надобности въ излишней торопливости и похвалилъ за исправность. Когда же Жирковъ повернулъ оглобли, то Центиловичъ счелъ за благо возвратиться въ лагерь тѣмъ же способомъ, какъ оттуда уѣхалъ, и такъ попалъ ко мнѣ, выигравъ прочное, хорошее и полезное для будущей службы мнѣніе о себѣ генерала Жиркова. Вотъ что значитъ умѣніе пользоваться обстоятельствами.

Помнится мнѣ и другой случай, при участіи того же Жиркова.

Въ составъ нашего баталіона, своднаго изъ школъ солдатскихъ дѣтей гвардейскихъ полковъ, назначалось по одному офицеру отъ каждой бригады. Тутъ былъ и конно-гвардеецъ князь Щербатовъ, и лейбъ-уланъ — Ралгинъ, Семеновскаго — Корсаковъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, Измайловскаго—Эртель, потомъ брандъ-маіоръ петербургскій, Гренадерскаго—Чикмаревъ, получившій публично, на разводѣ, отъ самого государя поздравленіе съ открывшимся въ Лондонѣ фамильнымъ, многомилліоннымъ наслѣдствомъ, конечно, не выданнымъ, по примѣру большинства такихъ наслѣдствъ; Австрійскаго полка, юнѣйшій только-что произведенный изъ юнкеровъ—Бѣлелюбскій съ приставленнымъ къ нему маменькою дядькою, изъ крѣпостныхъ. Дядька этотъ былъ пьяница страшный. Спать ему приходилось на валикѣ, между наружною и внутреннею палатками, при чемъ онъ ухитрялся каждую ночь ложиться такъ, что носъ его попадалъ въ умывальный тазъ съ водою, и, затѣмъ, подъ утро, начиналось, всѣмъ сосѣдямъ извѣстное, сначала чиханіе, потомъ бульканіе и, наконецъ, воззваніе:—батюшки, тону, помогите, во избѣжаніе чего Бѣлелюбскій будилъ его чубукомъ, черезъ палатку. Утромъ этотъ блюститель благосостоянія барченка входилъ въ палатку съ мокрымъ полотенцемъ и вытиралъ личико и руки своего питомца, покуда его благородіе изволило потягиваться еще въ постелькѣ. Такъ, говорилъ, у насъ было заведено дома.

Лагерь нашего баталіона былъ расположенъ рядомъ съ образцовымъ полкомъ, совсѣмъ крайнимъ, къ Дудергофскому озеру. По берегу озера проходила дорога, на одной сторонѣ которой стоялъ небольшой, чистенькій, одноэтажный домикъ въ четыре окошка, съ дверью по срединѣ, въ сторону озера. Средину домика составляла наибольшая, лучшая комната, въ которой стоялъ столъ, за которымъ диванъ, а со стороны двери у стола два стула. Надобность такихъ топографическихъ подробностей выяснится изъ продолженія разсказа.

Въ этомъ домикѣ помѣщалась кофейная госпожи Кессенихъ. Кессенихъ была въ прусской арміи чѣмъ-то въ родѣ нашей Александровой-Дуровой, которая имѣла офицерскій Георгіевскій крестъ за кампанію 1812 — 1814 гг. и носила его еще въ сороковыхъ годахъ, сохраняя мужскую форму одежды. Кессенихъ имѣла также какой-то знакъ за военныя отличія, въ силу чего была представлена объѣзжавшему лагерь предмѣстнику перваго императора германскаго, королю прусскому, который, удостоивъ госпожу Кессенихъ особымъ вниманіемъ, наградилъ ее, на память... лестною улыбкою.

Эта Кессенихъ, потомъ, открыла, кажется, первый въ Петербургѣ, сохранявшій долго свою славу, танцъ-классъ, служа какъ бы предтечею госпожѣ Гебгардъ, которая, будучи приглашена Излеромъ съ прибором туманныхъ картинъ, потомъ тоже устроила танцъ-классъ. Далѣе, пекла публично вафли въ скверѣ Александровскаго театра. Со временемъ вошла въ роль русскаго Барнума, показывая, частью въ Пассажѣ, а частью въ устроенномъ въ концѣ Большой Морской балаганѣ разныя заморскія рѣдкости и безобразія, какъ Юлія Пастрана, которая, показывая себя, сама пѣла: я, Юлія Пастрана, передъ вами стою. Дѣвица-обезьяна, танцую, пою, — кончила устройствомъ нынѣ существующаго Зоологическаго сада, преобразовавшись въ госпожу Ростъ.

Назначили меня завѣдывать лазаретомъ нашего полка, верстахъ въ шести отъ лагеря, въ чухонской деревнѣ—Карвала. Тутъ нужно было уже жить. Полковой докторъ и я, вотъ всѣ обыватели. Отвели избу. Тоска ужасающая. Достать ничего нельзя, даже молока, такъ какъ на просьбу къ хозяйкѣ оставлять мнѣ одну бутылку упрямая чухонка, связывая каждое утро нѣсколько бутылокъ букетомъ, чтобы нести ихъ въ лагерь, всегда отвѣчала одно и то же:—одну бутылку продавать не стоитъ, бери всѣ, а иначе все же нужно остальныя нести въ лагерь,—и, руководствуясь такою логикою, мнѣ молока не продавала, а тащила всѣ бутылки въ лагерь.

Въ лагерѣ же было штукъ шесть своихъ, спеціально офицерскихъ, молочницъ — молоденькихъ, опрятно одѣтыхъ. Онѣ знали поименно, кто какую занимаетъ палатку, и съ утра уже слышались звонкіе голоса: господинъ такой-то, не угодно ли сливочекъ, землянички? При этомъ у каждой была въ одной рукѣ, завязанная въ салфетку, бутылка, а въ другой тарелка съ ягодами; но, въ дѣйствительности, ни того, ни другаго нельзя было купить ни за какія деньги. Этотъ товаръ составлялъ охранительный патентъ на гулянья по всему лагерю. Разсказывали, что, по вечерамъ, эти молочницы, но уже въ городскихъ туалетахъ, показывались не только въ Красномъ Селѣ, но и на музыкѣ въ Павловскѣ, и что одно очень высокое начальство,

обративъ когда-то вниманіе на пару такихъ посѣтительницъ въ Павловскѣ и встрѣтивъ потомъ ихъ въ лагерѣ, къ несчастію для нихъ, съ пустыми бутылками и безъ ягодъ, приказало посадить на барабаны и обрѣзать косы. Съ той поры — сливки и ягоды стали не продажными.

Первая наступившая суббота познакомила меня съ невѣдомыми до того чухонскими обычаями. Вижу, мимо моихъ оконъ двигаются одна за одной множество чухонокъ, въ чемъ мать родила, только на рукахъ рубашки. Это принятый способъ возвращенія изъ бани. Вечеромъ пошелъ по деревнѣ. Въ каждой избѣ семейство сидитъ около стола, и старшій членъ семьи читаетъ священную книгу. Несмотря на странную откровенность чухонокъ, какъ говорили, чистота нравовъ между чухнами царствуетъ безупречная, чему, вѣроятно, способствовало не мало поголовное безобразіе бѣлобрысыхъ чухонокъ и чухонъ отъ мала до велика; но въ числѣ малолѣтокъ нашелся одинъ шустрый, красивый мальчишка, брюнетъ съ бойкими глазенками— Николай. Онъ оказался питомцемъ, взятымъ изъ воспитательнаго дома. Я его полюбилъ, приласкалъ, сталъ поить чаемъ, давать куски сахару и такъ далѣе — за то и онъ привязался ко мнѣ, какъ собаченка.

Сижу я разъ у окна, скучаю и вдругъ вижу, о чудо, идетъ въ городскомъ туалетѣ барынька, хоть куда! Остановилась съ фельдшеромъ, и онъ указываетъ ей на мою избу. Что за благодать. На-скоро оправился, на всякій случай и не напрасно. Скрипнула дверь, и барынька водворилась ко мнѣ, рекомендуясь покровительницею Николая, какъ несчастнаго ребенка умершей пріятельницы, и прибавивъ, что только при содѣйствіи одной очень высокой особы ей удалось выслѣдить перемѣщеніе Николая изъ воспитательнаго дома, объяснила свой визитъ ко мнѣ побужденіемъ отблагодарить за ласки бѣднаго малютки. Барынька не отказалась отъ чаю, потомъ, слово за слово, и темнѣть стало. Возбудила вопросъ—не опасно ли ей одной ѣхать такъ поздно полями, мимо Дудергофа лагеремъ. Я же, хотя и ограждалъ поведеніе солдатъ, но, въ своихъ интересахъ, не отрицалъ осторожности. Экипажъ и извозчика устроили въ лазаретныхъ помѣщеніяхъ, и барынька уѣхала уже утромъ.

Потомъ прибѣжалъ радостный Николай сказать, что мама его обѣщалась скоро опять пріѣхать.

Когда я ходилъ гулять, то бралъ съ собою заряженное дробью ружье, хотя никогда не имѣлъ въ виду употребить его въ дѣло, по непризванію къ смертоубійству, а Николай не отставалъ отъ меня, выжидая съ нетерпѣніемъ случая, не выстрѣлю ли я когда-нибудь, чего ему очень захотѣлось.

Разъ, какъ-то, Николая при мнѣ не оказалось, и я пошелъ одинъ; но неподалеку встрѣтилъ Николая съ большою связкою селедокъ, за которыми его посылали въ лавочку сосѣдней деревни Перякюли. Положи, говорю ему, селедки на камень, я въ нихъ выстрѣлю. Мальчуганъ обрадовался и исполнилъ. Я отошелъ шаговъ двадцать и всадилъ въ селедокъ весь зарядъ дроби. Для чего это было сдѣлано, осталось никому неизвѣстнымъ, и мнѣ тоже. Вернулся къ себѣ и легъ спать. Черезъ нѣсколько времени, слышу стукъ въ окно. Спрашиваю, кто тамъ?—Я, Николай.—Что нужно?—Вставай, бѣда! Наши чухны съ дрекольемъ идутъ въ Перякюли бить лавочника за селедки. Говорятъ, никогда еще не ѣдали стрѣляныхъ селедокъ. Велѣлъ я позвать фельдшера и поручилъ ему разсказать старшинѣ, въ чемъ дѣло, добавивъ, что утромъ имъ будетъ куплено столько же новыхъ селедокъ и полштофа водки. Все уладилось; но старшій докторъ посовѣтовалъ мнѣ не шутить съ чухнами. Народъ угрюмый и злющій.

Мама Николая не даромъ сказала, что ей удалось выслѣдить путешествіе ея протеже изъ воспитательнаго дома, только при содѣйствіи очень высокой особы. Дѣйствительно, только участіе какого-нибудь очень высокаго лица могло измѣнить порядокъ, существовавшій для пріема приносимыхъ дѣтей. Нужно было позвонить у воротъ. Открывается форточка, въ нее принимаютъ ребенка, форточка закрывается, и ребенокъ исчезаетъ, какъ въ могилѣ, за даннымъ ему нумеромъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи уже, одинъ изъ старѣйшихъ директоровъ Опекунскаго совѣта, при горячемъ желаніи сообщить нумеръ сданнаго по особому условію ребенка его покровителямъ, ничего не могъ подѣлать; а очень высокая особа могла!

Тутъ-то и приходятъ мнѣ на память нѣкоторые очію извѣстные мнѣ интересные случаи всемогущества очень высокихъ особъ, при вмѣшательствѣ прекраснаго пола.

При Петербургскомъ университетѣ былъ лаборантомъ хорошій нѣмецъ, магистръ фармаціи, кажется, Андерсонъ. Мы съ нимъ встрѣчались очень часто, и онъ каждый разъ высказывалъ свое горе, что, имѣя личное право, преимущественно передъ многими, на содержаніе аптеки, не можетъ добыть на это разрѣшенія, и это портитъ всю его жизнь, такъ какъ при настоящихъ средствахъ трудно содержать своихъ стариковъ и, главное, нельзя жениться на избранницѣ сердца. Прочими аптекарями, говорилъ онъ, возведены около министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго такія барикады, что Перовскій самъ пришелъ къ убѣжденію въ невозможности разрѣшенія новыхъ аптекъ, хотя при одномъ только намекѣ на такое разрѣшеніе можно было бы получить кредитъ, достаточный не только на открытіе аптеки, но и на щедрое, тысячъ до пяти, вознагражденіе тому, кто обору-

довалъ бы это дѣло. Пробовали съ разныхъ сторонъ, но министръ и слушать не хочетъ. Эти разговоры, невольно, остались у меня въ памяти.

Въ то же время былъ въ числѣ моихъ знакомыхъ нѣкто, прослужившій четырнадцать лѣтъ корнетомъ въ уланахъ—Бистромъ. Настоящій уланъ того времени. Отличный товарищъ, балагуръ, безшабашный кутила и виверъ первой степени во всѣхъ отношеніяхъ, но... всегда безъ гроша. Имѣлъ привычку со втораго свиданія сходиться со всѣми на ты. Онъ часто бывалъ въ Ораніенбаумѣ, наѣзжая погостить у полицеймейстера, отставнаго кирасира, тоже отжившаго типа, Константина Петровича Пономарева. Этотъ тоже былъ не промахъ выпить и хлѣбосолъ съ открытыми объятіями для всѣхъ. Стоило сказать ему: а славный былъ вашъ полкъ, Константинъ Петровичъ, и онъ кричалъ уже: Ѳедька, взять шампанскаго у Щукина. За добрую память славнаго Орденскаго кирасирскаго полка! Выпьемъ, и пойдетъ попойка. Бистромъ, какъ ему захочется выпить, сейчасъ похвалитъ Орденскій полкъ, и выпивка готова.

Вообще же, Бистромъ былъ малый безпутный. Разъ, объявилъ, что вспомнилъ важное дѣло, по которому нужно непремѣнно быть завтра въ Петербургѣ.—Дай денегъ, обратился онъ къ Пономареву. Этотъ вынулъ, только-что принесенный ему чиновникомъ, свернутый фунтикъ съ серебряными деньгами, и отдалъ его, не считая Бистрому. По вопросу, встрѣченнаго потомъ, сдавшаго деньги чиновника, сколько было денегъ въ фунтикѣ? онъ отвѣтилъ, что было шестьдесятъ рублей, въ числѣ жалованія квартирной коммиссіи, прибавивъ: —жаль Пономарева, человѣкъ хорошій, а отъ суда не уйдетъ. Что и оправдалось.

Рано утромъ Бистромъ улетучился, но, къ общему удивленію, часамъ къ шести вернулся.—За какимъ чортомъ? спросилъ его Пономаревъ: дай еще цѣлковыхъ пять, отвѣчалъ Бистромъ, нужно быть въ Петербургѣ.

Бистромъ разсказалъ, что онъ, сѣвъ въ Петергофѣ на двѣнадцати-часовой пароходъ, нашелъ, хотя и незнакомую, но милую компанію, со всѣми сошелся. Нѣкоторыхъ пригласилъ позавтракать, а потомъ велѣлъ подавать всѣмъ шампанское. По пріѣздѣ же въ Петербургъ, изъ взятыхъ денегъ у него осталось ровно столько, сколько требовалось для возвращенія въ Ораніенбаумъ; въ Петербургѣ же и поѣсть не на что, почему и вернулся за новою субсидіею.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Петербургъ встрѣчаю на Невскомъ Бистрома. Хватаетъ меня подъ руку и тащитъ насильно въ кондитерскую Лерхе. Садись, говоритъ, и слушай. Знаешь ты басню, какъ пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно и самъ себя спросилъ—къ

чему оно?—Ну, знаю.—Передъ тобою пѣтухъ, который нашелъ жемчужное зерно и хочетъ, чтобы ты сказалъ, къ чему оно? Желаешь служить у Перовскаго, я могу. Вижу, что человѣкъ не выпивши, а несетъ околесную.—Полно тебѣ куралесить, говори толкомъ, просилъ я.—Ты хочешь этого, изволь. Спросили мороженаго. Бистромъ усѣлся какъ-то картинно и началъ.

— Былъ распрелестнѣйшій вечеръ. Всѣ двигаются, видимо, погулять и развлечься, не сидится и мнѣ дома, а пойти некуда, вездѣ пожалуйте за входъ, а тутъ, поискавъ даже въ табачномъ кисетѣ, пенензовъ ни-ни, то-есть нигдѣ ни гроша. О судьба! вспомнилъ, что въ этотъ день гулянье на Смоленскомъ кладбищѣ. Думаю, пойду. Народу много, а пускаютъ даромъ, если тамъ не остаешься, конечно. Пошелъ. Вездѣ кучки. Ѣдятъ, а мѣстами и съ выпивкою; я же гуляю, да перышкомъ въ зубахъ ковыряю. Раздается приглашеніе расходиться. Двинулись массы къ выходу. Смотрю, какая-то премиленькая шляпка затерялась въ толпѣ, видимо стѣснена и не знаетъ, какъ выбраться. Какъ увидѣлъ я, что подъ шляпкою, прямо къ ней. Говорю, сударыня, позвольте быть вашимъ кавалеромъ и предложить мои услуги, чтобы освободить васъ отъ этой давки, только уже позвольте вашу ручку. Подала. И что за ручка! Я съ мѣста полнымъ аллюромъ, по-улански, руби, коли пѣхоту направо и налѣво, и вывелъ. Я ручку не освобождаю, а барынька не отнимаетъ. Такъ и пошли. Сбрехнулъ я что-то по-нѣмецки, она отвѣтила отлично. Сказалъ какую-то французскую пословицу,—говоритъ, какъ парижанка. Заинтересовался сначала я, а потомъ заинтересовались разговоромъ взаимно, и такъ проводилъ я свою сударыню отъ Смоленскаго до Владимірской, то-есть, черезъ весь городъ и наболтались вволю.

—Говорили, конечно, не объ одной политикѣ, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, а коснулись и выгоды союзовъ и нарушенія равновѣсія, и когда дошли до дома, я получилъ право надѣяться, что настоящая первая прогулка не будетъ послѣднею. Потомъ, дѣйствительно, встрѣчались. Я не рисовался и занималъ даму откровеннымъ разсказомъ о томъ, что такое есмь азъ. Предки мои были рыцари. Вѣроятно, взятокъ не брали и казну не обкрадывали, но кого можно грабили, и потому послѣ нихъ кое-что осталось, изъ чего и по настоящее время достается на мою долю малая толика; но я не задерживаю денегъ отъ обращенія, и потому большую часть года живу, какъ птица небесная. Мнѣ сдѣлала вопросъ,—почему я не служу? Потому, говорю, что шалопай большой и чувствую себя ни къ какой службѣ неспособнымъ. Сидѣть не терплю, значитъ, и на мѣстѣ не усижу, а бѣгать по приказанію не соглашусь.—Очень жалко, проговорила со вздохомъ барыня. Если бы вы придумали что-нибудь для себя, въ

предѣлахъ возможности, конечно, по министерству Перовскаго, я бы вамъ ручалась за успѣхъ, подумайте!

— Вотъ тебѣ и жемчужное зерно. Ну, говори, не хочешь ли ты чего отъ Перовскаго, или скажи, чего бы мнѣ просить для себя. Барыня что-то значитъ и не вретъ.

Я о гражданскихъ мѣстахъ и должностяхъ никакого понятія не имѣлъ. Для себя ничего придумывать не собирался, да и совѣтовъ дать не могъ, но вспомнилъ при этомъ разговоръ съ Андерсономъ объ аптекѣ.

Разсказалъ все какъ слѣдуетъ. — Отыщи, говорю, Андерсона или другаго нѣмца, выхлопочи разрѣшеніе на аптеку, получи пять тысячъ и тогда выпьемъ.

Прошло много времени. Встрѣчаю Андерсона и, по привычкѣ, спрашиваю: ну, что аптека? Представьте себѣ, говоритъ, вѣдь новую-то аптеку разрѣшили, да еще въ Литейной части. Конечно, много врутъ, но, по слухамъ, выхлопоталъ какой-то уланъ. И что же, получилъ? Здорово получилъ. Бистрома послѣ того я не встрѣчалъ.

Другой случай. Тамъ, гдѣ теперь дворецъ великаго князя Михаила Николаевича, помѣщался департаментъ удѣловъ, а рядомъ съ нимъ былъ домъ Бибикова, передѣланный потомъ для его зятя графа Дм. Ан. Толстаго. Въ этомъ домѣ помѣщалось училище придворныхъ землемѣровъ, начальникомъ котораго былъ мой хорошій знакомый — Булгаковъ. Какъ-то, великимъ постомъ, предложилъ онъ мнѣ, буде пожелаю, полюбоваться духовною интрижкою. Пріѣзжайте, говоритъ, къ обѣднѣ или къ вечернѣ въ нашу удѣльную церковь. Жалѣть не будете. Я пріѣхалъ. По лѣвую сторону, у самаго амвона, стоитъ министръ финансовъ Вронченко, а, по правую сторону, на такомъ же мѣстѣ, высокая, стройная, въ кружевахъ и черномъ бархатномъ платьѣ съ шлейфомъ, что тогда еще не носили, красивѣйшая дама; и видимо стрѣляетъ глазами по направленію министра. Меня заинтересовала эта сцена, какъ новость, и я сталъ посѣщать всѣ службы. Наступила суббота; только-что Вронченко пріобщился, барыня подошла его поздравить первою. Вронченко подалъ ей руку и пошелъ на свое мѣсто, а барыня за нимъ. Завязался разговоръ, и служба кончилась.

Потомъ узнали, что интересная дама полька, жена какого-то чиновника, служащаго въ западномъ краѣ по министерству финансовъ. Черезъ нѣсколько времени, Булгаковъ показалъ мнѣ состоявшееся назначеніе мужа той особы предсѣдателемъ казенной палаты въ одну изъ лучшихъ центральныхъ губерній. Тогда въ казенной палатѣ сосредоточивались дѣла и по виннымъ откупамъ, и по соляной части, и рекрутскія, что, взятое вмѣстѣ, дѣлало полученіе казенной палаты предметомъ искательствъ для многихъ, хотя бы и съ большими жер-

твами... а Ѳедоръ Павловичъ Врончeнко сохранилъ за собою историческую репутацію по части охоты на прекрасный полъ.

Возвращаюсь къ себѣ. Возложенное на меня завѣдываніе школою и библіотекою продолжалось нѣсколько лѣтъ, а, между тѣмъ, я, по сроку службы, сталъ приближаться къ старшимъ офицерамъ, съ чѣмъ вмѣстѣ начала обозначаться необходимость получать часто фронтовыя порученія до временнаго командованія ротою, включительно, а самъ я началъ сознавать свое безсиліе сдѣлаться фронтовикомъ; да, къ тому же, сказать по правдѣ, и не чувствовалъ вовсе призванія къ такой службѣ, увлекаясь кое-какими кабинетными занятіями. А тутъ еще подвернулся польстившій такому увлеченію случай. Пріѣхали въ Ораніенбаумъ: адъютантъ герцога Лейхтенбергскаго кн. Багратіонъ и еще инженеры и саперы: Вансовичъ, Васильевъ и Корсаковъ. Послѣдній мой однокашникъ, отыскалъ меня и сообщилъ, что они привезли, для показанія великому князю Михаилу Павловичу, изобрѣтенныя, прославившимъ себя открытіемъ гальванопластики, Якоби, первыя подводныя мины, за что Якоби предполагаетъ получить еще сто тысячъ рублей, какъ получилъ за гальванопластику. Я попросилъ взглянуть опыты. Довѣренныя лица отвѣтили, что я могу придти утромъ на каналъ и видѣть только результаты дѣйствія прибора, а самый приборъ показывать не должны, да и не могутъ, такъ какъ онъ весь затянутъ каучуковою оболочкою. На утро пустили по каналу плотики, и они, достигая значковъ, воткнутыхъ на берегу, противъ опущенныхъ въ воду минъ, по очереди взрывались.

Прійдя домой, мнѣ показалось, что придумана штука не хитрая. Послалъ за жестяныхъ дѣлъ мастеромъ и далъ ему рисунокъ прибора собственнаго измышленія. Къ вечеру, работа, хотя въ самомъ топорномъ видѣ, была готова. На слѣдующее утро пошелъ опять на каналъ, попросилъ заряды и установилъ свой, замаскированный парусиною, приборъ. Подвели плотикъ и его взорвало. Я торжествовалъ, а охранители опытовъ ужаснулись гнѣва Якоби, могущаго обвинить ихъ въ неумѣніи сохранить приборъ отъ посторонняго любопытства.

Вечеромъ, со всею компаніею, посѣтилъ меня самъ, только-что прибывшій, Якоби. Пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на море закладывать мины, потомъ ужинъ съ тостами за меня. По утру опять на море. Завтракъ, обѣдъ и опять ужинъ. Однимъ словомъ, я не былъ освобожденъ отъ любезностей Якоби ни на одну минуту, до самаго пріѣзда великаго князя. Потомъ мнѣ объяснили, что поводомъ сугубыхъ любезностей было желаніе Якоби не упускать меня изъ виду въ предположеніи, что я могу самъ довести до свѣдѣнія великаго князя способъ взрывовъ и тѣмъ нарушить разсчеты Якоби о вознагра-

жденіи его; хотя мнѣ это и на умъ не приходило; но удача опыта и вниманіе цѣлой компаніи вскружило голову, въ которой еще тверже стало складываться самомнѣніе, что не во фронтѣ нужно мнѣ пролагать себѣ дорогу. Кстати, и вся посѣщавшая меня компанія запѣла въ одинъ голосъ: что вы глохнете здѣсь! Перебирайтесь въ Петербургъ. Тамъ охотнику трудиться работа и хорошій хлѣбъ всегда найдутся, а тутъ еще и Овандеръ получилъ другое назначеніе, и его мѣсто занялъ генералъ Довбышевъ, который, съ наступленіемъ осени, предписалъ мнѣ для завѣдыванія ротою перебраться на всю зиму въ деревню. Невтерпежь стало. Подалъ рапортъ о болѣзни. Вернулся въ Ораніенбаумъ, да, не спросясь броду, и сунулся въ воду—подалъ въ отставку, рисуя свое будущее въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Ну, гвардейскій офицеръ, конечно, ему вездѣ дадутъ мѣсто, уже, конечно не какого-нибудь столоначальника (другихъ наименованій я не зналъ), а что-нибудь получше, и жалованье, само собою, не такое, какое даютъ теперь.

Приближалась весна. Мнѣ принесли приказъ объ увольненіи меня въ отставку съ чиномъ девятаго класса.

Если бы я, какъ окончившій курсъ первымъ, выходилъ прямо къ статскимъ дѣламъ, то получалъ бы десятый классъ, а теперь, прослуживъ семь лѣтъ, увольняюсь съ выслугой одного чина, тогда какъ въ гражданской службѣ я могъ бы получить въ такое время три чина. Это было первымъ афронтомъ.

Наступилъ вечеръ. Я остался одинъ съ приказомъ передъ глазами, и тутъ только представился мнѣ со всѣми ужасами безотвѣтный вопросъ: что же теперь? Въ Ораніенбаумѣ оставаться не для чего. Нужно военную форму замѣнять статскою. Нужно куда-нибудь пріютиться, пить, ѣсть и искать службы, въ карманѣ ни гроша и въ числѣ знакомыхъ ни одного вліятельнаго лица, которое могло бы помочь моему положенію.

Теперь, когда пишу эти строки, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, вспоминаю съ содроганіемъ ту проклятую первую ночь, которую я прошлепалъ, ходя до разсвѣта изъ угла въ уголъ. Что пришлось передумать и перечувствовать въ ту ночь, извѣстно одному Богу, удержавшему меня отъ какого-либо неправильнаго рѣшенія; а черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ того, я былъ въ генеральскомъ рангѣ съ подобающими регаліями, имѣлъ прекрасную казенную квартиру и вполнѣ обезпечивавшее меня содержаніе. Сдѣлалъ то, что называется карьерою, и при томъ безъ малѣйшаго оскорбленія совѣсти и сохранивъ полное самоуваженіе, безъ сожалѣнія и раскаянія въ чемъ бы то ни было.

Съ благодареніемъ къ Промыслу, желаю возстановить въ памяти

тѣ негаданные пути, какіе нежданно вели меня къ непредвидѣннымъ, но благопріятнымъ цѣлямъ, и, не думая прибѣгать къ прикрасамъ по вымыслу, хочу сохранить за моимъ разсказомъ цѣну истинной были, а не сочиненія, дабы представить одинъ изъ примѣровъ, что первый ударъ судьбы, какъ бы тяжелъ ни былъ, не всегда наноситъ смертельное пораженіе всему будущему, и что между бѣдою и отчаяніемъ остается еще мѣсто для утѣшительницы-надежды.

Для продолженія моего разсказа я долженъ снова вернуться къ моему дѣтству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Иркутскаго жителя.

(И. Т. Калашникова).

II [1]).

Жизнь и дѣятельность Словцова въ Сибири.—Переписка съ Сперанскимъ.—Хлопоты Пестеля о возвращеніи Словцова изъ Сибири.—Путешествія его по Сибири и научные труды.—Словцовъ—директоръ училищъ.

Съ растерзанною душою удаляясь въ Сибирь, теряя лучшія надежды своей жизни, но сокрушаясь не столько о потерянныхъ видахъ честолюбія, сколько о нанесенномъ ему поношеніи, Словцовъ написалъ изъ Казани исполненное горести письмо къ Сперанскому.

Сперанскій, проникнутый, какъ и Словцовъ, духомъ христіанскаго ученія, поспѣшилъ послать къ нему утѣшительное слово, отъ 22 іюня 1808 года.

„Письмо ваше“—писалъ Сперанскій—„любезный Петръ Андреевичъ, изъ Казани, я получилъ. Кто взялъ на себя крестъ и положилъ руку на рало, тотъ не долженъ уже озираться вспять,—и что, впрочемъ, озираясь, онъ увидитъ? Мечты и привидѣнія, все похоть очесъ и гордость житейскую. Великая разность, другъ мой, идти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терпѣнія. Мы умствуемъ, а тебѣ милосердное Провидѣніе назначило дѣйствовать: будь же орудіемъ его вѣрнымъ и не разногласнымъ. Человѣкъ съ той минуты пріобщается точно и истинно сыну Божію, вездѣ присутствующему, вседѣйствующему, и раздѣляетъ честь Божества, когда онъ прилагается волѣ Божіей покорностію своей воли. Въ семъ состоитъ едино на потребу, коего требуетъ любовь и безъ коего не можетъ быть истиннаго соединенія. Впрочемъ царство Божіе близъ есть. Въ милліонѣ вѣковъ, кои намъ прожить остается, дѣйствительно настоящая

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1905 г.

жизнь есть мгновеніе: какъ же тутъ различить годы, мѣсяцы и дни? Какъ найти въ сей безднѣ разстояніе Сибири отъ Петербурга? Какъ опредѣлить положеніе и предѣлъ различныхъ мелканій, что мы называемъ участію и происшествіемъ нашей жизни?

„Не соблазняйтесь, однакожъ, другъ мой, приливомъ разныхъ тщетныхъ помысловъ; вспомни слова нашего добраго Ѳомы Кемпійскаго. Сего утра я читаю“:

„Tant que vous vivrez, vous serez sujet au changement, tantôt en paix, tantôt dans le trouble, tantôt devôt, et tantôt dans la tiédeur, tantôt grave et tantôt léger. Mais l'homme sage et bien instruit des choses spirituelles demeure ferme au milieu de tant des changements, ne prenant point garde de quelle coté souffle ce vent de l' instabilité, mais tournant toutes les vues de son esprit vers l'excellente fin à la quelle tout doit tendre“.

„Не удивитесь, что, вмѣсто Петербургскихъ новостей, пишу вамъ вещи, такъ мало къ Петербургу принадлежащія. Сія бесѣда есть единственно для меня и для васъ интересная. Прочее пусть идетъ, какъ можетъ, а съ оси Провидѣнія не спадетъ и съ пути своего не совратится. Впрочемъ Учитель нашъ сказалъ: Царство мое нѣсть отъ міра сего, а слѣдовательно и новости его до насъ не принадлежатъ; вообще сказать, старое идетъ по-старому. Прощайте, мой любезный! душевно васъ обнимаю, Божію благословенію васъ поручаю; не забудьте меня въ вашихъ утреннихъ размышленіяхъ“.

Въ письмѣ этомъ высказалась прекрасная душа Сперанскаго и высокое воззрѣніе его на земныя страданія, какъ необходимый путь къ блаженной вѣчности. Но трудно было успокоить растерзанное печалію сердце Словцова. Мысль возвратиться въ Петербургъ, чтобы сбросить съ себя незаслуженное бремя позора, преслѣдовала его неотступно. Если въ этомъ проявлялась нѣкоторая слабость, то въ оправданіе Словцова можно привести то, что и самъ Сперанскій, поставленный судьбою въ подобное положеніе, также рвался въ Петербургъ, чтобы изгладить пятно, нанесенное имени его клеветою и злобою людей. Далѣе увидимъ, что Сперанскій, какъ бы провидя будущее свое несчастіе, писалъ къ Словцову, что, можетъ быть, въ положеніи Словцова онъ былъ бы еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе. Истинно сказано: духъ бодръ, плоть немощна!

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, бывшій Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель принялъ его съ большимъ участіемъ, сколько по уваженію къ личнымъ его достоинствамъ, столько же, вѣроятно, и по отношеніямъ его къ Сперанскому. Нѣтъ сомнѣнія, что непритворная и теплая дружба Сперанскаго, въ то время столь близкаго престолу, невидимо поддерживала Словцова и располагала къ нему Пестеля.

Предполагая въ то время отправиться въ С.-Петербургъ, Пестель обѣщалъ Словцову ходатайствовать о возвращеніи его сюда и, не сомнѣваясь въ успѣхѣ своего ходатайства, приказалъ Словцову ѣхать въ Новгородъ [1]), и тамъ оставаться до его прибытія изъ Сибири. Предписаніе объ этомъ дано было генералъ-губернаторомъ 23-го декабря 1808 года.

Извѣстивъ о своемъ возвращеніи Сперанскаго, Словцовъ получилъ отъ него отъ 18-го января 1809 года слѣдующее письмо:

„Письмо ваше, любезный Петръ Андреевичъ, съ извѣстіемъ о возвратѣ вашемъ сюда, много меня обрадовало. Нельзя еще теперь опредѣлить ни надеждъ вашихъ, ни страховъ: ибо все съ вами случающееся не входитъ въ обыкновенные человѣческіе разсчеты. Вашъ путь особенный и Провидѣніе ведетъ васъ совершенно по своему. Съ сей точки зрѣнія вы непрестанно должны смотрѣть на всѣ происшествія вашей жизни: ничего не ожидать положительнаго и на все быть готовымъ. Я желалъ бы, чтобы въ Москвѣ или гдѣ-нибудь дождались вы Ивана Борисовича (Пестеля), чтобъ въ Петербургъ пріѣхать вмѣстѣ. Во всѣхъ случаяхъ на первый разъ вы пристаньте въ старой вашей квартирѣ у Голяховскаго, а тамъ посмотримъ, какъ будетъ вамъ удобнѣе. Прости, мой любезный! Не человѣческой помощи, но Богу единому тебя поручаю".

Словцовъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, ожидалъ, между страхомъ и надеждою, рѣшенія своей участи, между тѣмъ какъ Пестель хлопоталъ о дозволеніи ему пріѣхать въ Петербургъ. Судьба, назначивъ нести ему крестъ, не исполнила его ожиданій. Старанія Пестеля не удались. 31-го января 1809 года онъ прислалъ Словцову собственноручное приказаніе ѣхать въ Москву и, принявъ тамъ часть его канцеляріи, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Бывъ почти у воротъ Петербурга, въ предверіи своихъ надеждъ, несчастный странникъ снова долженъ былъ все оставить, отъ всего отказаться и возвратиться назадъ: не значило ли это вытерпѣть второй, едва-ли еще не сильнѣйшій ударъ?

Сперанскій, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ ходатайству Пестеля въ возвращеніи Словцова, хотя въ бумагахъ сего послѣдняго, мнѣ переданныхъ, и не видно никакихъ слѣдовъ его содѣйствія. Бездѣйствіе и равнодушіе Сперанскаго къ судьбѣ его друга и товарища было бы не согласно ни съ его добродѣтельною и религіозною душою, ни съ его высокою и благородною натурою, ни съ любовію, наконецъ, какую онъ выказывалъ Словцову въ своихъ письмахъ.

Послѣ неудачной попытки Пестеля, Сперанскій писалъ Словцову 5-го февраля 1809 года:

---

[1]) См. объ этомъ „Русск. Архивъ" 1867, ст. 1681—1687.

„Самъ ты видишь, любезный мой страдалецъ, что трудно противъ рожна прати, лучше покориться, бросить всѣ замыслы и ничто не надѣяться, не желать и не мыслить, какъ токмо о единомъ. Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо всѣ человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе, сокрушаются. Въ Москвѣ найдешь мое письмо у Ключарева. Совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться: онъ, можетъ быть, утѣшитъ тебя и нѣсколько подниметь упадшій твой духъ. Другихъ утѣшеній представить тебѣ не могу: ибо, несмотря на разность положеній, и самъ ихъ не имѣю. Размысли, что ты потерялъ?—Случай къ гордости и пищу самолюбія, а болѣе ничего. Много можешь ты мнѣ сказать въ укоризну сихъ совѣтовъ, но истина не относится къ лицу и я, который тебѣ совѣтую, въ твоемъ положеніи, можетъ быть, былъ еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе. Прощай, Богу, вѣрѣ, надеждѣ и любви, единому сущему тебя поручаю!“

Справедливо сказано въ этомъ письмѣ, что Провидѣніе вело Словцова особеннымъ путемъ; видно, было необходимо, чтобы сильная, энергическая и честная его душа была очищена, для неба, тяжкими испытаніями. Но чувствуя себя еще въ силахъ дѣйствовать, быть полезнымъ, быть счастливымъ и—однакожъ,—отъ всего отказаться, ни о чемъ не мечтать, ничего не жалѣть, ни на что не надѣяться, никуда не стремиться... О! это сказать легко, но исполнить трудно, и какъ еще трудно!

Въ 1809 году отъ 12-го февраля генералъ-губернаторъ Пестель предписалъ Словцову, бывшему тогда въ Москвѣ, ѣхать въ Иркутскъ и ждать тамъ его приказаній; но Словцовъ, отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, сдѣлавшись боленъ, не могъ продолжать пути и, доѣхавъ до Тобольска, возвратился въ Екатеринбургъ, откуда по временамъ путешествовалъ по Уральскимъ заводамъ.

Неизвѣстно, въ чемъ заключалось письмо Сперанскаго, которое было послано имъ въ Москву Ключареву для передачи Словцову. Не былъ ли тамъ указанъ какой-либо планъ, составленный Сперанскимъ для спасенія его друга, и не по совѣту ли, можетъ быть, Сперанскаго—чтобы доставить предлогъ съ чего-нибудь начать, Словцовъ, въ 1810 году изъ Екатеринбурга, жалуясь на суровость сибирскаго климата, имѣющаго вредное вліяніе на его здоровье, просилъ управлявшаго тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлева объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго дозволенія перемѣститься въ Саратовскую губернію.

Вслѣдствіе этой просьбы Козодавлевъ потребовалъ разныя свѣдѣнія о Словцовѣ отъ генералъ-губернатора Пестеля, который вполнѣ подтвердилъ изъясненія Словцова. „Здоровье Словцова — писалъ онъ отъ

10-го ноября 1810 года, весьма ненадежно: ибо, не говоря о вліяніи на него сибирскаго климата, несчастное положеніе его обстоятельствъ убиваетъ его совершенно, и онъ, имѣя чувствительный характеръ, въ полной мѣрѣ ощущаетъ свои страданія, приводящія силы его въ изнеможеніе. Я самъ очевиднымъ бывалъ сему свидѣтелемъ и не могъ взирать на жребій его безъ крайняго сожалѣнія. Онъ достоинъ быть внятъ и по рѣдкимъ его талантамъ и по благомыслію, съ которымъ ведетъ себя".

Пестель нисколько не увеличивалъ страданія Словцова, которыхъ, какъ говоритъ онъ, самъ былъ свидѣтелемъ. Я сказалъ уже выше, что на него находили сильныя ипохондрическіе припадки и онъ горько и продолжительно плакалъ. Видѣть это, точно, чрезвычайно тяжело было. Болѣе свыкшись съ своимъ положеніемъ, онъ уже рѣже впадалъ въ это болѣзненное раздраженіе нервъ, единожды на всегда потрясенныхъ.

Сдѣлавъ оффиціальный отзывъ Козодавлеву, Пестель, въ то же время писалъ къ Словцову (отъ 11-го ноября 1810 г.): „будучи всегда занятъ положеніемъ вашихъ обстоятельствъ, столь близкихъ моему сердцу, поджидалъ я все благопріятнаго и многожелаемаго для васъ событія. Отдаленіе его отдалило и мое съ вами сношеніе. Но, кажется, что я скоро доставлю вамъ утѣшительное извѣстіе: все къ тому уже подготовлено".

Этимъ вполнѣ подтверждается та догадка, что перемѣщеніе Словцова въ Саратовскую губернію былъ только поводъ къ начатію хлопотъ объ его освобожденіи.

Очевидно, что Пестель намекаетъ именно на полное освобожденіе, потому что одна перемѣна мѣста изгнанія не могла доставить Словцову особеннаго утѣшенія и подготовляться къ ней особенно не было надобности. Заключеніе мое еще сильнѣе подтверждается собственноручнымъ постъ-скриптумомъ Пестеля на томъ же письмѣ: „желаю вамъ — говоритъ онъ—отъ всего сердца всякаго добра. Торжественно увѣряю васъ, что въ пользу вашу никакого случая не упускалъ и сердечно радъ буду видѣть васъ успокоеннымъ въ скоромъ времени". Но Словцовъ, какъ это зналъ Пестель, ничѣмъ не могъ быть успокоенъ, кромѣ дозволенія возвратиться въ Петербургъ.

Къ сожалѣнію, и на сей разъ хлопоты о возвращеніи Словцова не имѣли успѣха. Еще ударъ долженъ перенести нашъ страдалецъ и—перенесъ его въ смиреніи: чрезъ повтореніе сердце дѣлается равнодушнѣе и къ радости и горю. На одной изъ бумагъ объ его возвращеніи Словцовъ написалъ: „пріятели хотѣли мнѣ помочь, но Богу не угодно было ихъ намѣреніе".

Послѣ этой послѣдней неудачи, Словцовъ былъ отправленъ Пе-

стелемъ (28-го февраля 1811 г.) для обозрѣнія таможенъ и таможенныхъ заставъ во всѣхъ трехъ сибирскихъ губерніяхъ, другими словами, Пестель разрѣшилъ ему жить въ Сибири, гдѣ покажется ему лучше. Но Словцовъ по причинѣ болѣзни оставался до 1814 года по-прежнему въ Екатеринбургѣ, продолжая свои поѣздки по Уральскимъ заводамъ.

Между тѣмъ страшная гроза прогремѣла и надъ Сперанскимъ. Облегчая свою горесть заочною бесѣдою съ другомъ и товарищемъ юности, онъ писалъ къ Словцову отъ 6-го августа 1813 года изъ Перми, выражая истинное и высокое самоотверженіе: „Люди и несправедливости ихъ, по благости Божіей, говорилъ онъ, мало-по-малу изъ мыслей моихъ изчезаютъ. Тотъ, кто посредствомъ ихъ исторгнулъ меня изъ бездны страстей, раздиравшихъ мою душу; кто далъ мнѣ потомъ самые вѣрные опыты своего милосердія и, по истинѣ, несказанной благости; кто рѣшилъ однимъ мгновеніемъ всѣ колебанія моей воли и вялымъ, давнишнимъ къ нему моимъ влеченіемъ, далъ постоянное направленіе: тотъ устроитъ все по своему усмотрѣнію и не попуститъ, конечно, чтобъ я еще разъ изъ рукъ его выпалъ“.

Странная судьба этихъ людей! Когда въ 1808 году Словцовъ отправлялся на службу въ Сибирь, могъ ли думать, что чрезъ четыре года и Сперанскій подвергнется также гоненію людей и испытаетъ ту же участь, даже будетъ почти въ одномъ мѣстѣ изгнанія?

Въ 1814 году Словцовъ, оправясь отъ удручавшей его болѣзни и окончательно простившись со всѣми надеждами, поѣхалъ въ Иркутскъ. Здѣсь начинается его странническая жизнь, продолжавшаяся почти до самой его смерти.

Вскорѣ по пріѣздѣ Словцова въ Иркутскъ, губернское начальство поручило ему обозрѣть Забайкальскій край, не исключая и отдаленнаго Нерчинска. Едва онъ возвратился изъ-за Байкала, его послали обозрѣвать не менѣе обширные уѣзды—Иркутскій и Нижнеудинскій. Только-что кончилъ онъ обозрѣніе этихъ обширнѣйшихъ въ цѣлой Россіи уѣздовъ, гдѣ легко могло бы уставиться нѣсколько германскихъ государствъ, если не вся пресловутая Германія, какъ былъ снова посланъ для такого же обозрѣнія въ безпредѣльный, пустынный и холодный Киренско-Якутскій край.

Обозрѣвая эти страшныя пространства, Словцовъ присылалъ не сухія и краткія донесенія, но цѣлыя статьи и книги, которыя могли бы быть украшеніемъ любого журнала, и изъ которыхъ многія дѣйствительно были напечатаны, какъ напримѣръ: Описаніе кяхтинской торговли, Описаніе забайкальскихъ поселеній и другія.

Изображенія разныхъ мѣстностей Иркутской губерніи, сдѣланныя

Словцовымъ, любопытны въ высшей степени; я приведу нѣсколько страницъ изъ описанія поселеній за Яблоновымъ хребтомъ и Нерчинскаго уѣзда.

„Поселенія, мною видѣнныя", говоритъ Словцовъ, „какъ по мѣстоположенію, такъ и по образу постройки домовъ, представляютъ веселыя картины общежитія и на которыхъ глазъ, утомленный пустынею Хоринскою и безобразною дикостію Яблоннаго хребта, успокоивается пріятнѣйшимъ образомъ. Какая разность между поселеніями и деревнями старожиловъ!"

„Поселенцы, судя по ихъ набожности и особенной склонности къ трудолюбію, представляютъ уже не бродягъ, но людей, въ обществѣ живущихъ. Лѣнтяи и негодяи, которыхъ, однакожъ, не такъ много, находятся у нихъ въ пренебреженіи, а это показываетъ уже начало общественности. Большая часть изъ нихъ уже почувствовала нужду въ трудѣ; четвертая часть уже наслаждается плодами его при добромъ поведеніи и 4 изъ 100 человѣкъ могутъ равняться со всякимъ порядочнымъ крестьяниномъ. Таковъ, по многимъ заключеніямъ, прогрессъ наличныхъ поселенцевъ".

„Кто любитъ картины земледѣлія, тотъ можетъ найти ихъ близъ Александровскаго (поселенія). Зеленѣющіе на высотахъ посѣвы доказываютъ, что земледѣлецъ не лѣнится. По Онону, роскошному водами и разливами и котораго берега отъ природы украшены красивымъ шиповникомъ, боярышникомъ, благовоннымъ тополемъ, дикою яблонью и персиковыми деревьями, издали еще веселятъ взоръ разноцвѣтные, шахматные скаты горъ, разцвѣченные распашками и засѣвами Куралжинскаго и Тутхалтуйскаго поселенія. Признаюсь, что, восхищаясь богатствомъ природы въ сихъ мѣстахъ и живого картиннаго трудолюбія, я не могъ не жалѣть, что по Онону мало назначено поселеній. Земля здѣсь, если вѣрить самимъ жителямъ, весьма хлѣбородна, какъ то доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что во всѣ неурожаи прошедшихъ годовъ здѣсь недостатокъ въ продовольствіи наименѣе былъ чувствителенъ и, если бы земледѣліе распространилось, то край сей, при выгодахъ судоходства, составлялъ бы для нуждающихся по низу мѣстъ богатую житницу".

„Одно, къ чему трудно здѣсь привыкнуть и при чемъ нельзя обойтись безъ уѣздной карты, есть варварское наименованіе поселеній. Если правительство имѣло то въ намѣреніи, чтобы разными непримѣтными пріемами слить разнородныя племена въ одно тѣло, то не легко понять, для чего въ словарѣ губернскомъ удерживаются ордынскія названія?"

Далѣе авторъ замѣчаетъ, что главныя препятствія устройству поселеній есть холостая жизнь и неурожаи. „Я старался, говоритъ

онъ, вездѣ уговаривать поселенцевъ къ женитьбѣ, разсчитывая, что они въ счетъ нейдутъ и что намѣреніе правительства оправдывается только числомъ новаго поколѣнія".

Неурожаи авторъ, большею частію, приписываетъ неумѣнью поселенцевъ обращаться съ землею и сказываетъ, что онъ совѣтовалъ смотрителю поселеній снабдить хотя каждый участокъ весьма полезнымъ сочиненіемъ: „Полная система практическаго сельскаго домоводства". „Знающіе грамотѣ поселенцы—говоритъ авторъ—увидѣли бы, какъ должно обращаться съ здѣшнею землею. Одинъ экземпляръ этой книги я отослалъ къ смотрителю".

Далѣе говорится въ описаніи о необходимости разводить въ поселеніяхъ огородныя овощи и для того разсылать по селеніямъ сѣмена; пріучать поселенцевъ къ опрятности; завести къ селеніяхъ ярмарки и проч.

Самыми печальными красками описываетъ Словцовъ состояніе жителей Нерчинскаго уѣзда:

„Ветхое и безобразное строеніе—говоритъ онъ—въ Нерчинскомъ краѣ показываетъ, что духъ трудолюбія и дѣятельности тамъ упалъ или не возвышался никогда. Николаевцы (переселенцы съ Кавказа), перемѣнивъ климатъ и принявъ наконецъ осѣдлость близъ великихъ лѣсовъ, не умѣли вообразить лучше несвязнаго рисунка малороссійскихъ хижинъ, въ которыхъ родились, а потому и видно, что постройки поселенцевъ остаются образцами безъ подражанія".

„На деревенскихъ жителяхъ обоего пола рѣдко видѣлъ я и рубахи. Если же и видѣлъ, то это была, по большей части, ветошь изъ китайскихъ матерій, оставшихся имъ отъ выгодъ прежняго скотоводства".

„О крестьянахъ заводскаго вѣдомства нельзя вспомнить безъ сердечнаго сокрушенія. Дѣти ихъ наги, главные же семьянины или вообще взрослые покрыты гнуснѣйшимъ рубищемъ".

Далѣе авторъ говоритъ, что съ открытіемъ весны жители Нерчинскаго уѣзда питаются разными травами и кореньями, а заводскіе крестьяне и не имѣютъ другого продовольствія; что скотоводство ихъ изчезло; что огородовъ у нихъ нѣтъ; что никакихъ ремеселъ среди нихъ не существуетъ, и что общій упадокъ трудолюбія свидѣтельствуется ничтожностью задѣльной платы: „ибо здѣсь, говоритъ онъ, кажется, не имѣютъ нужды въ рукахъ".

Любопытно бы знать, улучшилось ли съ тѣхъ поръ положеніе несчастныхъ жителей Нерчинскаго края? По крайней мѣрѣ утѣшительно полагать, что счастливое пріобрѣтеніе Амура пробудитъ дремавшихъ лѣностію тамошнихъ жителей и принесетъ имъ лучшую жизнь, потому что край самъ по себѣ щедро одаренъ дарами при-

роды. „Нерчинскій край, говоритъ Словцовъ, такъ обширенъ, силы природы такъ разнообразны, что на одномъ необозримомъ пространствѣ я видѣлъ разные возрасты хлѣба, въ одно время посѣяннаго: здѣсь онъ колосится, въ другомъ мѣстѣ отцвѣтаетъ, тамъ еще выходитъ. Можно сказать, что природа въ изъявленіи силъ своихъ также неправильна, какъ поверхность тамошней земли, изуродованной переворотами".

Прекращая здѣсь выписки изъ описанія, сдѣланнаго Словцовымъ Забайкальскому краю, должно сказать, что какъ по своимъ живописнымъ и вѣрнымъ изображеніямъ, такъ по дѣльнымъ и просвѣщеннымъ воззрѣніямъ, донесенія Словцова составляли истинное сокровище для губернской власти, которой одинъ только случай могъ доставить столь даровитаго и образованнаго человѣка.

Замѣчательно, что при поѣздкѣ въ Якутскъ и тогдашній иркутскій архіерей Михаилъ, искренно и глубоко уважавшій Словцова, какъ сказалъ я прежде, также далъ ему порученіе—обозрѣть состояніе якутскаго духовенства. „Я полагаюсь совершенно—писалъ преосвященный—на благоразуміе и прозорливость вашу и надѣюсь на васъ болѣе, нежели на себя".

Обозрѣвая всѣ путешествія Словцова, нельзя не согласиться, что проѣхать изъ Петербурга въ Тобольскъ, потомъ возвратиться въ Новгородъ, затѣмъ опять отправиться назадъ до границъ Сибири, оттуда спуститься въ Иркутскъ, объѣхать Забайкальскій край, обозрѣть отдаленный Нерчинскій уѣздъ, далѣе — объѣхать уѣзды Иркутскій и Нижнеудинскій, наконецъ достичь Киренска, Якутска, почти коснуться предѣловъ полярнаго круга,—по дорогамъ, большею частію, проселочнымъ, едва проходимымъ, со всевозможными лишеніями, при суровости климата, доходившей въ Якутскѣ до 40° мороза, — совершить такія путешествія, при такихъ неудобствахъ — надобно было имѣть болѣе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, нежели сколько могъ тогда имѣть Словцовъ, растерзанный горестію и болѣзнями. Но, видно, Провидѣніе, налагающее крестъ, даетъ и силы страдальцу, чтобы его нести!..

Какое же содержаніе получалъ въ это время нашъ скиталецъ? Какими наградами были заплачены его труды и заслуги? — Содержаніе его не превышало 350 рублей серебромъ, а вся награда состояла въ благодарности губернскаго начальства!.. Но никогда награды и не входили въ его разсчетъ: онъ старался только исполнять свой долгъ и всякое желаніе вознагражденій за свои труды считалъ особеннаго рода корыстолюбіемъ, какъ можно видѣть изъ писемъ его.

Въ 1815 году января 12-го, по представленію губернатора Трескина, Словцовъ былъ опредѣленъ иркутскимъ совѣстнымъ судьею;

но это назначеніе не спасло его отъ новаго странствованія, какъ будто бы губернское начальство поклялось не давать ему покоя.

Въ іюлѣ 1815 года Словцовъ опять былъ посланъ сперва по Якутскому, а потомъ по Нижнеудинскому тракту, отыскивать мѣста для новыхъ поселеній. Тракты эти почти перпендикулярны одинъ къ другому: одинъ идетъ къ Сѣверу, другой на Западъ. Но этого не довольно: въ то же время было велѣно ему осмотрѣть и указать годныя мѣста для поселеній по теченію Ангары. Словомъ: было необходимо опять проѣхать огромныя пространства, частію по столбовымъ, частію по проселочнымъ дорогамъ. Словцовъ безпрекословно исполнилъ и эти порученія и—опять получилъ благодарность губернскаго начальства!

Большую часть своихъ путешествій Словцовъ совершилъ съ казакомъ Кривогорницынымъ. Кривогорницынъ родился на берегахъ Ледовитаго океана, въ заброшенномъ на край свѣта, въ полярныя тундры, удаленномъ на огромныя пространства отъ другихъ человѣческихъ жилищъ,—Нижне-Колымскѣ, но природа тамъ, скупая на прозябанія, видно, не скупится на человѣческія дарованія. Кривогорницынъ былъ человѣкъ весьма умный, ловкій и добраго, даже нѣжнаго сердца. Словцовъ, замѣтивъ въ немъ способности, старался по возможности его образовать. Каждый вечеръ Кривогорницынъ читалъ ему книги преимущественно христіанскаго содержанія. Пользуясь замѣчаніями и наставленіями Словцова, Кривогорницынъ не только полюбилъ чтеніе и, впослѣдствіи, самъ читалъ весьма много, но и писалъ очень умно и складно, настолько чтеніе, а еще болѣе разговоры и самый примѣръ Словцова дѣйствовалъ на него благодѣтельно. Душа его возвысилась и облагородилась, и нельзя было не удивляться, встрѣчая въ простомъ казакѣ, нижне-колымцѣ, столько благородныхъ и высокихъ чувствъ и мыслей. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ офицеры, дослужился до штабсъ-офицерскаго чина и занималъ весьма значительное мѣсто... Но предоставляя себѣ поговорить въ своемъ мѣстѣ подробнѣе объ этомъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ человѣкѣ, я возвращаюсь къ Словцову.

Несмотря на паденіе Сперанскаго, генералъ-губернаторъ Пестель, принимавшій, какъ видно, искреннее участіе въ судьбѣ Словцова, не переставалъ заботиться объ улучшеніи его положенія. Вскорѣ по опредѣленіи Словцова въ должность иркутскаго совѣстнаго судьи, описывая министру просвѣщенія князю Голицыну, въ отношеніи отъ 9-го іюня 1815 года неудовлетворительное состояніе учебной части въ Иркутской губерніи и доказывая крайнюю необходимость дать ей, для пользы края, должное устройство, Пестель рекомендовалъ съ сею цѣлію Словцова на имѣвшуюся тогда ваканцію директора иркутскихъ училищъ.

„Въ городѣ семъ (Иркутскѣ) — писалъ Пестель—пребываетъ теперь коллежскій совѣтникъ Словцовъ. Онъ съ 1808 года состоитъ въ единственномъ моемъ распоряженіи по дѣламъ службы, и во все сіе довольно продолжительное время оказывалъ тѣ отличныя дарованія и особенную нравственность, какія только свойственны человѣку просвѣщенному и исполненному любви къ отечеству". „По моему мнѣнію—продолжалъ Пестель—если человѣкъ съ сими способностями заѣхалъ въ Иркутскъ, нѣтъ большаго удобства занять мѣсто директора училищъ, какъ только опредѣливъ на оное Словцова.

„Изъявивъ на сіе вашу волю, ваше сіятельство изволите тѣмъ доставить учебной части по сей губерніи чиновника съ такими талантами, съ какими едва-ли кто иной туда поѣдетъ".

Такимъ образомъ вслѣдствіе столь усерднаго ходатайства Пестеля, Словцовъ былъ опредѣленъ директоромъ иркутскихъ училищъ 21-го іюня 1815 года съ сохраненіемъ званія совѣстнаго судьи.

По вступленіи въ должность директора иркутскихъ училищъ, первымъ дѣломъ Словцова было возобновить полуразрушенный домъ гимназіи. Губернаторъ Трескинъ оказалъ въ этомъ случаѣ большое пособіе. Склонивъ городское общество сдѣлать въ пользу гимназіи пожертвованіе, онъ, сверхъ того, прислалъ мастеровыхъ изъ находившагося тогда въ Иркутскѣ рабочаго дома. Исправленіе произведено весьма живо. Перебраны полы, передѣланы печи, исправлены двери, ветхія оконныя рамы замѣнены новыми, сдѣланы двойныя рамы для зимы, улучшены учительскія квартиры, перестроена парадная лѣстница, придѣланъ новый портикъ къ дому вмѣсто прежняго, грозившаго паденіемъ; классныя комнаты получили другое болѣе удобное расположеніе, снабжены новою мебелью и необходимыми учебными пособіями: досками, картами и проч.; отдѣленъ залъ для публичныхъ испытаній; музей и библіотека, гдѣ стояли книги не по содержанію, а по формату, приведены въ должное устройство... Словомъ, въ самое короткое время, какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ видѣ гимназіи, не осталось и слѣдовъ прежняго запустѣнія и безпорядка!..

Словцовъ ежедневно два раза посѣщалъ гимназію, хотя жилъ отъ нея довольно далеко и не имѣлъ экипажа. Вниманіе его заставило быть внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ и преподавателей. Многіе изъ нихъ, какъ уже сказано мною, были люди весьма достойные. Словцовъ старался возвысить ихъ упавшій духъ, но для нѣкоторыхъ это уже было поздно: такъ погибъ невозвратно, какъ сказано выше, благородный и умный Неждановъ. Другіе, изъ низшихъ преподавателей, еще подъ вліяніемъ прежняго неустройства, затѣяли между собою ссору, доходившую до самой крайности, несоотвѣтству-

ющей сословію наставниковъ. При довѣренности, какую имѣлъ Словцовъ у училищнаго начальства, онъ старался окончить это непріятное дѣло безъ особенныхъ послѣдствій для участвовавшихъ въ оном лицъ. Главные зачинщики ссоры были переведены, по представленію его, въ другія губерніи. Это была послѣдняя вспышка прежняго духа, затѣмъ наступило время спокойствія и порядка.

На мѣста выбывшихъ старшихъ учителей гимназіи пріѣхали изъ Петербургскаго Педагогическаго института новые учителя (Н. Ѳ. Кокоринъ и С. С. Щукинъ), о которыхъ было сказано выше въ примѣчаніи; въ учителя низшихъ училищъ—уѣзднаго и приходскаго, также были избраны достойные молодые люди.

Такимъ образомъ гимназія быстро стирала прежнія пятна и возрождалась изъ праха. Жители въ Иркутскѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на ея возрожденіе. Для большаго же ихъ возбужденія—отдавать дѣтей въ гимназію преосвященный Михаилъ, посѣщавшій гимназическіе экзамены, говорилъ увѣщательное слово, въ соборѣ, въ праздничный день. Довѣренность къ гимназіи, давно потерянная, опять возобновилась, и отъ десяти учениковъ, которыхъ застало опредѣленіе Словцова, число ихъ быстро возросло до 40 человѣкъ.

Заботясь сколько объ умственномъ развитіи, столько же и о наружномъ лоскѣ учениковъ, Словцовъ въ число преподаванія ввелъ танцы, которымъ приходили учиться и многіе взрослые посторонніе молодые люди.

Съ цѣлію скорѣйшаго изученія и распространенія грамоты, была введена въ приходское училище, находившееся въ Иркутскѣ, ланкастерская метода. Для преподаванія этой методы были выписаны всѣ принадлежности. Словцовъ лично объяснилъ всѣ пріемы этой методы учителямъ, методы, которая въ развитіи своемъ имѣла большіе успѣхи.

Заботясь объ улучшеніи гимназіи и низшихъ училищъ, находившихся собственно въ Иркутскѣ, Словцовъ не менѣе старался, какъ объ улучшеніи училищъ, существовавшихъ въ уѣздныхъ городахъ, такъ и объ открытіи новыхъ тамъ, гдѣ ихъ не было. Особенною же заслугой его для Иркутской губерніи было открытіе, въ 1815 году, училищъ сельскихъ, еще не существовавшихъ тогда и въ самой Россіи, гдѣ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, они были учреждены не ранѣе сороковыхъ годовъ. Для замѣщенія учительскихъ должностей, какъ въ городскихъ, такъ и сельскихъ училищахъ, были испрошены у духовнаго начальства лучшіе изъ учениковъ семинаріи, которые сперва пріучались къ учительской должности въ Иркутскихъ училищахъ подъ личнымъ руководствомъ Словцова. Всего было открыто въ селахъ Иркутскаго и Нижнеудинскаго уѣздовъ—16 приходскихъ училищъ.

Зачинъ или, какъ говорятъ нынѣ, иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала Словцову, но здѣсь было необходимо согласіе губернскаго начальства. Губернаторъ Трескинъ не только изъявилъ согласіе, но и, со свойственною ему энергіею, быстро принялъ всѣ мѣры къ немедленному открытію и устройству училищъ: были тотчасъ выстроены для многихъ изъ нихъ общественные дома, всѣ училища снабжены учебными пособіями; для содержанія ихъ былъ установленъ постоянный сборъ; сверхъ училищнаго начальства, училища были часто посѣщаемы земскими властями, а вниманіе ихъ придавало этимъ заведеніямъ особенное значеніе въ понятіи крестьянъ. Столько благопріятствуемыя обстоятельствами, училища начали развиваться и уже имѣли значительный успѣхъ... Какъ вдругъ холодный вѣтеръ непріязни со стороны губернскаго начальства подулъ на нихъ неожиданно со всею силою!...

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1816 года были открыты сельскія училища, а въ іюлѣ 1817 года губернаторъ Трескинъ, какъ бы испугавшись своего прекраснаго и полезнаго дѣла, предписалъ земской власти остановить постройку училищныхъ домовъ, а выстроенные обратить подъ помѣщеніе волостныхъ правленій; затѣмъ, чрезъ полтора года и совсѣмъ подрылъ главное основаніе училищъ: прекратилъ сборъ на ихъ содержаніе и отнесъ его на добровольное пожертвованіе, т. е. предоставилъ ихъ въ жертву крестьянамъ. Одумавшись мѣсяца черезъ три, губернаторъ опять возобновилъ постоянный сборъ; но сами общества, единожды потрясенныя въ своихъ убѣжденіяхъ, сочли уже этотъ сборъ тягостію и рѣшительно отъ него отказались.

Такимъ образомъ эти полезныя и необходимыя заведенія были уже на концѣ своего существованія, какъ пріѣздъ Сперанскаго, оживившаго все въ Сибири, придалъ и сельскимъ училищамъ новую жизнь. Но, къ сожалѣнію, существованіе ихъ не было, однакожъ, продолжительно. Въ 1825 году, при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири А. С. Лавинскомъ, они потерпѣли новое крушеніе и окончательно закрылись... Для чего и почему?—Мнѣ неизвѣстно.

Сперанскій, ожививъ сельскія училища, въ то же время оказалъ особенное вниманіе и къ гимназіи. Кромѣ частныхъ неоднократныхъ посѣщеній, онъ былъ на публичномъ гимназическомъ экзаменѣ, и самъ дѣлалъ вопросы ученикамъ. При этомъ случаѣ, однимъ изъ учителей была говорена ему привѣтственная рѣчь, сочиненная Словцовымъ.

Встрѣтившись въ моемъ разсказѣ съ личностію Сперанскаго, я не могу не сказать еще нѣсколько словъ о пребываніи его въ Иркутскѣ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ въ тотъ же часъ пригласилъ къ себѣ Словцова. Свиданіе двухъ друзей, послѣ одиннадцатилѣтней раз-

луки, послѣ несчастій, обоими испытанныхъ,—свиданіе на краю свѣта, куда забросила ихъ судьба,—свиданіе людей съ столь возвышенными мыслями и чувствами было и трогательно, и поразительно!

Сперанскій, несмотря на разность своего положенія, видѣлъ въ Словцовѣ только стараго товарища и просвѣщеннаго собесѣдника. „Здѣсь—писалъ онъ изъ Иркутска къ своей дочери—одинъ умный человѣкъ — Словцовъ". [1]) Часто Сперанскій приходилъ къ нему пѣшкомъ и долго бесѣдовалъ: то вдаваясь въ предметы религіозные, то вспоминая прежнее, то разговаривая о настоящемъ.

— Помнишь ли ты,—говорилъ онъ однажды Словцову—какую проповѣдь сказалъ я о Страшномъ судѣ?

Однажды, на вопросъ Словцова: какъ у него (т. е. у Сперанскаго) достало терпѣнія изучать нѣмецкій языкъ, которому онъ учился уже въ Пензѣ, Сперанскій отвѣчалъ.

„Тутъ двѣ пользы: твердя слова, изучаешь языкъ и въ это время не думаешь ничего худаго".

Такъ этотъ мудрый человѣкъ постоянно старался идти впередъ и во всѣхъ случаяхъ соединялъ просвѣщеніе ума съ обязанностями христіанина.

Разговорившись о пребываніи своемъ въ Перми, Сперанскій сказывалъ, что, предавшись жизни тихой и созерцательной, посвящая дни исключительно благочестивымъ разсужденіямъ и переводу книги: О подражаніи Христу, соч. Ѳомы Кемпійскаго, онъ невольно былъ возмущенъ пріѣздомъ къ нему одного изъ родственниковъ, человѣка вполнѣ житейскаго.

— „Ну, сказалъ я самъ себѣ—говорилъ Сперанскій,—теперь конецъ моему спокойствію!"

Замѣтьте спокойствію, посреди самаго тяжкаго и тревожнаго испытанія. Вотъ какъ этотъ человѣкъ, когда возставало на него все, умѣлъ находить утѣшеніе единственно въ глубинѣ своей великой души!

Чувствуя недостатокъ въ людяхъ, чтобы поднять всю возложенную на него тягость обревизованія и преобразованія Сибири, Сперанскій предлагалъ Словцову помочь ему въ его трудахъ; но Словцовъ, сколько ни сознавалъ погрѣшности прежняго управленія, не рѣшился принять въ дѣйствіяхъ новаго управленія никакого участія, чувствуя себя обязаннымъ Пестелю. Одно только принялъ на себя Словцовъ—составленіе проекта объ устройствѣ въ Сибири университета. Побужденіемъ къ тому служила чрезмѣрная отдаленность отъ Сибири университета Казанскаго, которому были тогда подвѣдом-

[1]) См. Жиз. гр. Спер., т. II, стран. 212.

ственны Сибирскія дирекціи училищъ. Чтобы добраться до него, напр., изъ Иркутска надлежитъ проѣхать 4.500 вер., а между тѣмъ Казанскій университетъ есть самый близкій къ Сибири изъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Проектъ Сибирскаго университета былъ составленъ Словцовымъ, но былъ ли куда представленъ Сперанскимъ, неизвѣстно.

Предъ отъѣздомъ изъ Иркутска, Сперанскій написалъ Словцову весьма трогательное письмо и подарилъ ему на память Библію и золотые часы. Словцовъ въ посвященіи Сперанскому II тома Историческаго обозрѣнія Сибири, говоритъ объ упомянутомъ письмѣ и подаркѣ слѣдующее: „я не пойду за нимъ (Сперанскимъ) далѣе Сибири, потому что для меня довольно хранить въ душѣ два слова, которыя, въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Иркутскѣ, онъ написалъ при посылкѣ ко мнѣ часовъ и Библіи Треммеліевой: „вотъ тебѣ время и вѣчность!“ Созерцательный труженикъ времени!—восклицаетъ Словцовъ—онъ съ юности мыслилъ о вѣчности и жилъ потомъ для вѣчности. Да почіетъ же мужъ незабвенный при благословеніяхъ Сибири любимой имъ безконечности у Христа Бога!“

Во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири, попечителемъ Казанскаго университета былъ опредѣленъ Магницкій, принадлежавшій нѣкогда къ малому кружку пріятелей Сперанскаго и Словцова.

Первымъ дѣломъ Магницкаго было испросить Словцову, пятнадцать лѣтъ бывшему въ чинѣ коллежскаго совѣтника, чинъ статскаго совѣтника.

Вслѣдъ затѣмъ Магницкій просилъ Словцова письмомъ отъ 6-го октября 1819 года доставить ему мнѣніе о состояніи учебныхъ заведеній въ Сибири и особенно о духѣ лицъ, ими управляющихъ. „Сдѣлавъ сильный переворотъ въ семъ отношеніи—писалъ Магницкій—въ центрѣ казанскомъ, я бы желалъ знать: не нужно ли и въ губерніяхъ, особенно отдаленныхъ, выгнать нечистый духъ, который четырнадцать лѣтъ распространялся и усиливался“.

Въ то же время Магницкій испросилъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя Голицына Высочайшее повелѣніе о порученіи Словцову осмотрѣть состояніе учебныхъ заведеній въ губерніяхъ: Томской, Пермской, Вятской и Казанской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всемилостивѣйшее разрѣшеніе: употреблять его на службу во всѣхъ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа. Высочайшій указъ объ этомъ состоялся 2-го ноября 1819 года, а увѣдомленіе Магницкаго было получено Словцовымъ 18-го декабря 1819 года.

Такимъ образомъ, чрезъ 11 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ въ первый разъ отворились для Словцова, хотя и не настежь, ворота Сибири, и онъ могъ съ радостію вдохнуть въ себя свободный воздухъ Россіи.

Порадовавъ Словцова мыслію о свободѣ, Магницкій получилъ, между тѣмъ, его замѣчанія о состояніи учебной части въ Сибири, представилъ ихъ князю Голицыну и въ особенности ухватился за мысль Словцова о повсемѣстномъ введеніи Ланкастерской системы. Для обсужденія этого предмета былъ составленъ въ Петербургѣ особый комитетъ. Послѣдствія этого комитета мнѣ неизвѣстны, но нельзя не замѣтить, что если распространеніе грамотности есть великое благо для народа, то иниціатива этого дѣла принадлежитъ Словцову.

Магницкій, столь же скорый на добро, какъ и на зло, хотя, сказать справедливо, и самое зло, имъ сдѣланное, происходило изъ желанія добра, не довольствуясь однимъ испрошеніемъ Словцову дозволенія служить по губерніямъ Казанскаго округа, исходатайствовалъ ему званіе визитатора, или инспектора сибирскихъ училищъ съ 3.000 рублей содержанія въ годъ и съ выдачею, при каждой визитаціи, прогоновъ по чину. Высочайшій указъ объ этомъ состоялся 30-го января 1821 года.

Разставаясь съ дирекціею иркутскихъ училищъ, Словцовъ оставилъ учебную часть Иркутской губерніи, въ сравненіи съ прежнимъ, въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Всѣхъ училищъ считалось тогда: 1 гимназія, 7 уѣздныхъ, 6 городскихъ приходскихъ и 16 сельскихъ— всего 30 училищъ; учениковъ въ училищахъ, находившихся собственно въ Иркутскѣ, болѣе 300 человѣкъ, во всѣхъ прочихъ до 700 человѣкъ, всего же около 1000 человѣкъ; училищныхъ капиталовъ болѣе 120/т. р. Но главное: было дано движеніе, и съ тѣхъ поръ училища, не останавливаясь, пошли впередъ. Можно сказать, по справедливости, что Иркутская губернія въ отношеніи образованія много обязана просвѣщеннымъ и неусыпнымъ трудамъ Словцова.

Пробывъ въ званіи директора училищъ съ 1815 по 1820 годъ, Словцовъ выѣхалъ изъ Иркутска 9-го ноября 1820 года: день весьма памятный въ моей жизни!

III.

Моя поѣздка за Байкалъ.—Визитаторство Словцова.—Его путешествія и окончательное освобожденіе.—Новое назначеніе.—Назначеніе пенсіи.—Характеристика Словцова.—Историческое обозрѣніе Сибири.—Послѣдніе дни Словцова.

По отъѣздѣ изъ Иркутска Словцова, чувствуя грустное сиротство, я имѣлъ единственнымъ моимъ собесѣдникомъ того Кривогорницына, который, бывъ самъ привязанъ къ Словцову, искренно раздѣлялъ со мною мое горе.

Въ это время Кривогорницынъ управлялъ небольшою фабрикою, находившеюся въ окрестностяхъ Иркутска. Рабочіе на фабрикѣ были изъ ссыльно-каторжныхъ, сбродъ съ Камы и Волги, какъ говорили въ Сибири. Много надобно имѣть духу, чтобы сладить съ этими отчаянными людьми, не имѣя никакой команды. Правда, строгая справедливость, кротость и доброта Кривогорницына, соединенныя съ неустрашимостію духа, невольно заставляли рабочихъ его любить и уважать, но можно ли было ручаться за всѣхъ? Самые лучшіе изъ нихъ, въ порывахъ бѣшенства и злости, готовы были все забыть, на все рѣшиться. Случалось ночью, каторжные какъ-нибудь пронесутъ вино, тихомолкомъ напьются и пьяные поднимутъ гвалтъ. Кривогорницынъ, жившій съ ними подъ одною крышею, идетъ въ темнотѣ, ощупью, по каморамъ и тамъ одинъ расправляется съ пьяными каторжниками, изъ которыхъ у каждаго не дрогнула бы рука всадить ему въ бокъ ножъ. Но таково дѣйствіе неустрашимости: эти дикіе звѣри притихнутъ и замолчатъ, какъ агнцы.

Однажды Кривогорницынъ, за какую-то шалость, посадилъ двухъ рабочихъ подъ арестъ, чтобы потомъ ихъ наказать. Пока они сидѣли въ сторожкѣ, туда пришла крестьянская баба и легла отдохнуть. Каторжные, ни съ того ни съ сего, хватили ее полѣномъ по головѣ и разбили ей черепъ. Баба умерла на мѣстѣ, а убійцы спокойно усѣлись и ожидали, когда за ними придутъ. „Нѣтъ! наказывать теперь насъ нельзя—говорили они пришедшимъ за ними—ведите насъ въ суду: мы виновны въ смертоубійствѣ!“ Такимъ образомъ, чтобы избѣгнуть ближайшаго наказанія легкаго, они предпочли тягчайшее, но отдаленное, въ чаяніи побѣга при удобномъ случаѣ, а что касается до религіи, до совѣсти, до человѣчества—это все имъ знакомо не было!

Въ другой разъ, Кривогорницынъ, призвавъ одного каторжнорабочаго, дѣлалъ ему выговоръ, а между тѣмъ замѣтилъ, что каторжный что-то выпускаетъ помаленьку изъ рукава. Кривогорницынъ схватилъ его за руку и выдернулъ изъ рукава ножъ.—Это что?—спросилъ онъ каторжнаго.

— Это?.. отвѣчалъ преспокойно каторжный—это ножъ... Я пришелъ тебя зарѣзать!

Подобные случаи не пугали, однакожъ, неустрашимаго потомка Хабаровыхъ и Дежневыхъ: вся прислуга его состояла изъ каторжныхъ и самый близкій къ нему человѣкъ, его камердинеръ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отставной-разбойничій атаманъ! Онъ былъ уже старъ и хилъ, но страсть къ лѣсной привольной жизни не могла въ немъ потухнуть. Каждую весну онъ поставлялъ долгомъ убѣгать въ лѣсъ. Но какъ, по старости и по дряхлости, онъ не могъ убѣгать далеко, то, скрываясь гдѣ-нибудь недалеко отъ города, каждую ночь прихо-

дилъ домой и кралъ у Кривогорницына тотъ же самый хлѣбъ, который преспокойно могъ ѣсть безъ всякой кражи. Наконецъ его изловятъ, накажутъ, и онъ цѣлую зиму опять, какъ шелковый.

„Отчего ты бѣгаешь?“—спрашивали его.

„Воля ваша! — отвѣчалъ онъ — не могу! Какъ только подходитъ весна, смертельная тоска начинаетъ давить мнѣ сердце и не даетъ мнѣ покою ни на минуту. Точно кто понуждаетъ меня: „Ступай въ лѣсъ, ступай“! Я крѣплюсь, крѣплюсь, напослѣдокъ не могу самъ себя перемочь—убѣгу“...

Невольно здѣсь приходитъ на умъ извѣстный стихъ Пушкина:

„Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“!..

Склонность къ разгульной и привольной жизни и даже къ преступленію обращается, наконецъ, въ неодолимую страсть и даже болѣзнь.

Была одна старушенка, дрянная, дряхлая, но у которой смертоубійство обратилось въ какую то-лютую, непреоборимую привычку. Ею овладѣвала смертельная тоска, если она долго не проливала крови. При всякомъ удобномъ случаѣ, она ткнетъ васъ ножемъ безъ всякой иной цѣли, кромѣ удовлетворенія своей звѣриной страсти. Ее нѣсколько разъ наказывали и, наконецъ, принуждены были посадить на цѣпь, какъ бѣшеную собаку...

Впослѣдствіи Кривогорницынъ завѣдывалъ иркутскимъ рабочимъ домомъ и Тельминскою суконной фабрикой.

Рабочій домъ находился въ предмѣстіи Иркутска. Въ него поступали ссыльные, въ томъ числѣ и каторжные, знавшіе разныя мастерства и ремесла. Это былъ единственный разсадникъ мастерствъ и ремеслъ въ Иркутскѣ: отъ часовъ до кареты — все дѣлалось въ рабочемъ домѣ. Многіе изъ рабочихъ имѣли дома и хозяйство, были женаты и имѣли дѣтей. Дѣти наслѣдовали отцамъ въ ихъ мастерствахъ и, на основаніи положенія о ссыльныхъ, составленнаго Сперанскимъ, могли поступать въ городскіе цехи.

Тельминская фабрика находится за 60 верстъ отъ Иркутска, при устьѣ рѣчки Тельмы, впадающей въ Ангару. Тамъ, въ мое время, выдѣлывали сукна для войска. Число рабочихъ, изъ ссыльно-каторжныхъ, простиралось до 500 человѣкъ. Сукна выдѣлывалось до 75/т. половинокъ. Сверхъ солдатскаго сукна приготовлялось также довольно хорошее сукно, родъ байки, изъ верблюжьей шерсти, и полутонкое сукно, называвшееся поярковымъ. Производство суконъ, до пріѣзда Сперанскаго, было все съ руки. Просвѣщенный взглядъ его имѣлъ и здѣсь полезное вліяніе. Фабрика выписала сукно-дѣльныя машины, посылала одного изъ своихъ чиновниковъ осмотрѣть механизмъ луч-

шихъ суконныхъ фабрикъ въ Россіи и заготовила, съ выписанныхъ образцовъ, достаточное число машинъ собственными мастеровыми.

Въ двадцатыхъ годахъ, кромѣ суконъ, фабрика стала выдѣлывать фламское полотно. Выдѣлка его простиралась до 300/т. арш.

Наконецъ, тамъ же былъ устроенъ стеклянный заводъ. Съ 1822 года заводъ сталъ выдѣлывать довольно чистый хрусталь и пріобрѣлъ искусство гранить, такъ что иныя подѣлки, по красотѣ рисунка и по граненью, не уступали издѣліямъ лучшихъ стеклянныхъ заводовъ [1]).

Многіе изъ рабочихъ обзавелись домами, хозяйствомъ, семействами и жили изобильно. Вообще фабрика представляла родъ маленькаго красиваго города, съ каменной церковію прекрасной архитектуры [2]).

Кривогорницынъ управлялъ Тельминскою фабрикою уже по выѣздѣ моемъ изъ Иркутска. Смерть давно уже подкосила и этого благороднаго человѣка, достойнаго потомка удалыхъ завоевателей Сибири...

Итакъ, повторяю, по отъѣздѣ Словцова, Кривогорницынъ былъ моимъ самымъ частымъ и самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы видѣлись каждый день, но вскорѣ бесѣды наши часто стали прерываться моими поѣздками по службѣ. Наконецъ, въ 1821 году, я былъ командированъ за Байкалъ для описанія Кругоморскихъ поселеній и обревизованія Верхнеудинскаго уѣзда.

1-го октября 1821 года я выѣхалъ изъ Иркутска. Морозъ былъ довольно сильный; земля была покрыта глубокимъ снѣгомъ, и Ангара, чрезъ которую надлежало переѣзжать, дымилась туманомъ. Дорога лежала черезъ горы. Къ утру я пріѣхалъ въ деревню Култукъ, лежащую на западной оконечности Байкала. Здѣсь я открылъ еще слѣды прежней системы земскаго управленія. Дорога до Култука, какъ покрытая глубокимъ снѣгомъ, не требовала ни малѣйшей поправки; но земскій судъ далъ предписаніе, чтобы выслать для поправки дорогъ 150 человѣкъ Тункиненскихъ бурятъ. Спрашивается: для чего?—Для того, что это время есть лучшее, если не единственное, для звѣриныхъ промысловъ. Причина понятная: хочешь идти на промыселъ—откупись!

Въ Култукѣ, за горами, хотя еще и не очень высокими, природа уже начала измѣняться. Снѣгу вовсе не было видно. День былъ прекрасный, довольно теплый: это была свѣтлая и свѣжая погода—чисто осенняя. Имѣя тогда обыкновеніе купаться каждое утро, я съ наслажденіемъ погрузился въ чистыя волны Байкала. Между тѣмъ

---

[1]) См. Письма изъ Сибири, соч. Словцова, стран. 23.

[2]) Въ 1817 году было сдѣлано мною подробное описаніе Тельминской фабрики, напечатанное въ „Казанскихъ извѣстіяхъ“ того же года въ № 16 и 17

всходило солнце и по всему протяженію, такъ называемаго Святого моря, нарисовался великолѣпный огненный столпъ. Мысы рядами выдвигались одинъ за другимъ и тонули въ синевѣ отдаленности. Я тогда въ первый разъ видѣлъ море, и представившаяся мнѣ дивная картина донынѣ сохраняется въ моемъ воображеніи...

Горы, которыя я проѣхалъ, показались мнѣ холмами, когда я взглянулъ на тѣхъ гигантовъ, упиравшихся въ облака, которые мнѣ предстояли впереди, по правую сторону Байкала. Въ экипажахъ уже было ѣхать нельзя; нужно было продолжать путешествіе верхомъ на протяженіи 300 верстъ. Весь день почти я поднимался въ гору и, наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ къ подошвѣ исполинскаго Хамаръ - Дабана. Видъ его былъ видъ потухшей сопки, какъ обыкновенно называютъ въ Сибири остроконечныя или вулканическія горы [1]). Вершина Хамаръ - Дабана терялась въ синевѣ вечера. Дорога бѣжала въ верхъ зигзагами, лѣпясь къ каменной стѣнѣ на обрубахъ, насыпанныхъ землею. Таскать бревна и землю на страшную высоту была работа истинно гигантская, а между тѣмъ это строилось не инженеромъ, но обыкновеннымъ землемѣромъ. Исторіи не стыдно бы сохранить его имя: это былъ землемѣръ Дѣдовъ.

Пріѣхавъ къ подошвѣ Хамаръ-Дабана, не видишь передъ собою той высоты, съ какою возвышается гора надъ уровнемъ моря, потому что поднимаешься къ ней постепенно; но взглянувши внизъ или, какъ говорятъ въ Сибири, въ падь, едва замѣтишь на днѣ ея растущіе лѣса, покрытые синевою воздуха. — Высоту Хамаръ-Дабана полагаютъ болѣе 2 верстъ.

Далѣе отъ Хамаръ-Дабана начинаются голыя гранитныя скалы или, по тамошнему, гольцы. На нихъ царствуетъ вѣчная зима, и снѣгъ не растаиваетъ въ ущеліяхъ во все лѣто. Во время моего проѣзда снѣгъ на нихъ былъ глубже аршина.

Съѣхавши съ гольцовъ, уже встрѣчаешь температуру воздуха со всѣмъ другую: надлежало снять теплое платье и ѣхать въ одномъ лѣтнемъ. Дорога то поднималась на горы, то спускалась въ пади, то проходила по водѣ вдоль рѣчекъ, дабы огибать утесы. Вообще горы напоминали о бывшемъ тутъ страшномъ переворотѣ. Многіе утесы разрушились, и огромнѣйшіе камни, оторванные отъ нихъ, были брошены на дальное разстояніе...

Наконецъ, горы стали понижаться, расходиться въ стороны, и вдали открылась обширнѣйшая долина, въ то время уже пожелтѣвшая, но еще полная теплоты и благорастворенаго воздуха.

Нельзя не быть благодарнымъ попеченіямъ Трескина, что по пу-

---

[1]) Хамаръ-Дабанъ дѣйствительно признаютъ потухшимъ вулканомъ.

стынной и покрытой дремучими лѣсами Кругоморской дорогѣ, были выстроены въ горахъ, въ томъ числѣ и у подошвы Хамаръ-Дабана, для станцій чистыя избы, въ которыхъ полъ постоянно устилался можжевельникомъ. Послѣ продолжительной верховой ѣзды, утомленному путешественнику встрѣтить въ дремучей тайгѣ удобный пріютъ, гдѣ можно согрѣть чайникъ или сварить пельменей, есть райское наслажденіе!

По въѣздѣ въ долину, я нашелъ поселенія: Снѣжное, Аглокъ и Алсакъ. Но кто жъ были поселенцы?—Отставные солдаты, почтенные старики, ходившіе съ Суворовымъ въ Италію! Я смотрѣлъ съ невольнымъ уваженіемъ на этихъ убѣленныхъ лѣтами сотрудниковъ великаго. Не знаю, что была за мысль поселить побѣдителей при Требіи и Нови въ пустыняхъ Байкальскихъ, на почвѣ каменистой и безплодной? Всѣ они жаловались на бѣдность, въ которой оканчивали остатокъ своей геройской жизни. Я писалъ губернатору о переводѣ ихъ на другое мѣсто; губернаторъ благодарилъ меня за мысль, но дѣло тѣмъ и кончилось: старое осталось по-старому.

Пріѣхавъ въ Кяхту, я былъ въ находящемся оттуда не далеко китайскомъ городкѣ, Маймачинѣ, который походилъ болѣе на сплошной большой сарай, чѣмъ на городъ, потому что низенькіе одноэтажные деревянные дома, тѣсно другъ къ другу пристроенные, окнами были обращены во внутрь дворовъ. Окна, вмѣсто стеколъ, были обклеены бумагою. Въ комнатахъ было около стѣнъ возвышеніе въ родѣ наръ, гдѣ на кирпичномъ очагѣ постоянно грѣлся мѣдный чайникъ съ водой для чая. Китайцы заваривали чай въ большихъ чашкахъ съ крышкою и изъ тѣхъ же чашекъ его пили, вмѣсто воды и квасу. За обѣдомъ подавали множество кушаньевъ. Главную роль играла свинина, и каждое кушанье обмакивалось въ уксусъ или истертый чеснокъ. Китайцы сами брали кушанье палочками, и для русскихъ приготовляли обыкновенныя вилки. Ложки были маленькія, фарфоровыя; тарелочки — крошечныя и также фарфоровыя. Въ обхожденіи китайцы были очень ласковы; объяснялись съ купцами на какомъ-то небываломъ языкѣ, гдѣ русскія слова, безъ всякой жалости исковерканныя, и были смѣшиваемы съ китайскими. Замѣчательно, что въ Маймачинъ было запрещено привозить какъ русскихъ, такъ и китайскихъ женщинъ; однакожъ, иногда любопытство нашихъ дамъ брало верхъ передъ закономъ, и онѣ пріѣзжали въ Маймачинъ въ мужскомъ платьѣ... Былъ я и въ китайской кумирнѣ; видѣлъ идоловъ огромныхъ, безобразныхъ, отвратительныхъ. Что они изображали—сами китайцы не могли хорошенько объяснить. Извѣстно, что китайцы не имѣютъ почти никакой религіи; держатся разныхъ философскихъ сектъ и въ образѣ своихъ идоловъ изображаютъ то фило-

софскія идеи, то разныя страсти... Но, заговорившись о видѣнномъ мною въ Маймачинѣ, я упустилъ изъ виду, что теперь Китай уже отперъ свои двери для европейцевъ и пересталъ быть землею неизвѣстною—terra incognita.

Изъ Кяхты я проѣхалъ въ Верхнеудинскъ. Тамъ я нашелъ еще патріархальные нравы, старинное хлѣбосольство и радушіе, но строенія бѣдныя, почти всѣ деревянныя и городъ скорѣе похожій на деревню... Теперь, конечно, уже многое измѣнилось; можетъ быть, нравы стали очищеннѣе и дома лучше.

Изъ Верхнеудинска я ѣхалъ опять кругомъ моря и въ то время, когда въ Иркутскѣ была уже зима въ полной силѣ, по ту сторону горъ, 15-го ноября я еще пилъ чай на открытомъ воздухѣ; солнце свѣтило ярко, день былъ теплый и кругомъ не было видно ни снѣжинки.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Иркутскъ, генералъ-губернаторъ Сперанскій перевелъ меня совѣтникомъ въ Тобольскъ, и 15-го марта 1822 года я простился едва-ли не навсегда со своимъ роднымъ городомъ.

Въ Тобольскѣ мнѣ радостно было опять встрѣтить Словцова. Губернаторомъ былъ А. С. Осиповъ, человѣкъ честный и энергическій,—генералъ-губернаторомъ Западной Сибири опредѣлился Петръ Михайловичъ Капцевичъ, человѣкъ правдивый, но довольно суровый, аракчеевской закалки. Отношенія между ними скоро сдѣлались непріязненны. Я видѣлъ, что Сибирь долго еще не будетъ страною мира, и рѣшился искать счастія далѣе. Словцовъ не только поддержалъ мою мысль, но и помогъ мнѣ отправиться въ Петербургъ. 17-го февраля 1823 г. я выѣхалъ изъ Тобольска; думалъ съѣздить на годъ, на два, но доживаю въ немъ, съ горемъ пополамъ, сороковой годъ!

Зажившись въ Петербургѣ, я уже потерялъ въ Сибири почти всѣхъ близкихъ мнѣ роднымъ и лучшихъ моихъ друзей; потерялъ и благодѣтеля моего—Словцова.

Возвратимся къ продолженію его біографіи.

Объѣхавъ губерніи Томскую, Тобольскую, Пермскую, Вятскую и Казанскую, Словцовъ 30-го января 1821 года былъ Высочайше опредѣленъ визитаторомъ сибирскихъ училищъ. Должность эта требовала вѣчнаго странствованія по пустынямъ Сибири.

Возвратившись изъ Казани въ Тобольскъ, Словцовъ въ 1824 году опять отправился въ Восточную Сибирь, проѣхалъ до Иркутска, ѣздилъ за Байкалъ до Кяхты и, возвратившись въ Иркутскъ, въ 1825 году, посѣтилъ сѣверный край Иркутской губерніи, былъ въ Киренскѣ и Якутскѣ, опять возвратился въ Иркутскъ, оттуда въ 1826 году

снова пустился на западъ, совершилъ поѣздку въ Енисей, проѣхалъ въ Тобольскъ и, наконецъ, въ 1827 году, ѣздилъ въ отдаленный Березовъ.

Между тѣмъ Магницкій, не измѣняя своего расположенія къ Словцову, исходатайствовалъ ему, въ 1824 году, орденъ св. Анны 2-ой степени, черезъ 17 лѣтъ послѣ Владиміра 4-ой степени, и въ 1826 году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти награды, опала не была еще снята,—и главный вопросъ судьбы Словцова: полная свобода служить и жить въ Россіи безъ всякаго мѣстнаго ограниченія,—оставался неразрѣшеннымъ. Дозволеніе, данное ему, какъ было сказано, распространялось только на губерніи Казанскаго округа.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ, питая къ Словцову глубокое уваженіе, принялъ живое участіе въ его судьбѣ и въ 1827 году ходатайствовалъ о его полномъ освобожденіи. Увѣдомляя меня объ этомъ отъ 5-го марта 1827 года, Словцовъ писалъ: „П. М. (Капцевичъ) представилъ обо мнѣ къ министру просвѣщенія, но будетъ ли тутъ что-нибудь? Впрочемъ, приближаясь къ развязкѣ жизни, не могу съ упорствомъ для себя желать ничего; дай Богъ, чтобы не было хуже мнѣ—вотъ молитва, которую возношу къ Отцу нашему“.

Словцовъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы предчувствовалъ непріятныя послѣдствія. Вышло какое-то недоразумѣніе въ изложеніи представленія и не только не послѣдовало ожидаемаго разрѣшенія, но какъ будто положеніе Словцова еще болѣе стѣснилось: ему было велѣно оставаться на прежнемъ мѣстѣ службы, слѣдовательно, опять въ одной Сибири.

Эта новая игра судьбы сильно огорчила и безъ того уже растерзанную душу скитальца.

Спустя мѣсяца три—отъ 7-го октября—Словцовъ писалъ ко мнѣ: „генералъ-губернаторъ Капцевичъ лично сообщилъ мнѣ, что не дано ходу его представленію потому, что не было моей просьбы. Но я, продолжалъ Словцовъ, по нѣкоторомъ размышленіи, рѣшился не посылать ни къ кому и ни о чемъ прошенія, тѣмъ болѣе, что государь, прощающій злодѣевъ, по своему милосердію, вѣрно разрѣшитъ и мнѣ, когда будетъ ему благоугодно, и когда Богу, особенно, будетъ благоугодно. Я по службѣ не сдѣлалъ никакого преступленія, но тѣмъ не менѣе 19-й годъ живу въ Сибири подъ крестомъ и буду жить съ помощію Божіей“.

Терпѣніе и покорность волѣ Божіей была всегда отличительною чертою характера этого необыкновеннаго человѣка. Я сказалъ уже прежде, что онъ никого ни о чемъ не просилъ, ни въ комъ не искалъ: люди сами какъ будто хотѣли загладить свою несправедли-

вость, но судьба не совершила еще тогда вполнѣ своего предопредѣленія.

Наконецъ, въ 1827 году по Высочайшему повелѣнію были посланы для ревизіи Западной Сибири два сенатора: Безродный и князь Куракинъ. Сенаторы также приняли участіе въ судьбѣ Словцова и рѣшились за него ходатайствовать. Но по отъѣздѣ сенаторовъ изъ Тобольска во внутрь Сибири, Словцовъ, едва-ли не въ первый разъ, впалъ въ нѣкотораго рода отчаяніе. „Сенаторы—писалъ онъ мнѣ отъ 13-го ноября 1827 года—обѣщали представить обо мнѣ, да такъ и уѣхали въ даль. Духъ проповѣдуетъ мнѣ, по словамъ Павла, вѣчныя узы, такъ какъ и день моихъ именинъ есть день веригъ".

Но на сей разъ сомнѣніе Словцова, хотя весьма простительное послѣ многихъ обмановъ надежды, было ошибочно. Сенаторы о немъ ходатайствовали и—столь давно и тщетно желанный имъ день освобожденія наконецъ насталъ: это было 24-го февраля 1828 года, въ который Словцовъ получилъ извѣщеніе о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ему продолжать службу въ Россіи безъ ограниченія мѣстности.

Князь Куракинъ, сверхъ оффиціальнаго извѣщенія, прислалъ Словцову изъ Омска отъ 21-го февраля 1828 года, весьма привѣтливое письмо, выражавшее его искреннее удовольствіе. „Въ пріятную обязанность вмѣняю себѣ—писалъ онъ—поздравить васъ съ симъ благополучнымъ событіемъ, душевно радуясь, что всеподданнѣйшее представленіе наше о васъ увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ и что правосудный монархъ, удостоивъ оное всемилостивѣйшаго воззрѣнія, благоволилъ столь скоро рѣшить вашъ жребій и оказать вамъ справедливость по заслугамъ вашимъ. Отъ искренняго сердца желаю, чтобы настоящее исполненіе столь давняго ожиданія вашего послужило вамъ, милостивый государь, къ забвенію прежнихъ вашихъ горестей и къ совершенному вашему успокоенію на все будущее время жизни вашей".

Поддерживаемый вожделѣнною мыслію свободы, Словцовъ, въ 1828 году, уже не съ тѣмъ стѣсненнымъ чувствомъ, какъ прежде, еще разъ переѣхалъ чрезъ Уралъ для осмотра, по предписанію Казанскаго университета, училищъ Пермской и Вятской губерній. Объѣздъ этихъ губерній прибавилъ къ прежнему итогу разстоянія, проѣханнаго Словцовымъ, еще по крайней мѣрѣ, 3.000 вер., такимъ образомъ должность визитатора стоила ему проѣзда болѣе 29.000 верстъ, т. е. почти путешествія кругомъ свѣта.

За осмотръ училищъ Пермской и Вятской губерній, по представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, Словцовъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Но вскорѣ за тѣмъ онъ потерпѣлъ новое крушеніе: 8-го декабря 1828 года должность визитатора была упразднена, и Сибирскія училища были подчинены вѣдомству гражданскихъ губернаторовъ. Словцовъ остался безъ содержанія.

Въ этомъ положеніи ему оказалъ большое вниманіе князь Ливенъ, бывшій тогда министръ просвѣщенія. Не желая лишиться въ Словцовѣ достойнаго и полезнаго сотрудника, князь просилъ его, письмомъ отъ 24-го февраля 1829 года, пріѣхать въ Петербургъ, дабы лично познакомиться съ нимъ для назначенія его къ новой должности, и даже сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ ему прогоновъ и на подъемъ 1.000 р. ас.

Но Словцовъ, отказываясь отъ поѣздки въ Петербургъ, писалъ къ князю Ливену, отъ 9-го марта того же года: „по старости и по разстроенному здоровью, къ крайнему моему прискорбію, я не могу оправдать ни милостиваго приглашенія, ни тѣхъ надеждъ, какими вашей свѣтлости благоугодно одобрять меня къ продолженію службы". Въ заключеніе Словцовъ просилъ одной милости: исходатайствовать ему назначеніе пенсіи.

Итакъ, тотъ же самый Словцовъ, который въ 1808 году съ нетерпѣніемъ рвался въ Петербургъ и возвращался изъ Новгорода съ отчаяніемъ, теперь уже самъ отказывался отъ этой милости: вотъ какъ несчастія и лѣта ломаютъ и передѣлываютъ человѣка".

Князь Ливенъ, хотя и обѣщалъ Словцову испросить ему пенсію, но еще разъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ продолжалъ службу и, письмомъ отъ 12-го апрѣля 1829 года, предлагалъ мѣсто директора Ришельевскаго лицея. Но Словцовъ не принялъ и этого предложенія и отъ 28-го мая 1829 года вновь просилъ князя Ливена объ исходатайствованіи ему пенсіи.

Наконецъ, въ 24 день сентября 1829 года, всемилостивѣйше былъ обращенъ Словцову въ пенсію полный окладъ визитаторскаго жалованья, т. е. 3.000 р. асс. въ годъ.

Графъ Сперанскій лично говорилъ мнѣ, что онъ усердно содѣйствовалъ къ назначенію этой пенсіи и отъ 3-го октября 1829 года писалъ къ Словцову: „Давно, любезный Петръ Андреевичъ, собирался я къ вамъ писать, но все отлагалъ до того времени, какъ могу вамъ сказать что-нибудь пріятное и рѣшительное. Третьяго дня, наконецъ, князь Ливенъ мнѣ объявилъ, что желаніе ваше и мое сбылось: государь пожаловалъ вамъ полный пенсіонъ. Зная, сколько нужна вамъ сія милость къ устроенію и успокоенію вашему, отъ всего сердца васъ съ нею поздравляю".

„Прослуживъ съ честію и пользою государству, вамъ остается теперь дослуживать одну службу великую, но не тяжкую, нести иго благое и бремя легкое—Господа Спасителя. Сколь часто среди дѣлъ

и суетъ, меня обуревающихъ, наслаждаюсь я мысленно вашимъ положеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Иркутскѣ, мысли мои, слава Богу, въ сихъ существенныхъ отношеніяхъ, ни въ чемъ не измѣнились: и мысль, когда прійду и явлюсь лицу Божію—вездѣ и всегда со мною".

„Поручаю себя вашимъ добрымъ воспоминаніямъ и молитвамъ—и точно молитвамъ: ибо я въ глубинѣ души увѣренъ въ дѣйствіи молитвы не токмо за себя, но и за другихъ. Господь да будетъ съ вами".

P. S. Для чего бы вамъ, хотя изрѣдка при большомъ вашемъ досугѣ, не написать ко мнѣ строчку, сказать слово утѣшенія—это была бы сущая милостыня нищему, даръ безкорыстный; ибо отвѣчать вамъ я не въ силахъ, но каждую почту радъ читать ваши письма—не о Сибири и дѣлахъ ея, но о васъ самихъ и дѣлѣ Божіемъ".

Въ то же время и князь Ливенъ, увѣдомляя Словцова о назначеніи ему пенсіи, письмомъ отъ 30-го сентября того же года, поздравлялъ его „съ истиннымъ радушіемъ, съ этою монаршею милостію". Такое вниманіе къ заслугамъ и достоинству подчиненнаго дѣлало большую честь министру!

Такъ окончилась служба Словцова, исполненная переворотовъ, огорченій и странничества—служба человѣка, котораго геніальная способность и глубокія познанія восхваляли всѣ начальники; который могъ бы принести великую пользу отечеству, но который, единожды сдвинутый со своего настоящаго поприща хитростію и злобою, померкъ въ изгнаніи, по словамъ Сперанскаго, какъ огонекъ, иногда только вспыхивающій и опять потухающій [1])!

Знакомство мое съ Словцовымъ началось въ 1815 году и продолжалось до самой его смерти, т. е. до 1843 года, двадцать восемь лѣтъ.

По добротѣ и нѣжности души своей, Словцовъ принималъ во мнѣ самое нѣжное участіе; руководилъ меня въ моихъ учебныхъ занятіяхъ; самъ читалъ мнѣ курсъ философіи; поправлялъ мои сочиненія и переводы. Не переставая заботиться обо мнѣ и по выѣздѣ своемъ изъ Иркутска, присылалъ мнѣ книги, поддерживалъ и руководилъ меня совѣтами, или утѣшалъ въ случавшихся со мной непріятностяхъ; словомъ дѣйствовалъ, какъ лучшій другъ и нѣжный отецъ. Встрѣчу въ жизни моей съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ я всегда считалъ за особенную милость Провидѣнія.

Конечно, ни для кого не могутъ быть интересны мои отношенія къ Словцову, и я никогда не рѣшился бы о нихъ говорить, если бы

---

[1]) Жизнь гр. Сперан., т. II, стр. 212.

они не проявляли нѣжность и доброту его сердца и высокое стремленіе дѣлать добро. Какая ему была надобность заботиться обо мнѣ, человѣкѣ для него совершенно постороннемъ? Служивъ сперва подъ его начальствомъ, я былъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ его подчиненный, а много ли начальниковъ, которые смотрятъ на подчиненныхъ какъ на людей, а не какъ на машины, которыя, когда онѣ испортятся или сдѣлаются ненужными, выкидываютъ вонъ и замѣняютъ другими? Не такъ мыслилъ Словцовъ! Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 8-го декабря 1823 года, уже въ бытность мою въ Петербургѣ: „читая эту статью (о выдержаніи мною экзамена въ С.-Петербургскомъ университетѣ), я радовался какъ ребенокъ. Какъ ребенокъ—судите, въ какой степени желаю вамъ добра давно, очень давно“.

„Я радуюсь—говорилъ онъ въ томъ же письмѣ—что опытъ подтвердилъ мои замѣчанія. Вы современемъ признаетесь, что заготовлялъ васъ на широкомъ планѣ и хотѣлъ въ васъ соединить ученаго, статскаго человѣка, артиста и христіанина, но вы будете тѣмъ, чѣмъ Богу угодно васъ сдѣлать. Планы наши ничто!“

Словцовъ, какъ христіанинъ и философъ, любилъ человѣка, мало связывая со своею любовію отдѣльной личности: онъ дѣлалъ добро для добра, и для него всегда жертвовалъ своими личными чувствами и интересами.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ, отъ 9-го іюня 1829 года, онъ говорилъ: „Предвидя одинокую и грустную старость, я, бѣдный, думалъ, что современемъ проведу остатокъ жизни до гроба подлѣ вашего дома, а теперь я остаюсь среди волковъ, нападающихъ на меня въ злобѣ и невѣдѣніи. Положеніе сего рода полезно мнѣ только въ томъ, что я долженъ прибѣгать къ живущему тамъ!.. Онъ одинъ нашъ защититель и, если бы сего вѣрованія не имѣлъ я, давно бы жизнь моя изліялась, какъ вода, по словамъ Давида“.

Въ одинокой и изолированной жизни, какую проводилъ Словцовъ въ Иркутскѣ до пріѣзда Сперанскаго, онъ имѣлъ во мнѣ одномъ преданнаго ему искренно человѣка: начальство губернское стало смотрѣть на него косо, и всѣ отъ него отшатнулись. Конечно, этому грустному одиночеству должно приписать, что, когда обстоятельства мои заставили меня переѣхать отъ него къ себѣ въ домъ и когда я пришелъ къ нему, онъ встрѣтилъ меня въ величайшей горести, заливаясь слезами. Такъ была велика его нѣжность сердца и такъ была разстроена его душа, впадавшая, какъ говорилъ я прежде, въ припадки сильнѣйшей ипохондріи!

Въ этомъ случаѣ онъ напоминалъ мнѣ въ письмѣ отъ 9-го ноября 1829 года. „Напрасно жалуетесь, что забылъ васъ. Забыть того, о разлукѣ котораго по службѣ, о разлукѣ на три улицы плакалъ я,

какъ ребенокъ, за 13 лѣтъ, можно ли забыть? Брошенный тогда безъ всего, на краю свѣта, въ полную добычу самовластія дерзновеннаго, безъ голоса и безъ эха даже, я бы навѣрное сошелъ съ ума, если бы тогда близъ меня не было васъ"...

Это живое и нѣжное расположеніе, столько свойственное энергической душѣ Словцова, онъ сохранилъ до самой своей смерти. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, писанномъ ко мнѣ, отъ 1-го декабря 1842 года, за три мѣсяца до его кончины, онъ называетъ меня: „О любезный другъ, единый и послѣдній мой другъ!"...

Но, что бы ни чувствовала его душа, эгоизмъ, какъ я сказалъ выше, никогда не закрадывался въ его разсчеты: чувствованія его были, какъ случайныя волны, всегда разбивавшіяся объ утесъ возвышенной, христіанской любви къ ближнему. Вопреки своихъ чувствованій и намѣреній, Словцовъ не только усердно содѣйствовалъ выѣзду моему изъ Тобольска, но и настоятельно совѣтовалъ оставаться мнѣ въ Петербургѣ. „Прошу васъ—говорилъ онъ въ письмѣ отъ 3-го ноября 1823 года—не строить преждевременно вашихъ плановъ о вашемъ возвращеніи въ Сибирь, а подчинять себя волѣ Божіей со вниманіемъ и простотою; иначе Всевышній посмѣется вашимъ замысламъ. Какъ смѣть съ дерзостію говорить о будущемъ предъ Владыкою времени и вѣчности". Тотъ же совѣтъ повторялъ онъ въ письмахъ отъ 15-го марта 1824 года и 1-го мая 1826 года. „Повѣрьте—говорилъ онъ въ послѣднемъ письмѣ, что лучше служить въ столицѣ, нежели въ той или другой Сибири, куда пріѣзжаютъ чиновники малограмотные и слѣдовательно къ раболѣпству готовые, особливо если попадутъ на добрые пути пріобрѣтенія. Наконецъ, въ письмѣ отъ 2-го іюня 1839 года онъ запрещалъ мнѣ и думать о возвращеніи: „Выбросьте изъ головы — говорилъ онъ—химерическія намѣренія служить въ Сибири".

Обращаясь къ самой причинѣ этихъ неоднократныхъ повтореній одного и того же совѣта, нельзя не видѣть подтвержденія сказаннаго мною въ 1-й части настоящихъ записокъ относительно развитія Сибирскаго учрежденія, Сперанскимъ составленнаго. Несмотря ни на мудрость этого учрежденія, ни на дѣятельность и безкорыстіе новыхъ главныхъ начальниковъ, нечистый духъ, говоря языкомъ Магницкаго, видно, еще долго гнѣздился въ обѣихъ половинахъ Сибири.

Письма Словцова по множеству мѣткихъ и умныхъ замѣчаній, по богатству свѣтлыхъ мыслей и мудрыхъ совѣтовъ, въ нихъ разбросанныхъ, по воззрѣнію на жизнь,—то философскому, то христіанскому—составляютъ, сами по себѣ, лучшее изображеніе его вѣчно мыслившей и глубоко чувствовавшей души.

Ни въ какомъ сочиненіи, написанномъ для печати, не можетъ выразиться человѣкъ такъ, какъ въ своихъ письмахъ. Въ первыхъ онъ болѣе или менѣе замаскировывается, является такъ, какъ онъ хочетъ показаться; въ послѣднихъ (разумѣю въ письмахъ къ своимъ близкимъ) онъ является безъ утайки, выказывается на распашку со всѣми своими достоинствами и недостатками.

Письма Словцова именно имѣютъ это свойство. Въ нихъ видна со всѣми подробностями, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя его жизнь, его убѣжденія, его воззрѣнія и стремленія, его глубокая, вѣчная печаль, его отчаяніе и надежды; въ нихъ обрисовывается душа, исполненная мыслей и чувствованій, его умъ свѣтлый и просвѣщенный, его сердце, проникнутое христіанскою любовію и высокими истинами религіи; его благородный характеръ, ни предъ кѣмъ не изгибавшійся; его твердое самопреданіе волѣ Провидѣнія; словомъ, приведенныя мною письма составляютъ самый вѣрный и самый полный его портретъ, и чѣмъ онъ вѣрнѣе и полнѣе, тѣмъ прискорбнѣе чувства, имъ возбуждаемыя. Горько было видѣть, какъ душа его, вѣчно юная, вѣчно дѣятельная, все стремилась выказать свои силы, а между тѣмъ тѣло дряхлѣло и умирало, или, говоря словами самого Словцова, смерть постепенно завладѣвала аванпостами его жизни; какъ вѣчный страдалецъ боролся съ удручавшими его обстоятельствами и старался торжествовать надъ несчастіями, отыскивая въ глубинѣ души своей то успокоеніе, какого не находилъ въ окружающемъ его мірѣ.

Словцовъ, выброшенный, какъ самъ говорилъ онъ [1]), изъ статской службы непогодою, долго не могъ забыть блестящаго поприща, которое открывалось ему, и по складу своего ума—точнаго, логическаго, любя преимущественно политическія науки, имѣлъ болѣе склонности къ службѣ государственной, чѣмъ къ литературнымъ занятіямъ. Но какъ кипящая мыслями и чувствованіями душа его требовала дѣятельности и труда, онъ посвящалъ время свое разнообразному чтенію и сочиненію. Поэтому сочиненія его не имѣли взаимной систематической связи и состояли изъ разнообразныхъ статей, изъ отрывчатыхъ приливовъ мысли, произведеній случайныхъ, обнимающихъ разнородные предметы. Они скорѣе были бесѣдами умнаго и просвѣщеннаго человѣка, чѣмъ серьезными занятіями ученаго или литератора.

Изъ всѣхъ литературныхъ занятій Словцова составляетъ исключеніе только одно твореніе, начатое и совершенное имъ въ глубокой старости: это „Историческое обозрѣніе Сибири“. Оно состоитъ изъ

[1]) Письмо отъ 11-го апрѣля 1821 года.

двухъ огромныхъ томовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ болѣе 500 страницъ. Одно собраніе матеріаловъ со всѣхъ концовъ безпредѣльной Сибири, въ томъ числѣ изъ самой Камчатки, выписка книгъ и извлеченіе разныхъ свѣдѣній изъ Государственнаго архива, наконецъ, подробное изученіе и изображеніе всѣхъ источниковъ, не говоря уже о самомъ изложеніи, требовало величайшаго терпѣнія и труда, и могло бы охладить молодого человѣка, не только старца семидесяти лѣтъ. Но этого мало: Словцовъ былъ вынужденъ даже перебѣливать своею рукою это огромное твореніе, при всей слабости своего зрѣнія [1]). И для чего было принято имъ столько заботъ и трудовъ? Не для славы и не для выгодъ: писалъ онъ и книга его была напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ, и первую часть онъ всю вытребовалъ въ Тобольскъ, не оставивъ въ продажѣ ни одного экземпляра, а вторая печаталась уже послѣ его смерти. „Я не ищу за труды награды, писалъ онъ отъ 23-го февраля 1843 года, и желаю только быть полезнымъ читающей Сибири". Онъ какъ будто считалъ себя въ долгу передъ Сибирью, въ которой родился, страдалъ и умеръ... Но оцѣнила ли Сибирь его даръ? Оцѣненъ ли онъ и другими по достоинству? Мнѣ не случалось читать ни одного подробнаго и основательнаго разбора, какого, по истинѣ, заслуживаетъ это замѣчательное твореніе. Только самые бѣглые отзывы, частію не совсѣмъ даже добросовѣстные, были помѣщены въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Сибирь, какъ страна не самобытная, страна, которой разнообразные элементы ничѣмъ не соединены въ одно цѣлое, не можетъ имѣть исторіи общей, какъ самобытное государство. „Исторія, говоритъ Словцовъ, должна быть знаніемъ не обыденныхъ происшествій, а опытовъ извѣданныхъ, опытовъ, выражающихъ истины, раскрытыя среди извѣстной страны [2])". Но какія же общія истины могла представить страна, еще не сложившаяся, по словамъ Словцова, „не имѣвшая общаго цвѣта? [3])". „Въ лютой области полярнаго человѣчества, говоритъ онъ, одна уцѣлѣла истина: шаманское поклоненіе духамъ, откуда бы оно ни зашло туда. Поэтому, продолжаетъ Словцовъ, Сибирь не можетъ имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи мѣръ правительственныхъ [4])", имѣвшихъ, по словамъ его, два главныя направленія: „прекращеніе мѣстныхъ злоупотребленій и распространеніе христіанства [5])".

---

[1]) Письмо отъ 8-го декабря 1839 года.
[2]) „Историч. обозрѣн. Сиб.", часть II, стр. III.
[3]) Тамъ же стр. VII.
[4]) Тамъ же стр. IV.
[5]) Тамъ же стр. VII.

Слѣдуя отъ этого начала, Словцовъ исчерпалъ до глубины бывшіе у него источники и изобразилъ полную и вѣрную картину дѣйствій правительства по всѣмъ предметамъ, составляющимъ особенность Сибири.

Но не довольствуясь собственно историческимъ разсказомъ, Словцовъ помѣстилъ въ своемъ Обозрѣніи подробныя географическія и топографическія описанія различныхъ мѣстностей Сибири, изобразивъ ихъ не только съ точностью, но и съ искусствомъ живописи.

Вообще въ книгѣ Словцова столько любопытныхъ мѣстныхъ описаній, столько живописныхъ картинъ величественной, хотя и пустынной Сибири, что я никогда не окончилъ бы своихъ выписокъ, если бы пожелалъ упирать на всѣ замѣчательныя мѣста; и потому я поспѣшаю познакомить читателя съ историческимъ разсказомъ Словцова. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о состояніи Сибири въ первые годы царствованія императрицы Елизаветы Петровны:

„Исторія, предварительно возвѣстивъ [1]) судъ, правду, милость, ознаменовавшіе новое царствованіе, теперь съ чувствомъ отрады посвящаетъ перо воспоминаніямъ правленія монархини, которая поняла, что для смягченія нравовъ народа надобно смягчить наказанія, и въ слѣдствіе того возбранила отсѣкать пальцы у тяжкихъ преступниковъ, безобразить лица у преступницъ и въ 1754 году рѣшительно уничтожила казнь смертную".

„Въ первые годы царствованія Сибирь слышитъ только радостныя вѣсти, видитъ только радостныя лица. Тысячи злополучныхъ, освобожденныхъ отъ ссылки, каторжной работы и отъ правежа мучительнѣйшаго каторги, тысячи возстановленныхъ въ званіяхъ или помилованныхъ, ожили и увеселяются мечтаніями политическаго паки бытія, какъ бы, въ сновидѣніяхъ. Прояснившіеся отъ слезъ глаза ихъ тотчасъ помирились съ мѣстами заточенія, съ юртами инородцевъ, съ деревнями пустынными и малолюдными, съ жителями неговорливыми. Душа, въ отчаяніи обрадованная, внутренно благородѣетъ и сама облагораживаетъ все окружающее. Успокоеніе и довѣренность проникаютъ ее, такъ сказать, радужными лучами. Знакомцы злополучія кажутся близкими къ сердцу и разставанье съ ними—слезы. Слезы при первомъ шагѣ въ Сибирь, и слезы на прощаньѣ! О, гдѣ столько пролито ихъ, какъ на землѣ Сибири, и стала ли она теперь теплѣе и благосклоннѣе? Кажется, такъ,—и это не мечта. Не мечта, повторяемъ, ибо многіе изъ засланныхъ не захотѣли возвратиться въ Россію, потому ли, что не было у нихъ тамъ ни родства, ни имѣнія, или потому, что нашли въ Сибири пріязнь и пріютъ. Сибирскій кре-

[1]) „Истор. об. Сибири", часть I. Періодъ III.

стьянинъ и горожанинъ, по затверженному навыку къ состраданію, безъ крайности не разспрашиваетъ пришельца, что имъ сдѣлано на родинѣ"...

Не продолжая далѣе выписокъ изъ „Историческаго обозрѣнія Сибири", не могу не сказать, что Словцовъ сдѣлалъ этою книгою не только драгоцѣнный подарокъ Сибири, но и всѣмъ, которые любятъ изучать Россію въ разныхъ ея фазисахъ. Въ то же время не могу не повторить моего сожалѣнія, что столь важная книга прошла почти незамѣченною, тогда какъ эфемерныя произведенія часто оглашали надолго наши прежнія періодическіи изданія.

Весьма много сочиненій Словцова было разбросано по разнымъ журналамъ. Занимаясь литературою собственно для занятія своей дѣятельности, а еще болѣе для развлеченія постоянно тяготившей его мысли изгнанія, Словцовъ никогда не заботился собирать ихъ воедино. Такъ была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", помнится, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, „Тѣнь Чингисхана", статья, блещущая историческими свѣдѣніями и весьма остроумными предположеніями. Около того же времени въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" печаталось описаніе путешествія его по Уралу, подъ наименованіемъ „Уральскихъ Записокъ". Въ „Телеграфѣ" въ тридцатыхъ годахъ была напечатана его статья: О великихъ людяхъ. Множество сочиненій, относящихся до Сибири, было помѣщено въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ". Собраніе всѣхъ этихъ отрывковъ составило бы нѣсколько томовъ.

Въ молодыхъ годахъ Словцовъ писалъ и стихи, какъ можно судить по помѣщенному выше (въ главѣ III) его посланію къ Сперанскому съ Валаама. Кромѣ того, въ свое время производили фуроръ, напечатанные въ „Пантеонѣ Русской Словесности", сочиненные имъ стихи: „Китаецъ въ Петербургѣ". Они обратили на себя и вниманіе Державина. Но великій поэтъ, похваливъ молодаго стихотворца, не совѣтовалъ, однакожъ, ему заниматься поэзіей. Слова Державина были тогда слова оракула: Словцовъ болѣе стиховъ не писалъ.

Но какъ жаръ поэзіи не переставалъ горѣть въ энергической душѣ его, то онъ обратился къ роду сочиненій, въ которыхъ тоже истина боролась съ вымысломъ: это были похвальныя слова, которыя теперь вышли изъ моды, но тогда были въ сильномъ ходу. Словцовъ написалъ два похвальныя слова: а) Минину и Пожарскому и б) Іоанну Грозному. Послѣднее издано въ 1807 году. До IX тома исторіи Карамзина память Грознаго все была еще священна и его тиранство прикрывалось высшими государственными видами.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобы Словцовъ, при его познаніяхъ и умѣ, не понималъ истиннаго значенія въ нашей исторіи Іоанна IV; но тогда почиталось за славу, съ хоругвіею краснорѣчія, идти на-

перекоръ истинѣ, по примѣру извѣстной выходки Руссо противъ пользы наукъ. Безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же видахъ написалъ и Словцовъ свое похвальное слово Грозному, показывая свое остроуміе въ томъ, чтобы придумать законную причину его тиранству и посреди темныхъ дѣлъ отыскать свѣтлую сторону, заслуживающую похвалы.

Разсматривая похвальное слово, сочиненное Словцовымъ, какъ произведеніе литературное, должно сказать, что оно отличается чистотою и силою слога, глубиною мысли и аналитическимъ разборомъ разсматриваемыхъ въ немъ предметовъ. Я беру для образца нѣсколько строкъ на первой раскрытой мною страницѣ. „Недавно—говоритъ Словцовъ—время метафизики и умозрительныхъ наукъ посягало на титло вѣка философскаго; но притязанія пышныя сами собой падутъ, эпохи промысловъ, рукодѣлій и торговли будутъ почтеннѣе въ бытіяхъ царствъ. Умозрѣніе принадлежитъ нѣкоторымъ сословіямъ, а для народнаго просвѣщенія нужно дѣятельное образованіе ума и сердца. Для народа нужно знаніе письменъ [1]). Такъ было говорено за полвѣка: не то же ли и теперь повторяется?“

Позднѣйшія сочиненія Словцова, кромѣ „Историческаго обозрѣнія Сибири“ и статей, напечатанныхъ въ журналахъ, суть:

Письма изъ Сибири 1826 года, изданныя въ 1828 году. Въ нихъ описано путешествіе отъ Иркутска до Якутска, потомъ до Тобольска и оттуда до Березова. Многія весьма важныя историческія изслѣдованія вошли въ составъ этихъ писемъ. Въ особенности замѣчательны—критическій разборъ Сибирской лѣтописи, изданной Спасскимъ въ 1821 году, и свѣдѣнія о пребываніи въ Березовѣ знаменитаго сотрудника Петра Великаго—Меншикова.

Прогулки вокругъ Тобольска, изданныя въ 1834 году. Онѣ были предварительно напечатаны въ „Телеграфѣ“.

Двое Сципіоновъ африканскихъ. Сочиненіе это было издано сначала въ 1830 году, а потомъ, въ исправленномъ видѣ, въ 1834 году. Въ немъ изображено нѣсколько сценъ изъ жизни сципіоновъ, Перваго и Сципіона-Эмиліана.

По смерти его была напечатана его біографія, хотя и весьма краткая, въ „Москвитянинѣ“ (1844 г. № 10). Въ примѣчаніяхъ на эту біографію, бывшій издатель „Сибирскаго Вѣстника“, Спасскій отозвался о Словцовѣ, что „онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ современниковъ по дарованіямъ своимъ, обширнымъ свѣдѣніямъ и по превратностямъ „жизни“.

Въ 1815 году Словцовъ былъ избранъ въ почетные члены Казанскимъ обществомъ любителей словесности, а въ 1821 году—

[1]) Похв. слово царю Іоанну Васильевичу IV, стран. 64.

С.-Петербургскимъ вольнымъ обществомъ Россійской словесности, котораго тогдашній президентъ, князь Салтыковъ писалъ къ Словцову, отъ 28-го марта 1821 года, что общество избрало его почетнымъ членомъ, „уважая въ полной мѣрѣ отличныя его познанія въ наукахъ и труды, подъятые для пользы отечественной словесности".

Жаль, что никто, человѣкъ съ умомъ и со средствами, не предприметъ собрать и напечатать, въ одномъ изданіи, всѣ сочиненія Словцова, съ которыми такъ мало знакома наша читающая публика и которыя, между тѣмъ, составили бы прекрасный подарокъ Русской литературѣ.

Словцовъ, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, жилъ въ домѣ генералъ-губернатора, деревянномъ, огромномъ зданіи, которое кромѣ двухъ комнатъ, занимаемыхъ Словцовымъ, было совершенно пусто. Эта мрачная, полуразвалившаяся руина чрезвычайно гармонировала съ мрачною душою своего единственнаго жильца и наводила на него еще большее уныніе. Часто, по вечерамъ, въ лѣтнюю пору, въ глубокомъ раздумьѣ, ходилъ онъ по длинной галлереѣ, пристроенной къ дому. Ростъ Словцова былъ высокій, около 12 вершковъ; сложеніе крѣпкое отъ природы, но изнуренное обстоятельствами; онъ былъ брюнетъ; глаза у него были каріе, и волосы—черные, при знакомствѣ со мною уже съ огорченія начинали убѣлять его сѣдиною; лицо его было пріятно; выраженіе лица всегда серіозное, задумчивое и печальное; онъ былъ молчаливъ, хотя рѣчь его была плавная, энергическая и много-остроумная. До изгнанія своего—по словамъ Сперанскаго—онъ любилъ блистать своимъ остроуміемъ и отличался веселостію нрава, но несчастія успѣли изломать эту крѣпкую натуру!

По опредѣленіи въ должность директора училищъ, Словцовъ оставилъ генералъ-губернаторскій домъ и жилъ на частныхъ квартирахъ, нанимая не болѣе двухъ или трехъ комнатъ и, по ограниченному своему жалованью, не могъ нанимать болѣе.

Жизнь Словцова была уединенная и единообразная: никого изъ жителей не посѣщалъ, не находя бесѣды, сообразной съ потребностію своего духа, какъ онъ и выразилъ въ одномъ изъ напечатанныхъ имъ писемъ изъ Сибири, гдѣ онъ говоритъ, что, несмотря на всѣ выгоды физической жизни, въ Иркутскѣ онъ не видѣлъ возможности удовлетворять потребностямъ ума, имѣющаго нужду въ бесѣдѣ приличной степени просвѣщенія и сану возраста. „Бесѣдуйте за картами или бесѣдуйте въ мракѣ своего уединенія, вотъ условіе, sine qua non!" [1]).

При охлажденіи и даже при неблаговоленіи мѣстнаго начальства

[1]) Письма изъ Сибири, стран. 20.

къ Словцову, какъ говорилъ я выше, всѣ губернскіе чиновники боялись его посѣщать; съ купцами знакомъ онъ не былъ, а потому и самъ онъ ни къ кому не ходилъ. Два только гостя изрѣдка являлись къ нему: небоявшійся сибирскаго мороза сициліанецъ Соломони и скрипачъ—изгнанникъ Горновскій, котораго никто изъ Иркутскихъ жителей не подпускалъ къ себѣ на ружейный выстрѣлъ... Соломони хорошо говорилъ по-французски, любилъ толковать о политикѣ, былъ до крайности разговорчивъ и иногда сильно надоѣдалъ Словцову. Горновскій по уму и познаніямъ нравился ему болѣе, но Словцовъ не любилъ въ немъ чувства непримиримой ненависти и озлобленія, какія онъ питалъ—хотя и не безъ причины—къ губернскому начальству. Словцовъ охотно прощалъ своимъ врагамъ; Горновскій готовъ былъ проглотить ихъ живыми: въ немъ не было любви христіанской.

Такимъ образомъ, большую часть времени Словцовъ проводилъ въ бесѣдѣ или съ книгами, или съ самимъ собою. Вставалъ онъ довольно рано; всякое утро читалъ, на французскомъ языкѣ, нѣсколько главъ и книги: О подражаніи Христу; долго молился и потомъ или ходилъ въ гимназію, или занимался дома иногда чтеніемъ, иногда сочиненіемъ. Послѣ обѣда опять посѣщалъ гимназію и потомъ послѣ чаю прогуливался. Въ первые годы, имѣя лошадей, ѣздилъ весною и лѣтомъ прогуливаться за городъ и часто купался въ Ушаковкѣ, а потомъ, по продажѣ лошадей, прогуливался пѣшкомъ, всего чаще на городское кладбище: мысль о вѣчномъ успокоеніи была его любимою. Въ вечеру ходилъ долго по комнатѣ въ глубокой задумчивости; потомъ заставлялъ читать ему вслухъ книги, большею частію религіозныя. Очищеніе или, какъ онъ самъ выражался, перерожденіе духа было его главнымъ занятіемъ. Съ этою цѣлію книгу: О подражаніи Христу—онъ перевелъ на русскій языкъ; сверхъ того, въ послѣдніе годы началъ, но не кончилъ, переводить другую еще христіанскую книгу: L'âme élevéeà Dieu.

По переѣздѣ Словцова изъ Иркутска въ Тобольскъ, система жизни его нисколько не измѣнилась: то же уединеніе, тѣ же занятія.

При углубленіи въ ученіе христіанское, Словцовъ не переставалъ слѣдить за науками и литературою и постоянно выписывалъ новыя книги. Всѣ новѣйшія сочиненія были ему извѣстны. Все полезное и прекрасное было родное душѣ Словцова. Всякій успѣхъ на поприщѣ наукъ и литературы его радовалъ; и это было единственнымъ источникомъ его земной радости. Съ радостію при преклонныхъ лѣтахъ и слабомъ здоровьѣ, Словцовъ не старѣлъ и не слабѣлъ умомъ. Онъ прочиталъ, какъ можно было видѣть изъ его писемъ, весь Сводъ Законовъ, что, конечно, сдѣлали не многіе изъ тѣхъ самыхъ, которые

занимаются законами по должности. Также въ глубокой старости—какъ выше сказано—онъ предпринялъ и окончилъ громадное твореніе—„Историческое обозрѣніе Сибири“. Самыя прогулки его были соединяемы съ научною пользою. Прогуливаясь въ окрестностяхъ Тобольска, когда ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, онъ собралъ большой гербаріумъ и принесъ его въ даръ Казанскому университету.

Между тѣмъ, здоровье его разрушалось, зрѣніе тупѣло, такъ что онъ уже не читалъ русскихъ книгъ, и для вечерняго чтенія къ нему приходили нанятые имъ для этого чтецы... Даже за два дня до смерти онъ еще занимался чтеніемъ!

Искренно преданный Словцову инспекторъ Тобольской гимназіи Иванъ Порфиріевичъ Помаскинъ [1]), бывшій при немъ почти безотлучно во время его болѣзни, прислалъ мнѣ описаніе предсмертныхъ его дней.

„16-го января 1843 года въ день своихъ именинъ—пишетъ Помаскинъ — Петръ Андреевичъ подписалъ духовное завѣщаніе о небольшомъ, остававшемся послѣ него движимомъ имуществѣ и, отдавая мнѣ, сказалъ: болѣзнь моя усиливается, но это было послѣднее мое дѣло, которымъ я связывался на землѣ; 2-я книга моя [2]) кончена, слѣдуетъ только отослать. Благодаря Бога за всѣ благодѣнія Его въ жизни моей и молю, да успокоитъ меня, бѣднаго грѣшника. Хотѣлось бы поболѣе заняться разсмотрѣніемъ минувшихъ дней жизни моей и, если сподобитъ Богъ, то намѣренъ 18-го января и пріобщиться св. Таинъ; не знаю, доживу ли еще до поста и буду ли въ состояніи ходить въ церковь. 18-го числа онъ дѣйствительно пріобщился“.

„Кашель простудный еще съ начала зимы не позволялъ ему выходить на воздухъ; но занятія его не прекращались, можно сказать, до самой кончины. Медицинскія пособія оказывались мало полезными [3])“.

„Замѣтивъ истощеніе силъ его, я рѣшительно каждый день посѣщалъ его и каждый день на вопросъ мой о состояніи здоровья получалъ одинъ отвѣтъ: „худо, братъ, худо здоровье мое“. Сколько было можно, я развлекалъ его и разговорами, и чтеніемъ книгъ. Такъ продолжалось до 26-го марта (т. е. за два дня до смерти).

„Тобольскій архипастырь Владиміръ, переведенный изъ Костромы,

---

[1]) Онъ сообщилъ въ „Москвитянинѣ“ 1844—1845 г. письма М. М. Сперанскаго къ П. А. Словцову, (см. „Русск. Арх“, 1867, стр. 1684).

[2]) „Историч. обозр. Сибири“.

[3]) П. А. Словцовъ страдалъ каменною болѣзнью, которая окончилась антоновымъ огнемъ.

родственникъ графа М. М. Сперанскаго, со времени прибытія въ Тобольскъ, т. е. съ 15-го января 1843 года, постоянно желалъ познакомиться съ П. А., но болѣзнь не позволяла ему принять преосвященнаго. Наконецъ, настоятельное желаніе его было удовлетворено 25-го марта. П. А. принялъ его, уже лежа въ постелѣ".

„По болѣзненному положенію П. А., преосвященный былъ у него не болѣе двадцати минутъ и при прощаніи, благословляя его, сказалъ: молитесь Всемогущему, да облегчитъ ваши болѣзни, и я надѣюсь вскорѣ съ вами видѣться.—Собравъ силы, П. А. отвѣчалъ: „несомнѣнно вѣрую и надѣюсь на скорое успокоеніе мое. При выходѣ преосвященный сказалъ мнѣ, что должно позаботиться о духовномъ напутствіи души".

„Въ вечеръ того же дня я заходилъ къ П. А. и засталъ у него чтеца, читающаго „Христіанское чтеніе", гдѣ извѣщалось о кончинѣ подольскаго архіерея Кирилла, знакомаго П. А. Когда я изъявилъ сожалѣніе о ранней кончинѣ его, П. А. мнѣ сказалъ: „вотъ вскорѣ и со мною то же послѣдуетъ".

„Надобно сказать здѣсь, что 19-го марта П. А., вставая ночью съ постели, упалъ и, разсказывая мнѣ объ этомъ, прибавилъ: „общая наша мать призываетъ меня въ свои объятія". Послѣ этого случая онъ переходилъ уже изъ комнаты въ комнату съ человѣкомъ, а съ 26-го числа до кончины оставался уже постоянно въ одной комнатѣ".

„26-го числа рано по утру извѣстили меня, что ночь проведена худо; я пришелъ и тотчасъ объявилъ волю преосвященнаго. П. А. принялъ предложеніе его съ любовію и немедленно пожелалъ исполнить".

„27-го марта былъ медицинскій консиліумъ; приняты рѣшительныя мѣры, но не имѣли никакого успѣха".

„28-го числа марта 1843 года, въ воскресенье, въ половинѣ 11 часа, въ самую Достойную—земныя страданія окончились—душа разрѣшилась отъ узъ тѣла!"...

„Я присутствовалъ при кончинѣ П. А. Она была тиха, какъ смерть праведника".

„31-го марта тѣло было предано землѣ. П. А. завѣщалъ на похороны позвать одного священника; гробъ ничѣмъ не околачивать и погрести его со всевозможною простотою. Но преосвященный самъ вызвался отпѣвать его тѣло".

„Дѣлая распоряженія о своемъ погребеніи, П. А. училъ меня не чуждаться смерти и готовымъ быть всегда встрѣтить ее, какъ гостью—давно желанную".

„Преосвященный въ надгробномъ словѣ на текстъ: „Лазарь, другъ

нашъ, умре", между прочимъ, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ: „не думайте, чтобы этотъ почившій мужъ почилъ безъ присныхъ ему: нѣтъ, у него остались двѣ сестры: церковь и отечество!"

Бросая общій взглядъ на жизнь П. А. Словцова, можно сказать, что онъ не прожилъ, а пострадалъ свою жизнь, но, примиряясь со своими страданіями, видѣлъ въ нихъ крестъ, наложенный на него Провидѣніемъ для его же спасенія и, живя тѣломъ во времени, гдѣ все гибнетъ, проходитъ и исчезаетъ, постоянно возносился духомъ въ вѣчное небо, гдѣ все нетлѣнно и безконечно!

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

III.

Былъ прекрасный лѣтній день. Пароходъ, на которомъ ѣхалъ въ Сибирь Перепелкинъ съ семействомъ, плылъ свободно, не встрѣчая частыхъ мелей, которыя нерѣдко по нѣсколько часовъ задерживали его въ верховьяхъ рѣки.

— А вотъ, барынька, посмотрите, коноводка идетъ и тянетъ за собой подчалки! Да никакъ и самъ Панфилъ Трохимичъ тута-ка!—тараторила кормилица, уроженка здѣшнихъ мѣстъ, года два назадъ завезенная въ Петербургъ какими-то господами, въ качествѣ кормилицы: онъ же и есть! Вотъ посмотрите, какой толстой!

Пароходъ на близкомъ разстояніи прошелъ мимо коноводки, и Панфилъ Трофимовичъ былъ явственно виденъ со всѣхъ сторонъ. Такого чудища Перепелкину не приходилось еще не только встрѣчать, но и подозрѣвать возможность существованія подобныхъ существъ въ образѣ человѣческомъ. Это было необыкновенно толстое, неуклюжее, почти однихъ размѣровъ въ вышину и ширину, въ видѣ квадратнаго обрубка, животное, съ заплывшимъ отъ жира лицомъ до того, что почти не видать было ни носа, ни глазъ, а только замѣтны были какія-то щелки и наростикъ. Вѣсу въ этомъ чудищѣ могло быть никакъ не меньше 15 пудовъ. О выраженіи лица и спрашивать нечего: скорѣе его найдешь въ свиньѣ.

— Неказистъ, какъ видите, обратился капитанъ парохода къ Перепелкинымъ, видя, что они засмотрѣлись на Панфила Трофимовича: а вѣдь, настоящій князь въ здѣшнихъ мѣстахъ, всѣ и все по стрункѣ предъ нимъ ходитъ, никого и знать не хочетъ, вотъ только жены своей, бывшей у него прежде въ кухаркахъ, при двухъ первыхъ женахъ, боится, какъ огня.

По разсказамъ капитана, кормилицы и нѣкоторыхъ другихъ лицъ,

---

[1]) „См. Русскую Старину“ августъ 1905 г.

хорошо знавшихъ этого закормленнаго кабана, онъ здѣсь въ окрестностяхъ, верстъ на четыреста кругомъ, высосалъ все. Торгуя разными предметами, но преимущественно мукой, закупая все прижимисто и во время крайней нужды продающаго, онъ и здѣсь, при окончательной уплатѣ, непремѣнно надуетъ, непремѣнно обсчитаетъ, и лучше ужъ отступись, а не тягайся съ нимъ по судамъ, разоритъ окончательно, потому что можетъ подкупить какую хочешь власть.

— Да этого мало, что можетъ подкупить всякую власть, послушали бы вы, какъ онъ всенародно отзывается объ этихъ властяхъ и какое наглое презрѣніе выражаетъ къ нимъ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни присутствіемъ разнородной публики, говорилъ помѣщикъ Д—въ, возвращавшійся изъ столицы въ свое имѣніе: однажды онъ при мнѣ, на пристани, разсчитывался съ большою артелью, которая, на подмогу себѣ, привела земскія власти. Споръ шелъ изъ-за одиннадцати рублей съ копѣйками, которыхъ брюхачъ не хотѣлъ отдавать. Было много посторонняго народа. Всѣ внимательно слѣдили за спорящими.

— Такъ не токма-что одиннадцать рублевъ тридцать коп., а и ничего не отдамъ! зарычалъ Панфилъ, побагровѣвъ отъ злости.

— Лучше отдайте, ваше степенство, совѣтовали смиренно земскія власти.

— На-ко-ся! поднесъ онъ имъ по фигѣ подъ самый носъ.

— Что жъ, робята, загудѣла артель: дойдемъ до суда, аль до губернатора!

— Плевать я хотѣлъ на вашъ судъ и на самого губернатора! заоралъ онъ на всю глотку.

Положимъ, что за эту самодурную храбрость содрали съ него впослѣдствіи высшія власти ни больше, ни меньше какъ десять тысячъ рублей, а все-таки артели и гроша не отдалъ.

— Что жъ, боялись посторонніе показывать противъ него? спросилъ Перепелкинъ...

— Нѣтъ! показанія были даны, собиралъ ихъ самъ исправникъ, въ томъ числѣ и отъ меня—да развѣ это нужно было для того, чтобы судить дерзкаго? Совсѣмъ нѣтъ! Считали нужнымъ заручиться этими показаніями, чтобы сорвать съ него порядочный кушъ, а когда этого достигли, то и дѣлу конецъ. Вопросъ же о томъ, что онъ, изъ-за спорныхъ одиннадцати рублей, не отдалъ артели денегъ, заработанныхъ въ самое жгучее страдное время, никого не заинтересовалъ и такъ и остался безъ всякаго разрѣшенія.

— А почему же это дикое и безсмысленное животное боится своей третьей жены, бывшей прежде у него въ кухаркахъ при первыхъ двухъ женахъ? продолжалъ любопытствовать Перепелкинъ.

— А это статья особая и прелюбопытная, если хотите, заговорили многіе на пароходѣ изъ знавшихъ Панфила.

Изъ разсказовъ выяснилось, что первую свою жену, беременную на 5-й мѣсяцъ послѣ женитьбы, онъ ударилъ, подъ пьяную руку, графиномъ по головѣ, раскроилъ ей черепъ, и она на третій день скончалась въ страшныхъ мукахъ. Всѣмъ это было извѣстно, и никто и пальцемъ не пошевельнулъ, чтобъ огласить это дѣло. Вторую, воспротивившуюся какому-то дикому скотскому его желанію, на трегій день послѣ родовъ, онъ заперъ зимой на ночь въ кладовую, въ одномъ бѣльѣ, и она умерла отъ воспаленія брюшины. И это всѣ знали, и никто ни гугу! На кухаркѣ же, бывшей свидѣтельницѣ всѣхъ этихъ событій, неизвѣстно ужъ по какимъ побужденіямъ женился: то ли онъ влюбился въ нее, потому что она очень недурна собой и неглупа, или не подыскалъ такой, которая бы не побоялась выйти за него. Но тутъ нашла коса на камень и получила непоправимый изъянецъ.

— Можете себѣ представить—эта, бывшая кухарка, не только держитъ его въ рукахъ, но, случается, и колотитъ, да еще какъ! Сначала она всячески старалась ему угождать, не прекословила ни въ чемъ, „играла ему пѣсни и танецъ“, какъ онъ любитъ: это надѣнетъ шелковый сарафанъ, кокошникъ „золотой“, „съ брилліантами“, на голову, распуститъ въ рукахъ платочекъ и, поводя глазами и плечами, начнетъ дѣлать плавныя движенія, изгибаясь и распоряжаясь своей пышной турнюрой такъ, что животное приходитъ въ экстазъ и, захлебываясь, рычитъ: „вольнѣй, Марѳушка, вольнѣй! шибко разбираетъ“... Но вотъ разъ, за обѣдомъ, она чѣмъ-то не угодила ему. Онъ бросилъ въ нее тарелкой, но не попалъ. Она схватила миску и со всѣмъ содержимымъ ловко тыркула ему въ лицо. Остервенился звѣрь и схватилъ ее за волосы, но ловкая и сильная баба такъ сжала его за горло, что онъ посинѣлъ и сталъ задыхаться. Выпустилъ горло, она свалила его и била до тѣхъ поръ, пока не запросилъ „пардону“. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ притихъ предъ ней, тѣмъ болѣе, что она запугала его: „чуть, могъ что, сейчасъ начальству докажу, какъ извелъ первыхъ двухъ женъ“. Эти дикіе люди, съ туго набитой мошной,—продолжалъ словоохотливый помѣщикъ,—никого не боясь, вслѣдствіе своей денежной силы, весьма часто пасуютъ предъ ничтожными личностями, и не только пасуютъ, но совершенно подпадаютъ подъ ихъ деспотическую власть.

— Примѣровъ тому тамъ, дальше на Востокъ, увидите вы много, говорилъ онъ, обращаясь къ Перепелкину: вотъ хоть бы извѣстный богачъ, который, надѣлавъ губернатору дерзостей, еще такъ выразился: „а что ты меня пугаешь „министрой“, я и „министру“, каку хошь, стукну по лбу милліономъ, и всякому дѣлу шабашъ“.

— А вѣдь, имъ помыкалъ, какъ хотѣлъ, одинъ пройдоха, назвавшій себя Божіимъ человѣкомъ и владѣвшій якобы такимъ словомъ, что стоило ему только произнести его, и всякую бѣду накличетъ имъ, на кого хочетъ. Вѣрилъ дикій самодуръ этому человѣку во всемъ, боялся его и исполнялъ всѣ его прихоти и желанія. Мало того, даже обижалъ и разорялъ многихъ только потому, что мнимый Божій человѣкъ (въ сущности страшный развратникъ, пьяница и негодяй) натравлялъ его на нихъ.

— Да, вѣдь, вы сами насмотритесь на этихъ дикихъ людей тамъ подальше и наслушаетесь по дорогѣ разсказовъ про нихъ, какъ эти тучныя скотоподобныя степенства и высокостепенства „протешествуютъ“ съ Востока на Западъ тысячеверстными пространствами, буквально поливая путь „шимпанскимъ“, встрѣчаемыя и сопровождаемыя земскими властями, которыя нерѣдко, для удовлетворенія ихъ вожделѣній, сгоняютъ имъ на ночлегъ красивыхъ женщинъ и дѣвокъ, какъ потѣшаются эти саврасы надъ бѣдными людьми или надъ алчными властями.

— Хошь, я тебѣ плюну въ харю?—говоритъ дикій человѣкъ, отъ продолжительной дорожной гульбы окончательно уже утративший человѣческій образъ, обращаясь къ земскому чину, присутствующему при этихъ оргіяхъ, въ ожиданіи подачки за услуги.

— Нельзя-съ, Парамонъ Сильвестричъ, за это отвѣчать будете, потому народъ здѣсь.

— Эти дѣвки-то, что самъ сюда нагналъ? А хошь, губернатору донесу?

— Сами пришли-съ, не я сгонялъ... вотъ что-съ! огрызается чинъ.

— Эва-на! захлебывается отъ смѣха чудище и, понатужившись, заплевываетъ всю физіономію немаленькой земской власти.

Оплеванная власть шумитъ, требуетъ понятыхъ, отдаетъ приказаніе, чтобы ни подъ одинъ экипажъ не давали лошадей впредь до его разрѣшенія. Саврасы начинаютъ волноваться и уламываютъ чудище раскошелиться для мировой.

— Ну, чортъ съ тобой! На тебѣ триста рублевъ, бросая на столъ три сотенныхъ, говоритъ Парамонъ Сильвестричъ.

Но власть, въ ожиданіи понятыхъ, подготовляетъ все необходимое для составленія протокола и, повидимому, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на слова саврасовъ, запуганныхъ грознымъ распоряженіемъ не давать лошадей.

— Ну, пристегни еще двѣ сотенныхъ! Чего жмешься? усовѣщиваютъ всѣ пьяныя степенства самодура.

Но, видя, что начальство вошло въ свою роль и ужъ начало строчить и допросъ снимать съ бабъ, а тутъ заслышались уже шаги

понятыхъ, всѣ накинулись на Парамона Сильвестрича съ крикомъ и бранью: да выбрось ты ему, чорту, тысчу! Только бъ скандалу не было.

— Ладно, выброшу двѣ тысячи, но съ уговоромъ, чтобы онъ не руками, а ртомъ собралъ бы всѣ двадцать сотенныхъ бумажекъ.

Зная упрямый нравъ самодура, всѣ приступили къ власти съ просьбой сдѣлать эту уступку ради мировой.

Поколебалась оплеванная власть и крикнула въ окно, чтобъ понятые разошлись, а остался бы только писарь. Затѣмъ выложенныя на столъ сторублевки аккуратно были собраны начальническимъ ртомъ, и примиреніе состоялось полное.

— Надо и писарю сторублевку дать, обратилась земская власть къ виновнику ея униженія, и обратилась тономъ серьезнымъ и даже какъ бы суровымъ.

— Что жъ! Дадимъ. Зови.

Явилось низенькое, плюгавенькое, угреватое и сильно плутоватое существо. Оно ухмылялось и съ подобострастіемъ посматривало то на пьяныхъ саврасовъ, то на свое начальство, то на батареи штофовъ, бутылокъ, графиновъ, уже опороженныхъ, или только-что начатыхъ, въ знакъ примиренія.

— Вотъ тебѣ сторублевка, гаркнулъ самодуръ, выбрасывая на полъ, къ столу, бумажку: ползи на корачкахъ и слижи ее языкомъ.

Писарекъ мгновенно бросился на полъ, быстрымъ манеромъ подползъ къ соблазнительному предмету и ловко слизнулъ его, при всеобщемъ гомерическомъ хохотѣ саврасовъ и визгѣ бабъ.

— Лай по-собачьи! командуетъ самодуръ: вотъ тебѣ десятирублевка.

Писарекъ не уронилъ себя и съ этой стороны: раздался собачій лай.

— Мяукай по-кошачьи! кричитъ другой: вотъ тебѣ еще десятирублевка.

И тутъ писарекъ не ударилъ лицомъ въ грязь, замяукавъ совершенно, какъ кошка. Но еще большій талантъ обнаружилъ онъ въ человѣческомъ искусствѣ, когда всѣ саврасы закричали: по пятиткѣ съ каждаго получишь, только валяй трепака и ходи на головѣ.

Пустился писарекъ въ самый неистовый плясъ, выкидывая диковинныя колѣнца и, вдругъ опрокидываясь всѣмъ корпусомъ, становился на голову и, при помощи рукъ, перемѣнялъ положеніе, издавая звуки, похожіе на хрюканье свиньи, что̀ возбуждало необыкновенный хохотъ въ публикѣ.

— Бей себя по щекамъ, вотъ еще тебѣ со всѣхъ насъ по трешницѣ! командовали расходившіеся дикари.

Алчный писарекъ и на пощечины себѣ не поскупился, такъ что заревомъ зардѣлись блѣдныя, обыкновенно, его щеки.

— Такіе же саврасы, проѣзжая однажды чрезъ городъ, гдѣ существуетъ и высшая власть, во время ярмарки, запрягли въ огромныя сани публичныхъ женщинъ, дважды проѣхали по всему городу, никѣмъ не стѣсняемые, но поплатились ли за эту потѣху предъ начальствомъ—мнѣ неизвѣстно, закончилъ Д.

— Господи, все время думалъ Перепелкинъ: это въ христіанскомъ государствѣ, претендующемъ на благочестіе своего народа, особенно не тронутаго европеизмомъ, такъ понимается главная основа ученія Богочеловѣка—любовь къ ближнему! Что жъ вы, пастыри церкви, не вразумите этихъ чудовищъ, что такія надругательства надъ ближнимъ противорѣчатъ духу религіи и не могутъ быть искуплены предъ правосуднымъ Богомъ ни пудовыми свѣчами, ни тысячепудовыми колоколами, ни даже постройками Ему храмовъ, на деньги, высосанныя изъ народа, закабаленнаго капиталомъ и кривосудомъ? Развѣ при этихъ пожертвованіяхъ, которыя ничего имъ не стоятъ, не обязываетесь вы напоминать имъ евангельскія слова: „когда принесешь даръ твой къ алтарю и вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто противъ тебя, оставь даръ твой предъ алтаремъ и ступай прежде къ брату, чтобъ примириться съ нимъ, и тогда уже приноси даръ твой“. Эхъ, вы! до злости горячился расходившійся идеалистъ-педагогъ.

— Боже мой, какой просторъ, какая ширь, какая даль! изумлялся въ глубинѣ души Перепелкинъ, пораженный открывавшимися горизонтами за Ураломъ, когда выѣхалъ на путь, по которому прошла когда-то горсть удалой вольницы, русскаго казачества, съ дерзкою мыслію „поставить подъ руку“ русскаго царя невѣдомыхъ обитателей обширнаго края, богатаго „землей, водой, лѣсомъ, пушниной, рыбой, а и сверхъ того всего сребромъ-златомъ“. Этотъ путь тянется теперь на нѣсколько тысячъ верстъ, обставленный справа и слѣва рѣдкими поселками на немъ, или на недальнемъ разстояніи отъ него, а на далекихъ сопровождаемый такими необъятными пустырями, на которыхъ двойное населеніе Европы могло бы свободно размѣститься. А какіе лѣса, какія степи, горы, рѣки, озера! А сколько въ дремучихъ тайгахъ и горахъ золота и другихъ металловъ и минераловъ, дичи повсемѣстно въ лѣсахъ и степяхъ, рыбы въ озерахъ и рѣкахъ! Но плохо пользуется всѣми этими богатствами здѣшній невѣжественный человѣкъ; вѣчно опекаемый и обираемый властями, лишенный всякой иниціативы, чуждый малѣйшаго научнаго развитія и даже профессіональнаго знанія, онъ преспокойно дремлетъ себѣ, довольный уже и тѣмъ, что здѣсь, при такомъ просторѣ, съ голода не умрешь: „сами галушки въ ротъ валятся“, какъ говорятъ здѣсь поселенцы изъ Малороссіи.

— Вотъ и городъ! указывалъ возница кнутовищемъ на виднѣвшійся

на далекомъ разстояніи большой каменный бѣлый домъ.—Это новый у насъ острогъ, сообщилъ онъ. Посмотримъ, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ городъ на первыхъ порахъ, думалъ Перепелкинъ. Оправдаетъ ли онъ знаменательныя клички, которыя надавалъ ему помѣщикъ, прожившій въ немъ не мало времени: „Безтолочь“, „непроницаемая муть“, „Покладистая блудница“, „А-ну-ка-попробуй“. „Да это настоящая деревня, говорила кормилица, глядя по сторонамъ первой длинной улицы, въ которую въѣхали. Какъ есть деревня, матушка моя, барыня!“ Любу это озадачило и даже, очевидно, привело въ уныніе: ничего подобнаго она не ожидала. „Боже мой, Боже мой! куда мы заѣхали!“ Далѣе, впрочемъ, въ другихъ улицахъ, стали попадаться домишки получше, съ нѣкоторыми архитектурными претензіями городскихъ зданій, но все деревянные, а каменные, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ города, всѣ на перечетъ—5—6 не больше—да и тѣ вида казарменнаго, мрачнаго, угрюмаго, такъ что унынie Любочки, по мѣрѣ того, какъ подвигались далѣе, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, замѣтнымъ образомъ стало возрастать, тѣмъ болѣе, что и кормилица, не менѣе ея озадаченная, нѣтъ-нѣтъ да и вскрикнетъ: „вотъ вамъ, барыня, и Петербургъ!“ Но вскорѣ, къ удовольствію Перепелкина, простота нравовъ чиновныхъ горожанъ привела всю новоприѣхавшую семью въ самое развеселое настроеніе духа. Въ самомъ центрѣ города, на площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кадетскаго корпуса, разбросано было до десятка лачужекъ, видомъ еще похуже тѣхъ, что встрѣчались на окраинѣ, при въѣздѣ въ городъ. Здѣсь оборвалась постромка у одной изъ пристяжныхъ лошадей, и пока ямщикъ налаживалъ ее и оправлялъ лошадокъ, семьѣ пришлось поглазѣть на забавную сценку, разсмѣшившую и дѣтей, и большихъ. На нѣкоторыхъ домикахъ были устроены на крышахъ голубятни, и вотъ на одной изъ нихъ показался высокій мужчина, въ растегнутомъ старенькомъ вицмундиришкѣ съ свѣтлыми пуговицами, безъ шапки, галстуха и жилета, выпустилъ изъ голубятни множество голубей, разогналъ ихъ съ крыши и, взявъ въ руки длинный шестъ съ навязаннымъ на верхушкѣ пучкомъ травы, сталъ помахивать имъ для того, чтобы любимыя, какъ видно, имъ пернатыя вздымались вверхъ повыше, кружились тамъ подолгу, продѣлывая воздушныя эволюціи, сообразно своимъ природнымъ или пріобрѣтеннымъ особенностямъ полета и движенія въ воздухѣ, но не садились бы скоро на крышу. Для предупрежденія такихъ поползновеній, онъ такъ неистово забѣгалъ, что споткнулся, упалъ и растянулся по крышѣ, далеко отбросивъ отъ себя шестъ. Послѣднее обстоятельство разсмѣшило даже флегматичнаго возницу, который, разогнавъ лошадей по направленію къ постоялому двору, часто оборачивался

къ хохотавшимъ безъ умолку своимъ пассажирамъ и, какъ бы для подзадориванія ихъ, со смѣхомъ твердилъ: „вишь, шлепнулся какъ, поди-ка, больно, чать, треснулся... баринъ-отъ!“

Не успѣла еще семья расположиться и осмотрѣться на постояломъ дворѣ, какъ полковникъ Ж. П., вызвавшій Перепелкина на службу въ эту глушь, неизвѣстно какими путями узнавшій о прибытіи его, внезапно явился тутъ и горячо привѣтствовалъ всѣхъ пріѣхавшихъ.

— Мы васъ ждали на прошлой недѣлѣ еще и, признаться, я ужъ началъ безпокоиться, не случилось ли чего въ дорогѣ. Вамъ надо будетъ, послѣ представленія директору корпуса, поспѣшить представиться и главному начальнику края, который, зная, какъ нелегко намъ стоило заманить васъ сюда на службу, какъ-то особенно заинтересованъ въ вашемъ пріѣздѣ.

Перепелкинъ горячо благодарилъ полковника за его любезное радушіе къ нему и семейству его.

Относительно представленія главѣ края Перепелкинъ выразилъ затрудненіе въ томъ отношеніи, что у него нѣтъ мундира.

— Да какъ же вы тамъ обходились безъ него, особенно, напр., на публичныхъ экзаменахъ, въ присутствіи І. Р—ва? полюбопытствовалъ полковникъ.

— Тамъ надобности въ немъ не чувствовалось, тѣмъ болѣе, что и на публичныхъ экзаменахъ, въ присутствіи І. Р—ва, большинство учителей являлись въ фракахъ, разумѣется, имѣя на себѣ регаліи, если какія у кого были.

— Нѣтъ,—я вамъ совѣтую—уже лучше не портите впечатлѣнія при представленіи даже начальнику нашего заведенія, а тѣмъ болѣе главѣ края. Я вамъ пришлю сегодня же мундиръ учителя, подходящаго къ вамъ ростомъ и корпусомъ. Это, конечно, пустяки съ точки зрѣнія философской, но съ служебной не всегда и не для всѣхъ это пустяки, а я уже по опыту знаю, что иногда и совершенные пустяки, съ какой угодно точки зрѣнія, разрѣшаются послѣдствіями вовсе непустяшными, а потому я васъ настоятельно прошу принарядиться въ чужой мундиръ при представленіи тому и другому начальству. Это ничего не значитъ, что черезъ нѣсколько дней весь городъ и само начальство будутъ знать, что вы въ чужомъ мундирѣ пощеголяли. Послѣднее еще больше оцѣнитъ вашу щепетильную деликатность.

Перепелкину ничего больше не оставалось, какъ поблагодарить полковника и за эту любезность.

— Пріопоздали, пріопоздали, милостивый государь, добродушно говорилъ начальникъ заведенія представшему предъ нимъ, на другой

день своего пріѣзда, Перепелкину въ мундирѣ съ чужаго плеча еще и не видѣннаго имъ человѣка, новаго товарища по профессіи: вы, вѣдь, много безпокойства замедленіемъ своимъ надѣлали достопочтеннѣйшему нашему Петру Ивановичу, который уши прожужжалъ намъ всѣмъ о васъ, такъ много хорошихъ отзывовъ наслышался онъ о васъ въ Петербургѣ, да и раньше здѣсь отъ одного проѣзжавшаго здѣсь сослуживца вашего, или знавшаго васъ со словъ вашихъ сослуживцевъ.

Указавъ на замедленіе своего прибытія сюда отчасти по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ него, Перепелкинъ прибавилъ еще, что и торопиться особенной надобности онъ не видѣлъ, тѣмъ болѣе, что это путешествіе представляло для него столько любопытныхъ явленій.

— Вотъ какъ! не безъ удивленія, смотря пристально въ глаза Перепелкина и бросивъ сумрачно косвенный взглядъ на три личности, очевидно, явившіяся съ утренними докладами, сказалъ генералъ и поспѣшилъ познакомить съ ними новопріѣхавшаго.

Это были: Утягаевъ, Загребаевъ и Такаловъ, личности, фамиліи которыхъ удивительно могли соотвѣтствовать или согласоваться съ тѣми профессіями, которую каждый изъ нихъ отправлялъ по отношенію къ опеканію казеннаго пирога. Подкупающій тонъ, слащавыя манеры и самоотверженная, до уничиженія простирающаяся, предупредительность свидѣтельствовали, что эти лица были большіе и очень опытные практиканты на житейскомъ поприщѣ и хорошо были знакомы со всѣми путями залѣзанія въ душу слабыхъ смертныхъ, какого бы ранга, лѣтъ и положенія послѣдніе ни были.

Явился вѣстовой и доложилъ генералу, что лошадь готова.

— Знаете ли, какой я умыселъ теперь имѣю на васъ? говорилъ генералъ, съ знаменательной улыбкой осматривая мундиръ Перепелкина и какъ-то особенно переглянувшись съ троицей, приставленной къ опеканію казеннаго пирога: чтобъ васъ долго не стѣснять мундирностью, я сейчасъ же хочу везти васъ къ начальнику края для представленія его высокопревосходительству.

— Что жъ, я не прочь, развязно и съ улыбкой говорилъ учительновичекъ.

— То-то, то-то! пробурчалъ генералъ, направляясь къ выходу и обмѣнявшись взглядомъ съ сослуживцами, которые весьма сдержанно, но не безъ ехидства, какъ казалось Перепелкину, улыбались. Пока выходили и садились въ экипажъ, Перепелкинъ успѣлъ уже сообразить—правильно или неправильно—Аллахъ вѣдаетъ, что его превосходительству извѣстно уже о позаимствованіи имъ чужаго мундира, и извѣстіе это дошло, навѣрное, чрезъ эту троицу, и что генеральское „то-то, то-то“, сопровождавшееся обмѣномъ знаменательныхъ взгля-

довъ и улыбокъ, естественно, выражало вотъ что: „тумакъ, дескать, ты, тумакъ! шесть лѣтъ состоишь на службѣ и до сихъ поръ не понимаешь, что отвѣчать начальству: „что жъ, я не прочь“, вмѣсто: „какъ угодно вашему превосходительству“ или еще короче: „слушаюсъ, ваше ство“—свойственно только людямъ застѣнчивымъ до смѣшнаго, или совершенно несообразительнымъ, которые, во всякомъ случаѣ, много отгого теряютъ. Впечатлѣнія отъ этихъ предположеній и соображеній были таковы, что Перепелкинъ во всю дорогу былъ не въ духѣ. Ему досадно было на себя, главнымъ образомъ, за то, что онъ и не подумалъ до сихъ поръ пріучать себя взвѣшивать выраженія, чтобы никому не подать повода считать его или дерзкимъ, или безтактнымъ. Впрочемъ, дурное расположеніе его духа скоро прошло, когда директоръ представилъ его главѣ края. Это былъ благородный старичекъ, добрый, шустрый и даже пріятный. Онъ, повидимому, обрадовался случаю поболтать съ свѣжимъ человѣкомъ о вещахъ неслужебнаго свойства и потому засыпалъ Перепелкина вопросами, на которые тотъ едва успѣвалъ отвѣчать, но, какъ видно было, вполнѣ удовлетворяя любопытству его высокопревосходительства, который какъ бы совершенно позабылъ, что тутъ же, рядомъ съ Перепелкинымъ, стоитъ непосредственный начальникъ его, никакого участія въ разговорѣ не принимающій, да собрались съ докладами и другіе немаленькіе чиновники, толпясь у дверей той же залы, а онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, пустился перебирать вопросы литературные и научные, вторгаясь въ область даже юриспруденціи, медицины и богословія, которымъ, по его словамъ, онъ, въ качествѣ волонтера, учился въ заграничныхъ какихъ-то заведеніяхъ (онъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія). Между тѣмъ чужой мундиръ давалъ себя чувствовать Перепелкину: онъ рѣзалъ подъ мышками и, застегнутый на всѣ пуговицы, порядочно-таки тѣснилъ грудь, а разговоры слушать и вести всѣ время приходилось стоя, такъ какъ его высокопревосходительство и самъ не садился и другимъ не предложилъ сѣсть. Перепелкинъ, видимо, сталъ дѣлаться изъ оживленнаго вялымъ собесѣдникомъ и слушателемъ, и генералъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло, какъ-то наскоро закончилъ или почти-что оборвалъ какую-то длинную свою рѣчь. Раскланиваясь, онъ, между прочимъ, сказалъ: „а, вѣдь, отъ васъ ждутъ, что вы и литературный вечерокъ когда-нибудь устроите“.

— Что жъ, я не прочь, опять сорвалось у Перепелкина. „Эка, я дубина какой, подумалъ только про себя онъ, но уже не сердился, какъ раньше, потому что едва-ли добродушный генералъ, какъ онъ теперь совершенно основательно думалъ, обратилъ даже вниманіе на такой отвѣтъ.

— Ну, и продержалъ же насъ его высокопревосходительство, говорилъ директоръ. Можете себѣ представить: вѣдь, онъ насъ продержалъ—ни болѣе, ни менѣе,—какъ часъ и сорокъ минутъ! Ищетъ развлеченій, но какія-такія могутъ тутъ быть для него по его лѣтамъ и положенію? Вотъ то, дѣйствительно, будетъ для него большимъ сюрпризомъ, если вы, хоть зимой, удосужитесь литературныя чтенія устроить, взамѣнъ тѣхъ нелѣпыхъ, а иногда и до безчеловѣчности рискованныхъ развлеченій, которымъ подчасъ угощаютъ его приближенныя лица. Недавно, напримѣръ, былъ случай такой: генералъ захандрилъ, да такъ, что даже обычной его привѣтливой улыбки долго не видать было. Вотъ два любимца его, изъ высшихъ чиновъ управленія, задумали чѣмъ-нибудь разсмѣшить и развеселить его. Задумано - сдѣлано. Состоитъ тутъ, при управленіи, крупный чиновникъ отъ какого-то министерства, человѣкъ старый, семейный. Дѣлать ему тутъ по своей должности рѣшительно нечего, а потому, чтобъ онъ не забывалъ, что и онъ состоитъ на службѣ и имѣетъ хоть какія-нибудь обязанности, на него возложили раздачу жалованья чинамъ управленія, и вотъ его превосходительство, крупный чинъ отъ министерства, каждый мѣсяцъ 1-го числа, ровно въ 12 часовъ, является къ его высокопревосходительству съ жалованьемъ и книгой для росписки въ полученіи его. Въ позапрошлый мѣсяцъ сыграли съ нимъ такую штуку: только-что онъ вошелъ въ пріемную и, положивъ на стулъ портфель съ вложеннымъ въ него жалованьемъ, сейчасъ же полученнымъ изъ казначейства для всѣхъ чиновъ управленія, подошелъ къ зеркалу и сталъ причесываться и оправляться, какъ одинъ изъ чиновъ—замѣтьте крупныхъ и старыхъ, — по предварительному соглашенію съ другимъ, сталъ заговаривать его, а тотъ другой вынулъ, незамѣтнымъ образомъ, изъ портфеля всѣ деньги, отнесъ въ кабинетъ генерала и, сообщивъ, въ чемъ состоитъ затѣя, говоритъ: вотъ увидите, ваше высокопревосходительство, какую физіономію сдѣлаетъ министерскій чинъ, когда, послѣ росписки вашей въ книгѣ, хватится доставать вамъ жалованье. Деньги положены были на письменномъ столѣ генерала, едва-едва кое-какъ прикрытыя, и чиновникъ отъ министерства, за неимѣніемъ другихъ обязанностей исполнявшій роль казначея, былъ приглашенъ въ кабинетъ.

— А я, ваше высокопревосходительство, докладывалъ онъ весело и подобострастно, привезъ вамъ жалованье, все новенькими, точно сейчасъ отпечатаны. Онъ засыпалъ пескомъ подпись начальника въ книгѣ и полѣзъ въ портфель за деньгами. Пошаривъ тамъ съ минуту, онъ вдругъ залопоталъ: „а-ва-ва-ва... ше-ше“, поблѣднѣлъ, задрожалъ и если бъ не поддержали, грохнулся бы на полъ. Было не до смѣху. Ему указали на деньги на столѣ и объяснили, что онъ

ихъ, вѣроятно, выронилъ, когда доставалъ изъ портфеля книгу для росписки въ полученіи жалованья. Онъ долго не могъ придти въ себя, трясся всѣмъ тѣломъ и только, поводя глазами то на генерала, то на его любимца - шутника, взволнованнымъ голосомъ приговаривалъ: „вѣдь, сгубилъ бы себя и семейство... сумма большая... все главно-управленское жалованье... какъ Богъ святъ—сгубилъ бы!“ Съ нимъ провозились тутъ не мало времени и думали, что старикъ совершенно успокоился, но внезапное потрясеніе было все-таки слишкомъ велико и онъ чуть-ли не мѣсяцъ пролежалъ въ постели.

— Грубые же у васъ здѣсь нравы, сказалъ наставительно новичекъ - учитель, раскланиваясь съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ.

По возвращеніи къ семейству, Перепелкинъ засталъ тутъ двоихъ учителей, новыхъ сотоварищей своихъ, которые, не дожидаясь визита со стороны пріѣзжаго, поспѣшили сами сдѣлать ему таковой, побужденные къ тому различными цѣлями, которыя они тутъ же откровенно высказали.

— Я такъ много хорошаго слышалъ о васъ отъ нашего Петра Ивановича, говорилъ одинъ изъ нихъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ вашего пріѣзда, и первый являюсь къ вамъ, чтобы завязать съ вами дружескія отношенія. Это былъ очень юный преподаватель математики, недавно еще сошедшій съ школьныхъ скамеекъ, не дуренъ собой и привѣтливъ. Другой, довольно уже пожилой человѣкъ, съ лицомъ осмысленнымъ, но вида мрачнаго, угрюмаго и очень несимпатичнаго, искоса и какъ-то недоброжелательно посматривалъ на молодаго математика, когда тотъ рекомендовался Перепелкину. Онъ тоже процѣдилъ сквозь зубы какое-то привѣтствіе Перепелкину, котораго послѣдній не разслышалъ, и, сказавъ, что пришелъ собственно по дѣлу, о которомъ не находитъ удобнымъ говорить при постороннихъ, а сообщитъ ужъ лучше письменно,—ушелъ, простившись съ хозяевами, но на товарища математика даже не взглянулъ.

— Что онъ съ вами не въ ладахъ? полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

Юный математикъ махнулъ рукой, добродушно улыбнувшись, но ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Тутъ же математикъ проговорился, что получаемые въ заведеніи журналы и газеты недоступны служащимъ, кромѣ директора и его помощника, между которыми они дѣлятся, а потомъ поступаютъ не въ фундаментальную библіотеку, но къ ихъ знакомымъ, у которыхъ и зачитываются безъ слѣдовъ.

— Въ черномъ же васъ тѣлѣ держатъ, не безъ ироніи замѣтилъ Перепелкинъ. Я на первыхъ же порахъ заявлю начальству о нашихъ правахъ на участіе въ пользованіи журналами и газетами, да и о томъ, что всѣ эти изданія безусловно должны сдаваться въ фунда-

ментальную библіотеку, а, въ случаѣ потери, возмѣщеніе ея должно быть произведено на счетъ виновнаго. Я завтра же переговорю объ этомъ.

Но математикъ уговорилъ его этого не дѣлать.

Переговорить объ этомъ заставилъ Перепелкина и другой матеріалъ, сообщенный въ письмѣ мрачнаго учителя, посѣтившаго Перепелкина одновременно съ В—мъ, молодымъ преподавателемъ математики. „Меня много тѣснило начальство, писалъ, между прочимъ, этотъ господинъ, а теперь совсѣмъ гонитъ, говоритъ, что я вовсе теперь ненуженъ, и настоятельно требуетъ, чтобъ я до начала курса подалъ въ отставку. Но куда мнѣ дѣться? У меня большая семья и до пенсіи осталось менѣе трехъ лѣтъ — не безчеловѣчно ли при такихъ условіяхъ выгонять человѣка, да еще подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, будто бы, съ пріѣздомъ вашимъ, у меня не остается такого числа уроковъ, какое по закону долженъ имѣть штатный преподаватель. Это пустой предлогъ, потому что по тому же закону болѣзненные субъекты могутъ имѣть и на половину меньше. У меня теперь единственная надежда на васъ—не откажетесь ли вы, въ мою пользу, отъ нѣкоторыхъ уроковъ, чтобы отнять у нихъ тотъ нехитрый предлогъ, въ силу котораго хотятъ меня выжить?“

Какъ ни выдержанъ былъ Петръ Ивановичъ и какимъ большимъ спокойствіемъ ни обладалъ онъ, но онъ не могъ скрыть волненія, которое явственно проступило въ его лицѣ, позѣ и движеніяхъ, когда Перепелкинъ въ выраженіяхъ почтительныхъ, но очень вѣскихъ, сообщилъ ему о своемъ желаніи, чтобы журналы и газеты, получаемые въ заведеніи, ходили поочередно по рукамъ служащихъ и потомъ поступали бы въ фундаментальную библіотеку, равно какъ и просьбу о томъ, чтобы увольненіе предмѣстника его, по преподаванію русскаго языка и словесности, было отсрочено, по крайней мѣрѣ, до выслуги имъ полной пенсіи, для чего онъ, Перепелкинъ, охотно уступаетъ ему столько уроковъ, сколько требуется для того, чтобъ онъ могъ остаться штатнымъ преподавателемъ.

— Видите ли, говорилъ съ мрачной серьезностію полковникъ: все это—вещи, которыя полностію принадлежатъ вѣдѣнію и личному непосредственному усмотрѣнію его превосходительства, начальника нашего. Вторгаться въ область чужой компетентности я, лично для себя, считаю не только неумѣстнымъ, но даже просто непозволительнымъ, да если хотите, и небезопаснымъ въ служебномъ отношеніи. Начать же вамъ самимъ первый свой дебютъ ходатайствомъ предъ генераломъ объ этихъ вещахъ значило бы—повѣрьте моей опытности—испортить то обаяніе, которое вы произвели на него въ короткое время представленія вашего ему и главному начальнику края. А въ

какой степени старые люди, высшаго положенія, бываютъ щепетильны въ этомъ отношеніи, я—если только могу вполнѣ положиться на вашу скромность—сейчасъ вамъ сообщу: вчера, послѣ вашихъ представленій по начальству, онъ, то есть нашъ генералъ, при первомъ свиданіи со мной, сказалъ: „ну, вашъ черномазый хохолъ, съ какой стороны ни возьми, молодецъ—молодцомъ, далеко не чета нашимъ. Одно въ немъ—если сказать правду — можетъ не нравиться, и—думаю по себѣ — рѣзать слухъ и глаза, — это, такъ сказать, большая развязность въ рѣчахъ и манерахъ, нежели какая допускается, обыкновенно, оффиціальными отношеніями низшаго къ высшему. Такъ, между прочимъ, онъ у меня и у его высокопревосходительства, на сдѣланныя нами предложенія устроить когда-нибудь литературный вечерокъ, отвѣчалъ—какъ бы вы думали? спрашивалъ меня генералъ, смотря на меня въ упоръ,—а отвѣчалъ онъ намъ вотъ какъ: „Что жъ, я не прочь“! И отвѣчалъ не то, чтобы съ наивностью, а съ такимъ апломбомъ, такъ сказать, что бывшіе у меня, во время его представленія, члены нашего хозяйственнаго комитета не безъ ехидныхъ улыбокъ переглянулись между собой“.

— Я вамъ вотъ, что скажу, многоуважаемый Савва Саввичъ, продолжалъ полковникъ: второй вопросъ мы лучше совсѣмъ оставимъ, потому что вы просите о человѣкѣ вовсе недостойномъ: вотъ онъ гдѣ сидитъ у насъ! показалъ полковникъ рукой на свой затылокъ. А что касается перваго, такъ, вѣдь, его не нужно только возбуждать въ такомъ широкомъ объемѣ, чтобъ онъ лично для васъ разрѣшился самымъ благопріятнымъ образомъ. Короче говоря, мнѣ стоитъ только, даже вовсе не въ видѣ вашего заявленія, намекнуть его превосходительству, что, въ видахъ предохраненія васъ отъ скуки, неизбѣжной здѣсь и сильно чувствуемой послѣ жизни въ столицѣ, равно какъ и устраненія отъ васъ необходимости выписывать на свой счетъ журналы и газеты, не худо было бы сдѣлать васъ соучастникомъ въ пользованіи выписываемыми заведеніемъ періодическими изданіями. И будьте увѣрены, онъ охотно на это согласится, насколько могу я судить по его характеру, а главное, по тому мнѣнію, какое онъ составилъ о васъ.

— Такой привилегіей я ни въ какомъ случаѣ не воспользуюсь, говорилъ рѣшительнымъ тономъ Перепелкинъ. Но совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло по другому вопросу: здѣсь я ни малѣйшей уступки не могу сдѣлать во всемъ томъ, что я вамъ сказалъ, т. е., что я ни за какія блага не соглашусь взять такое количество уроковъ, какое будто бы лишаетъ моего предшественника права оставаться штатнымъ преподавателемъ, по крайней мѣрѣ, три года до выслуги пенсіи. Я скорѣе предпочту возвратиться назадъ или перепроситься

здѣсь на гражданскую службу, чѣмъ допущу даже мысль сдѣлаться невольнымъ виновникомъ чужаго несчастія. Шутка ли сказать: у человѣка большая семья, бѣдность—говорятъ—невообразимая, до пенсіи осталось менѣе трехъ лѣтъ, а тутъ предлагаютъ выйти въ отставку, за неимѣніемъ-де узаконеннаго для штатнаго преподавателя числа уроковъ, по случаю прибытія вновь назначеннаго учителя!

— Это ваше рѣшительное мнѣніе?

— Рѣшительное! Поступиться я здѣсь ничѣмъ не могу, потому что все это несогласно ни съ убѣжденіями, ни съ правилами моими, ни съ характеромъ.

Полковникъ былъ мрачнѣе ночи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по діагонали комнаты и, видя, что Перепелкинъ берется за шапку, заговорилъ: „наша вина, наша вина!“ Намъ надобно было спустить этого человѣка до пріѣзда вашего. Не пропалъ бы, не бойтесь! Въ засѣдатели пошелъ бы, а, можетъ быть, попалъ бы и въ исправники, что было бы болѣе согласно съ его образомъ жизни. Вѣдь, вы не знаете, за какого человѣка вы распинаетесь! Никто—увѣряю васъ честью—не дѣлалъ ему столько добра, сколько мнѣ пришлось дѣлать, все по тѣмъ же сердечнымъ побужденіямъ, что и у васъ—и чѣмъ же онъ отплатилъ, или, лучше сказать, постоянно отплачивалъ мнѣ? Такимъ свинствомъ, о какомъ я и говорить совѣщусь. Это, съ позволенія сказать, мерзавецъ первой степени.

— Дѣлать, впрочемъ, нечего, и я сегодня же доложу объ этомъ его превосходительству, такъ какъ у насъ составляется уже росписаніе лекцій, заключилъ полковникъ, самымъ дружескимъ образомъ прощаясь съ неуступчивымъ педагогомъ.

На другой день была получена отъ генерала записка съ приглашеніемъ Перепелкина въ квартиру его превосходительства, для объясненій по очень нужному дѣлу, „якобы“ имъ возбужденному. Оффиціальная сухость и нѣкоторая не то суровость, не то надменность тона генеральской эпистолы произвели на Перепелкина такое дурное впечатлѣніе, что онъ начиналъ уже сердиться на себя за то, что позволилъ сманить себя въ такую трущобу, гдѣ, повидимому, и примитивныя понятія о справедливости слабы, и уже задавался серьезнымъ вопросомъ, какъ устроить обратное путешествіе въ столицу, или на какую другую должность проситься здѣсь, если объясненія съ нимъ будутъ вестись въ тонѣ претенціозно-оскорбительномъ. Но ничего подобнаго, вопреки его ожиданіямъ, не произошло, и дѣло устроилось мирно, къ удовольствію Перепелкина. И генералъ, и находившійся тутъ же полковникъ встрѣтили его очень привѣтливо, даже радушно, хотя это и дѣлалось, можетъ быть, скрѣпя сердце, такъ сказать.

— Э, да вы, батенька, не вступивъ еще въ должность, объявили намъ войну! съ веселымъ смѣхомъ обратился къ Перепелкину генералъ.

— Объявившій войну, обыкновенно, наступаетъ, а я, какъ вамъ, вѣроятно, уже доложено, дѣлаю полное отступленіе, говорилъ, также смѣясь, новичокъ учитель.

— Да, отступленіе... имѣя въ перспективѣ неизбѣжность безкровной, такъ сказать, побѣды надъ нами, да еще и съ нанесеніемъ намъ порядочнаго таки... аффронта.

— Ни въ намѣреніяхъ, ни въ желаніяхъ моихъ такихъ предосудительныхъ видовъ на легкія побѣды, да еще съ аффронтомъ для другихъ, у меня не было, да никогда и не могло быть.

— Да, мы порѣшили оба эти вопроса сегодня разомъ и, кажется, вполнѣ удовлетворительно для васъ, т. е., согласно съ вашимъ взглядомъ на нихъ, распространялся генералъ уже совершенно добродушно: журналы и газеты такъ и будутъ ходить по рукамъ служащихъ, а затѣмъ передаваться въ фундаментальную библіотеку, но— прибавимъ отъ себя—подъ контролемъ вашимъ,—иначе будутъ пропадать,—да при томъ еще желали бы возложить на васъ и другой трудъ—заблаговременно указывать намъ періодическія изданія, которыя стоитъ, по вашему мнѣнію, выписывать, да за одно ужъ и попеченіе о томъ, чтобы библіотека наша своевременно пополнялась новыми пріобрѣтеніями, на что у насъ имѣются достаточныя средства. А что касается того невыносимаго субъекта, за котораго вы такъ мужественно и горячо вступились, то мы вотъ какую комбинацію придумали: для того, чтобъ у него было требуемое закономъ для штатныхъ преподавателей количество уроковъ, мы дѣлимъ одинъ изъ его классовъ на два отдѣленія—мы имѣемъ на это и право, и средства—чего будемъ держаться и въ слѣдующіе два года, до выслуги имъ полной пенсіи, но съ непремѣннымъ условіемъ, что вы возьмете его подъ свою опеку и не перестанете внушать ему, что если онъ хоть разъ позволитъ себѣ явиться въ классъ въ такомъ видѣ, въ какомъ не разъ приходилось выводить его оттуда, во избѣжаніе или для прекращенія начинавшихся скандаловъ, то его участь въ тотъ же день безповоротно будетъ рѣшена. Вѣдь, это горькій пьяница и человѣкъ совершенно безсердечный: если семьѣ не удастся выманить 1-го числа хоть маленькую часть мѣсячнаго жалованья, то онъ прокутитъ или проиграетъ въ карты все дочиста, ради чего онъ нѣсколько дней сряду ни домой, ни въ классы не покажется ни разу. Послѣднее, конечно, для насъ лучше, чѣмъ приходъ на урокъ въ пьяномъ и растрепанномъ видѣ.

Водворилось на нѣсколько секундъ мертвое молчаніе. Генералъ

внимательно посматривалъ на своего Петра Ивановича, который, потупившись въ землю, повидимому, глубокомысленно что-то соображалъ и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ своего начальника, какъ бы ожидавшаго отъ него чего-то, обратился къ Перепелкину съ серьезнымъ вопросомъ:

— А вы, Савва Саввичъ, беретесь быть опекуномъ этого безпутнаго коллеги, имѣя въ виду, кромѣ извѣстной его слабости, еще то, что онъ грубъ, золъ, лживъ, ни о чести, ни о справедливости, ни о чувствѣ благодарности даже понятія не имѣетъ, кромѣ того мстителенъ и всегда готовъ самъ или черезъ другихъ всевозможныя пакости дѣлать тѣмъ, кого онъ не залюбитъ?

— Да почему жъ не попробовать! съ легкимъ сердцемъ отвѣчалъ Перепелкинъ: я надѣюсь стать въ дружескія съ нимъ отношенія и, изъ состраданія къ его бѣдствующему семейству, всѣми силами буду стараться удерживать его какъ отъ извѣстной слабости, такъ и отъ проявленія этихъ дурныхъ качествъ.

— И вы думаете справиться съ нимъ? почти одновременно спросило старшее и младшее начальство, съ улыбкой переглянувшись между собой.

— Не знаю и не могу увѣрять васъ въ томъ, но и при всемъ томъ почему же не попробовать?

— Да его превосходительство такъ и предоставляетъ вамъ попробовать, но не забывайте, что, дѣлая такой экспериментъ, вы, собственно, ничѣмъ не рискуете, даже въ случаѣ полной неудачи, но какъ бы намъ не пришлось существенно поплатиться за него, если этотъ безпардонный человѣкъ запьетъ до безобразія и начнетъ производить скандалы и въ городѣ, и въ классѣ?

О безпардонности и разныхъ непотребствахъ этого человѣка какъ разъ въ это же время разсказывала моей женѣ жена его, которую Перепелкинъ засталъ еще, по возвращеніи отъ начальства, у себя въ квартирѣ, всю въ слезахъ. Эта была женщина среднихъ лѣтъ, недурна собой, но одинъ видъ которой, даже безъ слезъ, ясно показывалъ, что она пила горькую чашу. Жена всячески старалась ее успокоить, обѣщала отъ себя и отъ имени своего мужа многое сдѣлать въ пользу ея самой и семейства ея, но видно, ужъ очень она настрадалась и сильно наболѣло у ней на душѣ, что она, когда только вошелъ Перепелкинъ и жена стала ему рекомендовать ее, разрыдалась до истерики.

Для успокоенія ея, Перепелкинъ поспѣшилъ сообщить ей о томъ, что происходило сейчасъ у директера, и обѣщалъ ей сблизиться съ ея мужемъ и удерживать его, по возможности, отъ траты денегъ только на себя.

— Пусть онъ даетъ мнѣ въ мѣсяцъ хоть рублей пятнадцать, говорила, всхлипывая, бѣдная женщина, но только аккуратно ежемѣсячно, я и тѣмъ буду довольна, по крайней мѣрѣ, дѣти не будутъ голодать.

Къ вечеру явился онъ и самъ поблагодарить Перепелкина, какъ онъ говоритъ, за участіе въ его несчастной судьбѣ, окончившееся, сверхъ всякаго его ожиданія благопріятнымъ исходомъ, „о чемъ ему“ сейчасъ сообщилъ большой пріятель его Загребаевъ. Перепелкинъ внимательно сталъ всматриваться въ своего протеже. Это былъ высокій, худощавый, хотя и крѣпко сложенный брюнетъ, лѣтъ 48—9, съ чертами лица неблагообразными, но довольно осмысленными. Одѣтъ онъ былъ бѣдно и неряшливо, держалъ голову высоко и, смотря черезъ очки, какъ будто искалъ чего-то, перебѣгая глазами съ предмета на предметъ. Рѣчь его была манерна, искусственна и производила непріятное впечатлѣніе, а угрюмое лицо, освѣщаемое подчасъ какой-то странной, неожиданной и совершенно не идущей къ нему улыбкой, почти что отталкивало отъ него. Онъ уклонился отъ разговора о томъ, какъ онъ велъ дѣло преподаванія въ старшихъ и младшихъ классахъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что словесность и русскій языкъ навязаны ему начальствомъ случайно, вопреки его желанію, что это не его спеціальность и что онъ готовилъ себя къ другимъ вещамъ. О чемъ Перепелкинъ ни заговаривалъ съ нимъ, видно было, что это человѣкъ очень отсталый, мало читавшій, ни за чѣмъ не слѣдившій кромѣ глупѣйшихъ городскихъ дрязгъ, о которыхъ онъ даже съ увлеченіемъ распространялся. Полковника онъ, какъ видно, ненавидѣлъ и потому не жалѣлъ красокъ, чтобы представить его въ самомъ дурномъ свѣтѣ; очень недолюбливалъ и Уклонова, котораго называлъ Виляевымъ, а обоихъ вмѣстѣ—шарлатанами, а когда Перепелкинъ замѣтилъ ему, что тотъ и другой, по здѣшнему мнѣнію, составляютъ силу заведенія, онъ такъ неистово захохоталъ, что Перепелкинъ и жена его вздрогнули. Это взорвало Перепелкина, и онъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить съ негодованіемъ, что тотъ и другой, по его мнѣнію, совершенно нелицепріятному, люди умные, развитые, понимающіе дѣло, за которое взялись, и такого названія никакимъ образомъ не заслуживаютъ.

— Ну, если не шарлатаны, то во всякомъ случаѣ люди дрянные, двуличные, умѣющіе дѣлать подходцы къ людямъ нужнымъ, говорилъ онъ съ злою рѣзкостью, берясь за шапку, чтобы уйти.

Но Перепелкинъ попросилъ его въ кабинетъ, чтобы переговорить съ нимъ наединѣ о нѣкоторыхъ вещахъ. Здѣсь его злой нравъ, жестокосердіе, или совершенное безсердечіе, равно какъ и безцѣльная лживость вполнѣ раскрылись въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ эти свой-

ства представлялись Перепелкину въ домѣ директора корпуса. Когда Перепелкинъ сталъ просить его отъ себя и отъ имени начальства, чтобы онъ, во избѣжаніе соблазна и неблагопріятныхъ для него послѣдствій, позволилъ бы женѣ получать за него жалованье, или, получая самъ, передавалъ бы ей, если и не все, то, по меньшей мѣрѣ, три четверти, онъ вышелъ изъ себя, поблѣднѣлъ и съ неистовствомъ вскрикнулъ: „что жъ эта безсмысленная мерзавка кровь изъ меня хочетъ сосать съ своей нищенской ордой, которой она наплодила въ такомъ изобиліи, такую, можно сказать, гибель?“

Перепелкинъ, выведенный изъ себя, далъ правильную оцѣнку этой безчеловѣчной вспышкѣ лица, сдѣлавшагося для него теперь отвратительнымъ, и не поскупился на рѣзкія выраженія въ характеристикѣ подобныхъ поступковъ,—что̀, къ изумленію хозяина и явившейся сюда встревоженной хозяйки, гость выслушалъ молча и стоя потупившись, но когда, въ заключеніе, Перепелкинъ объявилъ, что отказывается отъ добровольно принятой на себя опеки надъ нимъ, и указалъ на послѣдствія, какія отъ этого могутъ произойти, то свирѣпый мужъ очень струсилъ и сталъ униженно просить Перепелкина не дѣлать этого шага, давая честное слово и поклявшись „всѣмъ священнымъ для него“, что онъ „въ денежныхъ дѣлахъ предоставитъ полную волю женѣ и семейству, и впередъ поведетъ себя такъ, что никакихъ поводовъ не подаетъ начальству къ неудовольствію на него“.

Не вѣрилъ Перепелкинъ этимъ словамъ, ясно понимая, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ низкой души, способнымъ переходить отъ высокомѣрія къ униженію, но радъ былъ заручиться и такимъ ненадежнымъ обѣщаніемъ, дававшимъ, по крайней мѣрѣ, предлогъ къ напоминанію того, что было посулено подъ клятвой „всѣмъ священнымъ“.

Вотъ, наконецъ, начались и лекціи. Боже мой! Что это за клѣтухи, въ которыхъ помѣщены классы! Это какіе-то проходные сараи, какъ будто предназначенные для какихъ-нибудь провіантскихъ продуктовъ. Ничего подобнаго Перепелкинъ еще не видѣлъ, да и представить себѣ не могъ, чтобы въ заведеніяхъ, располагающихъ такими громадными денежными средствами, отвели, для просвѣщенія юношества, такіе безобразные, неудобные, да еще проходные хлѣвы,—и гдѣ же? въ томъ краю, гдѣ лѣсъ и рабочія руки ни по чемъ, а кирпичъ втрое дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Любопытно бы знать, думалъ про себя Перепелкинъ, кто составилъ планъ этого чудища и кѣмъ онъ одобренъ былъ тамъ, свыше, въ столицѣ? А чудище это былъ большущій деревянный домина, напоминающій хлѣбные общественные магазины въ деревняхъ многолюдныхъ и бо-

гатыхъ. Домина этотъ дѣлился большими сѣнями на двѣ половины, изъ которыхъ въ каждой было по 6 классовъ. Корридора не существовало, и потому всѣ они были проходные, такъ что нужно было пройти чрезъ всѣ пять комнатъ, чтобы попасть въ послѣднюю. Думалось по неволѣ, не задались строители цѣлью давать учащимся роздыхъ и развлеченіе во время чтенія лекцій, чтобы, Боже храни, не произошло какой бѣды отъ напряженія мозговъ, при сильно сосредоточенномъ вниманіи, и вотъ, какъ-бы въ подтвержденіе такого предположенія, то и дѣло со скрипомъ и трескомъ растворяются и затворяются неуклюжія широкія одностворчатыя двери, проходятъ взадъ и впередъ воспитанники, по естественнымъ надобностямъ отпрашивающіеся выйти, проносится директоръ, здоровающійся съ питомцами и сопровождаемый шумными возгласами: „здравія желаемъ, ваше превосходительство!“ Затѣмъ, въ скоромъ времени, обыкновенно, медленно пробирается по классамъ правая рука его, Петръ Ивановичъ, за нимъ, немного погодя, правая рука Петра Ивановича, его помощникъ, затѣмъ дежурный офицеръ, а нерѣдко и писарекъ, съ бумагой въ рукѣ и съ перомъ за ухомъ, который ищетъ кого-то для подписи нужнаго документа. И все это стучитъ, скрипитъ, кашляетъ, такъ что иногда и учитель соблазняется мыслію: „а не пройтись ли и мнѣ, такъ какъ дѣло-то что-то не спорится“.

Воспитанники, за немногими исключеніями, выглядѣли сытыми, здоровыми, веселыми. Они встрѣтили Перепелкина сочувственно, даже съ большою пріязнію. Очевидно было, что они ожидали его съ нетерпѣніемъ и, по всей вѣроятности, слышали о немъ отзывы хорошіе.

Перепелкинъ счелъ нужнымъ рекомендовать имъ себя, какъ человѣка, который и самъ не переставалъ и никогда не перестанетъ стремиться къ самому широкому просвѣщенію себя, и будетъ всѣми силами стараться привить и къ нимъ такое стремленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ развить вкусъ и любовь къ литературѣ, которая-де, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, болѣе всего содѣйствуетъ облагороженію и нравственному возвышенію людей. Онъ много и съ увлеченіемъ говорилъ въ старшихъ классахъ о томъ, какъ молодые люди, запасшись познаніями здѣсь и полюбивъ науку настолько, что не перестанутъ и по выходѣ изъ заведенія пополнять пробѣлы знанія путемъ чтенія серьезныхъ сочиненій, могутъ быть полезны преимущественно въ этомъ краю, сдѣлавшись піонерами просвѣщенія въ такихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, куда свѣтъ науки не проникалъ еще, но гдѣ, волею судебъ, придется имъ служить.

Хорошо былъ принятъ новый учитель и товарищами своими, когда послѣ двухъ утреннихъ лекцій зашелъ въ учительскую и открекомендовался имъ. Это были люди добродушные, простые, но за исклю-

ченіемъ 2—3, сильно опустившіеся въ научномъ отношеніи и потому мало или почти вовсе не интересовавшіеся вопросами литературными, политическими, философскими, о которыхъ такъ нерѣдко и охотно велись кружковые, и иногда и общіе разговоры въ учительскихъ столичныхъ корпусовъ, гдѣ подчасъ завязывались такіе дебаты, которые ясно свидѣтельствовали, что диспутанты хорошо слѣдятъ за научнымъ развитіемъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ у нихъ идетъ рѣчь, и до тонкости ихъ понимаютъ. Здѣсь же, просто, занимались переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, или, еще чаще и охотнѣе, перемываніемъ косточекъ ближняго, впрочемъ, безъ всякой злобы, а такъ, для забавы и препровожденія времени, разсказывая въ анекдотической формѣ разные курьезы, иногда сальныя дрязги изъ домашней жизни туземныхъ обывателей, а то возстановляя въ подробностяхъ, при всеобщемъ напряженномъ вниманіи, остроумную игру въ карты N, который ухитрился остаться, въ преферансѣ съ мизерами, безъ восьми въ червяхъ. Дружный хохотъ, обыкновенно, покрываетъ заключительныя эффектныя слова разсказчика и вызываетъ другихъ къ припоминанію еще бо̀льшихъ курьезовъ. Едва кончитъ одинъ, какъ уже раздается возгласъ другаго: „Нѣтъ, это еще что... вотъ я вамъ скажу, былъ случай“... И еще дружнѣе раздается хохотъ послѣ пикантнаго разсказа, и всѣ остаются довольны, веселы, счастливы.

IV.

Познакомившись ближе съ новыми своими питомцами, Перепелкинъ не могъ не замѣтить, что этотъ провинціальный корпусъ, заброшенный въ такую глушь, благодаря разумной энергичной дѣятельности здѣшняго инспектора, стоитъ не только не ниже столичныхъ по части умственнаго и нравственнаго воспитанія учащихся, но во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ихъ. Знаютъ здѣшніе кадеты, положимъ, такъ же мало, какъ и столичные, но знанія ихъ усвоены съ большей сознательностью, съ бо̀льшей отчетливостью; у нихъ больше любознательности и охоты, кромѣ учебниковъ, прочитывать и то, что каждый учитель рекомендуетъ имъ по своему предмету. Затѣмъ меньше наклонности къ надувательствамъ, какъ по устнымъ, такъ и письменнымъ отвѣтамъ. Ни заносчивости, ни наглости, ни цинизма, какъ въ сношеніяхъ между собою, такъ и со всѣми служащими въ заведеніи, равно какъ и съ людьми посторонними не замѣчалось. Не то, говорятъ, прежде было. Всѣми благопріятными реформами заве-

деніе обязано исключительно разумной дѣятельности здѣшняго инспектора.

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ онъ имѣлъ одну слабость, о которой Перепелкинъ ни отъ кого не слыхалъ и которую менѣе всего могъ предполагать въ немъ, вообще добромъ, гуманномъ и справедливомъ человѣкѣ. Отъ этой слабости, съ пріѣздомъ Перепелкина, онъ, какъ послѣ объяснилось, воздерживался нѣкоторое время, но потомъ она таки прорвалась и подала поводъ къ продолжительнымъ препирательствамъ новопріѣзжаго педагога съ начальствомъ, старшимъ и младшимъ.

— Что вы такъ сердито на меня смотрите? спрашиваетъ однажды Перепелкинъ, войдя въ классъ, воспитанника, сидѣвшаго на первой скамейкѣ.

Воспитанникъ замигалъ глазами, готовый расплакаться, но ничего не отвѣчалъ и стоялъ, потупивъ глаза внизъ.

— Что съ нимъ? обратился Перепелкинъ къ классу.

— Да его больно высѣкъ Петръ Ивановичъ за дурной баллъ изъ русскаго языка, который вы ему поставили на прошлой недѣлѣ.

Перепелкинъ едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Во-первыхъ, дурной баллъ поставленъ ему только разъ въ три мѣсяца. Затѣмъ можно еще сказать, что мальчикъ вообще недуренъ и особенною лѣностію не выдавался, дарованій же посредственныхъ.

Никакъ не могъ Перепелкинъ переварить въ головѣ той мысли, что какъ это такой разумный и гуманный педагогъ можетъ прибѣгать, помимо тѣхъ хорошихъ мѣръ, о которыхъ онъ еще не такъ давно говорилъ, и къ такимъ неразумнымъ и нечеловѣчнымъ, какъ розги, которыя даже въ жестокихъ бурсахъ, если еще не совсѣмъ оставлены, то употребляются уже только въ крайнихъ случаяхъ.

Между тѣмъ, по разспросамъ оказалось, что не одинъ Петръ Ивановичъ прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, что пользуются ими еще чаще и въ большей степени, старшія лица строевыхъ частей. Что порка практиковалась въ столичныхъ корпусахъ и иногда свирѣпая, особенно со стороны строевиковъ, завѣдывавшихъ и воспитательною частью,—это Перепелкинъ зналъ, но заводить съ ними разговоры на эту тему онъ считалъ не только безполезнымъ, но и совершенно неумѣстнымъ, потому что они могли бы только улыбнуться, взглянувъ на него, какъ на человѣка, упавшаго съ другой планеты. Начальники же корпусовъ, равно какъ и ихъ помощники по учебной части, никогда о подобныхъ вещахъ съ учителями не разговаривали и, конечно, были бы не мало удивлены, а пожалуй, даже и обидѣлись бы, принявъ за безтактное посягательство на ихъ прерогативы, если бы какому-нибудь смѣльчаку вздумалось представить на ихъ благоусмо-

трѣніе рядъ своихъ соображеній по такимъ вопросамъ. Но здѣсь, въ этомъ провинціальномъ корпусѣ, совѣмъ другое дѣло. Здѣсь само начальство, какъ старшее, такъ и младшее, предложило Перепелкину присмотрѣться къ заведенію со всѣхъ сторонъ, посравнить его съ столичными и откровенно по всѣмъ частямъ высказать свое мнѣніе.

Глубоко уважая такого усерднаго, дальновиднаго и разумнаго дѣятеля, Перепелкинъ нѣкоторое время колебался, какъ приступить къ объясненіямъ съ нимъ по поводу ненавистной порки, не задѣвая его самолюбія и не давая повода думать, что новопріѣзжій учитель пробуетъ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія исключительно вѣдѣнію начальства. Обнаружившаяся въ это время маленькая холодность въ отношеніяхъ Петра Ивановича къ Перепелкину навела послѣдняго на мысль, что горячо высказанный имъ въ учительской протестъ противъ сѣченія, какъ разъ въ тотъ день, когда оно открылось, навѣрное, кѣмъ-нибудь изъ подслуживающихся былъ переданъ по принадлежности, да еще, можетъ быть, съ нѣкоторыми добавленіями, до которыхъ многіе такіе охотники. Почти убѣжденный, что такъ это и было, Перепелкинъ откровенно сообщилъ Петру Ивановичу о тяжеломъ впечатлѣніи, которое на него произвело случайное открытіе, что розги здѣсь употребляются не рѣже, чѣмъ въ столичныхъ корпусахъ.

— Вотъ видите ли, Савва Саввичъ, съ этого бы вамъ и слѣдовало начать, т. е. съ объясненія со мной, а не съ осужденія моихъ мѣръ въ учительской, гдѣ — откровенно сказать — рѣшительно всѣ равнодушны къ тому, что и какъ дѣлается въ заведеніи, но съ чужаго голоса посудачить не прочь. Къ пересудамъ я совершенно равнодушенъ, но вѣдь то, что творится и говорится между взрослыми, нерѣдко распространяется и между молодежью, а это уже, какъ вы сами можете себѣ представить, не замедлитъ отразиться на понятіяхъ и затѣмъ на отношеніяхъ учащихся къ своему начальству. Вотъ за это, признаться, я немножко посердился на васъ. Но я не поклонникъ розги и не намѣренъ отстаивать ее, если мы сойдемся въ мѣрахъ, которыми можно было бы замѣнить ее въ иныхъ случаяхъ. Но при всемъ нашемъ желаніи отдѣлаться отъ нея разъ навсегда, мы встрѣтимъ немалое сопротивленіе со стороны генерала, а еще большее—да, пожалуй, даже совершенно непреодолимое—со стороны его помощниковъ по части строевой и воспитательной.

Едва окончилъ свою рѣчь Петръ Ивановичъ, какъ въ инспекторскую вошелъ генералъ, и съ перваго же взгляда на него, видно было, что вся эта исторія ему уже извѣстна.

— Какой же вы безпокойный человѣкъ! обратился онъ въ шуточномъ тонѣ, съ благодушной улыбкой, къ Перепелкину: не успѣли

удовлетворить васъ по части періодическихъ изданій,—которыя уже теперь исправно циркулируютъ между всѣми служащими, къ общему ихъ удовольствію,—да успокоить насчетъ „безпардоннаго человѣка“, вашего протеже,—который, нѣтъ сомнѣнія, скоро отблагодаритъ васъ за это по-своему,—какъ вы уже затѣяли чуть ли не бунтъ по поводу употребленія у насъ розги. А тамъ, развѣ, не сѣкутъ? подмигнулъ онъ Петру Ивановичу, на лицѣ котораго опять показалась серьезная озабоченность, какъ бы изъ готовящагося препирательства не вышло чего фатальнаго.

— Неужели вы и тамъ... Генералъ, конечно, хотѣлъ сказать: позволяли себѣ вторгаться въ чужія сферы? Но, вспомнимъ, что и вызовъ Перепелкина состоялся на особыхъ условіяхъ, да и самъ онъ уполномочилъ его „присмотрѣться внимательно ко всему, посравнить все со столичнымъ и откровенно высказать свое мнѣніе по всѣмъ частямъ“, вдругъ остановился, запнулся и хотѣлъ было свести рѣчь на другое, начавъ съ благодарности Перепелкину за то, что онъ возбудилъ въ воспитанникахъ большую охоту къ чтенію и, руководя этимъ дѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ контролируетъ его результаты, какъ частыми классными и внѣклассными бесѣдами съ ними по поводу прочитанныхъ вещей, такъ и требованіемъ письменныхъ отчетовъ о нихъ. Но Перепелкинъ поспѣшилъ направить разговоръ на надлежащую тему, о розгахъ.

— И тамъ сѣкли, говорилъ онъ съ свойственною ему выразительностію въ лицѣ, тонѣ и позѣ, но я же тамъ и не остался.

— Ну, въ этомъ мы сойтись можемъ, говорилъ генералъ въ примирительномъ тонѣ: вы укажите намъ, да не на словахъ только, но и на самой практикѣ докажите, что въ учебномъ заведеніи во всякихъ случаяхъ можно обходиться безъ этихъ, какъ вы говорите, не педагогичныхъ мѣръ, не нанося никакого ущерба дѣлу воспитанія и образованія. Вотъ мы вамъ въ теченіе нѣкотораго времени будемъ указывать на неисправимыхъ лѣнтяевъ, отчаянныхъ шалуновъ и другаго рода виртуозовъ, и если вы придумаете другія дѣйствительныя мѣры къ ихъ исправленію, тогда мы и разговаривать не станемъ, а безъ всякихъ колебаній изгонимъ розгу навсегда. Согласны на это?

— Конечно, согласенъ! самоувѣренно отвѣчалъ Перепелкинъ.

— А на комъ же будетъ лежать отвѣтственность въ томъ случаѣ, когда эти, опекаемые вами въ теченіе нѣкотораго времени, безъ нашихъ средствъ, все будутъ опускаться и дойдутъ до того, что имъ и поправиться уже трудно будетъ, даже подъ опасеніемъ примѣненія нашихъ испытанныхъ мѣръ, потому что по наукамъ запущено будетъ много, а по поведенію успѣютъ войти очень во вкусъ запретныхъ вещей, такъ что и розгой ихъ уже не запугаешь?

Рекомендованныхъ опекѣ Перепелкина оказалось нѣсколько человѣкъ, разныхъ классовъ и разнаго возраста, съ подробнымъ указаніемъ ихъ недуговъ и слабостей, исцѣляемыхъ розгами, потасовками и заушеніями. Особенное вниманіе, по предложенію старшаго и младшаго начальства, требовалось обратить на трехъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ, 19 лѣтъ, выпускнаго класса, былъ такъ аттестованъ: изъ смирнаго всегда и вездѣ и внимательнаго въ классѣ за прежнее время, вдругъ, по переходѣ въ старшій, послѣдній классъ, сдѣлался грубъ, дерзокъ, невнимателенъ, разсѣянъ, совсѣмъ пересталъ заниматься однимъ военнымъ предметомъ, преподавателю котораго надѣлалъ дерзостей два раза, за что былъ наказанъ карцеромъ и предупрежденъ, что, въ случаѣ новой жалобы со стороны того преподавателя, будетъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Другой воспитанникъ, 15 лѣтъ, среднихъ классовъ, при хорошихъ способностяхъ, недавно впалъ въ крайне упорную лѣность, уступающую только, до нѣкоторой степени, страху тѣлеснаго наказанія, которому онъ уже два раза въ короткое время подвергался. Третій субъектъ, 12 лѣтъ, втораго класса, замѣчался неоднократно въ кражѣ у товарищей лакомствъ и денегъ; кромѣ того былъ большой шалунъ и надоѣдалъ всѣмъ „приставаньемъ“, болтовней и разными „проказами“. Былъ нѣсколько разъ подвергаемъ тѣлесному наказанію, преимущественно за первый порокъ.

Перепелкинъ нашелъ возможность тотчасъ же приступить къ ближайшему ознакомленію себя съ этими тремя личностями, а мало по малу, постепенно, перезнакомился и со всѣми остальными, ввѣренными его наблюденію, дружески переговорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, вошелъ въ полное довѣріе къ нимъ и не вдолгѣ могъ уже сообщить тому и другому начальству, что оффиціальная точка зрѣнія на эти личности никуда не годится, что большинство изъ нихъ повинны только въ робости и недостаткѣ откровенности, а никакъ не въ упорной лѣности, грубыхъ и дерзкихъ счетахъ съ учителями, или дежурными офицерами, и тому подобныхъ слабостяхъ, слишкомъ строго и опрометчиво взвѣшенныхъ служебнымъ персоналомъ, но за которыя пришлось поплатиться унизительными наказаніями.

Перепелкинъ не могъ не прійти въ изумленіе, когда увидѣлъ, что воспитанникъ выпускнаго класса, характеризовавшійся невнимательнымъ, разсѣяннымъ и дерзкимъ, въ сущности былъ однимъ изъ тишайшихъ и смирнѣйшихъ его учениковъ, слушавшій его лекціи съ такимъ вниманіемъ, что, казалось, какъ-будто онъ хочетъ вскочить въ глаза преподавателя. Стоило только всмотрѣться въ его благодушную физіономію, чтобы сказать положительно, что такого типа

люди на дерзости неспособны. Но что они могутъ отвернуться отъ тѣхъ, кто ихъ вызываетъ на дерзости, мало того даже возненавидѣть ихъ—это другой вопросъ. А въ данномъ случаѣ такъ и было.

— Я удивляюсь, говорилъ ему Перепелкинъ, что вы у меня на лекціяхъ очень внимательны, а у другихъ, говорятъ, напротивъ, очень разсѣянны и совершенно не слушаете, что разсказываетъ преподаватель.

— Это неправда! отвѣчалъ онъ, вспыхнувъ: я только по одному предмету не то что разсѣянъ, а просто не слушаю преподавателя, потому что всегда занятъ одною мысью: за что онъ меня обидѣлъ предъ цѣлымъ классомъ и потомъ каждую лекцію сталъ придираться ко мнѣ. Я все хотѣлъ объясниться насчетъ этого съ Петромъ Ивановичемъ, да смѣлости не хватаетъ: онъ, вѣдь, родня ему. Если будетъ такъ относиться ко мнѣ, выйду изъ заведенія.

— Да вы, можетъ быть, пустое приняли за обиду?

— Я показалъ ему одно мѣсто въ его запискахъ и сказалъ, что не понимаю его, какъ-будто что-то пропущено, какъ-будто смысла недостаетъ, а онъ, презрительно смѣривъ меня глазами съ головы до ногъ, закричалъ: „безсмысленному всегда представляется, что недостаетъ смысла въ томъ, что онъ, по безтолковости своей, не понимаетъ“. Я вспыхнулъ, но ничего не сказалъ, а только отодвинулъ отъ себя записки и сѣлъ. „Встать!“ закричалъ онъ. Я всталъ. „Такихъ тупицъ не слѣдовало бы переводить“, началъ онъ опять, злобно и вызывающе смотря на меня. Ну, я сѣлъ и больше ужъ не всталъ.

Перепелкинъ дружески участливо выяснилъ ему, во-первыхъ, неловкость выраженій, употребленныхъ имъ при указаніи непонятыхъ вещей въ запискахъ преподавателя, за которую и слѣдовало тотчасъ же извиниться, какъ только преподаватель, очевидно, разсерженный ими, „презрительно началъ мѣрять его глазами съ головы до ногъ“, а не дожидаться, пока у него сорвутся оскорбительныя слова, чтобы затѣмъ „отодвинуть“, а можетъ быть правильнѣе—отбросить отъ себя записки и сѣсть, что уже, естественно, иначе не могло быть принято какъ за дерзость; во-вторыхъ, странное въ 19 лѣтъ, ребяческое недомысліе, выразившееся въ перенесеніи своего негодованія противъ учителя на предметъ его преподаванія, за что неизбѣжно придется поплатиться или оставленіемъ въ классѣ на второй годъ, или же выпускомъ безъ права немедленнаго производства.

Перепелкину удалось урезонить его насчетъ необходимости заняться такъ безцѣльно пренебреженнымъ предметомъ, начавъ съ того, что пропущено имъ; убѣдилъ онъ его, повидимому, и въ безусловной обязанности учащихся подчиняться общимъ трбованіямъ школы и не дозволять себя счетовъ по обидамъ за которыя онъ въ правѣ

жаловаться начальству, но о необходимости примиренія съ учителемъ, хоть въ душѣ, молодой человѣкъ и слышать не хотѣлъ.

— Не только его видъ, но даже голосъ его возбуждаетъ во мнѣ... трудно и выразить, что именно возбуждаетъ, но ужъ, конечно, не то, что ведетъ къ примиренію въ душѣ, говорилъ онъ.

Тѣмъ не менѣе онъ сталъ заниматься предметомъ и успѣвалъ въ немъ, насколько позволяли ему его способности. Но откуда же проистекаетъ его ненависть и такая непримиримая вражда къ преподавателю? думалъ Перепелкинъ: юноша простой, чуждый, повидимому, всякихъ претензій, при томъ же вполнѣ сознающійся, что неловкостью своихъ выраженій самъ подалъ поводъ къ оскорбительнымъ для него словамъ со стороны учителя — и вдругъ такое упорство въ нежеланіи примиренія съ нимъ въ душѣ, хотя наружно онъ сталъ къ нему въ должныя отношенія! Не выяснилось ли для него какимъ-либо путемъ, что затруднявшее его мѣсто въ запискахъ преподавателя, на которое онъ, по неловкости только, указалъ, какъ на не имѣющее смысла, дѣйствительно лишено такого даже и для мудрецовъ, и не чувствуется ли тутъ обида не за себя только, но и за нѣчто другое? Перепелкинъ полюбопытствовалъ прочесть это мѣсто. Да, въ немъ, дѣйствительно, „чего-то недостаетъ въ немъ смысла нѣтъ“. Не полѣнился онъ прочесть почти всѣ записки и нашелъ въ нихъ не одно такое мѣсто. Очевидно, онѣ компилированы съ разныхъ руководствъ, но потому стиль ихъ разнохарактерный. Кое-что, повидимому, переведено съ иностранныхъ языковъ и переведено очень дурно. Есть какъ-будто и самостоятельныя вставки, вѣроятно, принадлежащія компилятору, но онѣ-то именно и составляютъ больныя мѣста, по поводу которыхъ можно сказать: „какъ-будто что-то пропущено, какъ-будто смысла нѣтъ“. Не довѣряя себѣ, Перепелкинъ попробовалъ, за разъясненіемъ этихъ мѣстъ, обратиться къ спеціалистамъ предмета, прошедшимъ высшую военную школу. Одни изъ нихъ называли такія мѣста просто „ерундою“, другіе объясняли, что можно „такъ и этакъ“ понимать ихъ, а все-таки того... „какъ-будто чего-то недостаетъ, какъ-будто смысла нѣтъ“.

— Такъ зачѣмъ же было кипятиться, думалось Перепелкину, и другимъ волновать кровь, презрительно мѣряя глазами простодушнаго юношу и навязывая ему безсмыслiе, въ которомъ онъ совсѣмъ неповиненъ и которымъ корить его, по меньшей мѣрѣ, надо бы было несовѣститься.

Еще болѣе возмущала Перепелкина оффиціальная характеристика пятнадцатилѣтняго кадета среднихъ классовъ, открывшая въ немъ упорную лѣность, уступавшую только предъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. А между тѣмъ, на повѣрку вышло, что лѣности-то въ немъ

и не оказалось, а напротивъ было качество какъ разъ противоположное, именно такое прилежаніе, которое приводило въ удивленіе нѣкоторыхъ его товарищей, знавшихъ, какъ прежде ему легко было, при хорошихъ способностяхъ, приготовлять уроки, и какъ безплодны были теперь его усилія достигнуть по нѣкоторымъ предметамъ хоть сколько-нибудь сносныхъ результатовъ. Особенно не давались ему теперь предметы, по которымъ требуется память и за которые въ предыдущихъ классахъ онъ получалъ высокіе баллы. По этому и по нѣкоторымъ другимъ, наглядымъ признакамъ, Перепелкинъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ субъектомъ, преданнымъ тайному пороку, въ чемъ и получилось, послѣ дружеской бесѣды, полное, откровенное признаніе съ его стороны, раскрывшее, между прочимъ, весьма неприглядную картину нравовъ возрастнаго юношества, совершенно ускользавшую отъ вниманія начальства. Выслушавъ не безъ удивленія и страха, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести этотъ порокъ, если увлекшійся имъ не найдетъ въ себѣ силъ сразу оставить его, юноша расплакался и побожился, что никогда уже ничего подобнаго больше не будетъ дѣлать. И дѣйствительно онъ сдержалъ слово, равно какъ сдержали и многіе другіе, съ которыми счелъ нужнымъ переговорить по этому предмету Перепелкинъ, по собственнымъ наблюденіямъ, уже не имѣвшій никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что они также преданы этому пороку, бичу юношества.

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, охарактеризованный воромъ, дѣтски искреннимъ и чистосердечнымъ разсказомъ своимъ привелъ къ двумъ открытіямъ: во-первыхъ, что кража лакомствъ, денегъ, а иногда и книгъ для продажи очень распространена въ заведеніи между воспитанниками; во-вторыхъ, что въ послѣдній разъ онъ былъ наказанъ напрасно, такъ какъ „тридцать копѣекъ, пропавшія у одного мальчика, взялъ большой воспитанникъ И., а онъ только пообѣщалъ ему, размѣнявши свой рубль, положить эти деньги на мѣсто, но размѣнять не успѣлъ, какъ хватились денегъ и пристали къ нему, а онъ боялся разсказать все, какъ было, потому что И. больно дерется“.

Этотъ драчливый юноша И. тоже чистосердечно подтвердилъ все то, что разсказалъ маленькій воришка, къ недостаткамъ котораго онъ отнесъ только то, что, по неопытности, какъ новичекъ, онъ не умѣетъ еще запираться и хоронить концы, какъ другіе, а сейчасъ же или сознается или смолчитъ, какъ въ послѣдній разъ, что̀ и было принято за вину его въ кражѣ.

Хорошо перезнакомившись со всѣми воспитанниками заведенія, какъ въ одиночныхъ внѣклассныхъ бесѣдахъ съ ними, такъ и въ общихъ классныхъ по поводу какой-нибудь прочитанной статьи, Пе-

репелкинъ осмотрительно, съ большою осторожностью, но тѣмъ не менѣе и съ большою энергіей повелъ атаку противъ всѣхъ золъ, раскрытыхъ уже и постепенно раскрываемыхъ имъ въ средѣ юношества, и атака эта была до того небезуспѣшна, что результаты ея, кромѣ начальства старшаго и младшаго, постоянно выражавшаго Перепелкину благодарность за это, не могли быть не замѣчены и всѣмъ служебнымъ персоналомъ заведенія, изъ среды котораго многіе стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ и расположеніемъ, особенно Уклоновъ, часто посѣщавшій его и постоянно выражавшій удивленіе какъ энергичной его дѣятельности, такъ еще болѣе тому оживленію и движенію, которыя внесены имъ въ заведеніе. Заговорили объ этомъ и въ городѣ, что̀ повело къ тому, что къ Перепелкину стали наѣзжать съ визитами лица, съ которыми онъ не могъ состоять ни въ какихъ отношеніяхъ. Начальство откровенно созналось, что, повидимому, въ самомъ дѣлѣ можно обходиться безъ розги и даже не прибѣгая ни къ какимъ другимъ манипуляціямъ.

Распространившіеся въ городѣ слухи, что новоприѣзжій учитель умѣетъ выбирать интересныя вещи для чтенія и хорошо читаетъ ихъ въ заведеніи, возбудили въ интеллигентныхъ кружкахъ толки: „почему-де онъ, для развлеченія скучающихъ гражданъ, не прочтетъ чего публично, какъ это, молъ, дѣлается теперь повсюду?“ Объ этихъ толкахъ не переставали сообщать Перепелкину Уклоновъ и Петръ Ивановичъ, а иногда и директоръ, первый даже называлъ множество лицъ, сильно желавшихъ этого и замышлявшихъ уже лично обратиться къ Перепелкину съ просьбой объ удовлетвореніи ихъ желанія, а Петръ Ивановичъ и генералъ напоминали ему при томъ, что онъ-де имъ далъ обѣщаніе начать рядъ чтеній, да и его высокопревосходительству также, который-де тоже ждетъ исполненія этого обѣщанія. Перепелкинъ и самъ не забылъ этого, но еще не имѣлъ достаточно времени обдумать программу, съ чего начать чтенія и какъ вести ихъ.

Но пріѣздъ изъ столицы генерала для инспекціи ускорилъ это дѣло.

Перепелкинъ прочелъ стихотвореніе Лермонтова: „И скучно, и грустно, и некому руку подать“ и далъ такое развитіе лежащимъ въ немъ темамъ, что произвелъ сильное впечатлѣніе на аудиторію.

— Здѣсь ли не быть успѣхамъ, говорилъ послѣ лекціи инспектирующій генералъ, когда я и самъ готовъ бы былъ сѣсть на скамейку, чтобы послушать такого „увлекательнаго лектора“.

— Э, да вы, батенька, громъ и молнія! говорилъ директоръ Перепелкину, по уходѣ инспектирующаго, идя вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ къ нему навстрѣчу: признаюсь вамъ откровенно, я такихъ пламенныхъ рѣчей никогда не слыхалъ.

— Эти огневыя рѣчи, сказанныя съ публичной трибуны, несомнѣнно могутъ производить чудеса, продолжалъ онъ, но относительно ихъ дѣйствія на юнцовъ... еще надо подумать, да подумать, насколько онѣ могутъ быть полезны, какъ вызывающія мимолетныя, скоро преходящія чувства. Впрочемъ, Савва Саввичъ, пояснялъ инспекторъ генералу, только въ присутствіи такихъ гостей ударилъ по всѣмъ струнамъ и аккордамъ своего высоко настроеннаго инструмента, а на обыкновенныхъ лекціяхъ, какъ опытный педагогъ, онъ осторожно перебираетъ ихъ. Признться, я за одно боялся, какъ бы въ порывѣ пафоса не оборвалися у оратора мысль или слова, неудобныя для такой разнохарактерной аудиторіи, но—благодарить Бога—кажется, все обстояло благополучно.

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній отъ прочитанной лекціи и вторично выраженныхъ инспектирующимъ удовольствія и благодарности за все найденное, начальство, наговоривъ еще много любезностей и комплиментовъ Перепелкину, посулило ему и существенныя блага, часть которыхъ, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ него, оно въ непродолжительномъ времени и привело въ исполненіе.

Между тѣмъ уѣхавшій генералъ, передачею своихъ впечатлѣній въ нѣкоторыхъ домахъ города, по поводу прочитанной Перепелкинымъ лекціи, успѣлъ такъ поднять репутацію послѣдняго, что къ нему явилась депутація отъ интеллигентныхъ людей, съ просьбой начать рядъ чтеній, съ такимъ нетерпѣніемъ давно ожидаемыхъ публикой, и возобновить въ ихъ памяти лучшія вещи русской литературы.

Перепелкинъ назначилъ день и часъ для перваго чтенія, которое должно было происходить въ библіотечной залѣ корпуса, уставленной по стѣнамъ громадными книжными шкапами.

Перепелкинъ взошелъ на каѳедру, раскланялся передъ публикой, и воцарилось гробовое молчаніе.

„Для сегодняшняго чтенія,—сказалъ онъ смѣло, хотя и раскраснѣвшись,—я выбралъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ слѣдующія вещи: балъ у губернатора, пріѣздъ Коробочки въ губернскій городъ и разговоръ двухъ дамъ. Если будетъ угодно публикѣ, то въ слѣдующее чтеніе я буду имѣть честь войти въ подробное объясненіе причинъ, почему именно съ этихъ вещей я счелъ нужнымъ начать рядъ чтеній изъ Гоголя“.

Публика разразилась такими аплодисментами, что Перепелкинъ пришелъ въ крайнее смущеніе и еще пуще раскраснѣлся, особенно, отъ возникшаго вдругъ недоумѣнія, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ—кланяться публикѣ, или нѣтъ. Онъ предпочелъ послѣднее и отыскивалъ въ книгѣ мѣсто, откуда читать.

Чтеніе продолжалось полтора часа и, повидимому, доставляло большое удовольствіе слушателямъ, которые нѣсколько секундъ оглушали лектора рукоплесканіями, а когда глава края, подойдя къ каѳедрѣ и поблагодаривъ его, сказалъ нѣсколько словъ насчетъ его чтенія и вообще педагогическихъ талантовъ, то овапіямъ со стороны многолюдной аудиторіи не было конца.

Приближалось время втораго литературнаго вечера. Онъ назначенъ былъ на другой недѣлѣ въ тотъ же день и часъ, въ которые былъ первый. Въ обществѣ, по словомъ Уклонова и другихъ товарищей, только и толковъ было, что о прекрасно прочитанныхъ отрывкахъ изъ Гоголя, да о предположеніяхъ относительно возможныхъ комментаріевъ къ нимъ, которыхъ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Едва Перепелкинъ, предшествуемый Петромъ Ивановичемъ, вынырнулъ изъ плотно запертаго публикой большаго прохода и направился къ каѳедрѣ, какъ раздались такіе оглушительные апплодисменты, что онъ совершенно растерялся, раскраснѣлся, какъ піонъ, и раскланялся съ публикой.

Лекторъ широко раздвинулъ предѣлы подготовленныхъ комментаріевъ къ прочитанному, и, охарактеризовавъ выдающіяся въ отрывкахъ личности, онъ съ большимъ увлеченіемъ распространялся о томъ, что если бы мы сознавали въ себѣ безсмертную природу, то, естественно, и воспитаніе наше состояло бы не въ одномъ только пріобрѣтеніи научныхъ познаній, при чемъ единственнымъ двигателемъ, большею частію, бываетъ одинъ эгоизмъ, но и въ широкомъ развитіи чуткости къ правдѣ, къ добру и красотѣ, послѣдствіемъ чего было бы органически выросшее въ душѣ неодолимое отвращеніе къ безобразіямъ всякого рода и вида. А лучшимъ-де пособіемъ, говорилъ онъ, „для возведенія себя на степень разумнаго человѣка и просвѣтленной личности, служитъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, изученіе основныхъ идей въ истинно художническихъ произведеніяхъ, потому что всѣ эти основныя идеи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и отправленія моральнаго міра изъ разбора и усвоенія ихъ мыслію“.

Когда Перепелкинъ окончилъ лекцію, продолжавшуюся болѣе полутора часа и выслушанную публикою съ большимъ вниманіемъ и, повидимому, безъ всякаго утомленія, раздались такіе шумные и дружные апплодисменты, что лектору почувствовалось какъ-то неловко, тѣмъ болѣе, что глава края, кивнулъ ему издали любезно головой, поспѣшно ушелъ, сопровождаемый большой свитой, а обступившія его личности очень ужъ неистово выражали свое сочувствіе всему, сказанному на лекціи.

— Отецъ родной! говорилъ на ухо Перепелкину Петръ Ивано-

вичъ, уводя его къ окну въ сторону: вѣдь, я вамъ, кажется, говорилъ ужъ разъ, что языкъ вашъ—врагъ вашъ. Сколько самолюбій вы сегодня задѣли и сколько вражды къ себѣ—я увѣренъ въ томъ, и самой неумолимой, вы заложили въ души нашихъ Чичиковыхъ, Коробочекъ и другихъ, ловко схваченныхъ и очерченныхъ вами типовъ! Неужели вы думаете, вамъ простятъ это? Скажи вы все это съ меньшей страстностью, безъ огня, и, конечно, бѣды тутъ особенной не было бы: всякій Климычъ, по Крылову, кивалъ бы украдкой на Петра. Но, къ несчастію, у васъ все—голосъ, манера, интонація, лицо, глаза такъ, кажется, и говорятъ каждому: нѣтъ, стой, не уйдешь! Я раскопаю, дескать, въ твоей душонкѣ всю грязь, дамъ тебѣ ее понюхать и преподнесу другимъ для созерцанія. Вотъ въ чемъ бѣда, достоуважаемый Савва Саввичъ.

— Ну, я больше предъ публикой не явлюсь, говорилъ Перепелкинъ, озадаченный перспективой враждебныхъ отношеній ея къ нему.

— Нѣтъ, не то... а нельзя ли побольше самообладанія и спокойствія? Вѣдь, были моменты, когда, по всей вѣроятности, многимъ, подобно мнѣ, такъ и хотѣлось бы броситься къ вамъ и расцѣловать за умныя вещи, выраженныя съ необыкновенной силой, но были и другіе, которые заставляли меня дрожать, какъ бы не сорвалось у кого тяжко-обидное слово для васъ.

Слова Петра Ивановича, сказанныя искренно и задушевно, сильно смутили Перепелкина, даже до того, что онъ постарался незамѣтнымъ образомъ ускользнуть отъ лицъ, очевидно, остававшихся для выраженія ему признательности за доставленное удовольствіе. Но этому смущенію и предѣловъ уже не было, когда, при спускѣ съ лѣстницы, у него вдругъ слетѣлъ съ головы цилиндръ и тутъ же у ногъ очутился камушекъ, оставившій знакъ на шляпѣ.

„Вотъ она—теплая-то проповѣдь! всю дорогу думалъ онъ: вѣдь окалѣчилъ бы, каналья, если бы попалъ въ голову... а то, пожалуй, и убилъ бы... испугъ... сотрясеніе мозга. „Побольше спокойствія и самообладанія“, говоритъ Петръ Ивановичъ. Да гдѣ жъ его взять, когда натура такая! Да едва-ли и возможно такое блаженное спокойствіе для людей, которые говорятъ вещи не изъ головы только, но и отъ сердца“.

— Что ты такой блѣдный? встрѣчала Люба мужа, бросаясь ему на шею и цѣлуя его: я ужъ ждала, ждала тебя. Сейчасъ была здѣсь Серафима Ѳедоровна, съ лекціи твоей заѣхала. „Ну, ужъ, говоритъ, что это за мужъ у васъ такой! Языкъ у него какъ бритва: такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ имъ, направо и налѣво, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ. Все тарантила тутъ про тебя, я думаю, съ полчаса“.

Учитель исторіи и Перепелкинъ любили свое дѣло, обладали даромъ слова и умѣли пробудить въ питомцахъ такой интересъ къ своимъ предметамъ, что любо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ поджидали ихъ въ классѣ всѣ учащіеся.

Начальство, старшее и младшее, цѣнило ихъ дѣятельность. Перепелкину не безъ основанія казалось, что многіе изъ сослуживцевъ его, равно какъ не мало интеллигентныхъ лицъ изъ общества, относились къ нему не только сочувственно, но съ большимъ уваженіемъ и даже расположеніемъ, именно въ силу пользы, приносимой имъ заведенію, и потому его не смущали, а, напротивъ, только смѣшили и подстрекали къ болѣе энергичной дѣятельности на избранномъ пути и въ задуманномъ направленіи тѣ мелкія интрижки, со стороны лицъ, на его взглядъ ничтожныхъ, которыя начались и довольно прозрачно велись противъ него въ самомъ заведеніи, направляемыя искусною рукой его предшественника, подлежавшаго изгнанію изъ заведенія, но по милости Перепелкина оставленнаго въ заведеніи, даже ввѣреннаго его опекѣ, и такимъ образомъ, какъ и предупреждало начальство, отплачивавшаго своему патрону за его неумѣстное великодушіе и принятую на себя, ради его спасенія, опеку. Еще менѣе безпокоили Перепелкина грубыя выходки чиновныхъ гражданъ, которые сейчасъ же показали, что „рыльцо у нихъ въ пуху“, когда, послѣ сдѣланныхъ во вторую лекцію поясненій къ Гоголю, они такъ разозлились на лектора, что не разъ почтили его ругательскими анонимными письмами, которыя, впрочемъ, особенно на первыхъ порахъ, могли только смѣшить, а не сердить адресата.

Было два письма и отъ особъ прекраснаго пола, но оба исполнены доброжелательства къ лектору.

„Многіе разсердились на васъ за выборъ къ чтенію отрывковъ изъ Гоголя“, писала одна, „но я нисколько. А все-таки не совѣтовала бы продолжать его, а особенно дѣлать поясненія къ нему, во вредъ себѣ. Гоголя не только здѣсь, но и въ столицахъ не любятъ, даже презираютъ. Да и дѣйствительно, онъ какой-то сумашедшій былъ: ну, кто жъ таки видалъ или слыхалъ когда, чтобъ офицеры на шпагахъ подавали дамамъ тарелки съ кушаньемъ, какъ онъ изображаетъ это за ужиномъ у губернатора. Вотъ вамъ фактъ. А непристойностей сколько! Да вы и сами хорошо это чувствовали, потому что все краснѣли, да краснѣли, во время чтенія. При такомъ прекрасномъ чтеніи вамъ не трудно будетъ заинтересовать всѣхъ и другимъ какимъ писателемъ и доставить каждому изъ слушающихъ истинное удовольствіе“.

Другая шла дальше въ совѣтахъ: „Удивительно какъ хорошо вы читаете! Но знаете ли, что я вамъ скажу? Вы Гоголя не читайте

больше, а то повредите себѣ. Вѣдь имъ зачитываются только хохлы, къ которымъ, судя по выговору, вы, кажется, не принадлежите. Да и хохлы не всѣ, особенно съ высшимъ образованіемъ. У насъ тутъ есть два, даже три генерала изъ настоящихъ хохловъ, любителей галушекъ, варениковъ, пампушекъ и другихъ продуктовъ хохлацкой кухни, но люди очень образованные, солидные и съ большимъ вѣсомъ, такъ тѣ просто удивились вашему выбору: „что это", говорятъ, „человѣкъ какъ-будто и неглупый, а выбралъ такую дребедень для угощенія насъ при первомъ знакомствѣ". Одинъ изъ нихъ былъ даже лично знакомъ съ Гоголемъ, но не хвалитъ его ни за умъ, ни за характеръ. „Это", говоритъ, „былъ ни больше, ни меньше, какъ балагуръ, вродѣ раечниковъ", знаете, которые въ балаганахъ смѣшатъ и потѣшаютъ, кривляньемъ да побасенками, простонародье. Вотъ бы вы разодолжили насъ, если бы выбрали для чтенія что-нибудь чувствительное, напримѣръ, изъ Клятвы при гробѣ Господнемъ, Полеваго или у Вельтмана изъ романа „Каломеросъ". Вы, вѣдь, знаете, какія тутъ есть чудныя вещи въ этомъ родѣ. Но если вы предпочитаете веселое, смѣшное, то, я увѣрена въ томъ,—доставили бы большое удовольствіе публикѣ, прочитавъ изъ „Юрія Милославскаго", Загоскина, ту удивительно смѣшную сцену, гдѣ герой романа, остановившись на постояломъ дворѣ, угощаетъ гусемъ Пана Копичинскаго Эта сцена, особенно при вашемъ чтеніи, я знаю, вызвала бы самый искренній смѣхъ, а не тотъ, который былъ только подражаніемъ другимъ, тоже, я думаю, смѣявшимся притворнымъ, вынужденнымъ смѣхомъ".

Реформы, осуществленія которыхъ можно было уже ожидать со дня на день, дѣйствительно занимали всѣхъ и даже прекрасный полъ. Перепелкинъ, не разъ уже посѣтившій съ Любой мѣстный клубъ, чисто былъ осаждаемъ вопросами, не извѣстно ли ему чего по части предположенныхъ преобразованій. Небывалое оживленіе въ литературѣ, начавшееся именно въ виду задуманныхъ правительствомъ великихъ реформъ, сильно подняло духъ въ людяхъ честныхъ, исполненныхъ истиннаго патріотизма, и сильно смутило, даже, можно сказать, приводило въ страхъ и трепетъ тѣхъ, которые, подобно паразитамъ, привыкли жить насчетъ излюбленнаго отечества, высасывая изъ него соки и ловя въ мутной водѣ рыбешку. Этихъ недоброжелателей тѣмъ труднѣе было узнать Перепелкину, что они въ отношеніи къ нему отличались внимательностію, предупредительностію, любезностію и даже постояннымъ заискиваніемъ его дружбы.

— Будь сдѣлана со стороны новаго вашего учителя маленькая бы уступочка общественнымъ нравамъ и привычкамъ, и его несомнѣнно полюбили бы здѣсь всѣ, потому что у него, по мнѣнію всѣхъ, даже

и недоброжелателей его, есть много симпатичныхъ чертъ, такъ передавалъ однажды отзывъ главнаго начальника края Петръ Ивановичъ Перепелкину, пріѣхавъ очень рано для поздравленія его съ днемъ ангела.

— Первая ваша ошибка, продолжалъ онъ, состояла въ томъ, что вы, кромѣ начальства, никому не сдѣлали визитовъ, а этого вездѣ никому никогда не прощаютъ и не забываютъ. Но самый главный вашъ недостатокъ, возбуждающій многихъ противъ васъ, заключается въ томъ, что вы не настолько владѣете собой, чтобы скрыть, приличныхъ сношеніяхъ, пренебреженіе, которое вы чувствуете къ людямъ дѣйствительно мерзкимъ, а кто же безнаказанно позволитъ себя признавать таковымъ. Наконецъ, вы нигдѣ не бываете, а это невольно охлаждаетъ къ вамъ и тѣхъ, которые несомнѣнно питаютъ къ вамъ глубокое уваженіе и могли бы сдѣлаться вашими искренними друзьями. Все это Перепелкинъ и самъ сознавалъ и хорошо понималъ, но и освободиться отъ этихъ недостатковъ было или не въ его силахъ или не въ его желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Непрактичность Перепелкина въ дѣлахъ житейскихъ создала для него, помимо воспитанія дѣтей, и другія заботы, экономическаго свойства.

А между тѣмъ время все идетъ, да идетъ, не исцѣляя идеалиста отъ его утопическихъ мечтаній. Вотъ пронеслись надъ страной, скоро одна за другой, важныя государственныя реформы; но въ этомъ отдаленномъ краѣ, гдѣ онъ задался цѣлію воспитывать юношество на гуманныхъ началахъ, онѣ временно только возбуждали общественное мнѣніе, а потомъ также скоро и забывались, такъ какъ только немногими сторонами касались этого захолустья. Повѣсившіе, было, носы, въ ожиданіи разныхъ реформъ, и приходившіе даже часто въ большое уныніе мужи мрака и всякаго зловреднаго лицедѣйства теперь подняли головы, ожили и загоготали. Они уже даже не скрывали своего отвращенія и полнаго презрѣнія ко всякимъ новшествамъ, указывая на расколъ, происшедшій въ большой прессѣ. Либеральничавшая на англійскій манеръ большая московская газета и сателлитъ ея, журналъ, вдругъ перемѣнили фронтъ и, ставъ въ враждебное отношеніи ко многимъ явленіямъ, вызваннымъ реформами, поставили ихъ за счетъ и вмѣнили въ вину новымъ литературнымъ дѣятелямъ, на которыхъ и стали науськивать всякихъ мракобѣсцевъ. Людей талантливыхъ, имѣвшихъ возвышенное и благородное стремленіе выяснить въ полнотѣ объема значеніе каждой реформы и извлечь изъ нея все добро, какое она только дать можетъ, стали обзывать „разбойниками печати“, „мошенниками пера“, даже просто ворами, способными вытащить изъ кармана носовой платокъ.

Наконецъ, коснулась реформа, очень важная, много обѣщавшая, тѣхъ учрежденій, гдѣ служилъ Перепелкинъ, и сильно поддержала идеалиста въ его мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ.

Но, вопреки ожиданіямъ, и реформированіе здѣшняго корпуса слишкомъ запоздало въ сравненіи съ корпусами въ столицахъ и другихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, та осторожность и осмотрительность, съ которыми совершались эти преобразованія, заставляли предполагать, что они задуманы людьми умными и высоко развитыми. Что болѣе всего огорчало Перепелкина, въ виду предстоящей реформы заведенія, такъ это переходъ на службу въ столицу умнаго и энергичнаго Петра Ивановича, умѣло и не безрезультатно направлявшаго педагогическое дѣло къ тѣмъ же цѣлямъ, которыя такъ ярко выступили въ положеніяхъ и инструкціяхъ, сочиненныхъ для реформируемыхъ корпусовъ. Не много позже вышелъ въ отставку и начальникъ заведенія. Перемѣнились, слѣдовательно, главные заправители заведенія, и эта перемѣна сказалась на многомъ, но далеко не въ пользу заведенія. Той крѣпкой, руководящей силы, которая сознательно и разумно давала тонъ и направленіе всѣмъ функціямъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ заведеніи и которую олицетворялъ въ себѣ выбывшій въ столицу Петръ Ивановичъ, уже не чувствовалось никогда послѣ. Новый начальникъ оказался личностью въ высшей степени симпатичною, доброю, гуманною и разумною, но, къ несчастью для него и для заведенія, онъ былъ одержимъ слабостью, отъ которой много гибло хорошихъ людей на Руси. Не то чтобы онъ компрометтировалъ себя, съ этой стороны, въ обществѣ или на службѣ, нѣтъ, онъ всегда и вездѣ держалъ себя съ достоинствомъ, прилично, но горькое чувство въ самомъ себѣ отъ сознанія этой слабости и вѣчная боязнь потерять мѣсто, или нажить себѣ враговъ, дѣйствуя по совѣсти и справедливости, лишали его той энергіи, почина, самостоятельности и вполнѣ осмысленныхъ, раціональныхъ и своевременныхъ мѣропріятій, къ которымъ несомнѣнно онъ былъ очень способенъ. Эту сторону его хорошо понимали люди нечестные всякихъ категорій и эксплоатировали ее какъ нельзя болѣе, но, разумѣется, съ наибольшею удачею, Утягаевы, Загребаевы, Таскаловы, изъ которыхъ, одинъ бросившій жену, прекрасную женщину, и оставившій послѣ своей смерти очень крупный кушъ денегъ своей любовницѣ, равно какъ и домъ, въ которомъ съ нею жилъ, — собственно и былъ виновникомъ преждевременной смерти почтеннаго генерала, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго. Для такой благородной, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ личности, лишенной только возможности, вслѣдствіе своей мнительности, развернуться по дѣламъ своего управленія во всей широтѣ далеко незаурядныхъ своихъ моральныхъ силъ, ума

и энергіи, полезными помощниками могли быть люди, вродѣ выбывшаго Петра Ивановича, способные къ разумной самостоятельной иниціативѣ, которой генералъ не только не оказалъ бы противодѣйствія, но, напротивъ, всѣми силами поддерживалъ бы ее, какъ нѣчто такое, что идетъ не отъ него, но къ чему обязываетъ долгъ службы, совѣсть и разумъ. Къ несчастію для заведенія помощниками являлись люди совершенно не тѣхъ свойствъ. Одинъ, по умственному развитію, направленію и энергіи, можетъ быть, и не лишенъ былъ способности дѣйствія въ духѣ выбывшаго Петра Ивановича, но былъ одержимъ такимъ непомѣрно свирѣпымъ самолюбіемъ, которое только и заставляло его озираться подозрительно кругомъ, не заслоняетъ ли кто выдающимися способностями и авторитетностью его дѣятельность, совершенно, впрочемъ, пассивную. Даже весьма осторожный въ сношеніяхъ съ начальствомъ и въ проявленіи своей самостоятельности, сдѣлавшійся оффиціальнымъ помощникомъ помощника Уклоновъ, не только не пользовался его расположеніемъ, но просто былъ ненавидимъ и нетерпимъ. Въ отношеніи же Перепелкина, чуждаго свойствъ Уклонова, онъ, этотъ самолюбецъ, держался другой тактики: ставъ, послѣ одной крупной ссоры съ нимъ, въ дружескія, повидимому, даже и очень дружескія отношенія, онъ, какъ впослѣдствіи оказалось, всѣ усилія употреблялъ, чтобъ поколебать и разрушить авторитетъ педагога въ общественномъ мнѣніи. Съ такою же справедливостью отнесся онъ и къ заслугамъ своего предшественника, послѣ отбытія котораго вскорѣ была инспекція заведенія пріѣхавшимъ изъ столицы генераломъ. Послѣдній что-то похвалилъ. „Ахъ, ваше превосходительство, имѣлъ онъ смѣлость сказать: теперь это сносно, а прежде что тутъ было“. . . и, не докончивъ поясненіемъ, что тутъ было прежде, лукавецъ только рукой махнулъ. Между тѣмъ дѣло касалось какого-то порядка, заведеннаго именно выбывшимъ Петромъ Ивановичемъ, который много разумнаго, цѣлесообразнаго ввелъ въ сложный механизмъ управленія заведеніемъ. Впослѣдствіи оказалось, что своими корреспонденціями въ столицу онъ много горя причинялъ и вносилъ тревоги въ душу и благороднѣйшему начальнику заведенія, которому какъ-будто на роду было написано имѣть помощниками людей, крайне несимпатичныхъ ему, потому что, по переходѣ этого завистливаго самолюбца въ другое заведеніе, явился на смѣну ему человѣкъ съ такимъ недомысліемъ по дѣламъ педагогическимъ, съ такою отчужденностью отъ науки, ея цѣлей и задачъ, съ такою неприкосновенностью къ какимъ бы то ни было идеальнымъ помысламъ, да вдобавокъ еще съ такою алчностью къ деньгамъ, что можно было удивляться, какъ это поспѣлъ и во всеоружіи явился подобный господинъ какъ разъ въ моментъ полнаго переформированія заведенія.

По вступленіи въ должность, онъ немедленно обратилъ вниманіе на ссудо-сберегательную кассу сослуживцевъ, которая, за 6 годовыхъ процентовъ, приносила пользу какъ умѣющимъ сберегать, такъ еще болѣе тѣмъ, которые обзавелись домишками въ долгъ и выплачивали его по частямъ. Желая быть новаторомъ, онъ расширилъ удобства займа, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ, имѣвшихъ наклонность по уши залѣзать въ долги, да не обидѣлъ и сберегателей деньги, преимущественно въ лицѣ Загребаемыхъ, поднявъ процентъ съ 6 на 9, подъ предлогомъ якобы бо̀льшаго удобства въ разсчетахъ, затѣмъ въ видахъ, дескать, поощренія къ сбереженіямъ,—однихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воздержанія другихъ отъ неумѣренныхъ займовъ, для каковыхъ цѣлей вложилъ въ кассу приличный капиталецъ и пользовался съ процентовъ на него не маленькимъ подспорьемъ къ своему жалованью. Другихъ слѣдовъ его самостоятельности напрасно было бы искать.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Наполеонъ на борту „Нортумберланда“

(по неизданному документу).

Лас-Казесъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ о св. Еленѣ, разсказываетъ, что 7-го августа 1815 г., Наполеонъ, взойдя на бортъ, „Нортумберланда“, имѣлъ „длинный разговоръ, касающійся политики и высшаго управленія съ нѣкіемъ Литльтономъ [1])“. Такъ какъ оба собесѣдника находились въ сторонѣ отъ другихъ, то никто изъ постороннихъ не могъ слышать ихъ разговора. Варденъ [2]) тоже указываетъ на этотъ фактъ, не давая никакихъ о немъ подробностей. Лица, наиболѣе освѣдомленныя въ библіографіи Наполеоновской эпохи, равнымъ образомъ ничего не знаютъ о содержаніи этого разговора. Итакъ, до настоящаго времени надо считать еще неопубликованнымъ тотъ архивный документъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Этотъ документъ находится въ королевскихъ архивахъ, въ Дрезденѣ и составляетъ часть дѣла г. Жюста (M. Just), бывшаго саксонскаго посланника въ Лондонѣ, въ 1816 году, и озаглавленъ: By Mr Lyttelton, when Bonoparte arrived in England on board of a vessel. Этотъ документъ не сопровождается никакими поясненіями, но можно предположить, что саксонскій посланникъ, зная чувства своего государя, думалъ, что доставитъ ему удовольствіе, если попроситъ Литльтона проредактировать отчетъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ 7-го августа 1815 года. Документъ написанъ по-англійски; происходившій же разговоръ приведенъ на французскомъ языкѣ.

---

[1]) Mémorial de Sainte-Hélène. Garnier. Paris. Sans date, стран. 56.

[2]) W. Warden. Letters written on board his Majesty's ship the Northumberland and at Saint Helena. Bruxelles. 1819. стран. 9 и 11.

Литльтонъ (В. Х.) [1]), членъ парламента отъ Ворчестершира, пишетъ слѣдующее:

„Было около часа по полудни 7-го августа 1815 г., когда Наполеонъ вошелъ на бортъ „Нортумберланда", стоявшаго на якорѣ передъ Торбэемъ. Благодаря счастливой случайности и дружбѣ, связывающей меня съ адмираломъ сэромъ Георгіемъ Кокбурномъ, я какъ разъ къ этому часу находился на кораблѣ и могъ выбрать мѣсто, съ котораго я могъ видѣть всѣ подробности описываемой сцены. Я помѣстился такъ, чтобы ничто не мѣшало мнѣ видѣть происходившее, т. е. на той сторонѣ, съ которой прибылъ Бонапартъ на шлюпкѣ. Бонапартъ сидѣлъ такъ, что я отчетливо видѣлъ его профиль. Мое первое впечатлѣніе было, что онъ чрезвычайно похожъ на свои портреты; однако его щека мнѣ показалось болѣе широкой, чѣмъ она изображалась на нихъ. Онъ сидѣлъ влѣво отъ адмирала Кейта и не открывалъ рта. Мое вниманіе было сосредоточено на немъ въ такой степени, что мнѣ невозможно было бы назвать тѣхъ его офицеровъ, которые его сопровождали. Однако я думаю, что Бертранъ былъ изъ ихъ числа, такъ какъ онъ первый вступилъ на бортъ „Нортумберланда". Снявъ шляпу, вытянувшись въ струнку, онъ всталъ справа отъ траппа, возвѣщая этимъ прибытіе его государя. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Бонапартъ. Слегка приподнявъ шляпу, съ открытымъ и улыбающимся видомъ онъ сказалъ приближающемуся къ нему для пріема Кокбурну:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Часовой, стоявшій у траппа, взялъ на караулъ въ тотъ самый моментъ, когда Наполеонъ вступилъ на палубу. Бонапартъ быстро прошелъ впередъ и выразилъ желаніе познакомиться съ капитаномъ Россъ, капитаномъ корабля. Это желаніе было немедленно исполнено. Морскіе солдаты, выстроенные на бакъ-бордѣ, взяли на караулъ, когда онъ проходилъ мимо нихъ. Такъ какъ капитанъ Россъ не зналъ ни одного слова по-французски, то оба удовольствовались молчаливымъ поклономъ, и Бонапартъ прошелъ далѣе, гдѣ его ожидали сэръ Георгій Бингамъ (53-го полка, который отправлялся на св. Елену), лордъ Лаутеръ, Эдмундъ Бингъ и артиллерійскій офицеръ, имени котораго я не знаю. Сэръ Кокбурнъ представилъ ихъ, одного за другимъ, Бонапарту. У Бингама онъ спросилъ, какого онъ полка и гдѣ служитъ. Лорду Лаутеру и Бингу онъ задалъ нѣсколько незначущихъ вопросовъ, напримѣръ, откуда они, вернутся ли они на материкъ и т. д. Артиллерійскому же офицеру онъ сказалъ:

— Я самъ вышелъ изъ артиллеріи.

---

[1]) W. H. Lyttelton умеръ въ Лондонѣ 1-го мая 1837 г.

Я стоялъ такъ, что ни Наполеонъ, ни адмиралъ не могли меня видѣть, а потому я и не былъ представленъ этимъ послѣднимъ.

Во время этой церемоніи Наполеонъ сохранялъ любезный видъ. Склонившись къ тому, съ кѣмъ разговаривалъ, онъ не переставалъ улыбаться, держа свою шляпу въ рукахъ. Благодаря этому я могъ замѣтить, что онъ былъ плѣшивъ, и его темно-красные волосы были длинны, жестки и, да простятъ мнѣ слово, въ безпорядкѣ. Выраженіе его лица дышало скорѣе тонкостью и хитростью, нежели благородствомъ. Въ его взглядѣ проскальзывали огоньки какой-то кровожадности (férocе). Предполагаю, что огонь его взгляда, о которомъ мнѣ такъ много говорили раньше, былъ значительно уже ослабленъ годами и заботами. Что касается до цвѣта его лица, то онъ былъ не только блѣденъ, но еще и болѣзненъ.

Таковы были первыя наблюденія, сдѣланныя мною при видѣ Бонапарта.

Послѣ небольшой задержки при обстоятельствахъ, мною вышеописанныхъ, онъ вышелъ въ заднюю каюту въ сопровожденіи лорда Кейта и сэра Кокбурна. За нимъ послѣдовали офицеры, и я его увидѣлъ снова часа черезъ полтора.

Лордъ Кейтъ и сэръ Кокбурнъ пробыли съ нимъ въ каютѣ всего нѣсколько минутъ. Все, что я узналъ, это то, что Бонапартъ выразилъ желаніе, чтобы ему были представлены всѣ офицеры корабля. Это было сдѣлано немного позднѣе.

Свита Бонапарта состояла изъ слѣдующихъ лицъ, которыя сопровождали его на Св. Елену: генералъ Бертранъ съ женою, графъ и графиня Монтолонъ, графъ Ласъ-Казесъ и генералъ Гурго. Они прибыли на бортъ „Нортумберланда“ одновременно со своимъ государемъ, и, какъ только Наполеонъ скрылся съ моихъ глазъ, я обратилъ на нихъ свое вниманіе.

Изъ четырехъ спутниковъ развѣнчаннаго императора, выдѣляющимся былъ только Бертранъ. Ставши знаменитымъ на всю Европу постоянствомъ своей привязанности къ Наполеону, онъ привлекъ на себя все мое любопытство. Однако, онъ обманулъ мои ожиданія.

Ни его взглядъ, ни наружный видъ не обнаруживали, какъ мнѣ показалось, ничего великаго или необычайнаго. Однимъ словомъ, я не обратилъ бы на него вниманія, если бы не зналъ его своеобразную исторію. Монтолонъ, Лазъ-Казезъ и Гурго не заслуживаютъ описанія, и мнѣ кажется, право, что было бы трудно выбрать дѣйствующими лицами въ этотъ моментъ людей менѣе симпатичныхъ и менѣе интересныхъ. Одинъ Бертранъ казался взволнованнымъ, и иногда въ его взорѣ загоралась злоба и гордость. Лица остальныхъ не выдавали самаго обычнаго для данныхъ обстоятельствъ чувства скорби.

*

Сидя за столомъ въ передней каютѣ, всѣ они писали. Вскорѣ къ нимъ присоединились Лалеманъ и другіе офицеры, пожелавшіе проститься съ Наполеономъ и которымъ было разрѣшено оставаться на кораблѣ, сколько они пожелаютъ. Савари уже разстался съ Наполеономъ на „Белерофонтѣ“, такъ что я не имѣлъ случая его увидѣть. Между тѣми, кто остался вѣренъ Наполеону до послѣдняго момента, весьма немногіе заслуживаютъ описанія.

Физіономія Лалемана была темна, строга и внушительна. Его фигура дышала благородствомъ. Среди провожающихъ было два польскихъ офицера: одинъ весьма пожилой, а другой—въ цвѣтѣ лѣтъ. Ихъ внѣшность и манеры производили впечатлѣніе. Старшій, маститый старецъ, огромнаго роста поражалъ своимъ видомъ, оригинальнѣе и живописнѣе котораго я никогда не видѣлъ. Нельзя было безъ волненія и уваженія смотрѣть на этого благороднаго ветерана, съ героическимъ взоромъ, въ польскомъ костюмѣ, столь характерномъ и столь хорошо сдѣланномъ, чтобы невольно приходила въ голову грустная участь его раненой на смерть родины. Этотъ великолѣпный старецъ слѣдовалъ за господиномъ своего выбора, и его не страшила перспектива вторичнаго изгнанія.

Его спутникъ, потому ли, что онъ былъ болѣе взволнованъ, потому ли, что менѣе владѣлъ собой, глубоко потрясалъ душу зрителя. Ни его лицо, ни весь онъ—ничего особеннаго сами по себѣ не имѣли. Но та скорбь, та мука, которую онъ переживалъ съ того момента, какъ ему объявили, что онъ долженъ разстаться съ Бонапартомъ, переходили мѣру всѣхъ тѣхъ чувствъ, которымъ я былъ когда-либо свидѣтелемъ. Его видъ вызывалъ непреоборимое сочувствіе.

Оба они умоляли лорда Кейта разрѣшить имъ сопровождать Наполеона на св. Елену. Старецъ изложилъ свою просьбу въ твердыхъ выраженіяхъ, рѣшительнымъ и мужественнымъ голосомъ. Другой повторилъ ее, обливаясь слезами и не впадая въ отчаяніе отъ неудачи, постигшей просьбу его старшаго товарища. Подъ конецъ онъ умолялъ:

— А если я откажусь отъ моего чина?

На отвѣтъ, что число офицеровъ, назначенныхъ для сопровожденія Бонапарта, не можетъ быть измѣнено, онъ спросилъ, не возьмутъ ли его въ качествѣ прислуги. Когда онъ окончательно убѣдился въ невозможности добиться просимаго, онъ впалъ въ состояніе, граничащее, какъ мнѣ показалось, съ сумасшествіемъ. Со щеками, залитыми слезами, конвульсивно сжимая свою польскую шапочку одной рукой, онъ другой не переставалъ тереть глаза. Разговаривая безсвязно самъ съ собой, онъ ходилъ взадъ и впередъ, и лицо его выражало такое безграничное отчаяніе, что я ждалъ съ минуты на минуту, что

онъ броситься въ море. Его звали, какъ кажется, Пинтовскимъ [1]); во всякомъ случаѣ это не былъ Понятовскій. Впослѣдствіи я съ большой радостью узналъ, что наше правительство, въ вознагражденіе за его вѣрную привязанность, разрѣшило ему отправиться на св. Елену съ сэромъ Гудзономъ Лоу.

Что касается госпожъ Бертранъ и Монтолонъ, то трудно было бы отыскать двухъ лицъ болѣе различныхъ тѣлесно и духовно. Первая изъ нихъ, которая на „Белерофонтѣ“ дошла до крайности [2]), казалась болѣе обезсиленной, чѣмъ спокойной.

Ея наружность выдавала чрезвычайное волненіе и нетерпѣніе. Изъ себя длинная и худая, съ сильно орлинымъ носомъ, она очень похожа на лэди Диллонъ, которой приходится, если не ошибаюсь, очень близкой родственницей. Госпожа Монтолонъ, наоборотъ, давала примѣръ спокойной покорности, столь подходящей къ ея полу, и нельзя было не чувствовать живѣйшей симпатіи къ тѣмъ страданіямъ, которыя она переносила съ такой самоотверженностью. Она красивая женщина, лицо которой дышетъ мягкостью и умомъ.

Остальныя лица изъ свиты Бонапарта, прибывшія на „Нортумберландъ“, чтобы съ нимъ попрощаться, были большею частью молодые офицеры-ординарцы въ разноцвѣтныхъ формахъ. Они не трудились даже представиться огорченными, и я полагаю, что они имѣли очень умѣренную привязанность къ своему господину. Хирурга, (Мэнго), который отказался за нимъ слѣдовать, я вовсе не видѣлъ. Онъ не показывался, когда другіе покидали „Белерофонтъ“, и предполагали, что онъ скрытно удалился, чтобы избѣжать тягостныхъ встрѣчъ.

Изъ скромности мы удалились, когда началось прощаніе, и я ничего не слышалъ, что было при этомъ говорено.

Черезъ полчаса послѣ этого,—Бонапартъ имѣлъ, значитъ, время оправиться, еслибы былъ взволнованъ,—я былъ введенъ въ его каюту, и имѣлъ съ нимъ первый разговоръ.

Существенно важно дать нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ разговоръ имѣлъ мѣсто.

Всему міру извѣстно, что капитанъ Метландъ принялъ Наполеона съ почестями, подобающими императору, и уступилъ ему свою каюту. Благодаря этому бывшій государь не былъ потревоженъ никакими нескромными посѣтителями. На „Нортумберландѣ“ была принята

---

[1]) На самомъ дѣлѣ его звали капитанъ Піонтовскій (по Maitland и Warden). Піонтовскій (по O'Meara).

[2]) Она пыталась даже броситься въ море. (Memorial, стр. 61, Warden стр. 16).

другая система поведенія относительно его. Правда, ему уступили маленькую каюту лично для него, но большая, та, что называютъ задній салонъ (salon d'arrière) и которой онъ располагалъ на „Белерофонтѣ“, была оставлена для адмирала и его друзей.

Такъ какъ я былъ въ числѣ этихъ послѣднихъ, то и имѣлъ право входа въ нее. Тѣмъ болѣе, что желая, чтобы Бонапартъ далъ себѣ сразу въ этомъ отчетъ, сэръ Кокбурнъ ввелъ меня въ каюту съ лордомъ Лоутеромъ и сэромъ Бингамомъ, одновременно съ офицерами, и держалъ при себѣ безъ всякихъ объясненій или другихъ формальностей.

Для точности добавлю, что лордъ Лоутеръ присоединился къ намъ спустя нѣкоторое короткое время.

Представленіе офицеровъ произвело на меня смѣшное впечатлѣніе. Ихъ было восемь человѣкъ, и ни одинъ не зналъ ни слова по-французски. Они выстроились вдоль одной изъ стѣнокъ и въ теченіе около минуты смотрѣли на Бонапарта и улыбались ему. Послѣ чего они поклонились какъ истые моряки и вышли, или, вѣрнѣе, бросились стремглавъ вонъ.

Пригласивъ насъ съ Бингамомъ садиться, Кокбурнъ оставилъ насъ въ tête-à-tête'ѣ съ Бонапартомъ, который меня никогда не видѣлъ и долженъ былъ себя спрашивать: не адмиральскій ли лакей этотъ господинъ въ каштановомъ костюмѣ?

Онъ взглянулъ на меня строгимъ взоромъ.

— Кто вы такой?—спросилъ онъ сухо.

— Генералъ, меня зовутъ Лительтонъ. Я родственникъ и другъ адмирала.

— Вы изъ экипажа?

— Нѣтъ, я не морякъ.

— Вы, значитъ, здѣсь изъ любопытства?

— Да, генералъ, я не знаю ничего столь достойнаго любопытства, какъ то, что привело меня сюда.

— Изъ какого графства?

— Изъ графства Ворчестеръ.

— Гдѣ оно? Далеко отсюда?

— Да, генералъ, въ центрѣ страны.

Если меня не обманываетъ память, я прибавилъ: „Мы надѣемся, что васъ не стѣсняемъ, генералъ“.

Онъ не обратилъ никакого вниманія на то, что я ему сказалъ.

Произошло короткое молчаніе, во время котораго Бонапартъ бросалъ на насъ недобрые взгляды и обнаруживалъ нетерпѣніе, возбуждаемое нашимъ присутствіемъ. Послѣ этого онъ обратился къ сэру Бингаму и задалъ ему нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Онъ спро-

силъ число ротъ въ его полку, потомъ онъ пожелалъ узнать, сколько лѣтъ онъ служилъ въ Испаніи.

Такъ какъ Бингамъ отвѣчалъ ему съ трудомъ, на плохомъ французскомъ языкѣ, то онъ обернулся въ мою сторону и спросилъ о вѣтрѣ и свойствахъ корабля. Я ему отвѣчалъ пространно. Въ это время показался лордъ Лоутеръ, и Бонапартъ немедленно обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ:

— Гдѣ ваше помѣстье?

Лордъ Лоутеръ ему отвѣтилъ на невозможномъ французскомъ языкѣ. Тогда Бонапартъ возобновилъ разговоръ со мною. Онъ меня подробно разспрашивалъ объ охотахъ, въ особенности объ охотѣ на лисицъ.

— Вы сразу выпускаете всѣхъ собакъ или держите ихъ на сворѣ?

Я ему отвѣтилъ очень подробно, послѣ чего онъ сказалъ:

— Вы очень хорошо говорите по-французски.

— Я немного напрактиковался говорить по-французски, такъ какъ много путешествовалъ.

— Вы путешествовали во Франціи?

— Очень мало, генералъ. Какъ вамъ извѣстно, въ теченіе многихъ лѣтъ не разрѣшалось ни одному англичанину переѣзжать во Францію. Мы были тамъ контрабандою.

Я прибавилъ еще нѣсколько фразъ, но не вижу надобности ихъ здѣсь воспроизводить, такъ какъ онѣ не оживили разговора. Напротивъ, наступило вторичное молчаніе, въ началѣ котораго въ каюту вошелъ Бертранъ. Онъ сталъ за Бонапартомъ, немного сбоку, какъ дежурный лордъ за королемъ, и посмотрѣлъ на насъ сверху внизъ, гордо, какъ будто спрашивая насъ, что мы тутъ дѣлаемъ. Черезъ секунду онъ вышелъ. Бонапартъ повернулся къ намъ спиной, взялъ бинокль и нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ окошко. Бингамъ чувствовалъ себя крайне неловко. Наконецъ, онъ дернулъ меня за рукавъ и шепнулъ на ухо:

— Ради Бога, поговорите съ нимъ о чемъ-нибудь, хотя бы о собакѣ или кошкѣ.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе, и какъ только Бонапартъ повернулся къ намъ, я его спросилъ, помнитъ ли онъ лорда Эбрингтона, родственника лорда Гренквиля.

— Да, сказалъ онъ, это хорошій человѣкъ.

Я заговорилъ о Вернонѣ. Это имя заставило его содрогнуться.

— Католикъ?

— Сэръ, отвѣчалъ я, вы думаете о Сильвертонѣ.

— Да, сказалъ онъ, смѣясь, но не прибавляя ни слова. Затѣмъ я ему назвалъ Дугласа.

— Это цѣнный человѣкъ, промолвилъ онъ тономъ, который мнѣ показался искреннимъ.

Затѣмъ онъ меня спросилъ, громкое ли это имя Дугласъ. Я отвѣтилъ утвердительно и перечислилъ ему вкратцѣ главъ этой фамиліи. По этому поводу онъ спросилъ меня: тотъ Дугласъ, который былъ ему представленъ, тотъ ли самый Дугласъ, о которомъ я говорилъ. Мы отвѣчали (лордъ Лоутеръ также участвовалъ въ разговорѣ), что онъ ошибается, такъ какъ ни I. Дугласъ, ни никто изъ его однофамильцевъ не играли никакой роли въ нижней палатѣ. (Впослѣдствіи Геберъ мнѣ разсказалъ, что Бонапартъ незадолго передъ тѣмъ читалъ англійскія газеты, изъ которыхъ узналъ о рѣчи Дугласа, рекомендующей уничтожить французскій флотъ). По этому случаю лордъ Лоутеръ замѣтилъ ему, что я — членъ парламента, и онъ тотчасъ спросилъ, принадлежу ли я къ оппозиціи.

— Моя совѣсть часто меня заставляетъ давать мой голосъ противъ королевскихъ министровъ, отвѣчалъ я. У насъ — свободны, и надо поступать сообразно тому, что считаешь пользой для родины.

— Вы говорили рѣчи въ парламентѣ?

— Нѣсколько злыхъ рѣчей (harangue).

— Уайтбредъ [1]) умеръ?

— Да, генералъ.

— Что было причиной его смерти?

— Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

— Какъ такъ?

— Онъ былъ ненормаленъ.

— Помѣшанъ?

— Да.

— Это то, что вы называете сплиномъ?

— Уайтбредъ былъ сумасшедшій, онъ воображалъ, что всѣ ему враждебны, смотрѣли на него съ презрѣніемъ, устраивали противъ него заговоры.

— Какъ онъ покончилъ съ собой?

— Онъ перерѣзалъ горло бритвой.

Бонапартъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и не подалъ никакого признака сочувствія. Черезъ секунду онъ меня спросилъ:

— Кто будетъ его преемникомъ въ парламентѣ? Понсонби?

— Нѣтъ, генералъ. Понсонби человѣкъ выдающійся и обладаетъ первоклассными талантами. Но я не думаю, чтобы онъ былъ назна-

---

[1]) Samuel Whitebréad одинъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ Питта, который употребилъ всѣ усилія, чтобы помѣшать войнѣ противъ Франціи, покончилъ самоубійствомъ 6-го іюня 1815 г., 57 лѣтъ отъ роду.

ченъ въ преемники Уайтбреду. Вамъ хорошо извѣстно, что не легко замѣстить великихъ людей.

Мнѣ показалось, что Бонапартъ почувствовалъ мой комплиментъ, и мнѣ почудилось въ его взорѣ выраженіе благодарности. Послѣ короткаго молчанія я заговорилъ снова и заявилъ, что мнѣ кажется, что Бруггамъ былъ бы настоящимъ преемникомъ Уайтбреда, но что ему потребуется время, чтобы добиться такой же большой репутаціи, какова была у его предшественника, и такого же довѣрія народа. По этому поводу Бонапартъ меня спросилъ, чѣмъ и когда Бруггамъ выдвинулся. Я отвѣчалъ, что онъ особенно выдвинулся во время преній, поднятыхъ рѣшеніемъ тайнаго совѣта [1]).

На вопросъ: — хорошій ли ораторъ Бруггамъ — я старался объяснить характеръ его краснорѣчія. Бонапартъ закончилъ этотъ разговоръ разспросами о родствѣ Уайтбреда съ лордомъ Греемъ и объ ораторскихъ талантахъ этого послѣдняго, но мы не пустились вглубь политической области. Во время этого разговора онъ спросилъ меня также, знаю ли я капитана Ушера—тоже очень хорошаго человѣка— какъ онъ сказалъ. Бертранъ, вмѣшавшійся въ разговоръ, выразилъ такое же мнѣніе. Я не только отвѣтилъ утвердительно, но и сообщилъ, что я его только-что видѣлъ на островѣ Уайтъ. По этому поводу Бертранъ разсказалъ, что судя по газетамъ Ушеръ „былъ распорядителемъ бала въ Ридѣ (Ryde)“. Это заставило улыбнуться ихъ обоихъ, а я возразилъ:

— Капитанъ также пригоденъ, чтобы пуститься въ плясъ, какъ пуститься въ бой.

Въ то же время я замѣтилъ, что Ушеръ всегда отзывался о Бонапартѣ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и свято хранилъ табакерку, украшенную его портретомъ, которую онъ ему подарилъ.

Больше ничего не произошло, исключая того, что онъ спросилъ, женаты ли мы? Каждый изъ насъ трехъ далъ ему отвѣтъ согласно своему положенію. Къ моему большому удивленію онъ не давалъ никакой оцѣнки тому, что ему говорилось. Чтобы не дать замереть разговору, я почувствовалъ себя принужденнымъ отпустить нѣсколько дурныхъ шутокъ по поводу безбрачія лорда Лоутера.

Этотъ разговоръ длился съ полчаса, и я начиналъ чувствовать угрызенія, считая неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе въ каютѣ. Насъ привели сюда, чтобы утвердить право нашего входа туда, но эта цѣль уже была достигнута. Было бы недостойно продлить наше пребываніе, тѣмъ болѣе, что наше присутствіе видимо стѣсняло развѣнчан-

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Orders in Council (1807), которые нанесли ударъ торговлѣ нейтральныхъ.

наго императора. Вслѣдствіе этого я вышелъ и присоединился къ адмиралу, которому и передалъ руководившія мною причины, которыя онъ вполнѣ одобрилъ. Поэтому я вернулся къ лорду Лоутеру и Бингаму и поставилъ ихъ въ извѣстность относительно нашего разговора съ адмираломъ. Затѣмъ, низко раскланявшись съ Бонапартомъ, я вышелъ, сказавъ:

— Генералъ, имѣю честь кланяться.

Онъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и я вышелъ. Такъ какъ я говорилъ шопотомъ съ моими товарищами, то они меня не поняли и остались сидѣть. Черезъ пять минутъ, по совѣту адмирала, я пошелъ за ними.

Лордъ Лоутеръ мнѣ разсказалъ, что во время моего отсутствія, Бонапартъ, лицо котораго приняло злобное выраженіе, протянулъ руку къ ленточкѣ, которую Бингамъ носилъ въ бутоньеркѣ, и спросилъ его, что она означаетъ. Тотъ отвѣчалъ ему, что это отличіе ему было пожаловано въ вознагражденіе за его службу въ Испаніи. На вопросъ Бонапарта.—„Это за Саламанку?“—Бингамъ ему объяснилъ, что эта лента изображаетъ четыре медали въ воспоминаніе битвъ при Талаверѣ, Витторіи, Пиренеяхъ и Тулузѣ. По этому поводу Бонапартъ сдѣлалъ нѣсколько незначущихъ замѣчаній.

Я воображалъ, что все это уже покончено, такъ какъ мы должны были съѣхать на берегъ, какъ только будутъ изготовлены депеши, которыя долженъ былъ взять съ собою лордъ Лоутеръ. Передъ отъѣздомъ мы пошли въ переднюю каюту. Пока мы сидѣли за столомъ и ѣли холодное мясо, дверь отворилась и вошелъ Бонапартъ, сопровождаемый Бертраномъ.

Какъ только онъ меня замѣтилъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ѣдете вы на берегъ?

— Да, отвѣтилъ я. Мы только съѣдимъ кусокъ, раньше чѣмъ уѣхать.

Онъ ничего не прибавилъ и, пройдя мимо насъ, вернулся на мостикъ. Мы поспѣшили закончить нашу закуску, и черезъ секунду лордъ Лоутеръ послѣдовалъ за нимъ. Посмотрѣвъ въ окошко, я замѣтилъ Бонапарта, ходившаго взадъ и впередъ. Онъ изучалъ снаряженіе корабля, иногда останавливался и обмѣнивался любезными фразами съ госпожами Бертранъ и Монтолонъ, сидѣвшими на стульяхъ въ концѣ мостика. Я всталъ около гротъ-мачты и когда обернулся, то замѣтилъ Бонапарта, стоявшаго у задняго мостика (arrière pont) и разговаривающаго съ лордомъ Лоутеромъ, стоявшимъ передъ нимъ безъ головнаго убора. Черезъ секунду они пошли въ нашу сторону, и лордъ Лоутеръ медленно и нерѣшительно накрылся. Подойдя ко мнѣ, Бонапартъ обратился ко мнѣ, принудя меня слѣдовать за нимъ,

и когда мы были въ 3—4 футахъ отъ задняго мостика (arrière pont), онъ завелъ слѣдующій разговоръ:

— Этотъ корабль имѣетъ видъ на спѣхъ снаряженнаго, сказалъ онъ, показывая мнѣ на окраску корабля (окраска была испорченная, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе отсутствовала).

— Вы правы, генералъ, такъ оно есть на самомъ дѣлѣ, но зато это одинъ изъ лучшихъ нашихъ кораблей; это особенно хорошій парусникъ.

— Могли бы послать другіе корабли, которые были бы въ лучшемъ состояніи. Напримѣръ въ Плимутѣ былъ „Чатамъ“ или „Гремящій“ (Tonnant).

Я на это отвѣтилъ, что состояніе этихъ судовъ мнѣ въ точности неизвѣстно. Они могли бы быть великолѣпны для несенія службы въ Плимутѣ или для крейсерства въ Ламаншѣ, но неспособны вынести плаванія въ открытомъ морѣ. Въ это время взоръ Бонапарта упалъ на офицера, лицо котораго онъ не зналъ, и онъ тотчасъ задалъ вопросъ Бриггаму: кто это? Тотъ отвѣтилъ, что это офицеръ его полка. По этому случаю я пожелалъ узнать, есть ли во французскомъ флотѣ морскіе солдаты. Бонапартъ отвѣтилъ утвердительно. Послѣ этого я завелъ разговоръ о томъ, какъ онъ помѣстился на „Нортумберландѣ“, и пожелалъ, чтобы помѣщеніе пришлось ему по вкусу. Я прибавилъ, что это было бы устроено лучше, если бы имѣлось въ распоряженіи болѣе времени, и что адмиралъ и его офицеры приложатъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ему пріятнымъ предстоящее путешествіе. Бонапартъ воспользовался этими словами, чтобы излить свои жалобы на наше правительство, сдѣлавшее изъ него плѣнника. Онъ мнѣ сказалъ:

— Вы осквернили вашъ флагъ и національную честь, заточая меня такъ, какъ вы это дѣлаете.

— Относительно васъ не нарушили никакого обѣщанія, и интересъ націи требуетъ, чтобы вы были поставлены въ невозможность вернуться во Францію. И относительно васъ не сдѣлано ни одного стѣсненія, которое не было бы необходимо для выполненія этой цѣли.

— Можетъ быть то, что вы дѣлаете, очень осторожно, но вовсе не великодушно.

— Среди частныхъ лицъ великодушіе умѣстно, но общественный интересъ, генералъ, долженъ руководить поступками нашихъ министровъ, которые отвѣчаютъ передъ націей, требующей вашего помѣщенія въ надежномъ мѣстѣ.

— Вы поступаете, какъ маленькая аристократическая держава, а не какъ свободное большое государство. Я вступилъ на вашу землю, я хотѣлъ жить, какъ простой англійскій гражданинъ.

Я ему возразилъ, что по извѣстіямъ изъ Франціи его партія была еще очень могущественна, и что обстоятельства легко могли повернуться такъ, что его призвали бы снова на тронъ.

— Нѣтъ, моя карьера закончена, возразилъ онъ.

Я напомнилъ ему, что годъ тому назадъ на островѣ Эльба онъ употребилъ то же выраженіе.

— Я былъ тогда государемъ, сказалъ онъ съ живостью.—Я имѣлъ право вести войну. Король Франціи не сдержалъ своихъ обѣщаній.

И весь радостный, покатываясь со смѣху и характерно качая головой, онъ прибавилъ: я воевалъ съ королемъ Франціи, имѣя 600 человѣкъ.

Какъ мы ни удерживались, но мы расхохотались тоже. (Когда я говорю „мы“, я имѣю въ виду лорда Лоутера, Бингама и меня). Бингамъ имѣлъ глупость вскорѣ послѣ прибытія Бонапарта на „Нортумберландъ“ отправиться на „Гремящаго“. Надѣясь, что онъ заговоритъ про Италію, я сказалъ ему, что многіе изъ моихъ соотечественниковъ, узнавъ объ его возвращеніи во Францію, очень удивились, что онъ не высадился въ верхней Италіи.

— Я былъ достаточно хорошо принятъ и во Франціи, отвѣтилъ онъ и сейчасъ же сталъ описывать эту встрѣчу и свое торжественное шествіе, и заключилъ, сказавъ, что четыре милліона крестьянъ встали бы по его призыву. Я ему замѣтилъ, что не оспаривая его обаяніе во Франціи, я думаю, что наборъ не долженъ былъ расположить къ нему крестьянъ.

— Это ваши предразсудки, сказалъ онъ. Франція не истощена.

— Однако законы набора были очень суровы. Вы брали даже единственныхъ сыновей.

— Ахъ, нѣтъ; это ваши предразсудки, химеры!

Затѣмъ онъ возобновилъ жалобы на англійское правительство и сказалъ, что никогда не сдался бы, если бы подозрѣвалъ какъ съ нимъ будутъ обходиться.—Онъ имѣлъ еще много способовъ въ своемъ распоряженіи, прибавилъ онъ, такъ какъ онъ могъ ввѣриться великодушію императора австрійскаго или русскаго императора. Я ему возразилъ:

— Австрія—еще допустимо, но вы позволите мнѣ усумниться въ вашемъ предположеніи объ императорѣ Александрѣ.

Я зналъ, что еще наканунѣ лордъ Кейтъ сообщалъ ему, что было близко къ тому, что Бонапарта выдадутъ русскимъ, на что онъ пожалъ плечами, сказавъ: „Боже сохрани!“ Поэтому онъ не очень настаивалъ на своихъ словахъ, объявивъ, если меня не обманываютъ воспоминанія, что императоръ Александръ любитъ французовъ и Францію или что-то въ этомъ родѣ. Онъ добавилъ, что въ случаѣ

чего онъ могъ бы отправиться къ Луарской арміи и въ настоящее время находился бы во главѣ ста тысячъ воиновъ. На мое замѣчаніе, что пруссаки или лордъ Веллингтонъ могли бы его взять въ плѣнъ, онъ сталъ меня убѣждать, что гарнизонъ Рошфора былъ ему вполнѣ преданъ и со слезами на глазахъ предлагалъ его сопровождать въ Бордо, гдѣ онъ нашелъ бы многочисленныя войска, съ помощью которыхъ можно было бы осуществить его планы.

Я не оспаривалъ его положеній и ограничился только замѣчаніемъ, что эта попытка была бы очень рискованной, такъ какъ въ концѣ концовъ союзники имѣли бы численное превосходство. Онъ не возражалъ противъ этого, но утверждалъ, что для конца „было бы съ чѣмъ капитулировать“. Я не счелъ нужнымъ оспаривать это положеніе. Затѣмъ Бонапартъ возобновилъ снова свои жалобы на насъ за его плѣненіе, говоря, что это увеличитъ волненіе во Франціи и обезчеститъ насъ въ глазахъ Европы. Въ свою очередь я повторялъ ему основанія, оправдывающія наше поведеніе относительно его. Наконецъ, послѣ увѣренія, что онъ хотѣлъ бы по примѣру братьевъ жить въ дали отъ свѣта, онъ сказалъ:

— Вы не знаете моего характера; вамъ слѣдовало бы довѣриться моему честному слову.

— Посмѣю ли я вамъ сказать всю правду?

— Говорите.

— Ну, такъ надо сказать, что въ Англіи нѣтъ человѣка, который не отнесся бы съ недовѣріемъ къ вамъ и вашимъ обѣщаніямъ, даже самымъ торжественнымъ, со времени захвата вами Испаніи.

— Я былъ позванъ въ Испанію на помощь королю Карлу IV, противъ его сына.

— Мнѣ кажется, это не такъ, а для того, чтобы посадить на тронъ короля Іосифа.

— У меня была своя большая политическая система. Было необходимо устроить противовѣсъ вашему огромному могуществу на морѣ, къ тому же развѣ это не то только, что сдѣлали Бурбоны?

— Но надо сознаться, генералъ, что Франція, какова она была подъ вашей властью, была болѣе грозной, чѣмъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Къ тому же она и увеличилась.

— Англія тоже сдѣлалась болѣе могущественной (это былъ намекъ на наши колоніи и завоеванія въ восточной Индіи).

— Многіе просвѣщенные люди того мнѣнія, что Англія болѣе теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ, владѣя этой отдаленной и чрезмѣрной имперіей.

— Я хотѣлъ омолодить Испанію, сдѣлать многое изъ того, что пытались потомъ сдѣлать кортесы.

Я постарался вернуть его къ существенному вопросу и на-

помнилъ смыслъ трактата, въ силу котораго онъ овладѣлъ Испаніей Совершенно не отвѣчая на мой вопросъ, онъ перешелъ къ другой темѣ, то есть къ протестамъ противъ нашего поведенія относительно его и заключилъ такими словами:

— И такъ, я ошибся. Верните меня въ Рошфоръ. Я не могу точно припомнить, когда именно онъ сказалъ.

— Я хотѣлъ (или я думалъ) приготовить принцу - регенту наиболѣе славную эпоху его царствованія.

Но я ручаюсь за подлинность этого выраженія. Равнымъ образомъ я не знаю точно, когда именно онъ сказалъ:

— Если у васъ было намѣреніе руководствоваться исключительно правилами благоразумія, почему бы вамъ не убить меня? Это было самое вѣрное.

Онъ прервалъ меня, когда я хотѣлъ ему внушить, что наше поведеніе продиктовано политической необходимостью. Какъ скоро я произнесъ послѣднія слова, онъ прибавилъ: „узкая политика“. Я ужъ не запомню, сколько разъ онъ повторилъ, что англійское правительство и народъ себя обезчестили. Выраженія: „осквернили свой флагъ, неблагородно имъ воспользовались, относительно меня, потомство васъ осудитъ“, были его обычными припѣвами.

Безъ всякаго порядка, такъ какъ они остались въ моей памяти, я приведу здѣсь много интересныхъ мелочей изъ нашего разговора. На мой вопросъ, каково его мнѣніе о Фоксѣ, Бонапартъ отвѣтилъ:

— Я зналъ Фокса; я его видѣлъ въ Тюильри. Онъ не имѣлъ вашихъ предразсудковъ.

— Фоксъ былъ ревностный гражданинъ своей родины, генералъ, но еще онъ былъ всемірнымъ гражданиномъ.

— Онъ былъ искрененъ. Онъ искренно хотѣлъ мира, и я тоже. Его смерть помѣшала заключенію мира. Другіе были неискренны.

Когда заговорили объ императорѣ Александрѣ, онъ неожиданно сказалъ:

— Итакъ въ Англіи не высокаго мнѣнія объ этомъ императорѣ Александрѣ?

Я сказалъ, что это такъ, что это сладенькій человѣкъ, который сумѣлъ польстить и побѣдить нѣсколько тщеславныхъ женщинъ, но что англичане, въ общемъ, не очень его уважали. Я добавилъ, что съ своей стороны не понимаю, какъ можно восторгаться государемъ, который, вопреки столь хваленому великодушію, употребилъ такіе пріемы, чтобъ овладѣть Польшей и Финляндіей. Я не припомню точно, что отвѣчалъ мнѣ на это Бонапартъ.

Чрезъ секунду онъ меня спросилъ, бывалъ ли я въ Петербургѣ когда-нибудь. Я отвѣтилъ, что былъ тамъ прошлую зиму.

— А въ Москвѣ вы были?

— Нѣтъ, генералъ.

Услышавъ это, онъ помолчалъ немного, послѣ чего сказалъ съ замѣтной живостью и суровостью:

— Въ концѣ концовъ не я сжегъ Москву.

Я отвѣтилъ, что никогда не считалъ его способнымъ на такое безуміе, такъ какъ этотъ городъ долженъ былъ служить ему зимними квартирами. Потомъ я снова заговорилъ о Петербургѣ и разсказалъ ему, что многіе обитатели этого города выражались о немъ очень одобрительно, слишкомъ одобрительно, по мнѣнію англичанъ. На это Бонапартъ мнѣ отвѣтилъ:

— А почему же имъ меня ненавидѣть. Я воевалъ съ ними— вотъ и все.

Такъ какъ я ему возражалъ, что по моему мнѣнію онъ началъ войну безъ всякаго вызова, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ возстановить Польшу.

Не начиная объ этомъ спора, я воспользовался случаемъ, чтобы напомнить ему о той привязанности, которую проявили къ нему два поляка. Онъ не потрудился выразить волненія и удовольствовался словами:

— Это славная нація.

По этому поводу я замѣтилъ, что мнѣ очень расхваливали князя Понятовскаго.

Бонапартъ объявилъ, что это была рыцарская душа и прибавилъ.

— Это былъ настоящій король Польскій.

Я назвалъ затѣмъ О [1]).

— Это измѣнникъ, сказалъ Бонапартъ:

— Вы хотите сказать, онъ былъ и нашимъ и вашимъ? Бонапартъ, не понявъ смысла моихъ словъ, такъ закончилъ свою мысль:

— То есть русской партіи. Это-то мы, поляки, и называемъ измѣнникомъ.

Лоутеръ сказалъ Бонапарту, что по поводу Саксоніи я произносилъ рѣчь. Я подтвердилъ это и въ то же время заявилъ, что я не имѣю намѣренія скрывать моего мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Я съ давнихъ поръ зналъ привязанность саксонцевъ къ своему королю и считалъ отношеніе къ нимъ союзниковъ тѣмъ болѣе несправедливымъ, что участь Лейпцигской битвы была рѣшена въ ихъ пользу только благодаря разстройству этихъ самыхъ саксонцевъ. Бонапартъ согласился со мной и разсказалъ, что эти 25.000 съ 60-ю или 80-ю пушками,

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно объ Огинскомъ.

повернувшись неожиданно противъ него, не причинили ему никакого вреда въ тотъ день, но на другой день изъ-за этого всѣ планы его рушились и вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ къ отступленію. Я не припомню, чтобы онъ сказалъ еще что-нибудь о саксонцахъ, но я твердо помню, что въ это время онъ высказалъ такую мысль:

— Это конецъ Баваріи и Рейнскихъ государствъ. Австрія и Пруссія все раздавятъ.

Я отвѣтилъ, что это очень возможно, но что наши выгоды требуютъ увеличенія этихъ двухъ державъ и уничтоженія нѣкоторыхъ другихъ, такъ какъ вліяніе Франціи на маленькія государства было гораздо большее, чѣмъ вліяніе Вѣны или Берлина. Бонапартъ охотно согласился, что наша политика должна имѣть цѣлью уравновѣсить слишкомъ большое значеніе Франціи, и мы должны зорко слѣдить за нею.

Несмотря на всѣ мои усилія Бонапартъ не пожелалъ мнѣ выразить свое мнѣніе о Питтѣ. Онъ сказалъ, что его не знаетъ. Я настаивалъ и спросилъ, что думаетъ онъ о политическихъ принципахъ Питта. Бонапартъ удовольствовался повтореніемъ, что онъ его не знаетъ.

Когда я ему назвалъ Уиндгама, онъ пожелалъ узнать, идетъ ли рѣчь о бывшемъ военномъ министрѣ. Я отвѣчалъ утвердительно, на что онъ объявилъ:

— Это человѣкъ большихъ способностей, но одинъ изъ самыхъ неумолимыхъ моихъ враговъ.

— Это ученикъ Бурке, отвѣчалъ я.

Бонапартъ согласился со мной, и разговоръ замеръ. По поводу Булонской флотиліи Бонапартъ сказалъ, что это была только хитрость, а что онъ думалъ попытать высадку въ Англію съ помощію большихъ судовъ, эскадрами Бреста и Фероля. Я ужъ не припомню, когда именно онъ высказалъ такую мысль:

— Я не говорю, что мысль погубить Англію никогда не приходила мнѣ въ голову. Въ двадцать-то лѣтъ войны! (говоря это, онъ качалъ головой). Но, спохватившись, онъ прибавилъ:

— То есть погубить—нѣтъ, а ослабить. Я хотѣлъ принудить васъ быть справедливѣе или по крайней мѣрѣ менѣе несправедливыми.

Потомъ онъ защищалъ континентальную систему, говоря, что она была вызвана рѣшеніемъ нашего тайнаго совѣта. Я ему замѣтилъ, что Берлинскій и Миланскій декреты предшествовали ему, но онъ тотчасъ возразилъ, что они были послѣ блокады Эльбы и Везера лордомъ Греемъ.

Я хотѣлъ продолжать споръ, но Бонапартъ далъ другой оборотъ

нашему разговору, замѣтивъ, что все-таки мы одни были причиной, что миръ не былъ заключенъ въ то время, когда лордъ Лаудердаль былъ въ Парижѣ (до боя подъ Іеной). Если бы мы вступили въ это время въ переговоры, то не было бы войны съ Пруссіей и т. д. и т. д.

Я спросилъ Бонапарта его мнѣніе объ адмиралѣ Чичаговѣ. Онъ отвѣтилъ, что это—храбрый солдатъ. Я замѣтилъ, что при Березинѣ этотъ генералъ располагалъ всего 24.000 человѣкъ, изъ которыхъ 8.000 всадниковъ, которыми онъ не могъ воспользоваться. Этого было слишкомъ мало, чтобы его остановить. По этому поводу Бонапартъ углубился въ подробности и техническія объясненія, которыя ускользнули отъ моего пониманія. Чтобы помѣшать ему идти въ этомъ направленіи, въ которомъ я не могъ за нимъ слѣдовать, я поторопился намекнуть, что Кутузовъ совершилъ ошибку, посылая въ ту сторону такъ мало людей, ибо Чичаговъ былъ бы раздавленъ арміею Шварценберга, если бы этотъ послѣдній, по причинамъ извѣстнымъ Наполеону лучше, чѣмъ кому-либо другому—не счелъ бы за лучшее не атаковать Чичагова. Качая головой и улыбаясь, Бонапартъ удовольствовался, сказавъ:

— Они уже были сговорившись.

Мы затронули вопросъ о Бельгіи. Соглашаясь со мной, Бонапартъ заявилъ, что прямой нашъ интересъ былъ укрѣпить эту державу. Сдѣлавъ предположеніе, совершенно произвольное, впрочемъ, что мы, вѣроятно, согласились бы на присоединеніе Бельгіи къ Франціи, при условіи, чтобы Антверпенъ былъ исключенъ, Бонапартъ сказалъ, что этотъ послѣдній былъ наибольшей угрозой для Англіи. Послѣ этого Бонапартъ заявилъ, что теперешнее наше положеніе чрезвычайно сильно, но тѣмъ не менѣе оно представляетъ и извѣстныя невыгоды, „такъ какъ мы были въ первой очереди въ случаѣ войны“. Онъ добавилъ, что если съ одной стороны мы имѣемъ преимущественное значеніе во всемъ томъ, что происходитъ въ Европѣ, то съ другой стороны при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ мы неизбѣжно должны вмѣшаться въ дѣло.

Такъ какъ Бонапартъ еще разъ сталъ порицать наше поведеніе относительно него, я заговорилъ съ большою осторожностью о битвѣ подъ Ватерлоо и замѣтилъ, что три или четыре раза успѣхъ боя становился сомнительнымъ. Послѣ этого я спросилъ, какого онъ мнѣнія объ англійской пѣхотѣ.

— Англійская пѣхота очень хороша, отвѣтилъ онъ мнѣ тономъ, особенно значительнымъ.

— А относительно французской пѣхоты?

— Французская пѣхота тоже хороша.

— Для штыковаго удара?

— Французская пѣхота хороша и для штыковаго удара. Много зависитъ отъ руководительства.

— А инженерныя войска? А артиллерія?

— Всѣ они хороши, очень хороши.

— Это вамъ, генералъ, мы обязаны нашими успѣхами въ военномъ искусствѣ.

— Нельзя воевать, не становясь воиномъ. Исторія всѣхъ странъ учитъ насъ этому.

Въ началѣ нашего разговора я спросилъ Бонапарта, доволенъ ли онъ тѣмъ, что могъ взять съ собой такое большое число своихъ офицеровъ.

— Три-четыре человѣка! Вы называете это большимъ числомъ?— замѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Потомъ онъ заговорилъ о св. Еленѣ: „желѣзный островъ, откуда невозможно бѣжать“, и климатъ котораго изъ самыхъ нездоровыхъ.

Я оспаривалъ, основываясь на прочтенномъ и на разсказахъ многихъ моихъ знакомыхъ, побывавшихъ тамъ,—послѣднее утвержденіе. Переходя къ другой темѣ, Наполеонъ замѣтилъ, что въ настоящее время Франція была въ положеніи, свойственномъ всякой странѣ, которой имѣютъ смѣлость „навязывать короля чужеземной силой“.

— Бурбоны не будутъ пытаться возстановить рабство. Это было бы съ ихъ стороны не только не политично, но и безчеловѣчно.

Я его спросилъ, читалъ ли онъ Сисмонди, но не помню, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ.

Наконецъ, нашъ разговоръ коснулся химіи, потому что Бонапартъ упомянулъ, что земледѣліе во Франціи было въ цвѣтущемъ состояніи—что совершенно вѣрно, и промышленность тоже благоденствуетъ. Противъ послѣдняго я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, указывая, что мѣстоположеніе Ліона—дурно, но Бонапартъ въ этомъ не признался. Отчасти соглашаясь, онъ сказалъ, что очевидно торговля пострадала. Во всякомъ случаѣ онъ утверждалъ, что внутренніе источники страны были вполнѣ достаточны, что открытія въ области химіи повели къ производству на мѣстѣ многаго изъ того, что составляло предметъ ввоза, примѣръ тому—свекловичный сахаръ. По этому поводу Бонапартъ указалъ, что фунтъ этого сахара стоилъ 15 пенсовъ, т. е. на много дешевле тростниковаго сахара, на который онъ наложилъ необычайно высокія пошлины. Въ силу этого онъ утверждалъ, что имѣетъ двойной выигрышъ, такъ какъ пошлина, оплачиваемая богатыми, предпочитавшими колоніальный сахаръ, приносила значительную сумму государству, а съ другой стороны, это оживило народную промышленность.

Разгорячаясь по мѣрѣ этого разговора, Бонапартъ сказалъ, что въ настоящее время индиго фабрикуется изъ пастели (pastel) и что онъ возобновилъ законъ времени Генриха IV, запрещающій ввозъ индиго.

— Въ Англіи, сказалъ онъ, много занимаются химіей. Эта наука въ почетѣ, въ головахъ, въ институтѣ, но народъ ее не знаетъ и не можетъ воспользоваться ею практически, какъ это дѣлается во Франціи.

Онъ упомянулъ о Гумфри Деви, но не высказалъ о немъ мнѣнія.

Во все время нашего разговора онъ оставался неподвижнымъ близъ задней палубы и, обернувшись туда лицомъ, какъ бы выражалъ этимъ твердое намѣреніе бесѣдовать исключительно съ нами, а не съ многочисленными лицами, собранными на мосту (pont).

Наконецъ, онъ насъ покинулъ въ тотъ моментъ, когда мы этого меньше всего ожидали. Поднявъ глаза къ небу, онъ вдругъ сказалъ:

— Какъ будто свѣжо.

И онъ ушелъ въ каюту на цыпочкахъ маленькими шагами. Сперва мы удивленно переглянулись, а потомъ употребили всѣ усилія, чтобы не прыснуть со смѣху.

Во все время этого разнообразнаго и продолжительнаго разговора,— онъ длился около двухъ часовъ—Бонапартъ сохранялъ полнѣйшее спокойствіе. Онъ не проявилъ ни нетерпѣнія, ни волненія. Выраженія его иногда были рѣзки, но говорилъ онъ спокойно, не возвышая голосъ и не жестикулируя, какъ это обычно дѣлаютъ итальянцы и французы. Однимъ словомъ, онъ держалъ себя такъ, что не выдавалъ ничѣмъ ни волненія, ни угнетенія. Онъ казался вполнѣ владѣющимъ собой.

Что меня болѣе всего поразило, это—твердость его опредѣленій, зачастую тонкихъ и сильныхъ.

Вообще я того мнѣнія, что онъ умѣлый ораторъ гораздо болѣе, чѣмъ основательный аргументаторъ. Это скорѣе ловкій софистъ, чѣмъ хорошій логикъ. Его софизмы ни достаточно глубоки, ни достаточно умно разработаны, чтобы сбить разсудительнаго человѣка. Они имѣютъ нѣчто простонародное, что въ глазахъ его сторонниковъ должно было украшать многіе его поступки. Если мнѣ позволено судить по себѣ, я скажу что у Бонапарта не хватаетъ умѣнія овладѣть довѣріемъ слушателей, потому что они не знаютъ, то ли онъ говоритъ, что думаетъ. Съ своей стороны ни минуты не вѣрилъ въ его искренность.

Даже тогда, когда онъ жаловался на поступки нашего правительства, казалось, онъ говорилъ вовсе не серьезно и не былъ убѣж-

день въ правотѣ того, что говорилъ. Онъ боролся только для формы.

Несмотря на это, мнѣ было пріятно видѣть это зрѣлище, и я соглашаюсь, что невозможно не залюбоваться его спокойствіемъ, ловкостью, оригинальностью, самообладаніемъ и въ то же время его умомъ и любезностью. Какъ я ужъ замѣтилъ, онъ не былъ ни грубъ, ни невѣжливъ; но съ другой стороны онъ не соблюдалъ относительно насъ и общепринятыхъ формъ обращенія. Такъ я замѣтилъ, что, разговаривая съ лордомъ Лоутеромъ и со мной, онъ никогда не употребилъ соотвѣтствующаго выраженія „mylord“ или „monsieur“. Вообще онъ не употребилъ ни одного выраженія, принятаго въ разговорѣ.

Листки изъ воспоминаній баронессы дю Монте [1]).

Баронесса Александрина дю Монте (р. 1785 † 1866) происходила изъ старинной аристократической фамиліи Вандеи. Когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, ея родители были вынуждены эмигрировать, и она всегда вспоминала съ грустью о времени, проведенномъ ея семьей въ Германіи, гдѣ эмигрантамъ пришлось испытать всевозможныя преслѣдованія и непріятности.

Она получила воспитаніе въ Вѣнѣ, въ монастырѣ de la Visitation (посѣщеніе Богородицею св. Елисаветы), гдѣ одновременно съ нею воспитывалось много дѣвушекъ изъ высшаго общества, съ которыми у нея завязались тогда же прочныя дружескія отношенія.

Въ 1801 г., когда для эмигрантовъ миновали тяжелые годы, молодая дѣвушка возвратилась со своими родителями во Францію. Земли ихъ были проданы, замокъ сожженъ, тѣмъ не менѣе они были рады вернуться на родину. Девять лѣтъ спустя, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1810 г., Александрина Прево де ла Бутетьеръ де Сенъ Марсъ (Prévost de la Boutetière de Saint Mars) снова отправилась въ Вѣну, гдѣ она была обвѣнчана съ барономъ дю Монте, эмигрантомъ, также какъ и она получившимъ образованіе въ Вѣнѣ, который служилъ офицеромъ въ австрійской арміи, за что онъ, какъ французъ, поступившій на иностранную службу, былъ приговоренъ Наполеономъ къ смерти, вслѣдствіе чего онъ и не могъ пріѣхать за своей невѣстой во Францію.

---

[1]) Souvenirs de la baronne du Montet 1785—1866. Paris. 1904.

По выходѣ замужъ, баронесса дю Монте создала себѣ прочныя связи въ аристократическомъ кругу, къ которому принадлежалъ ея мужъ, бывшій въ то время камергеромъ императора австрійскаго, и ее очень цѣнили при блестящемъ вѣнскомъ дворѣ, гдѣ она встрѣтила всѣхъ своихъ монастырскихъ подругъ; благодаря ея граціи, любезности и безупречной репутаціи, передъ нею открылись всѣ двери. Въ Вѣнѣ прошелъ самый интересный періодъ жизни г-жи дю Монте; на ея глазахъ протекали самые важные эпизоды той богатой событіями и бурной эпохи; будучи участницей всѣхъ празднествъ и великосвѣтскихъ пріемовъ, она видѣла вблизи не мало выдающихся, замѣчательныхъ личностей.

Однако, несмотря на видное положеніе, которое они занимали въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ, баронессу дю Монте и ея мужа тянуло во Францію: въ 1824 г. они простились съ Австріей и поселились въ Нанси, на родинѣ барона дю Монте, гдѣ его супруга, овдовѣвшая въ 1841 г., прожила безвыѣздно сорокъ два года, ни разу не пожалѣвъ о шумной свѣтской жизни, къ которой она никогда не чувствовала особеннаго влеченія.

Домъ г-жи дю Монте въ Нанси былъ всегда широко открытъ для ея друзей, которые относились къ ней съ неизмѣннымъ уваженіемъ. Когда кому-либо изъ значительныхъ лицъ приходилось, проѣздомъ, изъ Парижа или Вѣны, быть въ Нанси, то первый визитъ былъ всегда къ баронессѣ дю Монте, которая внимательно слѣдила за всѣмъ и умѣла всякому отдать должное по заслугамъ.

Окруженная друзьями и родными (дѣтей отъ брака съ барономъ дю Монте у нея не было), старушка любила разсказывать, вспоминать прошлое и подъ конецъ жизни, уступая просьбамъ друзей, привела въ порядокъ многочисленныя замѣтки, которыя она набрасывала въ теченіе своей долгой жизни и которыя, составивъ довольно объемистый томъ, были изданы въ прошломъ году въ Парижѣ ея внучатымъ племянникомъ графомъ де ла Бутетьеръ.

Полныя своеобразной прелести, носящія отпечатокъ старины, ея воспоминанія написаны безпритязательно и представляютъ собою не связный разсказъ, а отрывочныя, случайно набросанныя замѣтки, въ которыхъ она то передаетъ случайно заинтересовавшій ее анекдотъ, то набрасываетъ чей-либо портретъ, то заноситъ какой-либо любопытный или лично ее заинтересовавшій эпизодъ изъ своей богатой впечатлѣніями жизни.

I.

Вступленіе въ свѣтъ.—Мистификація.—Наполеонъ въ Дрезденѣ.—Нарбонъ.—Торжественное молебствіе.—Конгрессъ.—Вѣнскія празднества.—Поэтъ Вернаръ.—Вступленіе союзниковъ въ Парижъ.—Письмо в. к. Екатерины Павловны.—Торжественная панихида по Людовикѣ XVI въ 1815 году.—Балъ во время конгресса.—Бѣгство Наполеона съ Эльбы.—Марія-Луиза въ Баденѣ.—Принцесса Уэльская.—Герцогъ Рейхштадтскій.—Бразильская императрица.—Салонъ князя Разумовскаго.—Вечеръ у графини Ржевусской.—Графъ Каподистрія.—Сюрпризъ.—Аврора де Морассе.

Въ то время, какъ я вышла изъ монастыря, въ высшемъ обществѣ придерживались еще многихъ старинныхъ обычаевъ, которые начали, впрочемъ, мало по малу измѣняться; въ прежнее время высшая вѣнская аристократія такъ строго подчинялась самымъ мелочнымъ правиламъ этикета, что для великосвѣтской дамы, какъ говорили въ шутку, весна олицетворялась въ нѣсколькихъ горшкахъ гвоздики, ибо обычай воспрещалъ имъ появляться въ Пратерѣ раньше 1-го мая, да и то онѣ не могли гулять по парку пѣшкомъ. Въ настоящее время все это измѣнилось. Польское общество и нѣсколько блестящихъ французскихъ эмигрантовъ, какъ-то: Ришелье, Ланжеронъ, Роже де Дамасъ, придерживались уже совершенно иныхъ взглядовъ, но въ чисто-нѣмецкихъ домахъ царилъ по-прежнему этикетъ и натянутость.

Я вспоминаю гостепріимный домъ княгини Крозалковичъ, гдѣ насъ принимали съ самой трогательной добротою и любезностью, несмотря на то, что „мы были француженки“: я подчеркиваю эти слова потому, что послѣ революціи, наступившей вслѣдъ за вѣкомъ Людовика XV, отличавшимся крайней распущенностью нравовъ, Франція и французы сдѣлались въ глазахъ нѣмцевъ какимъ-то пугаломъ, внушавшимъ всѣмъ отвращеніе. Домъ княгини Крозалковичъ, рожденной княжны Эстергази, бабушки одной изъ нашихъ монастырскихъ подругъ, велся, какъ въ былыя времена, на большую ногу; когда мои родители, приглашенные къ княгинѣ на обѣдъ, пріѣхали къ ней вмѣстѣ съ нами, то намъ пришлось испытать на себѣ высокомѣрное обращеніе швейцара, который никакъ не рѣшался впустить французовъ въ домъ княгини; но остальная прислуга держала себя очень почтительно, и многочисленные выѣздные и комнатные лакеи и карликъ, столь же неизбѣжный въ то время во всякомъ большомъ домѣ, какъ попугай въ вызолоченной клѣткѣ, низко сгибали передъ нами спину.

Несмотря на то, что въ Германіи относились, въ то время, къ французамъ, какъ я уже сказала, весьма недоброжелательно, единственнымъ языкомъ, принятымъ въ нашемъ обществѣ, былъ французскій, и вѣнская аристократія говорила и писала на немъ такъ сво-

бодно и безукоризненно, какъ рѣдко можно было встрѣтить даже во Франціи.

Графъ Хотекъ, графы Вальдштейнъ, Вальцекъ, князья Штарм-бергъ, Дитрихштейнъ, Клари, словомъ, всѣ безъ исключенія сановники отличались самыми изысканными манерами; женщины не уступали мужчинамъ; всѣ онѣ были истыя знатныя дамы, гордыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ простыя и благожелательныя въ обхожденіи.

Первымъ по знатности, пышности и аристократичности былъ домъ знаменитаго князя Кауница, министра императрицы Маріи Терезіи и ея сына, императора Іосифа II. Оно и не удивительно; но очень странной должна была показаться всякому постороннему оригинальная забава, которую князь позволялъ себѣ въ тѣ дни, когда у него были приглашены къ столу запросто только одни родные и близкіе: двое изъ его завсегдатаевъ начинали во время обѣда спорить о выдающихся достоинствахъ князя.

— Самое выдающееся качество его сіятельства—это щедрость, говорилъ одинъ.

— Вы ошибаетесь, возражалъ другой, это его храбрость и т. д.

Такимъ образомъ перечислялись всевозможныя крупныя и мелкія добродѣтели, всѣ испытанные или предполагаемые таланты перваго министра; льстецы воодушевлялись, стараясь доказать наперерывъ справедливость своихъ словъ, а князь покатывался со смѣха. Меня увѣряли, что эта странная забава никогда не наскучала ему.

Не помню, когда именно это было, что принцъ де Линь и маркизъ де Бонне вздумали подшутить надъ графиней Потоцкой, супругой великаго коронnаго писаря.

Графиня была глубоко предана французской королевской семьѣ, можно сказать, преклонялась передъ ней; въ ея домѣ бывали всѣ знатные эмигранты. За нѣсколько недѣль до дня, назначеннаго для этой скверной шутки, въ обществѣ начали распространять слухъ, будто въ Вѣну ожидаютъ пріѣзда герцога Ангулемскаго; обсуждались всѣ трудности и препятствія, какія могли встрѣтиться ему въ пути, обсуждали предполагаемый его маршрутъ и успѣли убѣдить Потоцкую и ея посѣтителей въ томъ, что герцогъ могъ пріѣхать съ минуты на минуту. И дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день маркизъ де Бонне, взволнованный и смущенный, явился къ графинѣ съ извѣстіемъ, что герцогъ Ангулемскій, которому было разрѣшено пробыть въ Вѣнѣ не болѣе сутокъ, будетъ въ тотъ же вечеръ ужинать у нея. Графиня была внѣ себя отъ радости и захотѣла обставить пріемъ возможно торжественнѣе и тѣмъ доказать свое уваженіе къ принцу. У нея была цѣлая толпа слугъ, но ей показалось этого мало; ея родственники и друзья прислали къ ней своихъ слугъ. Сорокъ лакеевъ

съ зажженными факелами были разставлены шпалерами на лѣстницѣ и въ обширныхъ переднихъ; роскошные салоны графини были ярко освѣщены и заставлены цвѣтами; къ тому моменту, когда долженъ былъ появиться мнимый герцогъ Ангулемскій, уже собралось многочисленное и изящное общество. Роль герцога взялъ на себя молоденькій офицеръ изъ полка принца де Линь, Мюссей (Mussey); онъ обладалъ красивой, представительной наружностью; принцъ Лотарингскій одолжилъ ему голубую ленту.

Мюссей предварительно упражнялся, чтобы выполнить свою роль достойнымъ образомъ; онъ вошелъ, какъ подобало принцу, съ большимъ достоинствомъ выслушалъ почтительное и трогательное привѣтствіе графини и ея изъявленіе въ преданности.

Но онъ былъ крайне смущенъ, замѣтивъ въ дверяхъ одной изъ гостиной, чрезъ которую ему приходилось пройти въ зало, гдѣ собралось многочисленное общество, одного эмигранта, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ и съ которымъ даже недавно имѣлъ ссору; эмигрантъ этотъ, не пользовавшійся особенно хорошей репутаціей, не былъ приглашенъ Потоцкой къ ужину. Узнавъ о пріѣздѣ принца, онъ былъ крайне этимъ недоволенъ, и на его лицѣ ясно отражалась досада по поводу того, что онъ не могъ остаться. Онъ окинулъ де Мюссея пытливымъ взглядомъ; тотъ считалъ себя изобличеннымъ; но, къ величайшему его изумленію, эмигрантъ, поспѣшно прислонившись къ стѣнѣ, отдалъ ему такой почтительный, глубокій и низкій поклонъ, что онъ вполнѣ успокоился.

Войдя въ большое зало, гдѣ всѣ приглашенные окружили его, Мюссей обошелъ зало, сказавъ каждому нѣсколько привѣтливыхъ и благосклонныхъ словъ; въ концѣ-концовъ, какъ онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, онъ проникся убѣжденіемъ, что онъ былъ на самомъ дѣлѣ герцогъ.

За ужиномъ, князь С... на колѣняхъ подавалъ пить мнимому герцогу Ангулемскому, который поспѣшилъ поднять его.

Нѣсколько польскихъ магнатовъ бесѣдовали съ нимъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ и выразили ему надежду возвести его со временемъ на польскій престолъ, когда онъ будетъ возстановленъ. Дамы выражали свое умиленіе и восторгъ, магнаты великодушно и съ рыцарской готовностью высказывали герцогу свою готовность служить ему. Словомъ, иллюзія была полная, и никто не обращалъ вниманіе на принца де Линь и маркиза де Бонне, которые, сидя на диванѣ, покатывались со смѣху, видя, какъ удалась ихъ шутка.

Она имѣла для Мюссе самыя печальныя послѣдствія. Эмигрантъ, не приглашенный графиней Потоцкой къ ужину, былъ прихлебателемъ въ домѣ барона Тугута; на другой день послѣ этой сцены онъ

обѣдалъ у него и конечно поспѣшилъ разсказать ему о пріѣздѣ герцога Ангулемскаго. Тугутъ слушалъ его, пожимая плечами. „Вамъ это приснилось, другъ мой“, сказалъ онъ.

— Приснилось, воскликнулъ задѣтый за живое эмигрантъ, въ такомъ случаѣ это приснилось и многимъ другимъ.

Онъ разсказалъ о блестящемъ пріемѣ, устроенномъ герцогу графиней Потоцкой, и передалъ все съ такими подробностями, что министръ не могъ далѣе сомнѣваться въ истинѣ его словъ, тѣмъ болѣе, что эмигрантъ увѣрялъ, что онъ хорошо знаетъ молодаго герцога. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ видѣлъ именно его. Тотчасъ былъ посланъ строжайшій выговоръ министру полиціи и офицеру, который былъ наканунѣ дежурнымъ у городскихъ воротъ. Тугутъ внѣ себя отъ ярости вышелъ изъ-за стола и поспѣшилъ къ императору, чтобы доложить ему о происшедшемъ. Послѣдствіемъ этой глупой шутки было то, что Мюссей былъ строго наказанъ. Тугутъ не любилъ мистификацій, и военная карьера молодаго офицера была окончена.

Сюда пріѣхала графиня Марія Потоцкая, рожденная Ржевусская, и баронъ Фельцъ. Они разсказываютъ, что Наполеонъ встрѣтилъ императора австрійскаго, пріѣхавшаго въ Дрезденъ, на лѣстницѣ, обнялъ его и поцѣловалъ руку своей тещѣ, императрицѣ. Она была очаровательна, какъ всегда (это была третья жена Франца II, принцесса Моденская, Марія Беатриса), Наполеонъ сѣлъ за столъ подлѣ нея; онъ ею очарованъ, Марія-Луиза вовсе не страдаетъ такимъ упадкомъ силъ, какъ говорили; она похудѣла и поэтому очень похорошѣла. Она подарила своей матери серебряный вызолоченный туалетный приборъ и дюжину платьевъ. Подарокъ не особенно царскій. Намъ пишутъ, что Наполеонъ былъ очень не въ духѣ и былъ любезенъ только съ императрицей австрійской, которую онъ находитъ очаровательной.

Поговариваютъ о пріѣздѣ въ Прагу французской императрицы; готовятъ помѣщеніе для двухъ сотъ человѣкъ ея свиты, которая будетъ роскошная.

Вчера мы провели время восхитительно; у насъ были: княгиня Любомірская, Сентъ Пріестъ и мой дядя. Разговоръ былъ оживленный. Я люблю политическую болтовню: Наполеонъ принималъ своего тестя въ Дрезденѣ, благодарилъ г-жу Лазанскую за воспитаніе, данное его супругѣ; посмѣялся, говорятъ, немного надъ графомъ Францомъ Зичи, который отвѣтилъ ему: Oui, Votre Majesté! Императоръ далъ Маріи-Луизѣ полную свободу побесѣдовать съ отцомъ. Ихъ свиданіе было весьма трогательное. Король прусскій также хотѣлъ пріѣхать въ Дрезденъ, но ему сказали, что это „семейное свиданіе“.

Вопросъ о поѣздкѣ Маріи-Луизы въ Прагу окончательно рѣшенъ; ее посѣтятъ тамъ всѣ принцы и принцессы.

Говорятъ о заключеніи мира и о прокламаціи Наполеона къ арміи, въ которой онъ заявляетъ, что 15-го іюля онъ будетъ въ Петербургѣ. Гдѣ онъ положитъ предѣлъ развитію Русской имперіи?

Вчера пріѣхали изъ Дорнбаха на лошадяхъ князь и княгиня Лихновскіе. Князь привезъ съ собою письмо, полученное имъ изъ Дрездена, съ очень любопытными подробностями. Тамъ былъ сожженъ фейерверкъ, посреди котораго сіяло громадное солнце, съ девизомъ: „Онъ (Наполеонъ) великолѣпнѣе и величественнѣе его". Наполеонъ сказалъ вслухъ: „Должно быть, эти люди считаютъ меня очень глупымъ". Король саксонскій далъ великолѣпный обѣдъ; Наполеону наскучило сидѣть дома за столомъ и, не ожидая конца обѣда, онъ попросилъ дессерта. Король сдѣлалъ ему какое-то замѣчаніе, на которое онъ отвѣтилъ, попросивъ кофе. Графу Фр. Зичи, который былъ въ блестящемъ мундирѣ венгерской гвардіи, императоръ сказалъ:

— У васъ великолѣпный мундиръ и при томъ очень удобный, такъ какъ онъ не годится для войска ни въ мирное, ни въ военное время.

Князя Кинскаго онъ спросилъ, откуда его жена родомъ?

— Она родилась въ Имперіи, ваше величество.

— Въ какой имперіи?

— Ея родина Кобленцъ, ваше величество.

— Ну такъ скажите, что она француженка.

Марія-Луиза очень плакала, разставаясь съ Наполеономъ. Въ настоящее время она въ Прагѣ. Она искренно любитъ его. Она очень похорошѣла; ея фигура стала изящна, т. е. неузнаваема. У нея теперь прекрасная талья и очаровательная маленькая ножка. Ея свита роскошна: однихъ камердинеровъ и лакеевъ при ней 150 человѣкъ! У императора австрійскаго ихъ всего два. Австрійская императрица появлялась все время въ венгерскомъ костюмѣ, который ей очень къ лицу; быть можетъ, это дѣлалось съ цѣлью избѣгнуть соперничества въ нарядахъ: венгерскій костюмъ роскошнѣе и изящнѣе современныхъ модъ.

Передаютъ баснословные разсказы о роскоши, какой Марія-Луиза окружена въ Прагѣ. Она холодна, серьезна, говоритъ мало. Но какое у нея помѣщеніе! Какая золотая посуда! Какіе брилліанты! Какой прекрасный столъ! Какое множество прислуги! Сколько знатныхъ лицъ! Сколько славныхъ именъ! Какая огромная свита!

Императрицу австрійскую всѣ обожаютъ; она держитъ себя очень привѣтливо и съ большимъ достоинствомъ.

Марія-Луиза пріѣхала въ Прагу въ короткой туникѣ, сдѣланной

изъ очень дорогой матеріи, напоминающей тѣ туники, которыя надѣваютъ для путешествій театральныя королевы.

Марія-Луиза показала принцу де-Линь портретъ своего сына; онъ сказалъ ей, у него въ глазахъ есть что-то воинственное.

„Нѣтъ, возразила Марія-Луиза, онъ также миролюбивъ, какъ я". Было бы смѣшно, если бы сынъ Наполеона былъ добрый малый.

Въ Дрезденѣ Наполеонъ обошелся очень рѣзко съ графомъ Зичи, очевидно какъ съ венгерцемъ, такъ какъ онъ былъ тамъ единственный представитель этой націи. Когда Зичи сказалъ, что онъ служилъ въ венгерской инсуррекціонной арміи, то Наполеонъ замѣтилъ съ досадой, что „это войско никогда не видѣло въ глаза непріятеля". Зичи возразилъ, что объ немъ упомянуто въ конституціи, на что императоръ замѣтилъ: „Ваша конституція не соотвѣтствуетъ болѣе ни государственной системѣ, ни современнымъ нравамъ".

Эрцгерцогъ Карлъ, возвратясь въ Прагу, говорилъ, что онъ такъ усталъ въ Дрезденѣ отъ постояннаго ношенія мундира и отъ этикета, который приходилось соблюдать, что онъ скорѣе согласился бы участвовать въ двухъ сраженіяхъ.

Французы и русскіе приписываютъ себѣ побѣду въ сраженіи подъ Люценомъ, 21-го числа. Въ Дрезденѣ и во всей Саксоніи страшный голодъ.

Подробности, которыя передаютъ объ этомъ бѣдствіи, заставляютъ содрагаться. Наполеонъ выписываетъ для своихъ солдатъ по почтѣ хлѣбъ изъ Нюренберга. Казаки изжарили шесть тысячъ чудныхъ королевскихъ барановъ мериносовъ.

Наполеонъ подарилъ графу Бубна табакерку; онъ бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ и, говоря о русскихъ и прусскихъ солдатахъ, сказалъ: „эти люди дерутся какъ черти; но не умѣютъ маневрировать".

Возможно ли представить себѣ болѣе поразительное событіе, болѣе суровое возмездіе! На той самой площади, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ для короля, человѣка самаго добродѣтельнаго и святаго; на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезглавленъ Людовикъ XVI, когда французы рѣшили, что король имъ болѣе не нуженъ; на этой маленькой площади, гдѣ стояла гильотина, былъ сооруженъ алтарь изъ трофеевъ, взятыхъ на полѣ битвы, и вокругъ него стояли всѣ монархи Европы. Провидѣніе, великое и грозное въ своей мстительности, дало революціонерамъ страшный урокъ: оно привело европейскихъ монарховъ на мѣсто казни Людовика XVI. И они отслужили благодарственное молебствіе по случаю одержанной ими побѣды и торжества ихъ оружія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ король испустилъ послѣдній вздохъ. Громогласное „ура!", провозглашенное войсками неограниченныхъ монарховъ, огласило площадь, гдѣ раздавался нѣкогда грозный крикъ: „Смерть королю, да здравствуетъ республика!"

Мы повергаемся ницъ передъ велѣніями судьбы, мы оплакиваемъ горькими слезами ужасное прошлое, настоящее искупленіе и грядущія бѣдствія, предстоящія нашей родинѣ. Когда для націи настаетъ часъ искупленія, онъ возвѣщается народу похороннымъ звономъ.

Сегодня въ ночь скончалась въ Гецендорфскомъ замкѣ королева Неаполитанская.

Простой гробъ съ ея останками поставленъ на высокій катафалкъ, вокругъ котораго стоятъ огромныя свѣчи; въ ногахъ у нея лежитъ маленькій ларецъ съ ея внутренностями, а съ правой стороны гроба, на бархатной подушкѣ, орденскіе знаки de la Croix Etoilée, пара бѣлыхъ перчатокъ и вѣеръ: таковъ старинный обычай.

Королева, полагавшая, что она умретъ въ Неаполѣ, приказала повѣсить въ склепѣ Капуцинскаго монастыря, въ Вѣнѣ, свой портретъ съ трогательной надписью, въ которой она выражала свое сожалѣніе по поводу того, что она не будетъ лежать подлѣ своихъ августѣйшихъ родителей. Эта предусмотрительность оказалась излишней; останки королевы погребены въ монастырѣ Капуциновъ.

Королева Неаполитанская уже почти всѣми забыта. Я видѣла вчера адмирала Превилля, состоящаго на неаполитанской службѣ, который былъ искренне преданъ ей и свято чтитъ ея память.

Королеву обвиняли обыкновенно въ томъ, что ужасныя казни, совершенныя въ Неаполѣ въ 1799 г., дѣлались по ея приказанію; по словамъ Превилля, это совершенно ложно. Онѣ совершены по приказанію Актона и Нельсона. Королева по этому поводу даже поссорилась съ королемъ; а вся Европа осуждаетъ ее за чрезмѣрную жестокость. Превилль первый опровергъ эту клевету. Это не царедворецъ, а человѣкъ высоко честный, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Это лѣто императрица Марія-Луиза часто видѣла королеву, свою бабушку, и приводила къ ней своего сына, маленькаго Наполеона. Королева ни разу не назвала его иначе, какъ „mon petit monsieur“[1]). Когда ей стало извѣстно о бракѣ эрцгерцогини съ Наполеономъ, она воскликнула: „Въ довершеніе всѣхъ моихъ бѣдствій мнѣ недоставало только быть бабушкой чорта“. Она уже говорила о Наполеонѣ, что „у него въ сердцѣ адъ, а въ головѣ хаосъ“.

---

[1]) Это прелестный ребенокъ. Всѣ его игры имѣютъ воинственный характеръ; однажды его посѣтили англійскія дамы въ то время, какъ онъ игралъ въ солдатики; онѣ любезно построились противъ него въ линію, какъ непріятель; онъ сдѣлалъ видъ, что стрѣляетъ; тогда онѣ сдѣлали видъ, что онъ попалъ въ цѣль, и упали; онъ былъ въ восторгѣ. Во время своихъ игръ онъ часто повторяетъ: „закройте ворота!“ Это отголосокъ послѣднихъ часовъ, проведенныхъ имъ въ Тюильри.

Монархи съѣзжаются на конгресъ въ Вѣну, гдѣ сдѣланы обширныя приготовленія для ихъ торжественнаго пріема, который будетъ отмѣченъ невиданной доселѣ роскошью. Я видѣла сегодня въѣздъ русскаго императора и короля прусскаго. Я была у графини Сарры де Брюжъ; ея балконъ выходитъ на улицу, ведущую къ Пратеру. Русскій императоръ и король прусскій вѣроятно были поражены представившимся имъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ: вдоль прекрасныхъ, длинныхъ аллей Пратера были разставлены великолѣпныя войска, одѣтыя съ иголочки. На улицахъ и аллеяхъ стояло шпалерами все населеніе Вѣны, радостно настроенное и разодѣтое по-праздничному; поѣздъ императора австрійскаго представлялъ безподобное зрѣлище, полковая музыка играла безподобно. Яркое солнце придавало зрѣлищу еще болѣе блеска.

Въ четвергъ прибыли короли датскій и виртембергскій. Король датскій такъ спѣшилъ посѣтить императора, который хотѣлъ принять его возможно торжественнѣе, что въ залѣ не успѣли зажечь всѣхъ свѣчей. Императоръ, видя, что слуги, коимъ это было поручено, спѣшили и волновались, хотѣлъ помочь имъ и самъ сталъ зажигать съ ними свѣчи; за этимъ занятіемъ его и засталъ король датскій.

Великая княгиня Екатерина Павловна сказала сегодня одному министру, въ присутствіи герцога Ришелье, который передалъ вечеромъ ея слова моей невѣсткѣ: „я видѣла, какъ лордъ Кэстлери усердно зѣвнулъ вслѣдъ за Меттернихомъ; что это значитъ? Неужели конгрессъ дремлетъ?“ „Въ смыслѣ политическомъ, разумѣется, такъ какъ принцъ де Линь называлъ этотъ конгрессъ „танцующимъ конгрессомъ?“ Дѣйствительно, здѣсь всѣ очень веселятся; можно подумать, что королямъ, подобно дѣтямъ, нужно развлеченіе послѣ нѣсколькихъ минутъ занятій. Это вакаціи королей. Дай Богъ, чтобы ихъ не увлекъ геній зла и честолюбія“.

Здѣсь люди „дѣлаютъ исторію“, разыгрывая шарады въ лицахъ, разодѣтые въ домино и въ розовыя платья, сверкающія блестками. Маски здѣсь въ большомъ ходу. Я была на большомъ публичномъ маскарадѣ вмѣстѣ съ графиней Фюргеймъ. Мы долго интриговали герцога Ришелье. Затѣмъ мы сказали нѣсколько словъ русскому императору; онъ былъ озабоченъ, отвѣчалъ, противъ своего обыкновенія, не любезно; какъ извѣстно, онъ всегда изысканно любезенъ. Графиня, обиженная, сказала ему въ глаза, что онъ избалованъ поклоненіемъ, лестью и женщинами; и, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, насколько слово „фатъ“ обидно на французскомъ языкѣ, она назвала его фатомъ. Услыхавъ это ужасное слово, всѣ окружающіе отступили въ страхѣ. Александръ, казалось, былъ очень недоволенъ. Онъ

пошелъ за нами и въ то время, какъ мы разговаривали съ герцогомъ Ришелье, онъ сказалъ ему мимоходомъ: „Вы очень заняты, герцогъ?“ —Да, ваше величество, я бесѣдую съ очень милыми масками.

— Вы счастливѣе меня, такъ какъ онѣ обошлись со мною очень не любезно“.

Я побранила графиню; она была въ то время почти помолвлена съ княземъ Разумовскимъ; ихъ свадьба состоится, вѣроятно, скоро.

Вице-король итальянскій, Евгеній, окруженъ все время хорошенькими масками. Король прусскій очень любезенъ съ маскированными дамами; наслѣдный принцъ виртембергскій также бываетъ любезенъ съ нѣкоторыми, но съ нимъ не церемонятся; прусскій королевскій принцъ человѣкъ въ высшей степени непріятный, во-первыхъ, своею глухотою и заиканіемъ, во-вторыхъ, своимъ грубымъ тономъ. Во время маскарадовъ высказываютъ другъ другу много правды; но всегда бываетъ столько народа, что трудно прослѣдить за какой-нибудь маской. Вѣроятно, тутъ завязывается не мало интригъ, но я думаю, не на одной только любовной почвѣ. Я видѣла сегодня вечеромъ, какъ одна маска подала принцу Евгенію гвоздику, которую онъ поспѣшно спряталъ отъ постороннихъ взоровъ.

Одна изъ моихъ подругъ, графиня Шаффготчъ, бывшая въ Миланѣ въ то время, какъ вице-королемъ былъ принцъ Евгеній, просила меня интриговать его. Это было тѣмъ легче, что одна изъ сестеръ г-жи Шаффготчъ состояла при его супругѣ. Она подсказала мнѣ, что говорить ему, и принцъ Евгеній былъ чрезвычайно заинтересованъ; онъ предложилъ мнѣ руку и старался опредѣлить, какія кольца были у меня надѣты подъ бѣлой перчаткой; онъ сдѣлалъ мнѣ честь, сказавъ, что я очень любезна, и самъ былъ любезенъ и по обыкновенію держалъ себя безупречно. Вдругъ, раздосадованный, онъ воскликнулъ: „удивительно, вы говорите по-нѣмецки съ французскимъ акцентомъ, а по-французски съ нѣмецкимъ акцентомъ“.

Я отвѣтила ему, смѣясь, нѣсколько словъ по-итальянски, все, что я знала, и спросила, не находитъ ли онъ, что говорю по-итальянски съ англійскимъ акцентомъ.

Нельзя сдѣлать здѣсь ни шага, не встрѣтивъ какого-нибудь императора, короля или владѣтельнаго принца; не натолкнувшись на важнаго генерала, знаменитаго дипломата, или извѣстнаго министра. Въ Вѣнѣ огромный съѣздъ, съѣздъ коронованныхъ особъ: тутъ двѣ очаровательныя императрицы (австрійская и русская), одна—очень некрасивая королева, и прелестныя принцессы, которыя будутъ со временемъ королевами. По утру, въ тѣ дни, когда короли не играютъ въ солдатики, они совершаютъ прогулку пѣшкомъ; когда нѣтъ ни большихъ смотровъ, ни охоты, они дѣлаютъ визиты; они живутъ хо-

лостяками. Вечеромъ они одѣваютъ блестящіе мундиры и очаровываютъ всѣхъ на волшебныхъ празднествахъ, которыя даетъ въ честь ихъ императоръ австрійскій; онъ, всегда такой простой и умѣренный, принимаетъ ихъ по-царски. Каждому монарху, каждому владѣтельному или королевскому принцу полагается придворный экипажъ, конвой, великолѣпныя верховыя лошади; всѣ эти кортежи великолѣпны, изящны; все блеститъ, все отдѣлано заново; царскіе экипажи, подъ наблюденіемъ оберъ-шталмейстера графа Траутмансдорфа, снуютъ по всѣмъ направленіямъ, и при этомъ ни разу не произошло никакого столкновенія или несчастія.

Сюда наѣхало много искателей приключеній и царедворцевъ. Монархи ухаживаютъ за хорошенькими и умными женщинами, репутація которыхъ отъ этого однако не страдаетъ, ибо здѣсь существуютъ еще рыцарскія страсти, и пересуды и сплетни носятъ благородный характеръ. Исторія замолкла, монархи веселятся, для нихъ настали вакаціи, коими они пользуются вполнѣ. Въ мірѣ гораздо болѣе элементовъ равенства, нежели думаютъ: принцы ухаживаютъ за артистками; люди талантливые придаютъ себѣ вѣсъ и значеніе и обращаются фамиліарно съ самодержцами. Талейранъ, занимающій несомнѣнно весьма видное положеніе, принимаетъ обыкновенный тонъ дипломата - самодержца; ему льстятъ, онъ царствуетъ; его ума боятся, Европа находится на стражѣ, боясь его острыхъ словцовъ.

При дворѣ и у сановниковъ празднество слѣдуетъ за празднествомъ, безъ перерыва; они не знаютъ, что придумать.

Партія живыхъ шахматъ, устроенная г-жею Зичи, заинтересовала всѣхъ какъ нѣчто оригинальное; это было что-то въ родѣ балета, во время котораго люди, одѣтые офицерами, королями, королевами, ладьями и т. п. исполнили замысловатую партію.

Романсы въ картинахъ, исполненные при дворѣ, были недурны; графиня Софія Зичи и графъ Война пѣли, въ то время какъ сюжетъ каждаго куплета изображался въ видѣ живой картины подъ флеромъ, на подобіе того, какъ въ операхъ изображаютъ сновидѣнія, это было прелестно и фантастично.

Карусель, костюмированный балъ, живыя картины, въ особенности въ домѣ Даріуса (поставленныя Лебреномъ) были такъ великолѣпны, что не поддаются описанію. Никогда, при дневномъ свѣтѣ и при искусственномъ освѣщеніи, не сверкало столько брилліантовъ, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; никогда не видѣли столько цвѣтовъ, столько блондъ, перьевъ, бархата и атласа, никогда не было такого собранія хорошенькихъ женщинъ, красавицъ и изящныхъ кавалеровъ.

Но, Богъ ты мой! сколько устарѣлыхъ претензій! Вотъ хотя бы

маркизъ Монченю (de Montchenu), несносный болтунъ, самый болтливый изо всѣхъ болтуновъ. Не знаю, на чемъ онъ основываетъ свои претензіи, онъ увѣряетъ, что онѣ существуютъ чуть не съ Семилѣтней войны, ужъ не выдумали ли мы это по злобѣ; или онъ дѣйствительно говорилъ это? Онъ явился на конгрессъ просить о вознагражденіи за фуражъ.

Король датскій, съ лицомъ альбиноса, большой волокита; онъ влюбился въ молодую дѣвушку изъ рабочаго класса, бѣлокурую, краснощекую гризетку. Нѣсколько дней тому назадъ она пожелала нанять роскошную квартиру въ домѣ княгини де Пааръ; условилась на счетъ всего, взяла квартиру съ мебелью за баснословную цѣну.

— Позвольте узнать, спросилъ привратникъ, какъ мнѣ доложить княгинѣ, кому имѣлъ честь сдать помѣщеніе?

— Напишите, отвѣчала она величественно, что вы сдали квартиру королевѣ датской!

Швейцаръ былъ въ восторгѣ и поспѣшилъ сообщить княгинѣ великую новость; княгиня была внѣ себя отъ гнѣва и запретила ему заключить условіе. Эта „Датская королева“ очень извѣстна въ Вѣнѣ, это прозвище такъ и осталось за ней. Она совершенно искренно считала себя королевой.

Обѣ сестры императора Александра, великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Веймарская, и великая княгиня Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская, очаровательныя и очень умныя женщины. Онѣ обожаютъ императора, который относится къ нимъ со своей стороны съ величайшей предупредительностью. Онѣ очень веселаго и нѣсколько насмѣшливаго нрава; но императоръ заставляетъ ихъ сдерживаться. Впрочемъ, онѣ держатъ себя безупречно. Ихъ очаровательныя личики, обрамленныя цвѣтами, перьями и роскошными мѣхами, очень привлекательны. Изабэ нарисовалъ съ нихъ прелестные портреты.

Императоръ очень любитъ своихъ сестеръ, но онъ строгъ; онѣ изящны и любезны.

Великая княгиня Екатерина Павловна замѣчательно хорошо образована: она все знаетъ и при томъ превосходно. Можно ли, напримѣръ, повѣрить, что она въ состояніи вести ученый разговоръ о фортификаціи съ выдающимся инженернымъ офицеромъ, что она знаетъ всѣ техническіе термины, даже самые мало употребительные, самые древніе и самыя современные; и при этомъ никогда не ошибается? это повергло генерала В. въ величайшее изумленіе. Вы подумаете, вѣроятно, что великая княгиня подготовилась къ тому разговору въ то утро, — но въ такомъ случаѣ, что это была за подготовка!

Король прусскій не можетъ простить поэту Вернеру того, что онъ отрекся отъ лютеранской вѣры; онъ лишилъ его занимаемыхъ имъ должностей и жалованія.

По какой-то странной причудѣ король потребовалъ, чтобы Вернеръ явился къ нему здѣсь, на одинъ изъ утреннихъ пріемовъ. Вернеръ отправился во дворецъ въ своемъ духовномъ платьѣ; его длинные жирные волосы висѣли по плечамъ. Онъ стоялъ скромно среди прочихъ представлявшихся особъ. Король, проходя мимо него, сказалъ рѣзко:

„Я не люблю людей, которые мѣняютъ вѣру".

— Поэтому-то, в.-в., отвѣчалъ Вернеръ, сдѣлавъ глубокій поклонъ, я и возвратился къ вѣрѣ моихъ предковъ.

Вернеръ вступилъ въ орденъ августиновъ, онъ живетъ въ Вѣнѣ, въ монастырѣ, принадлежащемъ этому ордену, и подчиняется, по мѣрѣ возможности, монастырскимъ правиламъ; но мнѣ кажется, что его пышная фантазія не можетъ подчиниться однообразной педантичной жизни. Его проповѣди пользуются огромнымъ успѣхомъ, въ нихъ невольно сказывается поэтъ. Публики сбирается такое множество, что трудно бываетъ найти мѣсто. Очень любопытно, что авторъ „Лютера" опровергаетъ ложныя доктрины реформатора передъ избраннымъ обществомъ, состоящимъ изъ протестантовъ, лютеранъ и кальвинистовъ, его слушаютъ съ интересомъ, любопытствомъ и усмѣшкой. Да, Вернеръ говоритъ проповѣди, какъ поэтъ, но какъ поэтъ вдохновенный, искренно вѣрующій, чего уже болѣе? Его слова проникнуты горячей вѣрой, кто могъ бы лучше его говорить противъ тѣхъ заблужденій, которыя онъ такъ страстно поддерживалъ и отъ которыхъ отрекся съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ?

Вернеръ ѣздилъ въ Римъ съ цѣлью почерпнуть тамъ доводы противъ католической вѣры, написать исторію злоупотребленій католической церкви и раскритиковать ея обрядность. Но въ храмѣ св. Петра онъ былъ пораженъ величіемъ этихъ обрядовъ и уѣхалъ изъ Рима католикомъ.

Онъ говорилъ проповѣди съ жаромъ, со страстью. Развѣ не достойно удивленія, что убѣжденный лютеранинъ, поклонникъ Лютера, перешелъ въ католичество, сдѣлался священникомъ и говоритъ съ каѳедры съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ о совершенствѣ Пресвятой Дѣвы, молится Ей въ порывѣ страстной вѣры, экзальтаціи и любви?

Вернеръ скончался въ Вѣнѣ 17-го января 1823 г. въ августинскомъ монастырѣ; его прахъ провожала безчисленная толпа людей всѣхъ званій и состояній. Жители Вѣны глубоко уважали его. Онъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ деревнѣ Энцерсдорфѣ (Enzersdorff) и просилъ положить въ гробъ портретъ его матери.

Вотъ письмо, которое заставило меня, какъ француженку, страстно страдать отъ оскорбленнаго самолюбія. Я внѣ себя... тѣмъ болѣе, что въ этомъ письмѣ говорится правда, впрочемъ, оно написано французомъ г. де-Лортомъ (de Lort), состоящимъ на австрійской службѣ, товарищемъ и другомъ г. Монте.

„Любезный другъ, каждый день, какъ вы знаете это изъ газетъ, совершается новое чудо; никогда еще перстъ Божій не былъ виденъ яснѣе; мы сдѣлали не мало ошибокъ и все-таки неисповѣдимые пути Провидѣнія свершились. Что скажешь ты о паденіи бывшаго гиганта? Если бы бичъ человѣческаго рода погибъ на одномъ изъ безчисленныхъ полей битвъ, обагренныхъ имъ кровью, то исторія могла бы назвать его героемъ. Пенсія, которую онъ требуетъ и которую онъ соглашается принять, низводитъ его на степень искателя приключеній. Предоставимъ ему ловить устрицы въ его новой имперіи и вводить въ ней континентальную систему, впрочемъ, люди вездѣ люди; они доказали въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-либо свой эгоизмъ; маршалы, министры, сенаторы—креатуры Наполеона, и его царедворцы спѣшатъ наперерывъ повергнуть своего идола въ прахъ; все ихъ соперничество сводится къ тому, чтобы принести какъ можно скорѣе повинную къ ногамъ законнаго монарха. Всякій спѣшитъ отречься отъ хищнаго орла, чтобы преклониться предъ благодѣтельной лиліей. Все это забавляетъ насъ, жителей столицы, пресыщенныхъ всевозможными удовольствіями; мы смѣемся, потѣшаемся и восторгаемся людьми, которые въ свою очередь обманываютъ насъ и смѣются надъ нами. Никогда еще въ Парижѣ не бросалось столько золота; въ этомъ огромномъ Вавилонѣ переходятъ ежедневно изъ рукъ въ руки цѣлые милліоны дукатовъ; магазины торгуютъ бойко; тутъ 60.000 однѣхъ падшихъ женщинъ, не считая порядочныхъ особъ женскаго пола, женъ чиновниковъ и военныхъ. Наконецъ, нужно сказать, что парижане, имѣющіе всего въ изобиліи, не несутъ никакой повинности натурою, не даютъ солдатамъ продовольствія, ни помѣщенія и не платятъ никакихъ реквизицій. До нихъ едва доносился съ заставъ грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ; они очень рады случаю обобрать съѣхавшихся къ нимъ иностранцевъ и собрать съ нихъ огромную контрибуцію за свои устрицы, конфекты и за своихъ кокотокъ.

„Въ первый день Пасхи, 10-го апрѣля, мы были свидѣтелями единственнаго въ своемъ родѣ зрѣлища; сорокъ тысячъ человѣкъ прекрасно обмундированной пѣхоты, двадцать тысячъ кавалеріи, подобной которой не найдешь болѣе нигдѣ въ Европѣ, были выстроены въ боевомъ порядкѣ на бульварахъ и на площади Людовика XV, гдѣ былъ сооруженъ алтарь, монархи съ ихъ свитами, французскіе мар-

шалы и множество военныхъ всѣхъ націй производили смотръ войскамъ, окруженные толпою въ 60.000 ротозѣевъ, которые въ свою очередь осматривали ихъ до мельчайшей подробности, крича что есть мочи: „Да здравствуетъ непріятель! да здравствуютъ союзники! да здравствуютъ Бурбоны!“ Торжественное молебствіе было отслужено на пятнадцати языкахъ, послѣ чего былъ данъ залпъ изъ 130 орудій: союзные монархи возносили къ Господу мольбы и славословили Его, благодаря за одержанную ими побѣду; французскіе маршалы и сенатъ благодарили его за то, что они были побѣждены; крики, слезы, восторженные возгласы и всеобщее радостное настроеніе заглушали вздохи нѣкоторыхъ приближенныхъ Наполеона и приспѣшниковъ Савари: женщины, въ упоеніи чувствъ и радостнаго настроенія наэлектризовывали умы, выражая страстную преданность королю. Императоръ Александръ братски обнималъ маршаловъ, сенаторовъ и всѣхъ окружающихъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезглавленъ добродѣтельный Людовикъ XVI.

„При видѣ всего этого, невольно чувствуешь нѣкоторое презрѣніе къ людямъ; тѣмъ не менѣе все это очень забавно и заставляетъ отчасти смотрѣть съ презрѣніемъ на г.г. сенаторовъ, которые такъ отечески обезпечили, по новой конституціи, судьбу своихъ дорогихъ преемниковъ, за счетъ другихъ лицъ“.

Иногда бываютъ весьма странныя приключенія. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, или поступковъ, который можно назвать благороднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне смѣшнымъ, щекотливымъ и на взглядъ неприличнымъ.

Всѣ увѣряютъ, что эрцгерцогъ Карлъ влюбленъ въ великую княгиню Екатерину Павловну, вдовствующую герцогиню Ольденбургскую, и хотѣлъ на ней жениться; но она отдавала предпочтеніе наслѣдному принцу Виртембергскому, который, повидимому, также сильно увлеченъ ею, весьма вѣроятно, что этотъ бракъ состоится.

Между тѣмъ, на одномъ изъ блестящихъ маскарадовъ, во время конгресса, генералъ графъ Генрихъ Гардегъ нашелъ на полу письмо, безъ адреса и подписи, очевидно, выпавшее изъ конверта. Въ этомъ письмѣ, написанномъ очень умно и ядовито, критиковались высокопоставленныя лица и осмѣивался эрцгерцогъ съ его любовными признаніями. Графу Гардегу показалось, что это письмо могло быть написано никѣмъ инымъ, какъ великой княгиней, и адресовано принцу Виртембергскому. Въ первый моментъ онъ рѣшилъ сжечь его, но затѣмъ подумалъ, что великая княгиня будетъ тревожиться по поводу того, куда дѣвалось ея письмо и въ какія руки оно попало. Обсудивъ этотъ вопросъ, онъ счелъ благоразумнѣе передать его самой великой княгинѣ и просилъ ее назначить ему частную аудіенцію; но, опасаясь

потерять драгоцѣнное письмо, онъ спряталъ его на груди, плотно застегнувъ мундиръ, не думая о томъ, какъ онъ достанетъ письмо. Въ назначенный часъ онъ явился на аудіенцію и былъ тотчасъ введенъ въ зало, гдѣ великая княгиня сидѣла одна. Почтительно привѣтствовавъ ее, графъ высказалъ ей, въ какомъ онъ находился затрудненіи; но великая княгиня гордо остановила его, отрицая, чтобы какое-либо изъ ея писемъ могло быть потеряно или могло заключать что-либо, чего она не могла бы повторить во всеуслышаніе. Генералъ былъ весьма смущенъ этимъ отвѣтомъ. Но, извиняясь за свою ошибку, онъ сказалъ въ свое оправданіе нѣсколько словъ, изъ которыхъ великая княгиня поняла, о какомъ письмѣ шла рѣчь; она поблѣднѣла и повелительно приказала ему показать ей письмо. Графъ хотѣлъ достать его, но такъ какъ его мундиръ былъ туго застегнутъ и увѣшанъ орденами, то это оказалось не такъ легко; бросивъ на полъ свои лосиныя перчатки и генеральскую шляпу, которыя мѣшали ему, Гардегъ пытался достать злополучную бумажку; и ему казалось, что онъ уже схватилъ ее, какъ вдругъ всѣ пуговицы его мундира разстегнулись и бумажка скользнула подъ поясъ или шарфъ, который ему пришлось разстегнуть. Смущенный и взволнованный этимъ, онъ подалъ наконецъ письмо великой княгинѣ, которая тотчасъ узнала свой почеркъ и выразила графу свою живѣйшую благодарность, а затѣмъ страшно расхохоталась, такъ какъ запыхавшійся и вспотѣвшій генералъ никакъ не могъ поладить съ своими пуговицами и когда ему удавалось застегнуть одну, то несмотря на всѣ его усилія, разстегивалась другая.

Въ этотъ критическій моментъ дверь въ зало съ шумомъ распахнулась, и вошелъ императоръ Александръ! До крайности изумленный, онъ остановился; его лицо приняло грозное выраженіе; онъ смотрѣлъ то на генерала, смущеніе котораго все возростало, то на свою сестру, веселость которой очень удивляла его. Дѣйствительно, красавецъ графъ Гардегъ стоялъ передъ великой княгиней въ самомъ непостижимомъ безпорядкѣ; его перчатки и шляпа валялись на полу, мундиръ былъ растегнутъ. „Графъ Гардегъ!“ воскликнулъ императоръ взволнованнымъ голосомъ. Великая княгиня продолжала хохотать; наконецъ, она была въ состояніи говорить и объяснила императору происшедшее.

— Графъ Гардегъ поступилъ, какъ рыцарь, сказала она.

Во время этого объясненія, генералъ, чрезвычайно смущенный, возился со своими непокорными пуговицами, которыя ему удалось наконецъ застегнуть. Онъ былъ довольно полный, а мундиры дѣлались въ то время на волосѣ и плотно облегали фигуру.

Великой княгинѣ досталось, вѣроятно, отъ императора Александра,

которому было важно сохранить добрыя отношенія къ австрійскому императору, и который относился съ особымъ почтеніемъ къ эрцгерцогу Карлу.

Она просила генерала не разглашать случившагося, и онъ свято хранилъ ея тайну до самой смерти великой княгини, впослѣдствіи королевы Виртембергской, скончавшейся внезапно въ 1819 г. Тогда только графъ разсказалъ этотъ случай своей кузинѣ, графинѣ Юліи Колловратъ, которая была одною изъ моихъ подругъ по монастырю. Графу Гардегу было во время конгресса 37 лѣтъ; онъ былъ красавецъ собой и вполнѣ заслуженно пользовался репутаціей человѣка высшей степени достойнаго.

Великолѣпный королевскій катафалкъ, поставленный посреди церкви, возвышался до самаго свода; убранство собора было величественное и великолѣпное. На клиросѣ стояли высокопоставленныя дамы въ длинныхъ, черныхъ вуаляхъ, спускавшихся съ головы до ногъ; въ нарочно устроенныхъ для этого случая трибунахъ сидѣли монархи въ траурѣ; принцы, генералы, министры, цвѣтъ европейской знати присутствовали при этомъ искупительномъ богослуженіи, которое будетъ памятно во вѣки. Прекраснымъ и, какъ надо было, печальнымъ хоромъ, дирижировалъ Сальери, но надгробное слово, по случаю кончины короля-мученика, по какой-то роковой случайности, поручено было произнести передъ собравшимися коронованными особами аббату Зайгнелинсу, эльзасцу, который говоритъ одинаково плохо по-французски и по-нѣмецки и произноситъ по-французски съ отвратительнымъ акцентомъ. Графъ Алексѣй де Ноаль и г. Франше, которому мы высказали свои опасенія по поводу краснорѣчія оратора, были вынуждены передѣлать его рѣчь цѣликомъ въ 24 часа, такъ какъ „слово“ бѣднаго аббата, которое они намъ прочли, оказалось совершенно недостойнымъ сюжета и высокихъ слушателей (Бѣдняшка аббатъ особенно распространялся въ немъ о способности Людовика XVI къ слесарному мастерству). Въ проповѣди, составленной де Ноалемъ и Франше, которая болѣе походила на политическую рѣчь, нежели на слово, были краснорѣчивыя мѣста и сильныя наставленія королямъ. Я обратила вниманіе на одну прекрасную и правдивую реторическую фигуру: „Европа возстала какъ одинъ человѣкъ“. Да, но по правдѣ сказать, какъ человѣкъ, который очень медленно поднимается съ мѣста.

На клиросѣ напротивъ трибуны монарховъ было сооружено что-то вродѣ продолговатой и узкой каѳедры, очень смѣшной формы. Эта каѳедра, или, лучше сказать, этотъ футляръ былъ задрапированъ чернымъ сукномъ, безъ всякихъ украшеній; вдобавокъ каѳедра нѣсколько покачивалась. Аббатъ прочелъ слово монотоннымъ, едва слыш-

нымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ; почти никто ничего не понялъ. Русскіе офицеры, стоявшіе позади меня, фыркали со смѣха, и одинъ изъ нихъ, пораженный видомъ каѳедры и наружностью проповѣдника, забылся до того, что сказалъ вслухъ, что онъ похожъ на китайца, сидящаго на чернильницѣ; это была правда. За произнесенную проповѣдь аббатъ получилъ отъ французскаго короля пенсію и ленту. Король Баварскій пожаловалъ ему баронскій титулъ.

Это было нѣчто великолѣпное,—это былъ водоворотъ, въ которомъ мелькали короны, королевы, хорошенькія женщины; сверкали брилліанты, ордена, кресты, мундиры, пестрѣли ленты, расхаживали знаменитости, цѣлая толпа знаменитостей и кокетливыхъ женщинъ. Хотя всѣ эти знаменитости быстро померкнутъ и красавицы состарѣются,—не бѣда, все же онѣ возбуждаютъ любопытство и восхищеніе, все это очень забавно. Я вернулась домой въ половинѣ третьяго. Русскій императоръ почти все время танцовалъ, т. е. ходилъ полонезы, благородно, величественно, и чаще всего очень сентиментально съ юной княжной Ауерспергъ: онъ все еще увлеченъ ею. Она скромная, хорошенькая, бѣленькая, съ прекрасными шелковистыми бѣлокурыми волосами, которые обрамляютъ мягкими и густыми кудрями ея спокойное, кроткое лицо. Король Датскій такъ веселъ, какъ будто ему возвратили Норвегію. Онъ танцуетъ со всѣми самыми юными и розовенькими молодыми дѣвушками. Король Пруссіи преважно водитъ въ полонезѣ красавицу и добродѣтельную графиню Юлію Зичи, въ которую онъ яко-бы страстно влюбленъ.

Я танцовала или, лучше сказать, шла въ парѣ съ г. Бомбелемъ; передъ нами шла г-жа Сидней-Смитъ; она увидѣла Ѳ. П. Уварова и сдѣлала передъ нимъ ни съ того, ни съ сего глубокій реверансъ до земли; это было бы комично, но мнѣ было не столько смѣшно, сколько обидно за нее.

Я разговаривала на этомъ балу съ княгиней Луизой Клари (рожденной графиней Хотекъ), которая знаетъ Сиднея-Смита; онъ подошелъ къ намъ, и я имѣла возможность хорошо разсмотрѣть его лицо; я слушала его съ большимъ вниманіемъ и смотрѣла на него такъ, какъ разглядываютъ рѣдкую вещицу; между прочимъ, я внимательно разсмотрѣла ковчежецъ съ мощами, который онъ носилъ на шеѣ; это вещь крайне интересная. Я подержала его въ рукахъ и осмотрѣла со всѣхъ сторонъ съ большимъ благоговѣніемъ.

Онъ принадлежалъ Ричарду Львиное Сердце. На немъ видны дырки отъ винтовъ, коими онъ былъ прикрѣпленъ къ его щиту. Король Ричардъ подарилъ его архіепископу Тирскому (или Птолемаидскому); его хранили какъ драгоцѣнность нѣсколько сотъ лѣтъ; наконецъ, онъ очутился на шеѣ у Сиднея-Смита; это похоже на знакъ

ордена, коего онъ является учредителемъ и единственнымъ кавалеромъ. Лицо Сидней-Смита не соотвѣтствуетъ его репутаціи; оно очень ординарно. Его семья также мало интересна. Онъ женатъ на нѣкоей вдовѣ Гумбольдтъ, самаго скромнаго происхожденія. У нея есть дочь отъ перваго брака, которую считаютъ здѣсь красавицей. Эти дамы держатъ себя очень свободно, но въ общемъ довольно вульгарны. Карета Сидней-Смита также представляетъ своего рода рѣдкость; врядъ ли карета самого Ричарда, если онъ таковую имѣлъ, была бы покрыта бо́льшимъ количествомъ изреченій, гербовъ и героическихъ эмблемъ. Англичане не только самый гордый, но и самый тщеславный народъ въ мірѣ. Англійскія дамы отличаются здѣсь своими смѣшными нарядами; онѣ сочли бы унизительнымъ для своего національнаго достоинства слѣдовать модѣ той страны, гдѣ онѣ находятся. На балу у князя Меттерниха лэди Кэстлери имѣла на головѣ брилліантовые знаки, ордена Подвязки своего мужа. Всѣ удивлялись этому оригинальному убору; удивлялись также неприличному покрою ихъ платьевъ; ихъ юбки, или, лучше сказать, чахлы юбокъ такъ узки, что всѣ формы ясно обрисовываются; вырѣзъ лифа доходитъ до живота.

Лордъ Кастлери танцуетъ каждый вечеръ часа два со своей женой или сестрой, если у него нѣтъ инаго партнера; онъ говоритъ, что это упражненіе для него положительно необходимо въ видѣ отдыха, когда онъ работаетъ цѣлый день головой; когда эти дамы отсутствуютъ, то онъ разставляетъ стулья и пресерьезно танцуетъ съ этими оригинальными партнерами.

Ужасное извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона приводитъ всѣхъ въ крайнее смущеніе; всѣ спѣшатъ, останавливаются, задаютъ другъ другу вопросы; на всѣхъ улицахъ стоятъ группы бесѣдующихъ. Г-жа Лидкеркъ (Liedkerque), дочь de la Tour du Pris, полномочнаго посланника на конгрессѣ, остановила сегодня моего мужа на улицѣ три раза, чтобы узнать отъ него новости. Имъ скорѣе полагалось бы знать ихъ!

На спектаклѣ при дворцѣ царствовало страшное уныніе.

Мы были приглашены на этотъ спектакль, но не могли собраться съ духомъ поѣхать туда. На спектаклѣ не было ни Талейрана, ни Перигора. Принцъ Евгеній былъ крайне смущенъ; онъ не зналъ, какъ держать себя. Мой мужъ былъ у князя Талейрана, который полагаетъ, что Бонапарту не удастся доѣхать до Парижа. „Это человѣкъ, одержимый органическимъ помѣшательствомъ“, сказалъ онъ. Сегодня были получены очень успокоительныя вѣсти (оказавшіяся впослѣдствіи ложными), съ которыми его поздравляли. Министръ ошибся, въ этомъ поступкѣ Бонапарта очевидно болѣе смѣлости, нежели безумія.

Изъ Парижа то и дѣло прибываютъ эмигранты. На-дняхъ у меня

былъ аббатъ Бомбель; у меня собралось въ тотъ день много гостей; его просили разсказать объ этихъ печальныхъ событіяхъ. Онъ имѣлъ въ Страстбургѣ удивительный разговоръ съ маршаломъ Сюше. Сколько измѣнниковъ! Но со временемъ ихъ будетъ навѣрное еще больше.

Франше, состоящій при де Ноальи, французскомъ посланникѣ на конгрессѣ, сообщилъ намъ самое радостное извѣстіе, но оно оказалось впослѣдствіи ложнымъ. Я читала въ моей маленькой гостиной; было около 12 часовъ ночи; мой мужъ уже легъ спать и уснулъ, какъ вдругъ раздался звонокъ. Такъ поздно могъ явиться кто-нибудь только съ очень радостной вѣстью! Дѣйствительно, Франше, сіяя отъ радости, сообщилъ мнѣ, что Массена арестовалъ Бонапарта и что императоръ былъ убитъ, храбро защищая свою жизнь: это былъ бы хорошій конецъ для него и для Франціи. Мужъ проснулся и въ одномъ бѣльѣ бросился на шею доброму Франше, котораго онъ едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ.

Я въ Баденѣ. Здѣсь находится императрица Марія-Луиза съ своимъ сыномъ. Ея новая оберъ-гофмейстерина, маркиза Скарампи, воспитывалась вмѣстѣ со мною въ монастырѣ. Я отправилась однажды къ ней завтракать вмѣстѣ съ миссъ Эрнестиной Фразеръ. Мы встрѣтили по пути барона Бенклера и графа Пальфи, которые сообщили намъ, что Наполеонъ арестованъ: только-что прибылъ курьеръ съ этимъ извѣстіемъ. Мы колебались идти къ г-жѣ Скарампи, полагая, что она занята и утѣшаетъ императрицу. Но любопытство взяло верхъ надъ нашимъ соображеніемъ. Мы нашли, принимая во вниманіе занимаемое ею мѣсто, что Лиза встрѣтила насъ со слишкомъ громкими изъявленіями радости. Прислуга Наполеона, подававшая намъ завтракъ съ самымъ грустнымъ лицомъ, ни мало не смущала ее. Она прыгала, смѣялась и танцовала по комнатѣ, радуясь пріятной вѣсти! Когда она немного успокоилась, мы спросили, знаетъ ли Марія-Луиза о случившемся. „Я сейчасъ предупрежду ее письменно“, отвѣчала она; „императрица никого не принимаетъ до одиннадцати часовъ“. Она присѣла къ письменному столу и написала императрицѣ нѣсколько словъ. Мы ожидали ея отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ; вотъ онъ слово въ слово: „Благодарю васъ, то, что вы сообщаете, мнѣ уже извѣстно. Мнѣ хотѣлось бы прокатиться верхомъ въ Меркенштейнъ; какъ вы полагаете, благопріятствуетъ ли этому погода“?

Меня поразилъ безчувственный тонъ записки, или удивительное умѣнье императрицы скрывать свои чувства. Мнѣ хотѣлось сохранить ее, какъ доказательство величайшаго хладнокровія; но миссъ Фразеръ взяла половину письма, а я получила другую, которую я буду всегда хранить.

Лиза еще не привыкла къ той сдержанности, которая необходима на ея мѣстѣ: быть можетъ, она никогда этому не научится. Благодаря ея болтливости и откровенности я узнала много странныхъ анекдотовъ, такъ какъ Марія-Луиза оказывается довѣрчива не менѣе своей оберъ-гофмейстерины.

Вотъ образъ жизни, который ведетъ императрица въ этомъ году въ Баденѣ. Она звонитъ своихъ, такъ называемыхъ амарантовыхъ горничныхъ (онѣ называются по цвѣту платья), въ седьмомъ часу утра. Онѣ подаютъ ей письменныя принадлежности, и она пишетъ въ постели до десяти часовъ утра. Затѣмъ она встаетъ; ея утренній туалетъ, тотъ же точно, какъ и вечерній, прелестенъ: объ этомъ особенно заботятся ея камеристки. Въ одиннадцать часовъ къ императрицѣ является оберъ-гофмейстерина и всѣ состоящія при ней значительныя особы. Въ это время подается прекрасный холодный завтракъ. Она работаетъ, рисуетъ и играетъ, какъ ангелъ; всѣмъ этимъ она занимается обыкновенно со своимъ оберъ-гофмейстеромъ, генераломъ графомъ Нейпергомъ; онъ отличный музыкантъ. Марія-Луиза ничего не дѣлаетъ и не говоритъ, не посовѣтовавшись съ этимъ генераломъ. „Какъ вы думаете, генералъ? что вы на это скажете, генералъ?“ таковъ ея вѣчный припѣвъ.

Императрица Марія-Луиза восхитительно ѣздитъ верхомъ; она несется въ галопъ по самымъ опаснымъ дорогамъ, не заботясь о томъ, можетъ ли поспѣть за ней Лиза, которая начала ѣздить недавно; тѣмъ не менѣе она очень добра и великодушна.

Вотъ нѣкоторые примѣры ея удивительнаго хладнокровія. Она находилась въ Шенбрунѣ въ то время, когда было получено извѣстіе о сраженіи при Ватерлоо; послѣ обѣда она совершила большую прогулку верхомъ, не выказавъ ни малѣйшаго волненія. Мужъ Лизы состоитъ при посольствѣ, и Лиза боялась, что исполняя какое-то порученіе, возложенное на него, онъ не поспѣлъ вò-время къ сраженію при Ватерлоо. Не обдумавъ своихъ словъ, она выразила свои опасенія Маріи-Луизѣ, которая долго слушала ее съ величайшимъ терпѣніемъ, и въ концѣ концовъ холодно замѣтила: „вы, кажется, не въ умѣ?“ Императрица сказала однажды Лизѣ, что Наполеонъ сердился на нее только одинъ разъ въ жизни и сказалъ ей: „Вы маленькая дурашка, я отошлю васъ къ вашему отцу“, на что́ она отвѣчала, величественно обернувшись къ нему: „я только этого и желаю“. Онъ тотчасъ попросилъ у нея извиненія. „Я знаю, сказала она, говорятъ, будто мой сынъ не принадлежитъ мнѣ, но онъ дѣйствительно мой“.

Лиза, въ порывѣ благодарности за какую-то любезность, оказанную ей императрицей, схватила ея руку и, забывшись, отъ избытка чувствъ, такъ сильно сжала ее, что одно изъ колецъ императрицы впилось ей

въ палецъ. „Вы сдѣлали мнѣ больно“, кротко сказала ей Марія-Луиза, повернувъ кольцо въ другую сторону.

Марія-Луиза хороша собой, свѣжа, какъ роза, и очень стройна. Здѣсь удивляются этой перемѣнѣ, такъ какъ, уѣзжая изъ Вѣны, она была довольно неуклюжа, ходила и держала себя очень неловко. Всѣ служащіе обожаютъ ее. Лиза говорила мнѣ, что всѣ слуги Наполеона, послѣдовавшіе за императрицей, до фанатизма преданы императору; постигшія его неудачи приводятъ ихъ въ отчаяніе. Это вполнѣ понятно и очень похвально, если только на это не вліяютъ личные разсчеты. Одна изъ „амарантовыхъ“, жена врача, пользующагося особымъ довѣріемъ Бонапарта, говоритъ о немъ не иначе, какъ со слезами на глазахъ; она видѣла на-дняхъ маленькаго принца, который баловалъ и рѣзвился, и воскликнула: „какая жалость! изъ него сдѣлаютъ капуцина“.

Трудно представить себѣ болѣе преданныхъ и исполнительныхъ слугъ, нежели французскіе слуги Маріи-Луизы; но они будутъ вскорѣ отосланы во Францію и замѣнены австрійцами. Маркизъ де Боссе, ея оберъ-гофмейстеръ, уѣзжаетъ на-дняхъ; онъ держитъ себя здѣсь съ большимъ тактомъ. Судя по вещамъ, которыя Марія-Луиза увезла съ собою изъ Франціи, трудно допустить, что она уѣхала внезапно: она ничего не позабыла. Гардеробъ императрицы огромный. Множество чемодановъ наполнены великолѣпнѣйшими матеріями, кружевами, которыя даже не были еще развернуты. Ея служанки показываютъ съ гордостью эту роскошь императорскаго дома.

Императрица жаловалась на любопытные вопросы, которые предлагала ей великая княгиня Екатерина Павловна относительно ея интимныхъ отношеній къ Наполеону. Между прочимъ она спросила ее, исповѣдывалась ли она во Франціи, и у кого именно? Говоря о г. Нейпергѣ, великая княгиня не называла его иначе, какъ „вашъ генералъ“, а говоря о генералѣ Коллерѣ говорила: „мой генералъ“. Великая княгиня хотѣла во что бы то ни стало вызвать Марію-Луизу на откровенность.

Императрица показала однажды Лизѣ письмо, полученное ею отъ г-жи Монтебелло: „Остерегайтесь, писала ей герцогиня, оправдать вашимъ поведеніемъ всеобщее мнѣніе о вашемъ легкомысліи и слабости характера“.

— Посмотрите, сказала императрица, что мнѣ пишетъ Монтебелло!

Этотъ намекъ относился вѣроятно къ генералу Нейпергъ.

Марія-Луиза разсказывала Лизѣ, что въ тотъ день, когда она видѣла Наполеона впервые, она никакъ не ожидала, что онъ такъ далеко выѣдетъ ей навстрѣчу. Она ѣхала въ каретѣ съ королевой

Неаполитанской, г-жею Мюратъ, и такъ какъ было жарко, то онѣ сняли шляпы и повязали на голову батистовые платки; вдругъ, онѣ завидѣли вдали столбъ пыли, и почти въ ту же минуту карета остановилась, дверца отворилась, подножка у кареты была спущена, и раздался крикъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Г-жа Мюратъ вскрикнула отъ удивленія и испуга; Бонапартъ схватилъ Марію-Луизу за голову и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

Въ тотъ же день вечеромъ, за ужиномъ, кажется въ Компьенѣ, гдѣ всѣ родные Наполеона были въ сборѣ, Марія-Луиза приняла кусокъ льда, завернутый въ бумагу, за конфекту; ледъ раскололся, бумажка упала на тарелку и на салфетку принцессы, которая была возмущена тѣмъ, что члены императорской фамиліи при этомъ громко расхохотались. Она разсказывала объ этомъ Лизѣ нѣсколько разъ съ величайшей досадою.

Сюда пріѣхала неожиданно принцесса Уэльская [1]). Англійскій посланникъ, лордъ Стюартъ, тотчасъ уѣхалъ со всѣми чинами посольства, до послѣдняго секретаря. Принцесса помѣстилась въ отелѣ „Императрица Австрійская“. Должность ея камергера исполняетъ конюхъ, по имени Бергами; ея оберъ-гофмейстерина особа извѣстная своимъ дурнымъ поведеніемъ; принцесса появилась вчера въ театрѣ въ бѣлыхъ атласныхъ шароварахъ, поверхъ которыхъ была надѣта коротенькая юбочка; волосы ея были всклокочены, и на этой изумительной прическѣ торчали брилліанты. Она очень сердита на лорда Стюарта и на императора, хотя на время ея пребыванія здѣсь назначенъ состоять при ней графъ О'Доннелль. Свита этой знаменитой и сумасбродной особы такъ же оригинальна, какъ и она сама; между прочимъ, при ней находится восьмилѣтній мальчикъ, котораго она всюду водитъ съ собою, и котораго она повидимому страстно любитъ. Мнѣ захотѣлось видѣть эту принцессу, и я отправилась съ этой цѣлью къ ея дому. Она подошла къ окну. Мы долго смотрѣли. У нея очень красный цвѣтъ лица; она была въ зеленомъ суконномъ лифѣ со множествомъ петличекъ, а на головѣ у нея былъ надѣтъ какой-то чепчикъ или шапочка, отороченная мѣхомъ; остальнаго мы не могли видѣть. Ея женская свита была въ подобномъ же нарядѣ. Она имѣетъ видъ смѣлый и злой; въ ея манерахъ и костюмѣ нѣтъ ничего женственнаго.

Графъ Маврикій Дитрихштейнъ, братъ графини Мерфельдтъ, нашей сосѣдки по дачѣ, привелъ къ намъ въ садъ своего воспитан-

---

[1]) Каролина, дочь герцога Брауншвейгскаго, вышедшая въ 1795 г. замужъ за принца Уэльскаго (впослѣдствіи Георгъ IV), развелась съ нимъ на слѣдующій годъ и съ 1814 г. путешествовала на континентѣ.

ника, сына Наполеона I. Сынъ г-жи Мерфельдтъ приблизительно однихъ лѣтъ съ маленькимъ принцемъ. Они скоро познакомились. Всѣ жесты принца и его манера держать себя напоминаютъ отца; это удивительно, такъ какъ онъ не могъ перенять ихъ у Наполеона, почти никогда не видавъ его, тѣмъ болѣе, что его здѣшніе воспитатели старались исправить его манеры. Онъ держитъ постоянно руки за спиною. Онъ имѣетъ такъ же точно, какъ императоръ Наполеонъ, обыкновеніе выставлять впередъ ногу. Его длинные бѣлокурые волосы, которые завиваютъ по вечерамъ на четыре папильотки, придаютъ ему очаровательный видъ; но онъ не терпитъ завивки и постоянно проситъ остричь ему волосы, какъ у другихъ дѣтей. Глазами, цвѣтомъ лица и прелестными бѣлокурыми волосами онъ напоминаетъ дѣтей Маріи-Терезы, но ротъ и осанка напоминаютъ отца. Мальчики рѣзвятся, играютъ въ прятки; Рудольфъ, догоняя маленькаго принца, всегда успѣваетъ словить его; онъ не привыкъ такъ много бѣгать.

На террасѣ, среди цвѣтовъ было подано закусить; тѣмъ временемъ Рудольфъ сбѣгалъ къ своей матери (они живутъ рядомъ съ нами) за игрушками, и вернулся нагруженный маленькими ружьями, саблями, копьями, лукомъ и стрѣлами. Очаровательный маленькій принцъ кушалъ съ аппетитомъ; но, увидавъ Рудольфа, покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и стремительно кинулся къ оружію; схвативъ ружье, сталъ по-нѣмецки командовать; Рудольфъ тотчасъ подчинился ему. Мы были всѣ крайне изумлены бойкой командой принца и полнымъ подчиненіемъ ему товарища. Въ выраженіи, съ какимъ маленькій Наполеонъ произносилъ слова marrrrrr schiren, было, въ особенности, что-то грозное, много обѣщавшее въ будущемъ. Г-жа Мерфельдтъ, задѣтая за живое послушаніемъ Рудольфа, велѣла ему командовать въ свою очередь.

Маленькій принцъ справился съ командованіемъ какъ нельзя лучше, а между тѣмъ его никогда этому не учили, но онъ прекрасно запоминалъ и повторялъ все имъ видѣнное.

Вотъ еще одинъ странный случай изъ жизни Наполеона I. Послѣ сраженія при Регенсбургѣ, онъ призвалъ къ себѣ нѣсколько плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, говорилъ съ ними очень повелительно и, не обращая вниманія на ихъ прискорбное положеніе, сказалъ имъ: „Вашъ императоръ уже не царствуетъ болѣе“. Въ числѣ этихъ офицеровъ находились маркизъ Скарампи, нынѣ оберъ-шталмейстеръ Маріи-Луизы въ Пармѣ, и Форести, нынѣ помощникъ воспитателя маленькаго герцога Рейхштадтскаго, отъ котораго я и слышала этотъ разсказъ.

Этотъ ребенокъ безспорно очень уменъ. Онъ до страсти любитъ

исторію. Онъ робокъ, и прежде, нежели что-либо сдѣлать или взять то, что ему даютъ, онъ всегда смотритъ вопросительно на своего воспитателя, графа Дитрихштейна. Онъ почти разучился говорить по-французски; по-нѣмецки же онъ говоритъ очень чисто и изящно.

Гадерсдорфъ, іюль 1817 г.

Маленькій Наполеонъ—чрезвычайно красивый ребенокъ; къ сожалѣнію, зубы у него черные и отвратительные. Онъ часто краснѣетъ. Моя невѣстка, входя вмѣстѣ съ нимъ въ садъ, хотѣла пропустить его впередъ. „Я хорошо знаю, что я долженъ быть вѣжливъ съ дамами“, любезно сказалъ онъ, пропуская ее. Онъ очень набоженъ и молится послѣ того, какъ задернутъ занавѣси у его кровати.

На-дняхъ за нимъ гнался у насъ въ саду его маленькій другъ, Рудольфъ Мерфельдтъ; онъ почти настигъ его, какъ вдругъ принцъ спрятался въ кустъ лилій, растущій посреди луга, крикнувъ: „я дома“. Рудольфъ остановился; мы всѣ переглянулись. Зрѣлище было очаровательное, но очень странное. Сынъ Наполеона, спрятавшійся наполовину въ кустѣ лилій! Изъ-за цвѣтовъ видна была только одна его голова.

Одна изъ моихъ монастырскихъ подругъ, г-жа Кюенбургъ (Kuenburg), рожденная Кюффштейнъ, была назначена сопровождать въ Бразилію эрцгерцогиню Леопольдину, которая отправилась 13-го августа 1817 года, къ своему августѣйшему и сумасбродному супругу, императору дону Педро I, съ которымъ она была обвѣнчана заочно въ Вѣнѣ въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Графиня Кюенбургъ разсказывала по возвращеніи много любопытнаго, хотя ей мало удалось видѣть новаго, такъ какъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Ріо-де-Жанейро, не позволилъ австрійскимъ дамамъ изъ свиты императрицы разъѣзжать по городу и его окрестностямъ, о чемъ онѣ чрезвычайно сожалѣли и чѣмъ были весьма не довольны! Досадно быть въ Бразиліи и ничего не видѣть, кромѣ туалетовъ тамошнихъ придворныхъ дамъ, напоминающихъ опереніе попугаевъ: онѣ носятъ, напримѣръ, голубую юбку съ краснымъ шлейфомъ, или зеленую юбку съ желтымъ шлейфомъ. Графиня не получила отъ императора въ подарокъ ни одного брилліанта!

Это также не согласовалось съ этикетомъ. Оберъ-гофмейстеру молодой императрицы, графу Эльтцу (Eltz) не пришлось раскупорить ящики съ роскошнымъ фарфоровымъ сервизомъ, привезеннымъ изъ Вѣны, для парадныхъ обѣдовъ и пріемовъ, которые онъ предполагалъ дать въ Ріо-Жанейро во время своего пребыванія и празднества бракосочетанія. Мы видѣли этотъ великолѣпный сервизъ, который былъ выставленъ для осмотра публики передъ его отъѣздомъ; и были также свидѣтелями, какъ его возвратили на фарфоровый за-

водъ, по обратномъ пріѣздѣ въ Вѣну графа Эльтца. Журналъ графини Кюенбургъ заполненъ описаніями грозившихъ ей опасностей, утомленія, вызваннаго столь продолжительнымъ путешествіемъ и всѣми испытанными ею разочарованіями. Попугай, подаренный ей очаровательной инфантой Изабеллой, и пучки морскихъ травъ, собранныхъ во время переѣзда моремъ—вотъ почти всѣ привезенныя ею достопримѣчательности, если не считать нѣсколько бездѣлушекъ, которыя австрійскимъ дамамъ очень хотѣлось самимъ выбрать въ магазинахъ, но это оказалось также несогласнымъ съ этикетомъ, и имъ пришлось удовольствоваться тѣмъ, что купцы принесли имъ на домъ.

— Угадайте, говорила намъ графиня шутя, что прежде всего поразило меня по пріѣздѣ въ Бразилію, которая такъ возбуждала мое любопытство?

— Это былъ Делортъ, который предложилъ мнѣ руку, чтобы сойти съ парохода, какъ онъ сдѣлалъ бы это въ Грабенѣ или въ Пратерѣ, и съ которымъ мы бесѣдовали о Вѣнѣ, какъ будто мы покинули ее только вчера.

Что касается путешествія, и въ особенности такого далекаго, то люди воображаютъ обыкновенно, что, по возвращеніи на родину, они будутъ предметомъ всеобщаго вниманія; но лица, возвратившіяся изъ Бразиліи, не произвели въ Вѣнѣ никакой сенсаціи; жителей Вѣны трудно чѣмъ-нибудь удивить и привести въ восторгъ.

Однажды я сидѣла преспокойно за книгой въ моемъ маленькомъ залѣ, въ Вѣнѣ, когда вошелъ Генрихъ Бомбель, онъ направился, какъ два года передъ тѣмъ, прямо къ зеркалу, оправилъ волосы и поздоровавшись, наконецъ, со мною, очень весело сказалъ:

— „Какъ, я пріѣхалъ изъ Лиссабона, и это не производитъ на васъ ровно никакого впечатлѣнія!“

Мы отъ души расхохотались, и я отвѣчала:

„Вы сами виноваты, что я не издала радостнаго восклицанія; вы подошли къ зеркалу такъ точно, какъ наканунѣ вашего отъѣзда въ Лиссабонъ, и мнѣ показалось, что это было вчера“.

Когда въ Вѣнѣ было объявлено о бракосочетаніи эрцгердогини Леопольдины съ императоромъ донъ Педро [1]), въ первый моментъ

---

[1]) Я присутствовала при церемоніи бракосочетанія въ Вѣнѣ, въ церкви августинскаго монастыря, которая считается придворной приходской церковью; замѣстителемъ донъ Педро былъ эрцгерцогъ Карлъ, дядя молодой эрцгерцогини. Дворъ сверкалъ нарядами, мундирами и брилліантами. Императоръ зѣвалъ во время всей церемоніи; августѣйшая новобрачная казалась вполнѣ спокойной. По окончаніи обряда бракосочетанія при дворѣ былъ большой пріемъ. Англійскій посланникъ, лордъ Стюартъ, появился въ бѣлыхъ канифасовыхъ брюкахъ, въ которыхъ онъ все послѣобѣденное время бѣгалъ въ запуски; поверхъ этого запыленнаго костюма былъ надѣтъ его пунцовый мундиръ со всѣми знаками отличія.

всѣ очень сожалѣли юную принцессу, которой приходилось жить такъ далеко отъ родины и семьи. Но отъ ея приближенныхъ вскорѣ узнали, что принцесса была въ восторгѣ; она была очень образована, страстно любила ботанику; ей хотѣлось видѣть новый міръ и природу, столь отличную отъ европейской; они говорили даже, что увидѣть Америку было послѣдніе годы ея мечтою. Она уѣхала безъ сожалѣній, не боясь опасности, сопряженной съ такимъ дальнимъ путешествіемъ; она не страдала отъ морской болѣзни; вообще, принцессы бываютъ зачастую очень счастливо одарены отъ природы и страдаютъ отъ неудобствъ во время путешествій гораздо менѣе, нежели окружающіе. На кораблѣ, на которомъ она ѣхала, для нея было приготовлено прелестное помѣщеніе, и находилось также три гроба, на случай ея кончины во время переѣзда. Она не скучала; она играла, изучала португальскій языкъ; въ хорошую погоду выходила на палубу и высказывала капитану свое живѣйшее желаніе прибыть въ Ріо-Жанейро къ дню своего ангела или ко дню рожденія донъ Педро.

Она не была счастлива, она умерла молодой и имѣла вполнѣ основательныя причины ревновать своего супруга. Одна изъ придворныхъ дамъ была любовницей императора,—по приказанію котораго солдаты дѣлали на караулъ, когда она выѣзжала изъ дворца или возвращалась домой. Народныя волненія нарушали спокойствіе императрицы въ Ріо-Жанейро, куда она ѣхала съ такими свѣтлыми надеждами. Жизнь ея дочери, Маріи, нынѣ королевы португальской, была также полна треволненій.

Эрцгерцогиня Леопольдина была не особенно красива: небольшаго роста, очень бѣленькая, она имѣла бѣлокурые, безцвѣтные волосы; у нея не было ни граціи, ни осанки, такъ какъ она ненавидѣла корсетъ и пояса; ея талья походила на обрубокъ; у нея были характерныя, рѣзко очерченныя губы, какъ у всѣхъ принцевъ австрійскаго дома, довольно красивые голубые глаза и очень серьезное и не особенно любезное выраженіе лица. Она была очень прилежна.

Вчера завтракала у меня въ Гадерсдорфѣ супруга князя Константина Разумовскаго со своими сестрами. Мнѣ хотѣлось повидать ихъ еще разъ передъ ихъ отъѣздомъ въ Россію, куда онѣ уѣзжаютъ надняхъ. Я нашла, что князь постарѣлъ и былъ грустенъ; его разорила безумная роскошь; онъ выстроилъ на Вѣнскомъ предмѣстьи дворецъ, чуть не цѣлый городокъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ видѣть около себя постороннихъ домовъ. Императоръ австрійскій, говоря на конгрессѣ съ Александромъ I о Разумовскомъ, называлъ его „королемъ одного изъ своихъ предмѣстьевъ“. Тщеславіе, доведенное до крайнихъ предѣловъ, граничитъ со смѣшнымъ, а гордость возбуждаетъ ненависть: Разумовскій избѣгнулъ, какимъ-то чудомъ, этихъ недо-

статковъ, это—аристократъ, весьма представительной наружности, умѣющій быть любезнымъ; его осанка надменна; взглядъ высокомѣренъ; онъ гордится всѣмъ: своимъ происхожденіемъ, положеніемъ въ свѣтѣ, своей наружностью, словомъ, въ немъ все дышетъ гордостью, и онъ живетъ съ роскошью аристократа и азіата.

Его природныя качества, высокое происхожденіе и счастье сдѣлали его человѣкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся. Иногда онъ бываетъ очень высокомѣренъ, это нехорошо, такъ какъ гордость унижаетъ, а не возвеличиваетъ человѣка, подобно тому, какъ несоразмѣрный пьедесталъ портитъ статую [1]).

Мы сидѣли въ моемъ прекрасномъ залѣ, двери были открыты, и мы любовались видомъ на Пратеръ и на Дунай. Графиня Врбна (Wrbna), только-что пріѣхавшая изъ Рима, разсказывала, какъ странно одѣваются въ Италіи англичанки: онѣ украшаютъ себя фазаньими перьями и вышивками въ видѣ крыльевъ мухъ; носятъ обыкновенно ярко-красныя платья, какъ кардиналы; но одна полька, графиня Потоцкая, превзошла всѣхъ своею оригинальностью: она носила постоянно на груди большой медальонъ съ изображеніемъ папы, молящагося въ своей молельнѣ.

Лордъ Байронъ, этотъ ловеласъ въ политикѣ, въ поэзіи и бракѣ, не можетъ ѣздить въ Венеціи иначе, какъ верхомъ. Удачный выборъ мѣста для кавалькадъ!

Записать на память какой-нибудь фактъ равносильно тому, какъ бы остановить стрѣлку часовъ. Черезъ годъ я навѣрное позабыла бы, что я была сегодня у графини Розаліи Ржевусской. У нея ожидали съ нетерпѣніемъ княгиню Волконскую, въ надеждѣ, что она будетъ пѣть и декламировать. Здѣсь существуетъ удивительный обычай эксплоатировать таланты путешественниковъ; ихъ приглашаютъ изъ дома въ домъ, подобно фокусникамъ или обезьянамъ.

Вчера былъ большой вечеръ у г. де Караманъ, гдѣ должна была пѣть княгиня Волконская, но она не пожелала ни пѣть, ни декламировать, къ великому разочарованію собравшихся, которые предвкушали это удовольствіе; вслѣдствіе чего, вечеръ прошелъ самымъ скучнымъ и томительнымъ образомъ. Не знаю, будутъ ли вечера графини Ржевусской удачнѣе, я уѣхала отъ нея, когда этотъ великій вопросъ еще не былъ рѣшенъ. Княгиня Волконская очень некрасива, блѣдна, какъ смерть, но умъ и талантъ конечно украшаютъ всякаго.

---

[1]) Гордый, великолѣпный, высокомѣрный русскій вельможа сдѣлался за нѣсколько лѣтъ до смерти немощенъ физически и умственно. Но въ то время, какъ онъ перешелъ въ католичество, его блестящія умственныя способности были еще въ полной силѣ. Его обращенію въ католичество много способствовалъ герцогъ Рагузскій. Какъ это ни странно, но это такъ. Князь часто видѣлся съ маршаломъ во время своей ссылки.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ этой зимы былъ пріѣздъ Персидскаго посольства, для котораго было отведено помѣщеніе въ великолѣпномъ домѣ барона Беснера, называемымъ Kaiserhaus; онъ былъ нанятъ дворомъ за 180 дукатовъ въ мѣсяцъ. Это не особенно дорого за два флигеля, которые занимало посольство. Персы находили, что ихъ помѣщеніе отдѣлано весьма скромно, хотя въ этотъ прекрасный домъ, гдѣ жила Марія-Терезія послѣ своего замужества, отчего онъ и получилъ названіе Kaiserhaus, были перенесены, по повелѣнію двора, диваны, ковры и все восточное убранство. Персы называютъ предмѣстье, въ которомъ они живутъ: „грязнымъ предмѣстьемъ“ (Вѣнскія предмѣстья еще не были вымощены въ то время). Трудно найти человѣка болѣе вздорнаго и придирчиваго, нежели Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ; онъ придирается ко всему, требуя соблюденія этикета; онъ скупъ, но очень уменъ, хитеръ и прекрасно знаетъ европейскіе обычаи, такъ какъ онъ провелъ три года въ Петербургѣ и четыре года въ Лондонѣ. Онъ понимаетъ по-французски и говоритъ очень хорошо по-англійски. Въ рѣчи, произнесенной имъ на аудіенціи, онъ назвалъ императрицу „начальницей сераля“, а она была окружена въ день его пріема какъ разъ самыми почтенными придворными дамами, старыми и некрасивыми; наши щеголи очень потѣшались надъ этими курьезными иностранцами, но персы, кажется, находятъ, что мы болѣе варвары, нежели они. Наши костюмы, вальсы, декольтированныя дамы, наше свободное обращеніе съ ними кажутся имъ верхомъ распущенности. По правдѣ сказать, на балу у Карамана ихъ лорнировали, окружали и толкали до того, что они едва не задохнулись. Молодыя дѣвушки, считая ихъ вѣроятно людьми неважными, дергали ихъ за рукава, за одежду, чтобы лучше разсмотрѣть матерію, изъ коей она сдѣлана, и тронуть великолѣпную рукоятку кинжала Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Среди этихъ свѣженькихъ, хорошенькихъ, бѣленькихъ дѣвушекъ и молоденькихъ дамъ, персы съ ихъ смуглыми лицами, густыми бородами, оригинальнымъ костюмомъ и ихъ нѣсколько „султанскими“ взглядами, производили странное впечатлѣніе, красивѣе всѣхъ былъ самъ посланникъ, у него очень величественная осанка, и онъ стоитъ нравственно и физически гораздо выше прочихъ членовъ посольства.

Графиня Софія З. большая кокетка; ее очень забавляетъ страсть, которой пылаетъ къ ней секретарь Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Это образованный персъ, поэтъ; къ его поясу привѣшана чернильница—знакъ его учености и обязанности, которую онъ несетъ при посланникѣ. Онъ бросаетъ томные взгляды на графиню, которой густыя черныя брови и красивый, но смуглый цвѣтъ лица придаютъ сходство съ красавицами черкешенками.

Графиня Софія просила его написать ей что-нибудь въ альбомъ на персидскомъ языкѣ; онъ воспользовался случаемъ, чтобы восхвалить ея красоту, сравнимъ ея талію съ вѣтвью гіацинта и т. п...

Я отправилась вмѣстѣ съ г-жами Хотенъ и Колловратъ, чтобы взглянуть на знаменитую красавицу черкешенку, любимую невольницу Мирзы-Абдулъ-Гассанъ-хана. Приставленные къ ней негры съ большимъ трудомъ допустили насъ къ ней. Наконецъ, двери предъ нами распахнулись, и мы увидѣли, къ величайшему нашему изумленію, некрасивую женщину, невысокаго роста, довольно худощавую, очень смуглолицую, съ черными бровями и рѣсницами, прекрасными большими черными глазами, черными неопрятными волосами, на которые она накинула какія-то тряпки съ старыми выцвѣтшими искусственными цвѣтами, очевидно для того, чтобы казаться нарядиѣе. Она была одѣта по-европейски, въ скверномъ сильно поношенномъ платьѣ изъ желтой кисеи. Въ общемъ, она походила на странствующую комедіантку; но выраженіе ея лица было грустное и кроткое. При ней находилась, для ея развлеченія, одна изъ маленькихъ воспитанницъ театра—г-жи Видеръ, дѣвочка лѣтъ 5—6, и она охотно забавлялась съ нею. Молодая невольница смотрѣла съ видимымъ удовольствіемъ и завистью на наши утренніе туалеты, на наши бархатныя шубы, опушенныя мѣхомъ, на наши кашемировыя шали и искусственные цвѣты, приколотые къ волосамъ. Но вдругъ, черные невольники поспѣшно увели насъ; по саду быстро катилась карета Мирзы, возвращавшагося съ своей первой торжественной аудіенціи. Мы остались въ одной изъ залъ, чтобы посмотрѣть на него. На немъ былъ великолѣпный костюмъ, но онъ былъ страшно разгнѣванъ. Переводчикъ, Гаммеръ, задержавъ его, чтобы онъ не повернулся, уходя, къ императору спиною, сломалъ, по его словамъ, одно изъ звеньевъ цѣпи, на которой висѣлъ орденъ Льва и Солнца. Онъ былъ видимо внѣ себя отъ гнѣва и показывалъ сломанную цѣпь стоявшимъ вокругъ него безмолвно персамъ. Его успокоили, обѣщавъ ему, что цѣпочка будетъ починена до обѣда. Главное онъ былъ страшно раздраженъ по поводу правилъ этикета, которыя ему пришлось соблюдать; его пришлось принудить къ этому чуть не силою.

Графиня Ржевусская, рожденная княжна Любомірская, принимаетъ каждый вечеръ. Въ этомъ году у нея очень скверная маленькая квартира, въ которой задыхаешься; у нея бываетъ множество народа, въ особенности знатныхъ путешественниковъ. Я была у нея вчера. Мнѣ пришлось сидѣть подлѣ одного человѣка съ замѣчательной наружностью: его огненный, проницательный и въ то же время меланхоличный взглядъ какъ будто заглядываетъ въ будущее; у него прекрасный греческій профиль; онъ веселый собесѣдникъ, заразительно смѣется (что встрѣчается рѣдко), остроуменъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы-

раженіе лица у него очень доброе. Это былъ графъ Каподистрія, другъ и довѣренное лицо императора Александра. Онъ утверждалъ, что вѣрить въ сны и въ привидѣнія; быть можетъ, это была только шутка.

Виртембергскій посланникъ, графъ Винцингероде, занималъ общество прескучнѣйшимъ и безконечнымъ пересказомъ одного романа. Хотя иностранные сановники, въ общемъ, говорятъ хорошо по-французски, но они не достаточно хорошо знаютъ тонкости французскаго языка, чтобы избѣгнуть всего, что могло бы оскорбить слушателей или показаться вульгарнымъ; противъ него сидѣла сама графиня Розалія Ржевусская; ея ироническій и высокомѣрный взглядъ смущалъ разсказчика, который потерялъ наконецъ всякое самообладаніе; потъ струился съ его лба, и онъ едва докончилъ свой разсказъ. Это былъ сокращенный пересказъ романа въ 3-хъ частяхъ г-жи Пихлеръ, который всякій могъ прочесть уже два года тому назадъ. Между тѣмъ графъ Винцингероде человѣкъ несомнѣнно умный; но умъ бываетъ подчасъ столь тяжеловѣсенъ, что для салонной бесѣды, право, было бы не дурно, если бы онъ былъ менѣе глубокомысленъ. Взглядъ графини Ржевусской напоминаетъ взглядъ змѣи, когда она гипнотизируетъ птицу; онъ полонъ іроніи и презрѣнія. Отъ него не скроешься, онъ жалитъ и проникаетъ до глубины души. Графиня никогда, никогда не можетъ внушить любви. Есть ли у нея другъ среди женщинъ?

Я вошла, однажды, неожиданно къ одной дамѣ, пользовавшейся славой добродѣтельной женщины; она была уже не молода, но когда-то была красавицей. Двери были открыты; въ передней не было лакеевъ. Я была поражена и покраснѣла до корня волосъ, увидавъ ее въ самомъ утреннемъ небрежномъ нарядѣ, который можно было объяснить только большой жарою, сидящей на колѣняхъ у графа С., обвивъ руками его шею. Онъ давалъ ей урокъ англійскаго языка; они вмѣстѣ придерживали книгу; ихъ головы соприкасались. Не знаю, позабыли ли они объ этой минутѣ; что касается меня, то я была до того смущена, что никогда этого не забуду. Я строго хранила все видѣнное въ тайнѣ; никогда не проронила объ этомъ ни слова, но, по правдѣ сказать, это навело меня на весьма печальныя размышленія относительно добродѣтельныхъ репутацій. Это была замужняя дама, но она давно уже разошлась со своимъ мужемъ и сыномъ, коихъ обвиняли во всемъ, а ее считали жертвою!

Жизнь нѣкоторыхъ особъ высшаго круга складывается очень странно. Инымъ людямъ такъ же трудно бываетъ потерять добрую славу, какъ другимъ сохранить ее, такимъ феноменомъ была очаровательная красавица Аврора де Марассе, эмигрантка безъ всякихъ средствъ, безъ поддержки, при томъ поступавшая всегда крайне неосторожно. Очутившись въ Вѣнѣ, не знаю, какимъ образомъ, въ числѣ лицъ, сопро-

вождавшихъ генерала Дюмурье, она быстро составила себѣ прочное положеніе въ обществѣ. Сдѣлавшись канониссой почетнаго капитула г. Брюнна, она была представлена ко двору и ее принимали съ распростертыми объятіями въ самыхъ аристократическихъ салонахъ; она была близка съ самыми высокопоставленными лицами, и въ то же время считала въ числѣ своихъ друзей женщинъ самаго легкаго поведенія и мужчинъ, коихъ знакомство считалось предосудительнымъ для репутаціи хорошенькой женщины, каковы князь Меттернихъ, князь Дитрихштейнъ и въ особенности де-Лосъ-Ріосъ, смѣлый ловеласъ, веселый, беззаботный и порядочный негодяй.

Странную роль играла среди дипломатовъ г-жа де Марассе (какъ канониссу ее называли Madame), жившая въ мансардѣ дома князя Сольмскаго; бывшая одно время компаньонкой княгини Багратіонъ, гувернанткой или чѣмъ-то въ родѣ при маленькой Клементинѣ (дочери князя Меттерниха и княгини Багратіонъ), она принимала въ своей мансардѣ, нерѣдко не вставая даже съ постели, посланниковъ, министровъ и уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ; принимала слугъ, лишившихся мѣстъ, которые просили ея покровительства и радовалась, когда она могла помочь имъ, дѣлая это безъ малѣйшаго вознагражденія. Покровительствуя однимъ, она пользовалась, въ свою очередь, покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, но нерѣдко буквально умирала отъ голода, платья ея были въ заплатахъ, но она носила на головѣ роскошную діадему изъ брилліантовъ, получала цѣнные подарки отъ высокопоставленныхъ лицъ, пользовалась ихъ экипажемъ, слугами, нерѣдко даже безъ ихъ вѣдома; появлялась вездѣ; больная, обезсиленная, она все еще была хороша собою, несмотря на то, что она была блѣдна, желта и ходила сгорбившись.

Она обращалась запросто съ сановниками, отвѣчала на ихъ двусмысленныя шутки съ достоинствомъ и апломбомъ, но не была злопамятна.

Она была извѣстна въ высшемъ обществѣ подъ именемъ Авроры. Монархи, съѣхавшіеся на конгрессъ, здоровались съ нею за руку. Въ ея мансардѣ нерѣдко собирались дипломаты, когда они хотѣли избѣжать надзора. Разумѣется, въ ея жизни, было не мало огорченій, но клевета и сплетни ея не коснулись. У Авроры не было ни гроша, это было всѣмъ извѣстно; никто не могъ понять, какъ она жила, когда ея покровительницы, герцогини Курляндскія, у которыхъ она имѣла столъ, уѣзжали изъ Вѣны; какъ сейчасъ помню, она пришла однажды утромъ ко мнѣ, блѣдная, измученная, обезсиленная, прося меня Бога ради дать ей поскорѣе чашку бульона, такъ какъ она ничего не ѣла съ самаго отъѣзда герцогини Саганъ, уѣхавшей сутки тому назадъ. Я поспѣшила исполнить ея просьбу; она плакала и говорила съ от-

чаяніемъ о своей горькой долѣ. Въ тотъ же вечеръ я видѣла ее, живую и веселую, на большомъ раутѣ у князя Разумовскаго.

Когда наслѣдный герцогъ Кобургскій женился на герцогинѣ Саксенъ-Кобургъ-Готской, ея друзьямъ удалось доставить ей мѣсто оберъ-гофмейстерины при самой принцессѣ. Герцогъ обѣщалъ ей нѣкогда это мѣсто шутя, въ то время, когда онъ ухаживалъ за княгиней Багратіонъ, но она, со свойственнымъ ей умомъ, сдѣлала видъ, что приняла эту шутку серьезно; впрочемъ, ревнивая и взбалмошная молодая герцогиня держала ее при себѣ недолго. Оставивъ этотъ маленькій, но бурный дворъ, Аврора де Марассе отправилась на воды въ Эксъ, въ Савойю, гдѣ она встрѣтилась съ графомъ де Венансонъ, сардинскимъ дворяниномъ, за котораго и вышла замужъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стран.
I. Записки Н. Г. Залѣсова	3—40
II. Записки протоіерея Пѣвницкаго	117—169, 314—345, 540—579
III. Записки Иркутскаго жителя (И. Т. Калашникова). Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.	187—251, 384—409, 609—646
IV. За шестьдесятъ лѣтъ. Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова	253—285, 580—608
V. Воспоминанія о горномъ корпусѣ. Ал. Кавадерова.	417—469

Портреты.

I. Портретъ Павла Матвѣевича Обухова.
(При 7-й книгѣ).

II. Портретъ Ивана Ивановича Венедиктова.
(При 8-й книгѣ).

III. Портретъ протоіерея Пѣвницкаго.
(При 9-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Павелъ Матвѣевичъ Обуховъ. А. Кавадерова	41—88
II.	Карлъ-Густавъ Лиліенфельдъ	89—107
III.	Царь Василій Ивановичъ Шуйскій подъ Смоленскомъ. Проф. Дм. В. Цвѣтаева . . .	108—116
IV.	Сибирскіе скопцы. М. Вруцевича. 170—186,	286—313
V.	Изъ архивныхъ мелочей	252
VI.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго	346—383, 647—684
VII.	Казнь царевича Алексѣя Петровича. (Письмо Александра Румянцева къ Титову, Дмитрію Ивановичу). Сообщ. А. А. Карасевъ. . .	411—416
VIII.	Историческіе и бытовые очерки европейской старины. За кулисами турецкаго двора. Сообщ. Иркамъ	470—489
IX.	Изъ царскихъ резолюцій императоровъ Павла и Александра I	490—492
X.	Обзоръ политическихъ событій съ 28-го декабря 1877 г. по 15-е апрѣля 1878 г. . . .	493—539
XI.	Историческіе и бытовые очерки западной старины. Наполеонъ на борту „Нортумберланда“. (по неизданному документу).	685—704
	Листки изъ воспоминаній боронессы дю Монте.	704—737

Библіографическій листокъ.

1. **Арсеній, епископъ псковскій.** Изслѣдованія и монографіи по исторіимолдавской церкви. Части I и II. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюльской книги).

2. **С. Кузьминъ.** Война во мнѣніяхъ передовыхъ людей. Ц. 2 р. 50 к.—Н. И. Кашкадамова (на оберткахъ августовской и сентябрьской книгахъ).

нѣнная и самая настоятельная причина каждой войны, какимъ бы образомъ и по какому бы случаю война ни возникала, есть нарушеніе экономическаго равновѣсія.

Цѣль войны бываетъ двоякая,— говоритъ Кунъ,—политическая или военная. Политическая цѣль состоитъ въ осуществленіи посредствомъ войны извѣстныхъ намѣреній, обусловливаемыхъ различными причинами. Военная цѣль или цѣль самой войны состоитъ въ пораженіи или такомъ уничтоженіи противника силою оружія, что послѣдній долженъ сдаться,— такимъ образомъ она ведетъ и къ достиженію политической цѣли. Поэтому война есть только орудіе политики и, какъ таковое, подчинено ей.

Мильтонъ замѣчаетъ: стыдъ и позоръ роду человѣческому! Даже демоны стараются сплотиться въ одну семью и жить въ полномъ согласіи, а люди,—и изъ всѣхъ разумныхъ созданій только одни они, хотя имъ и дана надежда на Божью благодать и на прощеніе грѣховъ,—не могутъ уживаться въ мирѣ другъ съ другомъ. Господь предписываетъ жить въ мирѣ, въ согласіи и въ любви, а люди между тѣмъ ненавидятъ другъ друга, ссорятся и безъ конца враждуютъ между собою. Они ведутъ ожесточенныя кровопролитныя войны и, желая истребить одинъ другаго, опустошаютъ цѣлыя страны, какъ будто у людей,—и это, кажется, должно бы образумить ихъ,—мало враговъ въ подземномъ царствѣ, которые день и ночь только о томъ и думаютъ, какъ бы вѣрнѣе ихъ погубить.

Пасси говоритъ: пора признать, что желѣзо и люди пригодны на что-либо иное, чѣмъ на превращеніе ихъ въ пушки и трупы; что народы отнынѣ намѣрены почитать не того, кто болѣе другихъ опустошаетъ землю, а того, кто ее успѣшнѣе обрабатываетъ. Люди желаютъ жить и развиваться въ мирѣ; они его предпочитаютъ войнѣ, которая лишь увеличиваетъ сумму страданій на землѣ и истребляетъ плоды мира.

По мнѣнію Гегеля, война необходима для нравственнаго развитія. Она возвышаетъ наше человѣческое достоинство; въ ней высшее проявленіе нашей доблести; она воскрешаетъ мужество въ народахъ, изнѣженныхъ миромъ, упрочиваетъ существованіе государствъ, династій, служитъ пробнымъ камнемъ для народовъ, раздаетъ власть достойнѣйшимъ, сообщаетъ всему въ обществѣ движеніе, жизнь.

Прусскій генералъ А. Богуславскій говоритъ: безъ войны не могла бы существовать на землѣ военная доблесть, а между тѣмъ—это одно изъ наиболѣе высокихъ проявленій человѣческой жизни и одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ поэзіи. А военный духъ храбрости, чести, дисциплины, преданности отечеству, самопожертвованія, презрѣнія, ради интересовъ родины, своими выгодами и самою жизнью,—развѣ всѣ эти качества не дѣлаютъ народъ болѣе способнымъ для мирнаго труда и преуспѣянія въ прогрессѣ цивилизаціи? Кн. Бисмаркъ сравниваетъ войны съ бурями или лихорадками; послѣ которыхъ, будь то въ воздушныхъ струяхъ, или человѣческомъ организмѣ, возстановляется нарушенное равновѣсіе. Съ этой точки зрѣнія можно только прославлять войну, которая ломаетъ желѣзныя оковы привычекъ повседневной жизни, даетъ случай развернуться талантамъ и высокимъ добродѣтелямъ, и ставитъ каждаго на подобающее ему, по его способностямъ, мѣсто.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Будущая война“ Бліохъ говоритъ: не можетъ подлежать сомнѣнію, что самое впечатлѣніе битвы на войска, при нынѣшней силѣ оружія, будетъ несравненно значительнѣе, чѣмъ прежде, а бездымность пороха измѣнитъ и характеръ этого впечатлѣнія. Пѣхотный огонь и пальба орудій пріобрѣли небывалую силу, а оказаніе помощи раненымъ затруднилось самой дальнобойностью ружей и орудій. И пороховой дымъ уже не будетъ скрывать отъ остающихся въ рядахъ ужасныя послѣдствія бо́я; идти впередъ надо будетъ видя съ полной ясностью все дѣйствіе истребленія.

Англійскій писатель Дэймондъ замѣчаетъ: мы не находимъ словъ для выраженія своего негодованія, сожалѣнія, ужаса, когда узнаемъ въ газетѣ о какомъ-нибудь злодѣйскомъ убійствѣ, и съ улыбкою удовольствія читаемъ слѣдующія же строки этой самой газеты съ извѣстіемъ о томъ, что мы выиграли такое-то сраженіе, и что на полѣ битвы пало 850 враговъ. Хотя по здравому разсужденію послѣднее извѣстіе въ 850 разъ печальнѣе перваго, однако первое служитъ для насъ предметомъ печали, второе—радости.

Въ бою, съ перваго же дня,—говоритъ Чичаговъ,—нервы грубѣютъ, притупляются, и глазъ равнодушно смотритъ на обезображенные трупы. Въ пылу сраженія забывается все прошлое, близкое сердцу и, лишь по окончаніи его, являются минуты сознанія и горя.

Императоръ Александръ I вполнѣ справедливо замѣтилъ: когда исходъ войны не былъ благопріятенъ для государства, то подымались клики противъ правительства, утверждавшіе, что оно могло бы избѣжать войны, что война велась дурно, выборъ генераловъ былъ плохой и т. д.

Вполнѣ справедливы также слова Жирардена: да, война, это кровавое слово, которое невозможно произнести безъ того, чтобы не явилось сомнѣніе даже въ прогрессѣ цивилизаціи, слово война волнуетъ теперь всѣхъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ —VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Библиотека
Всесоюзного Центрального
Совета
Профессиональных Союзов

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.